

О.В. Нечипоренко

СЕЛЬСКИЕ
СООБЩЕСТВА
ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ
РОССИИ

ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

О.В. Нечипоренко

**СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА
ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ**

МОНОГРАФИЯ

Новосибирск
2010

УДК 316.334.55(2Рос)
ББК 63.3(2)64-28
Н 593

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(грант № 10-03-00500а)

Нечипоренко О.В.

Н 593 Сельские сообщества изменяющейся России: Инновации и традиции /
Под ред. чл.-корр. РАН В.И. Бойко Новосибирск: Сибирское Научное
Издательство, 2010. 302 с.

ISBN 798-5-91124-041-7

Монография посвящена анализу современного состояния российской деревни в условиях реформирования аграрного сектора. Работа сочетает теоретические и прикладные аспекты исследований динамики и тенденций развития сельского социума на примере эволюции проблемного поля сельских сообществ. На основании обобщения данных мониторинговых исследований разработана авторская модель сравнительного анализа вариативности социальных инноваций, вырабатываемых сельскими сообществами, таких как процессы ренатурализации, использование различных форм государственной редистрибуции, неформальные экономические практики как основа товарного уклада на селе.

Предложенная автором классификация адаптационных стратегий населения дает возможность выявить двойственную направленность социальных изменений в процессе утилизации социальных практик, выработанных в рамках стадиально-различных укладов (традиционный архаический, «советский», «инновационный») и определить ряд объективных индикаторов успешности адаптации. Осуществленный анализ позволяет выйти на уровень прогнозирования социальных процессов в сельских сообществах с целью нейтрализации негативных тенденций реформирования.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами социального развития современного мира.

УДК 316.334.55(2Рос)
ББК 63.3(2)64-28

ISBN 798-5-91124-041-7

© О.В. Нечипоренко, 2010

© Институт философии и права СО РАН, 2010

К читателю

Перед Вами книга, которая посвящена одной из актуальнейших, злободневных проблем развития современной России.

В сельском хозяйстве происходят глубокие, подспудные, латентные процессы, которые на первый взгляд не очевидны, но порождают огромные социальные последствия. Они далеко не однозначны, противоречивы, обладают региональной и локальной спецификой, особенно если к этому имеют отношение национальный и конфессиональный факторы.

Многие публикации, посвященные российскому селу, в настоящее время не охватывают еще во всем многообразии происходящие в нем процессы. В ряде из них имеет место апелляция к прошлому, что само по себе важно, но недостаточно, а главное, не соответствует потребностям времени. В других работах преобладают некие схемы, модели, которые выражают пожелания и взгляды авторов, но нередко имеют мало общего с реальной действительностью. Умозрительность их выводов не может удовлетворить взыскательного читателя и знатока сельской жизни. В третьих статьях и публикациях делается акцент на острые, злободневные проблемы сельской жизни, часто оставляющие читателя в раздумье — *а что надо делать, как решать эти неотложные проблемы?* И, наконец, надо отметить, что в отечественной литературе еще мало монографических исследований, которые нацелены на комплексное решение экономических и социальных проблем села, ибо прежние исследователи аграрной сферы или перестали ею заниматься, или перешли на другие актуальные темы.

Предлагаемая читателю монография, во-первых, во многом новаторская, специфическая, дающая возможность по-новому взглянуть на происходящие на селе процессы. Во-вторых, она органически соединяет в себе теоретические основания и эмпирические данные, что позволяет обеспечить убедительность выводов и заключений. В-третьих, автором предложен оригинальный подход к анализу сельской действительности — рассмотреть ее через жизнь сельских сообществ, а не через анализ судеб каждого сельчанина, не через анализ официальных структур, не через анализ форм собственности, хотя все эти аспекты в той или иной мере присутствуют. И, наконец, стоит сказать о том, что в монографии представлена сама реальность во всем ее противоречивом, еще не во всем ясном развитии и будущем.

дущности. Причем автор размышляет на живом материале, на том, что происходит в повседневной жизни сельчан, ничего не придумывая за них, а опираясь на их желания, раздумья, оценку происходящего в нынешнем мире. Основательность размышлений придает последовательное совмещение теоретического поиска, научной объективности и живого участия автора в жизни сельчан, понимания их насущных проблем, возникшего в результате осмыслиения опыта исследований, проводимых автором на протяжении пятнадцати лет в российской деревне.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть факт исследования такого особого феномена сельской жизни как сельские сообщества, которые оказались в непростой ситуации в силу происходящих кардинальных перемен. В монографии убедительно раскрываются процессы адаптации, сочетающие в себе как традиционно архаические, советские, так и поисковые, в чем-то инновационные практики. Привлекает внимание авторский анализ таких новых явлений и форм организации сельской жизни и сельской экономики как процессы ренатурализации, редистрибуции и особенно неформальные экономические практики.

Могу отметить как социолог, работающий с реально действующими социально-экономическими объектами, особую значимость этого труда, состоящую в том, что полученные данные, выводы и умозаключения могут быть оперативно и эффективно применены в процессе регулирования сельской жизни, ибо они выражены языком, используемым практическими работниками при управлении происходящими процессами на селе.

Удачное авторское сочетание таких различных подходов научного и прикладного характера послужило основой того, что статьи О.В. Нечипоренко по итогам лучших публикаций в журнале «Социологические исследования» за 2009 год удостоены диплома в номинации «Наилучшее сочетание теоретических и прикладных возможностей социологии».

Несомненно, что этот труд будет с интересом прочитан и использован не только научными работниками, не только испытанными, преданными и начинающими исследователями, но и теми, кто непосредственно погружен в практику решения актуальных проблем села.

Жан Тощенко, член-корреспондент РАН

Оглавление

К читателю	4
Введение	6
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования	15
§ 1.1. Эволюция исследований сельских локальных сообществ в контексте сельской социологии	15
§ 1.2. Методология и методика исследования сельских локальных сообществ	36
§ 1.3. Развитие сельских сообществ в условиях общемировых цивилизационных изменений	58
Глава 2. Адаптация сельских локальных сообществ: общее и особенное	77
§ 2.1. Адаптация как социальный феномен: понятие и механизмы	77
§ 2.2. Аграрная реформа и факторы формирования адаптационных стратегий сельского населения	96
§ 2.3. Социальные практики и типология адаптационных стратегий сельского населения	121
Глава 3. Адаптационные модели сельских сообществ	139
§ 3.1. Стратегии социальной адаптации локальных сообществ в условиях сельскохозяйственной специализации региона	139
§ 3.2. Локальная специфика адаптации сельских сообществ в условиях урбанизированной социальной среды	164
§ 3.3. Природно-географические факторы формирования и реализации социально-экономических практик сельского населения	182
Глава 4. Этнокультурные аспекты адаптационных процессов	205
§ 4.1. Трансформация традиционного образа жизни этнолокальных сообществ автохтонных этносов в условиях реформ	205
§ 4.2. Динамика социокультурного развития полигэтнических сообществ в условиях регионального нациестроительства	238
§ 4.3. Диаспоральные стратегии адаптации сельских локальных сообществ	260
Заключение	281
Приложение	298
Эмпирическая база исследования	298

Введение

В настоящее время в России продолжаются аграрные преобразования, в ходе которых коренным образом изменяется социальная структура села, меняются облик сельской местности и сельских поселений, количественные и качественные характеристики состояния сельских сообществ. За годы реформ в российском селе сложилась неблагоприятная ситуация в социально-экономической и демографической сферах. Политика стихийных рыночных преобразований, спешная реорганизация колхозно-совхозной системы и ее незавершенность привели к резкому снижению качества и уровня жизни сельского населения, распространению официальной и скрытой безработицы, падению производства, деградации социальной инфраструктуры села.

Наличие деструктивных тенденций в развитии сельского социума, приводящих в конечном счете к исчезновению целого ряда поселений, представляет собой угрозу не только продовольственной безопасности страны, но и геополитическому положению Российской Федерации, так как эти процессы в отдаленной перспективе могут привести к разрушению целостности территориально-поселенческой системы, потере контроля над целыми районами и даже регионами, особенно в малонаселенных территориях Сибири и Дальнего Востока, где сельские поселения до сих пор являются базовыми низовыми системными элементами, скрепляющими в единую социально-экономическую общность значительные по размерам пространства «внегородских» территорий.

Фундаментальные экономические сдвиги, а также обусловленные ими социальные изменения выступают в форме моделей адаптации сельских сообществ, демонстрирующих истинную природу трансформационных процессов. Процессы, происходящие в 1990–2000-е гг. в сельских сообществах, свидетельствуют о том, что село вырабатывает собственные адаптационные стратегии в ответ на изменения социально-экономической среды, а также сохраняет и заново конструирует социальные механизмы поддержания своей самоидентичности. Реформы, проводимые правительством, поставили население перед необходимостью выработки поведенческих стратегий, соответствующих новым социально-экономическим реалиям, важнейшими составляющими трансформационных процессов стали адаптационные взаимодействия малых социальных групп и адаптационные реакции сельской социальной среды. Успешная социально-экономическая адаптация населения выступает одним

из условий завершения трансформации и основным показателем эффективности выбранного курса реформирования. Анализ адаптационного потенциала сельского населения, определение общей динамики социально-экономических ориентаций и условий формирования и реализации адаптационных стратегий является одной из актуальных исследовательских задач социологии на современном этапе развития.

Предпосылкой любых преобразований, затрагивающих основы социальной сферы сельской России, должно выступать осмысление общей направленности развития социальных процессов на селе с учетом сложившихся на данный момент моделей адаптации сельского населения. Только принимая во внимание реальные, а не декларируемые изменения в социально-экономической сфере села и устоявшиеся практики адаптационных взаимодействий сельского населения, значение тех или иных характерных институтов современного российского сельского социума в контексте этих практик, возможно осуществление государственной социальной политики, способствующей решению насущных проблем села. Для определения тенденций дальнейшего развития села, разработки и реализации федеральных и региональных программ развития агропромышленного комплекса целесообразно уточнение и обновление теоретических и эмпирических знаний об особенностях, динамике изменений сельского социума, новых явлениях в жизни сельских сообществ — как в виде мониторинга локальных изменений, так и на уровне сравнительного анализа специфики адаптационных процессов на региональном и субрегиональном уровнях.

Все это предопределяет пристальное внимание к процессам адаптации в сельских сообществах России в контексте трансформационных процессов, осуществляющихся в сельском социуме, современный период изучения которых характеризуется «возвращением» исследований в русло проблематики собственно сельской социологии, восприятием методологических и теоретических разработок зарубежных авторов и возрождением и переосмысливанием традиций российской сельской социологии как дореволюционного, так и советского периода.

Теоретические основы исследования сельского социального сообщества были сформированы в первой половине XX в. и конституированы в исследованиях У. Томаса, Ф. Знанецкого, П. Сорокина, К. Циммермана и Ч. Гэллина, Д. Густи¹. В России зарождение социологии села представлено работами А.Н. Энгельгардта, В.Е. Постникова, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, заложившими основу для развития сельской социологии как автономной области научного познания. Взаимосвязь общих социально-философских концепций

¹ См.: Томас В., Знанецкий Ф. Крестьянская семья: Польша начала столетия // «Великий незнакомец». Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шапин. М., 1992. С. 38–44; Sorokin, P.A., Zimmerman, C.C. Principles of rural-urban sociology. N.Y., 1969; Gusti D. La monographie et factum monographique en Roumanie. Paris: Les Editions Donnat-Monchrestien, 1937.

с конкретным социологическим материалом в современной отечественной сельской социологии представлены в трудах Т.И. Заславской, В.И. Староверова, Т. Шанина².

В числе работ, посвященных комплексному изучению различных сторон жизнедеятельности сельского сообщества в современных условиях, особую ценность представляют исследования В.В. Пациорковского, П.П. Великого, З.И. Калугиной, Т.Г. Нефедовой, И.Е. Штейнберга, Л.В. Бондаренко, Г.С. Широкаловой, Р.П. Кутенкова, В.Н. Рубцовой, А.А. Хагурова и др.³, рассматривающие глубину, противоречивость и необратимость трансформации сельских локальных сообществ в институциональной, экономической, социальной сферах.

Развитие фермерства и предпринимательства на селе, изменение форм и методов сельскохозяйственного производства и состояния трудовой сферы села анализируются в работах В.Г. Виноградского, Н.П. Кузника, Л.Г. Хайбулаевой, А.И. Афанасьевой, Е.С. Балабановой, А.Б. Бедного, В.А. Богдановского, Л.В. Бондаренко, А.О. Грудзинского, Р.Э. Прауста и др. Анализ, предметно относящийся к полю экономической социологии, показывает постепенное, очень медленное и болезненное разрушение социалистического общественного уклада хозяйствования и становление новых рыночных структур⁴.

² См.: Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества. М., 2002; Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002; Староверов В.И. Сельская социология. М.: РМЦ ИСПИ РЛН. 2003; Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социс. 2004. № 12. С. 64–74.

³ Великий П.П. Сельская действительность (социологический ракурс) // Социс. 1996. № 10. С. 35–43; Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 55–64; Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001; Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003; Пациорковский В.В. Сельская Россия: Проблемы и перспективы // Социс. 2007. № 1. С. 90–100; Штейнберг И.Е. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня / Под ред. Е.С. Строева. М.: Колос. 2001; Бондаренко Л.В. Российское село в эпоху перемен. М., 2003; Широкалова Г.С., Зинякова М.В. Реалии российской деревни // Социс. 2006. № 7. С. 70–78; Кутенков Р.П., Рубцова В.Н. Социальная устойчивость сельского сообщества // Социс. 1999. № 8. С. 35–38; Хагуров А.А. Социология российского села. М., 2008.

⁴ См.: Великий, П.П., Кузник, Н.П., Хайбулаева, Л.Г. Потенциал предпринимчивости сельского населения // Социс. 1998. № 12; Виноградский В.Г. Эволюция повседневного существования. Российский двор как субъект рынка: эволюция и перспективы развития // Мир России. 1996. № 3. С. 15–26; Афанасьева А.И. Факторы сельскохозяйственного производства на рынках России // Социс. 2005. № 3. С. 138–141; Балабанова Е.С., Бедный А.Б., Грудзинский А.О. Концентрация собственности в сельском хозяйстве – путь становления эффективного предприятия // Социс. 2005. № 4. С. 69–78; Богдановский В. Аграрный рынок труда: Проблемы формирования и функционирования. М.: Mimeo, 2003; Бондаренко Л.В. Состояние социально-трудовой сферы села // Вопросы экономики. 2000. № 7. С. 63–71; Прауст Р.Э. Развитие различных форм хозяйствования в аграрном секторе. М., 1998.

Высокой социальной ценой аграрных преобразований 1990-х гг. объясняется интерес исследователей к социальным последствиям преобразований российского села и, в первую очередь, к изучению причин, факторов и остроты проблемы сельской бедности (это работы П. Линднера, Е.В. Серовой, И.Г. Храмовой, С.В. Храмовой, О.В. Шик, Т.В. Тихоновой, Е.И. Холостовой и др.⁵). Особую актуальность в конце XX–начале XXI вв. приобрела тема социальной адаптации населения. В работах современных социологов выдвинут ряд фундаментальных положений о социальной адаптации, которые наиболее полно представлены в публикациях Л.В. Корель, Л.Д. Гордона, А.А. Шабановой, Е.М. Сметанина, Н.М. Римашевской, И.Е. Дискина, Е.М. Авраамовой, О.П. Фадеевой, П.М. Козыревой, А.Н. Садового и др.⁶, дающих анализ последствий реформирования российского общества и факторов, определяющих вариативность формирования и реализации адаптационных стратегий сельского населения.

Интереснейшие результаты, полученные российскими учеными, занимающимися сельской социологией, позволяют утверждать, что в подавляющем большинстве сельских сообществ складывается новый тип социально-экономических отношений, сочетающий в себе черты натурального хозяйства и неформальной экономики, существенным образом зависящий от редистрибутивной политики государства, региональных и локальных акторов социальной политики⁷.

⁵ См.: Линднер П. Репродукционные круги богатства и бедности в сельских сообществах России // Социс. 2002. № 1. С. 51–60; Серова Е.В., Храмова И.Г., Шик О.В., Тихонова Т.В. Сельская бедность и сельское развитие в России. М., 2004; Холостова Е.И., Черняк Е.М., Чупина Г.Н. Сельская семья и социальная работа. М., 2005.

⁶ См.: Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 2005; Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // Социс. 1994. № 8-9; Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социс. 1995. № 9; Шабанова М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций// Мир России. Т. 10. 2001. № 3. С. 92–93; Сметанин Е.Н. Адаптация населения к современной экономической ситуации // Социс. 1995. № 4; Авраамова Е.М., Дискин И.Е. Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24–33; Авраамова Е.М. Время перемен: Социально-экономическая адаптация населения. М.: ИСЭПН РАН, 1998; Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже 20–21 веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004.

⁷ См.: Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Социальная ситуация в сельских районах Республики Алтай. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000; Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Натуральная экономика и редистрибутивная функция государства // Социс. 2001. № 9. С. 55–57; Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002; Нечипоренко О.В., Мухамедкаримова З.Х. Сельский мир Казахстана: Социологическое измерение. Алматы, 2003; Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. Т. 10. № 3. С. 78–104; Лылова О.В.

Несмотря на определенные достижения в области изучения проблем адаптации населения к процессам реформирования, пока еще недостаточно работ, описывающих специфику адаптационных стратегий сельского населения и обобщающих данные исследований трансформации сельского социума на локальном уровне. Большинство трудов по сельской социологии посвящено отдельным компонентам или сторонам жизни села, тогда как адаптационный потенциал сельского локального сообщества часто остается за рамками исследований.

Таким образом, необходимость анализа эффективности реализации аграрных реформ и программ социального развития настоятельно выдвигает на первый план обоснование новых методологических подходов к исследованию преобладающих моделей адаптации сельских локальных сообществ в условиях реформирования, в зависимости от факторов, продуцирующих локальную специфику.

Цель данного исследования — выявление и типологизация преобладающих форм социальной адаптации сельских локальных сообществ к современному модернизирующему воздействию со стороны глобализованного социума и анализ локальной специфики адаптационных стратегий сельских сообществ в зависимости от внутренних и внешних факторов.

В качестве объекта исследования выступают сельские локальные сообщества, которые рассматриваются как отдельные, исторически сложившиеся, относительно автономные по отношению к остальному миру социальные системы, базовые элементы территориальной организации общества, имеющие собственные социальные механизмы поддержания самоидентичности, а предметом исследования выступают конкретные адаптационные стратегии сельских локальных сообществ в условиях реформирования аграрного сектора общества. Выдвинув в качестве объекта исследования «локальные сообщества», мы стремимся подчеркнуть, что в центре нашего внимания живые социальные организмы, обладающие известной степенью независимости от «большого общества» и способные определенным образом противостоять изменениям социальной среды, активно адаптируясь к ним, причем адаптационная стратегия представляет собой выбор конкретной модели социально-экономического поведения, эффективность которого определяется соответствием новым условиям социального взаимодействия. При этом локальное сообщество рассматривается как активный агент происходящих социальных перемен, вырабатываю-

Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. 2003. № 9. С. 107–113; Фадеева О.П. Сельский труд: Симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 2003. С. 222–252; Заславская Т.И., Шабанова М.А. Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 218; Недедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006.

щий собственные формы адаптации, в противовес некому абстрактному «населению», пассивно воспринимающему нововведения, декларируемые на уровне государственной политики, и навязываемые массовым обществом стереотипы поведения.

Как показывает опыт изучения развивающихся стран, именно преобразование внутренней структуры локальных сообществ, очевидно, является решающим фактором в успешности процесса модернизации в этих странах⁸. Таким образом, разнообразные инновации, наблюдаемые на эмпирическом материале, интерпретируются как «локальные ответы», вырабатываемые сообществом на изменение глобальных условий его жизнедеятельности. Предполагается, что все такие изменения должны носить адаптивный характер, помогая сообществу использовать имеющиеся у него социальные ресурсы для приспособления к изменившимся правилам игры (контроль над которыми сообщству не доступен).

Исследование процессов адаптации сельских локальных сообществ осуществляется в рамках комплексного полипарадигмального подхода, объединяющего несколько научно-исследовательских парадигм, каждая из которых позволяет изучить различные аспекты исследуемого феномена.

Методология исследования процессов адаптации сельских локальных сообществ осуществляется в рамках комплексного подхода, объединяющего несколько научно-исследовательских парадигм, в том числе:

- Неоэволюционный подход Т. Парсонса — при анализе различий между общим процессом социального развития и конкретной эволюцией определенного общества (сообщества).

- Теория рационализации деятельностный подход М. Вебера — при изучении развития общества и локальных сообществ.

- Цивилизационный подход — при сравнительном компаративистском анализе процессов социальной адаптации сельских локальных сообществ в реформируемых обществах. Этот подход связан с решением ряда проблем, имеющих наряду с теоретико-методологическим и важнейшее практическое значение. В первую очередь, это проблема соотношений общецивилизационных универсалий и региональной (национальной) специфики. Авторская оригинальная трактовка цивилизационного подхода к процессам, происходящим внутри трансформирующихся обществ, позволяет рассматривать их в рамках дилеммы «вызов — ответ», интерпретируемой в соответствии с концепцией А. Тойнби. Вызовы, с которыми сталкиваются сегодня постсоветские социумы, это, прежде всего, глобальные вызовы Запада, предстающие как вызовы современности прошлому и определяющие то внешнее воздействие, которое

⁸ Janelli R.L. Making capitalism: The social and cultural construction of a South Korean conglomerate. Stanford, 1993.

способно создать в локальных сообществах внутренний импульс собственного развития.

— Теория глобализации и глокализации (Р. Робертсон, Б. Веллман) — при осмыслиении совокупности изменений на локальном уровне под воздействием глобальных цивилизационных процессов и трансформации самого процесса глобализации, вызванной региональной и локальной спецификой, обусловленной наличием целого ряда факторов (этнокультурные, демографические, политические, физико-географические факторы и т. д.).

— Концепция структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мerton, Н. Смелзер) — при исследовании элементов сельского социума и его включенности в другие системы, в соответствии с которой сельское сообщество рассматривается, с одной стороны, как целостная социальная система, состоящая из взаимосвязанных элементов, выполняющих определенные функции, а с другой — как подсистема общества, зависимая от социального, политического и экономического контекста.

— Теории социальной адаптации, (Г. Тард, Р. Парк, Э. Бёрджесс, Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Томас, Ф. Знанецкий, Л. Уайт, Дж. Стюард, Дж. Мердок, М. Харрис, Э. Гидденс, М.А. Шабанова, Л.В. Корель, М.В. Ромм и др.) — при конструировании теоретической модели социальной адаптации.

— Концепции локального сообщества (К. Циммерман, Ч. Гэлпин, У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Путнам, Д. Хиллари, М. Балмер, М.С. Добрякова и др.), локального сельского пространства (В.И. Староверов) и территориальной общности, социально-территориальной структуры, сложившиеся в контексте социальных и экономических наук (Т.И. Заславская, С.Г. Кирдина и др.) — при изучении процессов социального развития сельских локальных сообществ.

— Теории социальных систем (Т. Адорно, Ж. Гурвич), социальных изменений (Р. Мerton, П. Штомпка), социального обмена (Т. Блау, Р. Эмерсон), социальной мобильности (П. Сорокин), теории социальной трансформаций и социальной структуры (Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов, Г.И. Осадчая и др.) — в ходе исследования системной трансформации сельского социума.

— Монографический метод как всесторонний анализ локального объекта (совокупности типологически схожих сельских локальных сообществ), рассматриваемого в качестве типичного для данного класса явлений — при изучении локальной специфики социальной адаптации.

— Методика факторного моделирования и методика анализа, основанного на типологии изучаемых социальных объектов, с учетом внутренних ресурсов адаптации (состояние социально-экономической сферы сообществ, экономическая специализация, состав и численность населения), внешних факторов (географических и природно-климатических условий) и модели социально-

экономического поведения — при выборе объектов исследования и типологии данных.

В настоящей книге предпринимается попытка разработать концепцию комплексного анализа стратегий адаптации сельских локальных сообществ в условиях реформирования, используя общий теоретико-методологический подход к изучению современных социально-экономических и этносоциальных процессов в российском обществе и на основе данных социологических исследований, охватывающих десятилетний период (с 1997 по 2007 гг.), во время которого произошла трансформация всех основ сельского социума, выразившаяся в изменении социального статуса групп и слоев сельского населения, моделях его социально-экономического поведения.

К важнейшим задачам настоящей работы относится изучение сущности и содержания процессов социальной адаптации в реформируемом обществе, предпринимаемого на основе социологического анализа сельского локального сообщества как элемента структуры сельского социального пространства, выявление факторов и ресурсов адаптации (социально-экономические и природно-географические условия существования сельских сообществ), определяющих локальную специфику адаптационных стратегий сельского населения. Одним из центральных аспектов исследования стало выделение основных социальных инноваций, вырабатываемых сельскими локальными сообществами в ответ на происходящие изменения социальной среды (ренатурализация, использование различных форм государственной редистрибуции, неформальные экономические практики как основа товарного уклада на селе).

Одна из идей книги состоит в том, что процессы адаптации определяются двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации общества в условиях возрастающего воздействия внешней глобальной среды, во-вторых, влиянием формирующихся рыночных отношений, обуславливающих кардинальное преобразование сложившегося образа жизни. В ходе социальной адаптациирабатываются новые модели социально-экономического поведения, адекватные изменившимся условиям и имеющие способность к самовоспроизведению. Специфика адаптационных процессов обусловлена динамической структурой применяемых сообществом практик, складывающихся из трех основных компонент: архаический субстрат традиционного типа, то есть традиция, оппозицией которой выступают разворачивающиеся процессы глобализации; промежуточные структуры, сформированные в советский период; переходные структуры, создаваемые современным этапом трансформации. Вариативность адаптационных моделей обусловлена географической, экономической и этнической спецификой конкретного региона, а также внутренними ресурсами, определяющими развитие конкретных поселений, поэтому интерпретация процессов трансформации сельских сооб-

ществ осуществляется в зависимости от факторов, продуцирующих локальную специфику социального развития сельских поселений.

Исследования локальной специфики адаптации сельского социума могут быть использованы при теоретическом моделировании и анализе механизмов социальной адаптации и разработке государственных программ и региональных проектов реформирования экономики и социальной сферы села.

Огромная благодарность Ж.Т. Тощенко, вдохновившему автора на написание этой книги и всегда помогающему добрыми советами.

Сердечная благодарность коллегам, способствовавшим своими замечаниями и рекомендациями улучшению содержания работы: В.И. Староверову, П.П. Великому, В.В. Пациорковскому, З.И. Калугиной, О.П. Фадеевой, Н.Р. Маликовой.

Автор выражает особую благодарность и признательность исследовательскому коллективу, без многолетнего труда которого было бы невозможно создание такой уникальной базы данных и появление этой книги: М.Р. Зазулиной, А.Н. Садовому, В.В. Самсонову, Д.Н. Сычеву, В.В. Поддубикову, А.Н. Вольскому, В.Н. Нечипоренко, А.П. Чемчиевой и Д.Д. Ешпановой.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1.1. Эволюция исследований сельских локальных сообществ в контексте сельской социологии

Исследования сельских локальных сообществ являются составной частью сельской социологии, которая возникает в ходе осознания специфики предмета и объекта социального пространства неурбанизированных территорий как одного из исходных компонентов социума.

Появление первых исследований сельской общины в России следует отнести к 50-м гг. XIX в.¹, дальнейшее развитие данная тематика получила после отмены крепостного права, что следует связывать с размахом преобразований, меняющих лицо российской деревни (а значит и всей России, бывшей на тот момент преимущественно крестьянской, аграрной страной), и возникшим осознанием необходимости не только теоретического изучения социально-экономических процессов, но и практических действий по преобразованию путей развития общества.

Социально-экономическая концепция народничества, получившая широкое распространение в этот период, провозглашала отказ от «универсального» капиталистического пути развития и утверждала необходимость выбора «самобытного», «общинно-артельного» пути либо, по крайней мере, поиск таких самобытных общественных форм, укорененных в социальном строе сельского мира дореволюционной России, которые сгладили бы трудности и противоречия перехода от одного общественного строя к другому². Залог успешного развития России виделся, с такой точки зрения, в крестьянской общине как особом укладе народной жизни, которому чужды товарно-денежные отношения; предполагалось, что общинный строй не только представляет собой наиболее

¹ См., напр.: Беляев И.Д. Обзор исторического развития общины в России // Русская беда. СПб., 1856. Т. 1.

² См.: Пустырников В.Ф. История русской философии. Учеб. для вузов. М., 2001. С. 234.

гармоничную форму организации крестьянства, но и способен предотвратить бедствия, вызываемые капитализмом, урбанизацией и скоплением рабочих в городах¹.

Предтечей народников в данном случае выступали славянофилы, которые высоко ценили положительные качества современной сельской общины (имея в виду ее «идеальной», «неиспорченной» образ), распространяя особенности «общинного уклада» вглубь истории, при описании социально-политического строя Древней Руси. Община с коллективным способом производства и правления в славянофильской концепции считалась идеальной общественной формой, основанной на особом этическом единстве, имевшем название «соборности». Способ функционирования общины как социально и духовно единой организации представлял собой практическое воплощение принципа «единства в многообразии», когда удается избежать отчуждения людей друг от друга, характерного для западноевропейских государств².

Один из родоначальников идеологии народничества, Н.Г. Чернышевский, писал: «То, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычье нашего сельского быта... Скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции... В настоящее время мы владеем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности... Да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями...»³.

Идеализация реальной сельской общины и особенностей русской жизни наиболее очевидно проявляется в социально-политических воззрениях того периода, связывавших перспективы развития общественного устройства прежде всего с крестьянской общиной. Расхождения во взглядах относительно перспектив капиталистического пути развития и оценки крестьянской общины у представителей различных направлений народничества не имели принципиального характера.

«Коммунизм» российской деревни и ее неписаные законы особо выделяются в работах А.И. Герцена, полагавшего, что «элементы, вносимые русским крестьянским миром, — элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота, состоят из трех начал, из: 1) права каждого на землю, 2) общинного владе-

¹ См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика», 1989. С. 196.

² См.: Митрофанова А.В. Социально-политическая утопия славянофилов. — ideashistory.org.ru/

³ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4. С. 742–45.

ния ею, 3) мирского управления. На этих началах и только на них может разиться будущая Русь»¹.

В рамках концепции русского крестьянского социализма, разработанной Герценом, идеолог «анархистского» направления в народничестве М.А. Бакунин подводит историческую базу для обоснования анархистской доктрины: русский народ — исконно антигосударственный, в России издавна существовала в общем пользовании земля и присутствовало выборное начало в управлении².

Характеризуя реальные процессы социально-экономического развития страны, П.Н. Ткачев («революционное» направление народничества) отмечал, что развитие капитализма в России уничтожает поземельную общину, которая «стоит, так сказать, на перепутье двух дорог: одна ведет к царству коммунизма, другая — к царству индивидуализма: куда толкнет ее жизнь, туда она и пойдет»³. Не абсолютизируя значение поземельной общины, он допускал иные пути построения социализма с опорой на производственную ассоциацию (кооперацию).

П.Л. Лавров (которого по традиции советской историографии часто относят к «пропагандистскому» направлению в народничестве) понятие социального отождествлял с понятием солидарности. Отвечающее идеалу солидарности устройство он видел в крестьянской общине, которая в соответствие с утверждаемыми им законами социального прогресса должна стать основой будущего строя при сохранении и дальнейшем развитии обычая совместной (общинной) обработки земли и внедрении принципа справедливого общиноного пользования продуктами совместного труда. В общино-крестьянском социалистическом обществе будущей России мирская сходка должна стать основным политическим элементом общественного строя⁴.

Большой вклад в изучение крестьянского хозяйства внесли экономисты-народники, прежде всего, В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон⁵. Они разработали концепцию российской разновидности многоукладной аграрной экономики. По мнению этих исследователей, сельское хозяйство должно развиваться через укрепление крестьянских хозяйств с их общинными правилами. Экономисты-народники разработали концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России, соединяющую информационный и цивилизационный подходы к изучению истории.

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 т. М., 1954–1965. Т. 14. С. 182.

² Цит. по: Юдин А.И. Социальная философия русского народничества. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2002. С. 16.

³ Ткачев П.Н. Сочинения. В 2 т. М., 1975–1976. Т. 2. С. 164.

⁴ См.: Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 1-2.

⁵ Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882; Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего преформенного общественного хозяйства. СПб., 1893; и др.

Конечно, народники в той или иной степени идеализировали реальную сельскую общину, но нельзя отрицать значимость общинного уклада в преимущественно крестьянской стране и особый характер организации социального взаимодействия в крестьянской общине. До сих пор значительная часть работ, анализирующих истоки распространенности неформальных социально-экономических практик и сетевого взаимодействия в современной России, посвящена роли общины в повседневной жизни крестьян. Однако современные исследователи считают, что две основные функции русской крестьянской общины — распределительная и управленческая — были направлены на выживание благодаря «круговой поруке», позволяющей слабому надеяться на помощь сильного и выживание за счет ресурсов общины (не более). Но было бы ошибкой рассматривать эти «социальные приспособительные приемы» (терминология Дж. Скотта) как «радикально эгалитарные»¹.

В народнических концепциях присутствует то, что делает данную систему взглядов предметом современного научного обсуждения: например, когда в условиях кризиса отечественного сельского хозяйства возводится в абсолют идея частной собственности на землю и развития капиталистических отношений на селе, по-новому звучат слова народников об исконной тяге русского крестьянина к колLECTивизму.

Развернувшееся под влиянием идей народничества изучение российской крестьянской общины в целом не имело систематического характера, первоначально колеблясь между этнографией, экономикой и социологией.

Целый ряд исследований был посвящен анализу, прежде всего, социально-экономических проблем крестьянской общины, основываясь на богатом фактическом материале земских подворных переписей, данных государственной статистики и специальных обследований села. В свет выходят многочисленные монографии и статьи, анализирующие направления развития российского села, перспективы крестьянского, общинного и помещичьего хозяйств, изучающие проблемы и различные аспекты социально-экономического развития села².

Исследования отдельных сельских поселений часто происходили в рамках этнографической традиции и были ориентированы не на теоретический анализ, а на подробное и по возможности полное описание практик хозяйственной деятельности, культуры крестьянского быта, традиционного сельско-

¹ См.: Скотт Дж. Моральная экономика деревни // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 542.

² См.: Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881; Левитский И. Общий обзор сельскохозяйственной промышленности // Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 1. СПб., 1883; Головин К. Община в литературе и действительности. СПб., 1887; Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894; Корелин А.К. Общинное земледелие в России. СПб., 1896.

го образа жизни. Собранные земствами информации с описанием отдельных сельских поселений легла в основу изданий, которые можно отнести к первым образцам монографических исследований¹.

Дальнейшая активизация исследования сельских локальных сообществ и проблем, стоящих перед сельским населением России, приходится на последнюю четверть XIX–начало XX вв. Профессиональные исследования российского села (сбор статистических данных по губерниям с использованием подворного, бюджетного, монографического методов исследования) проводились П. Матвеевым, В. Постниковым, А. Пругавиным, М. Харузиным, Д.Н. Янчуком, В.Н. Тенишевым, А.И. Шингаревым и др. под эгидой вновь возникающих научных обществ (Русское географическое общество, Вольное экономическое общество, Этнографическое бюро). Так, широкую известность и большой резонанс в обществе получило проведенное в эти же годы А.И. Шингаревым монографическое «социально-гигиеническое» обследование воронежских сел Маховатка и Новоживотинное². Под руководством В.Н. Тенишева было организовано уникальное для своего времени по степени системности и масштабам исследование российского села, включавшее методы интервьюирования, массового опроса (анкетирования) и широкое использование статистического анализа данных.

Представители земской общественности широко включились в деятельность по социально-экономическому и культурному обследованию отдельных российских сел. Подобные обследования проводили врачи, агрономы, земские деятели, активисты дворянских собраний, составляя паспорта социальных обследований поселений. В результате накануне первой мировой войны большинство уездов России имели основанные на этих обследованиях социальные краеведческие паспорта.

В дореволюционный период в России проблемы села и крестьянской сельской общины привлекали широкое внимание профессиональных ученых, земских и общественных деятелей. Исследования сельской действительности после отмены крепостного права, проведенные земскими учреждениями, научными обществами и отдельными исследователями, заложили солидную основу — как для конкретного анализа, так и для теоретического осмысливания положения и перспектив развития села. Основываясь на богатом эмпирическом материале, они сумели ярко отобразить картину разворачивающихся на селе социально-экономических процессов, зафиксировать условия жизни и быта крестьян, как на уровне отдельных поселений, так и целых сельских районов и регионов. В рамках указанных исследований был накоплен существенный

¹ Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социс. 1999. № 7. С. 122–126.

² См.: Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб.: Б-ка общественной пользы, 1907.

эмпирический и методологический базис для дальнейшего развития исследований сельских локальных сообществ, была подготовлена основа для становления сельской социологии как автономной области научного познания со своим предметом исследования и методологическим аппаратом. Можно сказать, именно Россия в начале века, а после — Советский Союз (в период НЭПа) — были мировыми лидерами в изучении крестьянства.

На Западе зарождение сельской социологии происходит одновременно с этапом становления классической социологии. Теоретические основы исследования сельских сообществ были заложены в работах классиков социологии XIX в. — Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, М. Вебера¹, в которых были определены и описаны основные отличия между городским и сельским образом жизни, проанализированы особенности социальной солидарности, правила и нормы, по которым развиваются городское и сельское сообщества.

Определяющее теоретическое значение при анализе особенностей социальных связей в сельском локальном обществе имеет дилемма общины и общества, введенная в научный оборот немецким социологом Ф. Теннисом, назвавшим в работе «Общность и общество» (*«Gemeinschaft und Gesellschaft»*, 1887 г.) «немайншафт» (общностью) социальное образование, близкое по образу жизни с сельской общиной, а в понятии «гезельшафт» обобщил социальные особенности промышленного, городского общества². В основе данной дефиниции — два типа «воли» (то есть типов организации социальной жизни и социальных отношений): инстинктивной, сущностной «воли» (*Wesenwille*), согласно которой человек действует на основе эмоциональной близости, и рассудочной, избирательной «воли» (*Kurwille*). В общности преобладают виды связей, основывающиеся на сущностной «воле», а в обществе — те, которые определяются избирательной «волей» (табл. 1). Особый тип солидарности, свойственный общности, выражается в том, что жизни в деревне и малых поселениях присущ «характер соседства» вследствие близости жилищ, общности земли и границ, способствующих «многочисленным контактам между людьми, их привычке и близкому знакомству друг с другом, что делает необходимым совместный труд, поддержание порядка и управление» (в наибольшей степени воплощает в себе такую общность деревенская община (*Dorf-gemeinde*))³. В обществе же, возникающем по мере урбанизации, укрупнения городов, люди эмоционально отдалены друг от друга, взаимоотношения между ними построены на рациональном общении, отсутствуют внутренние источники поддержания солидарности.

¹ См.: Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Вебер М. Избранные. Образ общества. М., 1994; Вебер М. Положение сельскохозяйственных рабочих в Восточноэльбской Германии // Социс. 2005. № 11. С. 121–128.

² См.: Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 89–90.

³ Теннис Ф. Общность и общество. С. 26.

Таблица 1

Социальные отличия общины и общества

Социальные связи	«Гемайншафт» — община, мир	«Гезельшафт» — городское общество
Мотивация	Имеет общественную природу, оказывается бесплатная помощь отдельным членам общины (в строительстве, в случае бедствий)	Имеет индивидуальную природу, приоритет имеют личные интересы, поощряется соревнование, конкурс, состязание
Социальный контроль	Традиционные обычаи, прототипы, неписаные законы, поступки по совести	Формальное право, существующий регламент
Локус контроля	Общество, мир	Специальные организации, службы
Распределение труда	Специализация в рамках родственных связей	Отделение профессиональных ролей от семейных
Культура	На основе религии	На основе светских ценностей
Социальные институты	Семья, соседи, община	Деловые круги, партии, общественные объединения, клубы

Для выявления специфики различных социальных сообществ большое значение имеет также дефиниция органической и механической солидарности, введенной Э. Дюркгеймом. В основе его понимания социального развития лежит концепция перехода от механической к органической солидарности путем общественного разделения труда. Архаическое (традиционное) общество характеризуется механической солидарностью людей, сходством индивидов и выполняемых ими общественных функций, неразвитостью индивидуальных личностных черт; интегрирующую роль в таком обществе выполняет общее сознание. Механическая солидарность присуща архаическим обществам, сформированным на общинно-клановой, или территориальной основе, и распространена в группах с малым объемом и плотностью населения, связанных кровнородственными и этническими связями. Соответственно, социальные отношения в таких обществах относятся к типу эмоциональных взаимосвязей, пронтекающих из родственных, соседских, дружеских связей.

В современном обществе, основанном на принципах органической солидарности, человек, обладающий индивидуальностью, выполняет специфические общественные функции, специализируясь на каком-либо особом виде деятельности, которая и отделяет его от остальных людей, и, одновременно, включает его в отношения, основанные на взаимозависимости, взаимодопол-

нимости. Таким образом, именно разделение труда, специализация выполняет в современных обществах ту интегрирующую роль, которую в архаическом обществе выполняло общее (коллективное) сознание.

Согласно концепции социального развития М. Вебера, в ходе исторического процесса возрастает степень осмысленности и рациональности деятельности людей. Если в традиционном обществе организация социальной жизни основывается на чувстве родства, общины, присущем сельскому укладу (образу) жизни, и доминирует традиционное действие, а регулятором жизни является обычай, то в современном индустриальном обществе господствует целерациональные действия, особенно характерные для капиталистического (рыночного) общества, в котором рационализируется не только способ ведения хозяйства, но и управление экономикой, политикой, культурой, — то есть всех сфер социальной жизни; всего образа мышления людей; образа жизни в целом.

В фундаментальном исследовании «Город» Вебер выделяет в качестве объекта исследования поселенческие территориальные общности, анализируя различия сельской и городской общин (выявляя их экономическую, политическую, административную специфику). В работе «Положение сельскохозяйственных рабочих в Восточноэльбской Германии» М. Вебером на основании социологических исследований дан анализ социальных последствий внедрения капитализма в сельский социум.

При всех существенных отличиях в методологии и терминологии в работах классиков социологии существуют сходные аспекты. Акцентируя внимание на различных сторонах жизни социума, они выявляют суть различий между традиционным обществом, в качестве которого зачастую рассматривалась сельская община (основанная на эмоционально окрашенных взаимосвязях, силе традиции и обычая), и урбанистическим (современным) обществом, основанном на рационализации, интенсивности безличных контактов, дифференциации. Таким образом, были сформулированы такие отличительные черты сельского сообщества, как интенсивность межличностных коммуникаций, органическая солидарность, преобладание традиционных ценностей.

Если российская традиция исследований сельских сообществ и села в целом была прервана революцией, то теоретические и методологические наработки американской школы сельской социологии неуклонно развивались и дифференцировались, породив настолько влиятельную традицию, что современные зарубежные исследователи, работающие в данной отрасли, связывают ее зарождение именно с США. Так, А. Берtrand, американский сельский социолог, отмечает: «Особенность сельской социологии заключается в том, что она действительно является американским изобретением»¹.

¹ Bertrand A. Forward // Rural Society in the U.S.: Issues for the 1980s. / Ed. by Don A. Dillman, D.J. Hobbs. Boulder, CO: Westview Press, 1982. P. xi-xii.

Как самостоятельная отрасль социологического знания сельская социология формируется в первой половине XX в. в связи с исследованиями П. Сорокина, К. Циммермана, Ч. Гэлпина, У. Томаса и Ф. Знанецкого¹. В 1910–1920-х гг. появляются первые собственно социологические работы, посвященные исследованию села, — «Социальная анатомия сельского общества» (Ч. Гэлпин, 1915 г.), «Сельская организация; исследование первичных групп в округе Уэйк» (К. Циммерман, 1922 г.), «Принципы сельской и городской социологии» (П. Сорокин, К. Циммерман, 1929 г.), «Систематическая хрестоматия сельской социологии» (П. Сорокин, К. Циммерман, Ч. Гэлпин, 1929 г.). Сельская социология, сосредоточенная на анализе процессов, происходящих в сельской местности, экономике сельских предприятий (ферм) и жизни сельских сообществ, использовала социально-проблемный подход, который отличался от стандартного социально-философского подхода социологии.

Формирование сельской социологии на Западе тесно связано с северо-американскими историческими событиями и внутренней политикой правительства США. Институализация сельской социологии была вызвана потребностью противодействия миграции сельского населения в город, поскольку сохранение фермерства виделось правительству США в качестве стратегической задачи, так как в первом десятилетии прошлого столетия более чем одна треть американского населения жила в сельской местности и данный факт определял ключевую роль проблем села в формировании идеологий социальных движений и программ политических деятелей. Институциональная инфраструктура, необходимая для становления сельской социологии и организации практических исследований, была сформирована в соответствие с законом поддержки земель Моррила (Morrill), подписанным президентом А. Линкольном в 1862 г. Закон выделял федеральную землю в каждом штате для строительства общественных колледжей, цель которых заключалась в исследовании «сельского хозяйства и механических искусств». Инфраструктура исследований, включая доступ к федеральным источникам финансирования, была в виде сельскохозяйственных экспериментальных станций, возникших в каждом штате в соответствие с законом 1887 г. Широкое признание новой области социологического знания произошло, когда в ASA (Американском социологическом обществе) в 1922 г. была создана «сельская секция».

Необходимость целостного анализа сельского и городского сообществ как взаимосвязанных типов социально-территориальной общности была обоснована в монографии П. Сорокина и К. Циммермана «Основы сельской

¹ См.: Томас, В., Знанецкий, Ф. Крестьянская семья: Польша начала столетия // «Великий незнакомец». Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. М., 1992. С. 18–44; Томас, У., Знанецкий, Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности. Хрестоматия. Казань, 1998. С. 50–54; Sorokin P.A., Zimmerman C.C. Principles of rural-urban sociology. N.Y., 1969.

и городской социологии». В соответствии с их концепцией, сельское сообщество не исчезает с развитием индустриального общества, поскольку является основой сельскохозяйственного производства, и задача исследователей состоит в выработке критерии определения специфики поселенческих общностей. В отличие от Ф. Тенниса, М. Вебера, акцентировавших внимание на качественных характеристиках сельской территориальной общности, П. Сорокин и К. Циммерман выделили в качестве основных структурные признаки: гомогенный социальный состав и сельскохозяйственная специализация жителей, низкая социальная мобильность, природная среда.

Исходя из посылки, что любое человеческое поселение характеризуется наличием одинаковых признаков, а определяющей является степень их распространенности, П. Сорокин и К. Циммерман выдвинули следующие критерии для классификации населенных пунктов по шкале «универсальных» и «константных» отличий: род занятый (сельские общности специализируются преимущественно на сельскохозяйственном производстве, а городские урбанистические центры — на промышленном производстве); тип окружающей среды («естественная» природа в сельских поселениях и искусственная «вторая природа» в городе); степень социальной гетерогенности (деревня социально более однородна по сравнению с городом); степень мобильности и интенсивности социальных взаимодействий (в городе мобильность значительно интенсивнее).

Концептуальные основы социологического изучения сельского сообщества позволили выделить такие важные характеристики сельского социального сообщества, как высокая роль семейной общины в личной жизни каждого члена сообщества, контроль за его поступками и образом жизни, значительную роль неформальных практик. В социологических исследованиях начала XX в. содержатся важные выводы, касающиеся специфики сельскохозяйственного производства и его влияния на сельский образ жизни, выявлены закономерности и перспективы развития сельского сообщества.

Традиции практических исследований локальных сообществ вошли в сельскую социологию (прежде всего американскую) из «городской социологии»¹. Первые эмпирические исследования такого рода восходят к 1920-м гг., периоду становления в США научного направления, получившего название *community studies*². Объектом исследований в американской традиции *community studies* становился предположительно типичный малый город; с целью проецирования внутригородских структур и процессов на макросоциальный, общенациональный уровень. Своей целью социологи ставили иссле-

¹ См. Liepens R. New Energies for an Old Idea: Reworking Approaches to «Community» in Contemporary Rural Studies // Journal of Rural Studies. 2000. № 16. P. 23–25.

² Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown. A study in American culture. New York: Harcourt Brace, 1929; Warner W.L., Lunt P.S. The Social Life of a Modern Community. Yankee City Series Volume I. New Haven: Yale University Press, 1941.

дования социальных явлений в естественных для них условиях, во всей полноте их связей. Один из наиболее известных представителей данного направления, Л. Уорнер, объясняя свою методологическую позицию, писал: «В своем исследовании я обратился к локальному сообществу как к микрокосму, представляющему все американское сообщество»¹. Предполагалось, что результаты, полученные в ходе исследования локального сообщества, можно экстраполировать на все общество. Характерно, что практически ни один из авторов исследований первого этапа «community studies», не занимался разработкой методологических оснований своей деятельности. Как правило, авторы ограничивались обоснованием выбора объекта и перечислением техник исследования². В ходе изучения использовалась, как правило, методология структурно-функционального анализа и качественные методики изучения сообществ. В течение 25 лет исследований (1930–1950-е гг.) Л. Уорнер использовал две методики изучения системы социальной стратификации сообществ: отчасти параллелирующий традицию включенного наблюдения метод «участвующего оценивания» и «метод индексации статусных характеристик» (подразумевающий количественную оценку социально-экономического статуса респондента, его род занятий, источник и размеры доходов, тип жилья, район проживания), — впрочем, второй метод играл незначительную роль. Анализ Уорнера основывался преимущественно на суждениях самих членов сообщества, на пространных интервью с жителями изучаемых сообществ. В итоге своих исследований Уорнер дал абстрактное описание социальной структуры сообщества, а затем и описание всей слоевой структуры сообщества³.

Схожая с американской традиция (в рамках сельской социологии) вскоре возникает и в Англии. В 1939–1940 гг. К. Аренсберг и С. Кимболл предпринимают, основываясь на методологических посылках community studies, исследование уэльской и ирландской деревни⁴; в 1956 г. Ф. Дэннис, Ф. Энрикис и К. Слаттер изучают социальную структуру и местную культуру Йоркширской угледобывающей деревни⁵.

По своим общим методологическим посылкам исследования, осуществившиеся в рамках community studies, непосредственно приближаются к ев-

¹ Sociology of Community: A Selection of Readings / Ed. by C. Bell, H. Newby. London: William Clowes and Sons, Ltd., 1974. P. 273. Цит. по: Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология. 2001. №13. С. 27.

² См.: Добрякова М.С. Указ.соч. С. 122–126.

³ См.: Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология. 2001. №13. С. 31.

⁴ Arensberg C.A., Kimball S.T. Family and Community in Ireland (2nd. edn. 1968). Oxford: Oxford University Press, 1940.

⁵ Dennis F., Henriques F., Slaughter C. Coal is our Life. An analysis of a Yorkshire mining community (2nd. edn. 1969). London: Tavistock, 1956.

ропейской «континентальной» монографической школе, на методиках которой основывается изучение сельских сообществ в современной Европе (особенно во Франции и Румынии). У истоков монографической школы сельской социологии стоял французский социолог Ле Пле (1806–1882); мировое признание получили исследования Димитрие Густи (1880–1955 гг.), основателя Бухарестской монографической школы. Сущность монографического метода заключается во всестороннем анализе локального объекта (совокупности типологически схожих сельских локальных сообществ), рассматриваемого в качестве типичного для данного класса явлений. По мнению Д. Густи, именно монографический метод является наиболее адекватным инструментом социологического познания, сохраняющим наибольшую связь с конкретной социальной реальностью, «Потому что монография, по определению, характеризуется тем же внутренним единством, что и жизнь общества... Конкретную социальную реальность составляют человеческие объединения, группы, общины, институты — одним словом, социальные единицы. Мы нигде не найдем “общество” — общества всегда конкретны: деревня, город, нация, государство. Социологии как науке социальной реальности остается лишь уважать такую структуру и изучать ее в том виде, в каком она показывается»¹.

Какую же именно социальную единицу следует изучать? Для румынского социолога ответ однозначен: деревню. «Благодаря некоей пантегистической прочности деревня стоит на страже метафизической связи между обществом и вечностью. В глубинах деревни и по сию пору скрыты удивительные, невиданные тайны; те истины, что она вскрывает, дают самый верный ключ к пониманию общества... Наука об обществе, основанная на науке о деревне, открывает перед нами невиданные горизонты и вселяет в нас большие надежды»².

В традиции монографических исследований методы, заимствованные из этнографии, культурной и социальной антропологии, были использованы для анализа социально-пространственных характеристик и структур местных общинностей (различных территориальных, городских, сельских сообществ). Поэтому продолжающие дореволюционные традиции специальные исследования сельских локальных сообществ в СССР 1950-х гг. («Рязанское село Кораблино: история, экономика, быт, культура, люди села» (1957 г.)³; «Кораблино — село русское» (1961 г.)⁴; «Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт эт-

¹ Gusti D. La monographie et faction monographique en Roumanie. Paris: Les Editions Domat-Monchrestien, 1937. С. 42.

² Ibid. С. 35.

³ См.: Рязанское село Кораблино: История, экономика, быт, культура, люди села / Под ред. В.И. Селиванова, Н.П. Милонова, И.П. Попова. Рязань, 1957.

⁴ См.: Кораблино — село русское. М., 1961.

нографического изучения русской деревни» (1958 г.)¹; «Опыт историко-социологического изучения села Молдино» (1968 г.)²; «Колхоз — школа коммунизма для крестьянства: комплексное социальное исследование колхоза «Россия»» (1965 г.)³ и др.), использующие методики вышеуказанных наук с целью анализа социально-культурных и экономических процессов на примере обследования конкретных поселений, могут быть, с некоторыми оговорками, отнесены к данному научному направлению.

Особо примечательны в плане применения монографического метода исследования, проводившиеся в молдавском селе Копанка.

Во второй половине 1930-х гг., когда та часть Бессарабии, где расположена Копанка, была занята Румынией, село было обследовано румынскими представителями Бухарестской монографической школы. Результаты своей работы они изложили в труде «Бюллетень института социальных исследований в Румынии, Кишиневский филиал»⁴. Четверть века спустя в Копанке было проведено второе, аналогичное исследование, но уже советскими социологами⁵. И, наконец, третье исследование было проведено в 1980–1981 гг.

Так как российские исследования этого периода схожи с теми, которые проводились в США и Румынии, важно подчеркнуть их различие.

Важнейшее отличие исследований советской колхозной деревни от американского малого города состояло в том, что колхоз ближе к промышленному предприятию по структуре занятости. В силу этого значительное внимание в отечественных исследованиях уделялось развитию и функционированию колхоза. Однако это отличие не стоит преувеличивать, так как специфика образа жизни и характер взаимосвязей жителей советской деревни (обусловленные фактором совместного проживания в локальной социально-территориальной общности) позволяет говорить, что исследования советских деревень-колхозов вполне соотносимы с исследованиями румынских деревень, а также американских малых городов: во всех случаях объект исследования, исходя из его физических и социальных характеристик, можно назвать локальным сообществом.

Высший расцвет классической эпохи исследования локальных сообществ в рамках парадигм, разработанных в начале XX в., приходится на конец 1960-х–начало 1970-х гг., когда в Англии выходят две значимые для эволюции

¹ См.: Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской деревни / Ред. П.И. Кушнер. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

² См.: Опыт историко-социологического изучения села Молдино / Под ред. В.Г. Карпенка. М., 1968.

³ См.: Колхоз — школа коммунизма для крестьянства: Комплексное социальное исследование колхоза «Россия». М.: Мысль, 1965.

⁴ См.: Советская социология / Под ред. Т.В. Рябушкина, Г.В. Осипова. М.: Наука. 1982. Т. 2. С. 53–81.

⁵ См.: Копанка 25 лет спустя / Под ред. В.И. Ермуратского, Г.В. Осипова, В.И. Шубкина. М.: Наука, 1965.

исследований книги К. Белла и Г. Ньюби. В первой (1971) подробно рассматриваются достижения и ограничения данного направления¹, а во второй (1974) дается развернутый библиографический обзор мировой литературы по данному вопросу. Убедительный критический анализ направления, осуществленный авторами, был благожелательно воспринят в академических кругах, и с этого периода количество исследований сообществ существенно сокращается.

Оценивая методологию классической эпохи *community studies*, К. Белл и Г. Ньюби, утверждают, критически оценивая методологию Уорнера: «Очевидно, что Уорнер совершенно отступает от того, что прежде называлось “научной объективностью”»². Эта критика была вызвана тем, что, с точки зрения позитивистской науки, изучаемое явление должно быть воспроизведимо и не должно зависеть от контекста: только в этом случае результаты исследования можно сопоставить с результатами других исследований и прийти к более общим выводам. Описываемая традиция изучения локальных сообществ не удовлетворяет этим требованиям, так как в ходе исследований выявляется конкретная социальная структура, часто уникальная и обусловленная внешними условиями, невоспроизводимыми для иных локальных сообществ.

По этой же причине можно предположить, что классическая традиция исследования локальных сообществ часто не отвечает и такому важному принципу научного исследования, как репрезентативность. Согласно этому принципу, выборочная совокупность должна отвечать задачам исследования и, по возможности, содержать все характеристики генеральной совокупности — только в этом случае результаты исследования одного объекта будут справедливы и для других (схожих, или аналогичных) объектов. Описываемая с точки зрения репрезентативности, методология *community studies* недостаточно обосновывает распространение выводов, сделанных на основании изучения локального социального объекта на все общество. Развивающий эту критику американский социолог М. Стейси писал: «Исследования представляют собой простое описание; они ближе к искусству, чем науке, они идиосинкритичны и невоспроизводимы; следовательно, они бесполезны для науки, основывающейся на методе сравнения»³.

Критика привела к тому, что акцент в исследованиях переместился на анализ локальностей в противоположность сообществам⁴. В 1970-х и 1980-х гг. сравнительные исследования местных трудовых рынков, локальных социальных и демографических изменений были более распространены, чем описательные и ана-

¹ См.: Bell C., Newby H. Community Studies. London: George Allen and Unwin Ltd., 1971.

² Ibid. P. 283.

³ Stacey M. The myth of community studies // Sociology of community: A selection of readings. London: William Clowes & Sons, Ltd. 1974. P. 16. Цит. по: Добрякова М.С. Указ. соч. С. 37.

⁴ См.: Cooke P. ed., Localities. London, Unwin Hyman, 1989.

литические исследования отдельных поселений. Большая часть новых исследований носили сравнительный характер и осуществлялись географами и экономистами в связи с ясно декларируемой актуальной проблематикой¹.

Тенденции эволюции исследовательской парадигмы сельской социологии отражены в отечественной науке. Особое внимание следует уделить новосибирской школе сельской социологии под руководством Т.И. Заславской, становление которой происходит в конце 1960-х–начале 1970-х гг. и которая формируется в процессе изучения миграций сельского населения (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина и др.)². Первое исследование, носившее конкретный, прикладной характер, было направлено на анализ факторов миграции сельского населения Новосибирской области и разработку практических рекомендаций по регулированию этого процесса³. Однако совокупность факторов, вызывающих миграцию, оказалась настолько широкой, что исследование «переросло» первоначальные рамки проекта и легко в основание других последующих обследований, объектом которых была уже не собственно миграция, а деревня как система жизнедеятельности населения, включающая весь комплекс условий жизни и труда. Таким образом, все дальнейшие исследования были посвящены комплексному описанию деревни как системного объекта и приобрели характер систематического мониторинга сельских районов Алтая и Новосибирской области⁴.

Методологические основания исследований села, проводимых в рамках работы указанной школы, постепенно претерпевали трансформацию. Так, в первых опубликованных новосибирской экономической школой работах⁵ объект исследования — деревня — определялся как часть общества, остающаяся за вычетом города, как относительно отсталый элемент социально-поселенческой структуры общества, и делался вывод о том, что в процессе общественного развития она перестанет существовать. В качестве основных подсис-

¹ См.: Robson B., Bradford M., Deas I., Hall E., et al. Assessing the impact of urban policy. London: HMSO, 1994.

² См., например: Проблемы системного изучения деревни / Науч. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск, 1975; Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сибирское отд.-пнс, 1980.

³ См.: Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970; Кочарь Л.В. К вопросу о связи между потенциальной и реальной миграцией сельских жителей и города // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972.

⁴ См.: Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сибирское отд.-пнс, 1980; Проблемы системного изучения деревни / Науч. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1975.

⁵ См.: Заславская Т.И. К вопросу о методологии изучения и прогнозирования социально-экономического развития деревни (обоснование замысла исследовательского проекта) // Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972. С. 193; Проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1975.

тем деревни рассматривались первоначально система рабочих мест и трудовые ресурсы, затем шесть сфер жизнедеятельности сельского населения, включая подсистему демографического воспроизводства. Роль основной системообразующей связи была отведена самому сельскому населению. Территориальная структура деревни не рассматривалась.

В более поздней монографии¹ деревня определена как совокупность сельских сельскохозяйственных поселений, обладающих существенными социально-экономическими особенностями по сравнению с городом. Было введено понятие социально-поселенческой структуры деревни, элементами которой служат типы поселений.

В теоретико-методологическом плане большое значение имеют исследования социально-региональной и социально-поселенческой структуры сельской части общества, осуществлявшиеся под руководством Т.И. Заславской с начала 1970-х гг., в ходе которых было выявлено, что функционирование территориальных общностей любого уровня осуществляется в силу естественноисторических законов, понимание которых требует анализа социально-территориальной структуры и ее динамики. Было также уточнено понятие территориальной общности, которое понималось в качестве первичного элемента социально-территориальной структуры², и построена типология сельских местностей России, отражающая «совокупность основных социальных неравенств региональных групп населения, обусловленная фактом проживания на конкретной территории, что позволяло рассматривать ее в качестве эмпирического референта социально-региональной структуры сельской части РСФСР»³.

Соответствуют изменениям общемировой парадигмы исследования сельских локальных сообществ, проводившиеся Институтом социологических исследований АН СССР эмпирические исследования среднерусской, молдавской, удмуртской (1982–1983 гг.), чувашской (1984–1985 гг.) деревни, которые показали, что сельская локальная среда как социально-территориальная общность «не умещается» в рамки теории социальной структуры. В ходе исследований В.И. Староверова, Х. Арста, С. Загурны, А. Прохорова было сформулировано понятие и признаки сельской локальной среды и самого объекта исследований социологии сельской локальной среды, под которым понимается «малая социально-территориальная общность как системная полиструктур-

¹ См.: Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1977.

² См.: Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная структура города и села: (Опыт типологического анализа). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982. С. 7.

³ Кирдина С.Г. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества // Социальная траектория реформируемой России. Исследования новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск, 1999. С. 455–478.

ная совокупность социальных связей и повседневной практики их проявления¹. Принципиально новым здесь является приданье особого значения социальным связям и отношениям внутри локальной сельской среды (их воспроизводству), то есть введение в оборот отечественных исследований теоретико-методологического аппарата, развившегося в западной традиции изучения сообществ. В.И. Староверов полагает, что в качестве концептуальной основы социологического изучения сельской локальной среды целесообразным представляется использование теории сообщества Ф. Знанецкого, согласно которой общество является общностью индивидов с натуралистической точки зрения, предстающей надличностной сущностью, сообществом, объединенным одной общей культурой. Жизнь любого сообщества, взятая во всей ее целостности, богата и хаотична, содержит множество гетерогенных культурных систем, действующих друг на друга различными и неисчислимыми путями, и непрерывно изменяется². Далее, существенным отличием сообщества от территориальной общности выступает то обстоятельство, что здесь доминантным признаком выступает не территория, а однородность, «общность» состава самой группы. При этом, как правило, подразумевается принадлежность к одному социальному статусу, сходному стилю жизни, близкой системе ценностей, то есть складывается социокультурная общность³. Локальность сельского поселения как некоей социально-территориальной целостности естественно вытекает из исследований регионально-территориальной структуры сельского социального пространства. Как представляется, введение для целей описания объектов сельской локальной среды традиционных признаков сообщества следует оценить как верный шаг в развитии теории сельской социологии, и подобный переход подразумевает утверждение в качестве объекта исследований именно сообщество.

В 1990-е гг. начинается процесс возрождения научного интереса к изучению локальных сообществ. Американский социолог М. Балмер отмечает две причины этого процесса⁴. Во-первых, с точки зрения методологии, теория сообщества теперь применяется для использования социальных связей и сетей. Во-вторых, с практической точки зрения, интерес к изучению сообществ подогревается происходящим во всем мире процессом децентрализации, в ходе которого именно локальные сообщества оказываются главными поставщиками общественных публичных услуг, что и является причиной возрастания значения исследований, анализирующих природу, возможности и будущее локальных сообществ.

¹ См.: Староверов В.И. Сельская социология. М.: РМЦ ИСПИ РЛН, 2003. С. 29.

² См.: Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 34–35.

³ См.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. С. 106–115.

⁴ См.: Bulmer M. The Rejuvenation Of Community Studies? Neighbours, Networks And Policy // Sociological Review. 1985. № 3. P. 430–448; Bulmer M. The Social Basis of Community Care. London: Allen and Unwin, 1987.

Действительно, в России с середины 1990-х гг. для анализа особенностей социального взаимодействия в сельских локальных сообществах имеют теоретическое осмысление проблемы социальных сетей, осуществляющееся в контексте неформальной экономики, прочно укоренившейся в социальных структурах и институтах реформируемого российского социума. Этим важнейшим и с практической, и с теоретической точки зрения проблемам посвящены работы Т. Шанина (основателя и руководителя Центра аграрных реформ и крестьяноведения, который активно функционирует в настоящее время и является одной из ведущих научных школ исследования современного российского сельского сообщества¹), а также М. Грановеттера, И. Кулибаба, О. Кузиной, Т. Кузнецовой, Л. Никифорова, А. Никулина, М. Николаевой, А. Шевякова, В. Виноградского, О. Фадеевой и других авторов².

Исследование связей и социальных сетей, обнаруживающихся между домохозяйствами жителей села, социально-территориальными общностями, изучение экономики реципрокных обменов и исследование сетевых взаимодействий как ресурсного потенциала неформальной экономики позволило прийти к выводу о решающей роли в жизнедеятельности российского сельского социума социального капитала и его многообразного функционирования в форме сетей поддержки. Внутренняя взаимосвязь различного рода социальных сетей, укоре-

¹ См.: Шанин, Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992; Шанин, Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999. С. 32–46.

² См., например: Бокун И., Кулибаба И. Теневая экономика: понятие, классификации, информационное обеспечение // Вопросы статистики. 1997. № 7. С. 3–10.; Бокун И., Кулибаба И. Проблемы статистической оценки теневой экономики // Вопросы статистики. 1997. № 7. С. 11–19.; Методы оценки масштабов теневой экономики // Теневая экономика: Экономический и социальный аспекты. М.: ИНИОН, 1999. С. 67–91.; Неформальная экономика как глобально-историческое явление // Теневая экономика: Экономический и социальный аспекты. М.: ИНИОН, 1999. С. 13–29.; Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 11–32.; Косалс Л., Рыжкина Р. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 13–21.; Латов Ю.В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 210–253.; Леденева А. Блат и рынок: Трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. СП 1–124; Виноградский В. «Орудия слабых»: Неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 3. С. 36–48; Скотт Дж. Моральная экономика деревни. С. 541–544; Титиус Р. Дар как социальный институт: Рынок и человеческая кровь // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т.Шанина. М.: Логос, 1999. С. 537–540; Фадеева О. Межсемейная сеть: Механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т.Шанина. М.: Логос, 1999. С. 183–218; Штейнберг И. Русское чудо: Локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 227–230.

ненных в российском сельском социуме, и неформальных экономических практик наиболее рельефно прослеживается в ходе конструирования моделей выживания, приспособления к изменениям социальной среды, создание которых требуют мобилизации социального капитала сельского социума, сохраняющего в видоизмененной форме многовековые традиции коллективизма (общинности), моральные правила и нормы, согласно которым осуществляются семейные и межсемейные связи. Сельский социум выживает именно благодаря центростремительным социальным силам, так как анализ сетей межсемейной поддержки и прочих социальных сетей показывает, что стратегии выживания сельского населения зачастую базируются на комбинации экономических и морально-экономических действий, направленных не только на воспроизводство конкретного домохозяйства (семьи), но и более широкомасштабных социальных организаций (соседских объединений, территориальных общностей); причем поведение социально-территориальных общностей следует понимать как производное от социальных сетей, элементами которых оно выступает.

Современная сельская социология характеризуется значительным разнообразием теоретико-методологических и методических подходов к изучению социального развития сельских локальных сообществ.

Научное направление, основывающееся на теоретических и эмпирических исследованиях американских социологов и выделяемое в отдельную, американскую школу сельской социологии, имеет богатый набор разработанных методик, техники и организации эмпирических исследований. Вместе с тем многие критики ее отмечают, что наряду с этими несомненными достоинствами американской социологии села свойственны такие существенные недостатки, как крайне прагматический эмпиризм, отсутствие серьезных теоретических обобщений, ярко выраженный регионализм («местечковость») в исследовании социальных проблем и т. д.¹

Европейская сельская социология происходит от гуманитарных наук и имеет тенденцию быть более теоретической и философской, чем американская сельская социология² (эти различия характерны для американской и европейской социологии вообще, — первая из которых сама более эмпирична и количественна).

Вместе с тем происходит определенный синтез различных направлений и школ сельской социологии, что приводит к изменениям в методологии исследования социального развития сельских локальных сообществ. Анализируя зарубежные и отечественные исследования локальных сообществ с точки зрения постепенного вовлечения в них различных методологических парадигм, М.С. Добрякова демонстрирует постепенное возрастание сложности, комплексности анализа и усложнение его методологического аппарата (табл. 2).

¹ См.: Староверов В.И. Сельская социология. С. 15.

² См.: Christenson J.A., Garkovich I.E. Fifty Years of Rural Sociology: Status, Trends, and Impressions // Rural Sociology. 1985. № 50, V 4. P. 503–522.

Таблица 2

Эволюция методов исследования локальных сообществ¹

Характеристики исследований	Исследования		
	Американские (США)	Восточноевропейские	Российские
Объекты и год проведения исследования	Янки-сити (1930-1935 гг.); Миддлтаун: 2; Плейнвилль	Нереж (Румыния): 4 (1930-1935 гг.); Копанка (Румыния): 1 (1939 г.)	Копанка: 2 (1961-64 гг.; 1980-81 гг.); Кораблино: 2 (1956-57 гг.; 1380 чел.); Молдино: 1 (1965-66 гг.); Вирятино: 1 (1952-54 гг.), др.
Количество исследователей	1-4 чел.	60-90 чел.	15-30 чел.
Специализация исследователей	Социологи, социальные антропологи	Социологи историки, статистики, психологи, экономисты, краеведы, биологи	Историки, экономисты, диалектологи, фольклористы, этнографы
Характер общения с респондентами	Неформализованный	Неформализованный и формализованный	Неформализованный и формализованный
Глубина изучения объекта	Изучение существующих социальных институтов; краткий географический и исторический очерк	Изучение существующих социальных институтов; подробнейшее описание края; демографического состава населения; истории края	Изучение существующих социальных институтов; описание географии края; подробное изложение истории села
Методы исследования	Наблюдение, интервью, анализ местной и документации	Наблюдение, интервью, анализ местной и районной статистики	Наблюдение, интервью, анкетирование, анализ статистики, архивных материалов, исследование бюджетов семей

Суть исследований локальных сообществ, при обобщении различных подходов, состоит в том, что в качестве объекта исследования выбирается некая социальная единица, достаточно изолированная географически, и на ее примере изучаются те или иные социальные институты, процессы, отношения; при этом,

¹ См.: Добрякова М.С. Локальное сообщество как объект исследования социальной стратификации. Автореф дис. ... канд. соц. наук. М., 2000. С. 10-11.

как правило, затрагиваются и смежные проблемы¹. Зарубежные социологи часто рассматривают локальные сообщества как пространство социальной солидарности, изучая привязанность к локальному месту и местной культуре². Если в прошлом изучение сообществ в данном направлении использовало функционалистский подход, то значительная часть современных исследователей сосредоточена на изучении сельских сообществ как социальных систем³ и анализирует способы, посредством которых сообщество приспособливаются к изменениям, вызванным внешними экономическими и социальными сдвигами (например, обращаются к проблемам «реструктурирования» сельского сектора и сельской экономики вследствие глобализации и других широкомасштабных трансформаций)⁴. Повышенное внимание исследователей к подобной тематике вызвано тем, что сельские сообщества оказываются наиболее уязвимыми элементами в условиях глобальной конкуренции⁵. Исследователи, изучающие воздействие глобализации на сообщество, анализируют способы, посредством которых сети социального капитала и другая «социальная инфраструктура» позволяют осуществлять их прогрессивную адаптацию к экономическим и прочим изменениям⁶. Наконец, сельские социологи вносят свой вклад в развитие сообществ с точки зрения исследования развития политики и практики социального развития⁷.

Как следует из вышесказанного, современная отечественная и зарубежная сельская социология подошла к необходимости исследования локальных сельских общностей, являющихся одновременно ячейкой социально-терри-

¹ См.: Добрякова М.С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 126.

² См.: Bell M. Childerly: Nature and Morality in a Country Village. Chicago: University of Chicago Press, 1994; Liepens R. New Energies for an Old Idea: Reworking Approaches to «Community» in Contemporary Rural Studies // Journal of Rural Studies. 2000. No 16. P. 23–25.

³ См.: Wilkinson K. The Community in Rural America. New York: Greenwood Press, 1991.

⁴ См.: Winson A. Does Class Consciousness Exist in Rural Communities? The Impact of Restructuring and Plant Shutdowns in Rural Canada // Rural Sociology. 1997. No 62 (4). P. 429–453; Anderson C. The Social Consequences of Economic Restructuring in the Textile Industry. NY: Garland, 2000.

⁵ Salamon S. Newcomers to Old Towns: Suburbanization of the Heartland. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

⁶ См.: Flora C.B., Jan L.F. Social Capital. // Challenges for Rural America in the Twenty-First Century / Ed. by D.L. Brown. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2003. P. 214–227; Flora, J.L., Sharp J., Flora C.B., Newlon B. Entrepreneurial Social Infrastructure and Locally-Initiated Economic Development in the Nonmetropolitan United States // Sociological Quarterly. 1997. No 38 (4). P. 623–645; Sharp J. Locating the Community Field: A Study of Interorganizational Network Structure and Capacity for Community Action // Rural Sociology. 2001. No 66 (3). P. 403–424.

⁷ См.: Brown, D.L., Swanson L.E. Challenges for Rural America in the Twenty-First Century. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2003; Flora, C.B., Christenson J.A. (eds.). Rural Policies for the 1990s. Boulder, CO: Westview Press, 1991.

ториальной системы общества и совокупностью социальных связей. Однако необходимо признать, что имеющийся в работах вышеуказанных исследователей теоретико-методологический аппарат не является окончательным и нуждается в дальнейшем уточнении и развитии. Ключевой проблемой становится сложность соотнесения общих социально-философских концепций с конкретным социологическим материалом. Отсюда необходимость и трудность построения теорий «среднего уровня». В настоящий момент усилия научных направлены на разработку методологии и методик исследования социальных процессов, в том числе на селе. Очевидно, что исследование сельских локальных сообществ, помимо аналитического качественного описания специфических для данного социума характеристик, должно быть направлено на анализ общих тенденций развития общества, преломленных через «местную» специфику, с учетом особого характера объекта сельской локальной социологии, и опираться как на качественные, так и количественные методы социологии, с использованием формализованных методик.

§ 1.2. Методология и методика исследования сельских локальных сообществ

Будучи специфическим объектом социологической науки, понятие сельских локальных сообществ возникает на пересечении методологии сельской социологии, локалистики (в отечественной традиции — исследований регионально-территориальной структуры сельского социального пространства) и социологии сообщества, объединяя в себе методологические и методические установки указанных направлений социальных наук. Поэтому исследование сельских локальных сообществ, ограничивающееся методологией одного из трех перечисленных направлений, будет неполным. Так, анализ социальных связей и процессов, присущих данному сельскому локальному сообществу, основанный на общих методологических схемах изучения регионально-территориальной структуры социального пространства, будет неполным без привлечения теоретических и методологических наработок социологии сообществ, исследующей разнообразные факторы, конституирующие сельское локальное сообщество и определяющие динамику социальных процессов в нем. Исследование, сосредоточенное в основном на описании локальных факторов жизни сообщества и качественном описании, не до конца отвечает требованиям репрезентативности и столкнется с определенными трудностями в анализе явлений и тенденций, характерных для иных социальных объектов. И, наконец, сельские локальные сообщества как объект исследования, конечно, содержат все признаки сельской социальной среды, выработанные сельской социологией, и их изучение, соответственно, подразумевает использование специфических методологических подходов данной отрасли социологии.

Социальным пространством сельской социологии является отличная от городской сфера общества, представляющая собой «органическое единство окультуренной природы с дисперсно размещенными искусственно созданными материально-вещными комплексами, являющимися материальной основой особого типа существования людей, в котором доминируют постоянная непосредственная связь с природной средой, аграрное производство и рекреационная деятельность или систематическое соприкосновение с ними»¹. Выступая в качестве отчасти изолированной, отчасти связанной с внешней социальной средой системы, объекты социологии сельской локальной среды лежат в основе функционирования как особых отраслевых социологических дисциплин, так и сельской социологии в целом.

Исследование сельских локальных сообществ, помимо аналитического качественного описания специфических для данного социума характеристик, должно быть направлено на анализ общих тенденций развития общества, преломленных через «местную» специфику, с учетом особого характера объекта сельской локальной социологии, и опираться как на качественные, так и количественные методы социологии, с использованием формализованных методик. Поэтому по мере развития сельской социологии, неизбежно имеющей дело именно с локальными сообществами, можно наблюдать постепенную эволюцию исследований в данном направлении.

Необходимо признать, что имеющийся в работах вышеуказанных исследователей теоретико-методологический аппарат не является окончательным. В частности, недостаточно развито представление о признаках сельского локального сообщества как социально-территориальной общности (и, таким образом, не до конца сформировано само определение сельского сообщества), отсутствует теоретический анализ динамики этих признаков, что позволяет, на наш взгляд, осуществить изучение адаптационных реакций сельских локальных сообществ к изменениям в трансформирующемся обществе.

Тем не менее, ряд основных положений концепции сельского локального сообщества все-таки сформирован, и в процессе ее дальнейшего развития они не отвергаются, а дополняются и уточняются.

Формируя рабочее определение сельского локального сообщества, мы исходим из того, что данный тип сообществ, выступающих в качестве подсистемы общества, является одним из объектных оснований общей социологической теории и составным элементом объекта социологии локальной сельской среды.

Объект данного исследования, сельские локальные сообщества, является сложным системным явлением, не тождественным понятию «деревня», определяемому именно как совокупность сельских сельскохозяйственных районов.

¹ Староверов В.И. Сельская социология. С. 12.

Наиболее содержательные определения деревни даны в социально-экономической литературе. Согласно одному из них, деревня — это «элемент социально-поселенческой структуры общества, исторически сложившийся в процессе общественного разделения труда и характеризующийся преимущественной занятостью населения в сельском хозяйстве и связанных с ним отраслях, меньшим... уровнем технической вооруженности и производительности труда, а следовательно, более низким уровнем доходов и потребления населения. В связи с малой людностью поселений, значительно менее развитым социальным обслуживанием и преобладанием непосредственных контактов между людьми деревня характеризуется специфической системой ценностных ориентации и норм поведения, а также особым образом жизни населения, концентрирующим в себе все названные выше ее особенности»¹.

Приведенное определение, сводя основные признаки сельского сообщества к сельскохозяйственной специализации в плане общественного разделения труда, к более низкому уровню экономического базиса жизни сообщества и малочисленности населения (что порождает, в свою очередь, особый тип социальных связей и специфический образ жизни жителей деревни), не в полной мере отражает черты сельского локального сообщества, поэтому в имеющихся исследованиях, где объектом изучения является деревня, нет отражения социально-пространственных характеристик сельских локальных сообществ, отсутствует методика изучения социальной структуры, не разработаны методы изучения внешних связей деревни².

В данной работе сельские локальные сообщества рассматриваются как отдельные, исторически сложившиеся, относительно автономные по отношению к остальному миру социальные системы, базовые элементы территориальной организации общества (сельской) среды, имеющие собственные социальные механизмы поддержания самоидентичности. Основными элементами данной общности являются территориальная группа населения, социальные связи и жизненная среда сельского сообщества. Последняя, в свою очередь, разделяется на естественную среду (природно-климатические условия, земля, вода и другие естественные ресурсы) и искусственную, созданную трудом человека (материально-вещественные условия жизни сообщества).

Методологическую основу изучения процессов социального развития сельских локальных сообществ и выделения соответствующего объекта исследования составляют концепции локального сообщества (локального сельского пространства), и территориальной общности, сложившиеся в системе соци-

¹ Проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1975. С. 20.

² См.: Методология и методика системного изучения советской деревни / Артемов В. А., Калмык В. А., Хахулина Л. А. и др. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1980. С. 13.

альных и социально-экономических наук. Хотя эти понятия часто рассматриваются как синонимические, следует согласиться с мнением исследователей, полагающих, что между ними имеется существенная разница¹.

Понятие «территориальная общность» широко распространено в социологической литературе. По выражению Н. Смелзера, «слово “общность” имеет много оттенков значений и поэтому почти невозможно дать точное определение этого понятия»².

Приведем несколько наиболее распространенных определений территориальной общности, которые используются разными авторами.

— «Любое множество социальных отношений, осуществляемых главным образом внутри некоторых границ поселений или территорий»³.

— «Социальная сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории»⁴.

— «Это наименьшая территориальная группа, которая может объять все аспекты человеческой жизни... Это локальная группа, достаточно обширная, чтобы «включать» все главные институты, все статусы и интересы, которые может быть, и составляют общество. Это наименьшая группа, которая может быть и часто является обществом»⁵.

— Согласно Я. Щепаньскому, территориальная общность — это группа людей, члены которой «связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории»⁶. Я. Щепаньский, благодаря которому понятие территориальной общности вошло в категориальный аппарат отечественной социологии, выводит понятие территориальной общности из более широкого понятия «социальные совокупности», которые он рассматривает как «объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение короткого периода, определенная социальная связь»⁷.

Разновидностью территориальной общности является поселенческая общность, представляющая «совокупность людей, которые имеют общее постоянное место жительства, зависят друг от друга в повседневной жизни и осуществляют многие виды деятельности для удовлетворения своих экономических

¹ См.: Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь: Изд-во Тверского университета. 1995. С. 19–20.

² Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 245.

³ Collins Dictionary of Sociology. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1991. P. 97.

⁴ The Dictionary of Human Geography / Ed. By R.J. Johnston, Derek Gregory, David M. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 80.

⁵ Цит. по: Грунт З.А. Урбанизация и территориальная общность // США глазами американских социологов. М.: Наука, 1982. С. 91.

⁶ Там же. С. 160

⁷ Щепаньский Я. Элементарные понятия в социологии / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1969. С. 116

и социальных потребностей»¹. В том и другом случае — это социальная группа, а не территориальный или поселенческий комплекс².

Основой выделения территориальной или поселенческой общности служит факт проживания некоторой социальной группы на одной территории (в случае сельских локальных сообществ речь идет о городском или сельском поселении).

Территориальный признак определяет вторичные признаки территориальной (поселенческой) общности, такие как:

- сходные условия жизнедеятельности;
- определенный необходимый уровень социального взаимодействия и общения между членами общности;
- общность социальных норм, ценностей и интересов.

Современная социология имеет богатый и чрезвычайно разнообразный опыт эмпирического изучения локальных сообществ.

Различия в подходах к изучению локальных сообществ обусловлены рядом причин.

Понятие локального сообщества ассоциируется у одних исследователей именно с деревней (сельским локальным сообществом), у других — с «маленьким городком», у третьих — с «крупным городом»³. Кроме этого, в литературе можно встретить ряд терминов, близких по смыслу: первичные сообщности, отличаемые от «большого общества»⁴; сообщности, понимаемые в качестве единицы социальной организации — как микрокосмы общества⁵; «местные общества»⁶. (Зачастую это просто разные переводы одного и то же термина «community»).

Различны и базовые определения категории сообщества в теории социальных наук.

До начала XX в. практически не существовало социологической литературы, объектом которой выступали сообщества. Только в 1915 г. появляется первое ясное социологическое определение, данное К. Гальпином, который понимал сельские сообщества как зоны торговли и обслуживания (сервиса), окружающие центральное поселение и неотъемлемые от

¹ Смелзер Н. Социология С. 269.

² См.: Лазарев В.Н. Социальные основы местного самоуправления. Белгород: Издательский центр ООО «Логия», 2004. С. 127.

³ Warren R.L. The Community in America. Chicago, 1978.

⁴ Шилз Э. Общество и общества: Макросоциологический подход // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс. 1972. С. 341.

⁵ Рейсе Э. Дж. (мл.) Некоторые социологические проблемы американских сообщностей //Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 106.

⁶ Пал Л. К вопросу о характеристиках «местного общества» // Социальные процессы в социалистическом обществе. Варшава, 1987.

него¹. Вскоре последовало множество конкурирующих определений сообщества. Одни из них подчеркивали такие признаки сообщества, как географическая территория, другие определяли сообщество как группу людей, живущих в определенном месте, и определяли сообщество как территорию общей (общинной) жизни².

Все определения можно сгруппировать вокруг трех главных признаков.

Во-первых, сообщество объединяет людей, проживающих в определенной географической зоне. С точки зрения территории или места, в сообществе люди имеют нечто общее, и этот объединяющий их элемент следует понимать как географическое местоположение сообщества. Этот признак следует именовать также локальностью («locality»). Такой подход к сообществу породил значительную литературу — сначала в «community studies», позже в локалистике (часто сосредотачивающейся на пространственном разделении труда). Социальная идентификация, определяемая местом проживания респондентов, заключается в том, что общий уровень местной идентификации определяется, прежде всего, двумя типами показателей: 1) уровнем локального социального участия и местного отчуждения; 2) продолжительностью проживания в данной местности.

Во-вторых, существование сообщества требует определенного качества отношений внутри некоторой социальной группы, члены которой объединены определенной культурой, ценностями. Людей в сообществе объединяют такие факторы, как общие интересы, профессия или этническое происхождение. Развитие направления, которое можно было бы охарактеризовать как социология идентичности, сыграло важную роль в открытии концептуального пространства, в пределах которого могут быть поняты формы сообщества, объединенного не по принципу места³. Группы предпочтений и сообщества, ранжирующиеся согласно Хогетту, от киберсообществ до энтузиастов марок автомобилей — ключевая особенность современной жизни.

П. Вилмонт утверждает, что правомерно добавить, помимо вышеупомянутых, такое понимание сообщества как attachment (принадлежности) — так как сообщества из места, или интереса, могут и не обладать ощущением разделенной

¹ Hoggett P. Contested communities // Contested Communities. Experiences, struggles, policies. Bristol: Policy Press, 1997. P. 5.

² См.: Willmott P. Social Networks, Informal Care and Public Policy. London: Policy Studies Institute, 1986; Bell C., Newby H. Community Studies. London: Unwin, 1971; Lee D., Newby H. The Problem of Sociology: an introduction to the discipline. London: Unwin Hyman, 1983; Crow G., Allan G. Community Life. An introduction to local social relations. Hemel Hempstead: Harvester, 1994.

³ Hoggett P. Contested communities // Contested Communities. Experiences, struggles, policies. Bristol: Policy Press, 1997. P. 7.

идентичности¹. Работы Энтони П. Коэна², в которых внимание сосредоточено именно на вышеуказанном аспекте сообщества, сыграли важную роль в развитии понимания сообщества как принадлежности. Он утверждает, что к сообществам лучше всего приближаются «сообщества значения». Другими словами, сообщество играет символическую роль в производстве чувства принадлежности у людей³. Действительность сообщества, утверждает Коэн, основывается на восприятии данной культуры членами сообщества как реально существующей, «живой». «Люди строят сообщество символически, превращая его в ресурс и вместелище значения, и референта их идентичности⁴.

Размышляя над ключевым, с его точки зрения, вопросом относительно конструирования сообщества — посредством чего одно сообщество отделяется от другого, Коэн утверждает, что рассматриваемое понятие подразумевает два связанных предположения: а) члены группы имеют нечто общее друг с другом; и б) эта общая вещь отличает их существенным способом от членов других возможных групп. Сообщество, таким образом, предполагает и подобие, и различие (границы сообщества). Причем эти конституирующие сообщество границы являются основанием для его противопоставления другим социальным объектам, выделением из среды прочих социальных объектов⁵. Нахождение внутри или извне границ сообщества включает в его состав или исключает из него.

Некоторые из этих границ могут быть отмечены на карте (например, административный предел сообщества), определяться законодательно или физическими обстоятельствами (такими как река или дорога) или иметь мировоззренческий, национальный или лингвистический характер. Но не все границы сообщества должны быть настолько же очевидны: «О них можно думать, как о том, что существует скорее в сознании наблюдателей»⁶. Это — символический аспект существования сообщества.

В-третьих, сообщество требует от людей определенного, устойчивого социального взаимодействия, например, отношений соседства. Как отмечают исследователи⁷, сам по себе факт близости проживания не обязательно подразумевает возникновения непосредственных взаимоотношений между людьми — между соседями может не быть совсем никакого взаимодействия. Имен-

¹ См.: Willmott P. Community Initiatives. Patterns and prospects. London: Policy Studies Institute, 1989.

² Cohen A.P. Belonging: identity and social organization in British rural cultures. Manchester: Manchester University Press, 1982; Cohen A.P. The Symbolic Construction of Community. London: Tavistock, 1985.

³ Crow G., Allan G. Community Life. P. 6.

⁴ Cohen A.P. The Symbolic Construction of Community. London: Tavistock, 1985. P. 118.

⁵ Ibid. P. 12.

⁶ Ibid. P. 12.

⁷ Lee D., Newby H. The Problem of Sociology: an introduction to the discipline. London: Unwin Hyman, 1983. — P. 57.

но взаимоотношения между людьми и социальные сети, которые их связывают, представляются одним из наиболее существенных аспектов «сообщества». Р. Путнам показывает, что самое глубокое чувство принадлежности характерно для таких социальных сетей, как семья и друзья. Из наиболее распространенных сетей, связывающих людей в сообщества, можно также назвать работу, соседство, участие в решении общих дел, совместная политическая и гражданская активность и пр.¹ Способствуя самореализации и сохранению индивидуальности, такие неофициальные отношения часто позволяют людям справляться с насущными проблемами и ориентироваться в непредвиденных обстоятельствах ежедневной жизни². В исследовании «Семья и социальные сети»³, оказавшем значительное влияние на дальнейшие community studies, Е. Ботт убедительно доказывает, что окружающую социальную среду городских семей лучше всего рассматривать не как местность, в которой они живут, а скорее как сеть фактических социальных отношений, которые они поддерживают, независимо от того, ограничены [эти отношения] окружающей местностью или выходят за ее границы. Это положение значимо, поскольку для многих социологов идея социальных сетей была и остается привлекательной тем, что сети представляют собой нечто, способное быть смоделированным и измеренным. Такие авторы, как М. Стэйси, разочаровавшись в сообществе как бессмысленном понятии, призвали вместо сообществ исследовать «местные социальные системы» (например, плотность и другие качества социальных сетей)⁴.

Сельские локальные сообщества обладают характеристиками, как общими с иными сообществами и социальными организмами, так и присущими только сельскими сообществам.

1. Данные сообщества являются элементами сельской среды и входят в совокупность поселений, имеющих сельский административный статус. Поскольку значительная часть таких поселений имеет несельскохозяйственный профиль, понятие «сельская местность» является более широким, чем понятие «деревня». Сельское сообщество выступает в качестве низового звена социально-территориальной структуры сельской местности. Обладая всеми основными чертами, присущими любой территориальной общности, сельское сообщество имеет характерную особенность, отличающую его от территориальных общностей более высокого ранга. Эта особенность состоит в отсутствии

¹ См.: Putnam R.D. *Bowling Alone. The collapse and revival of American community*. New York: Simon and Schuster, 2000. P. 274.

² Allan G. *Kinship and Friendship in Modern Britain*. London: Oxford University Press, 1996. P. 2.

³ Bott E. *Family and Social Networks*. London: Tavistock, 1957.

⁴ Stacey M. *The Myth of Community Studies* // *British Journal of Sociology*. 1969. V 20. No 2. P. 34–47.

внутри него более мелких, самостоятельных территориальных общностей. Сельское сообщество — единственный вид сельской территориальной общности, формирующий целостную микросреду обитания населения.

2. Изучение сельских локальных сообществ в качестве системы подразумевает учет в процессе исследования ряда изначально свойственных ей признаков. Это крайне важный момент, поскольку, как показывает опыт, отдельные исследователи склонны приводить такие описательные характеристики, свойственные любой социальной системе, в качестве одного из результатов своего исследования.

Применительно к объекту исследования данной работы системные свойства социальных образований, присущие сельским локальным сообществам, можно представить следующим образом:

— *Саморегулирование системы* может быть как осознанной (изменение системы регулирования земельных отношений при изменении этнодемографической структуры, адаптация норм обычного права к меняющемуся законодательству государственных структур, переход на новые формы специализации и пр.), так и неосознанной (механизмы стихийного воспроизведения).

— *Адаптивность системы* проявляется в том, что социум — адаптивно-адаптирующая система. Достаточно отчетливо прослеживается при анализе ее взаимосвязей с осваиваемой сельскими локальными сообществами природно-территориальной средой, постоянно меняющей свои параметры под воздействием производственной деятельности, и в то же время определяющим характер и направленность производственной деятельности.

Это же свойство прослеживается и при анализе взаимосвязей с внешней средой. В процессе жизнедеятельности общность постоянно находится под воздействием тех социальных образований, в которые она входит, оказывая в отдельных случаях и обратное воздействие. Изменение условий жизнедеятельности, происходящее под воздействием постоянно меняющихся потребностей, определяющихся внешней средой, в значительной мере влияет на направления социального прогресса.

— *Детерминированность системы*. Это свойство социума определяется тем, что сформировавшаяся на предыдущем этапе система социальных связей, характер производственной деятельности, ценностные ориентации, определяют жизнь следующих поколений. Данные системы по характеру и принципам детерминации условно подразделяются на динамические, когда состояние системы однозначно определяется состоянием макросистемы (в нашем случае тех социальных образований, в рамки которого входят), и стохастические, когда внешнее воздействие не приводит к однозначному и синхронному изменению. Воздействие среды в большинстве случаев не имеет прямого характера. И в этом отношении социум является развивающейся стохастической системой. Присущие обществу объективные законы детерминируют только об-

щее направление, тенденции необратимых социальных изменений, а их конкретные формы, методы, темпы определяются конкретными условиями, формировавшимися в условиях выборочных полигонов в течение достаточно длительного периода. В случае отсутствия жесткой детерминации создаются объективные предпосылки для социального выбора, который в то же время всегда ограничен несколькими вариантами. В качестве примера жесткой детерминации можно привести ситуацию, абсурдную для европейской логики, но типичную для России: сельское население выходит на работу, не получая годами заработную плату и не имея ясного представления о форме собственности организаций, в которой они работают;

— *Центрированность системы.* В комплексе социальных связей во всех случаях выделяются системообразующие, распад или качественное изменение которых приводит к необратимым изменениям системы в целом.

— *Значительная степень изолированности*, замкнутости системы, — в связи с чем сельские сообщества и рассматриваются как локальные. Локальность проявляется в привязке сельских сообществ к какой-либо определенной территории, в ограниченности ресурсов локального сообщества (человеческих, природных, производственных), а также в собственной (детерминированной внутренними факторами), иногда весьма специфической логике развития социальных отношений. В связи с последним имеются основания говорить о социально-экономической целостности сельского локального сообщества, проявляющейся в большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними. Одновременно, как и любая система, локальное сельское сообщество связано с «большим обществом» и зависимо от условий внешней среды (вплоть до влияния глобальных социально-экономических процессов).

— *Целостность* данных социально-территориальных общностей проявляется и в необходимости количественного и качественного соответствия ее структурных элементов.

3. Тесная связь со средой обитания. Для локального сельского сообщества ресурсы окружающей природной среды: земли сельскохозяйственного и несельскохозяйственного назначения, топономика местности, коммуникации, богатства растительного и животного мира и т. д.), — являются решающими факторами в организации жизнеобеспечения, определяют формы и характер социально-экономических отношений.

4. Сельские локальные сообщества характеризуются специфической системой ценностных ориентаций и норм поведения, специфическим сельским образом жизни. Это проявляется в самоидентификации большинства населения с данным социально-территориальным сообществом, а также в наличии у членов сообщества общих интересов, формирующих определенные типы поведения территориальной группы.

Специфический характер ценностных ориентаций и норм поведения населения сельских локальных сообществ проявляется также в такой черте сельского населения, как приверженность традициям. В сельской местности проживает в основном коренное население страны, сохраняющее историческую память предшествующих поколений. Крестьянство является хранителем культурных и хозяйственных традиций, играющих значительную роль в регулировании хозяйственной и иной деятельности. Причем данное свойство сельского сообщества может выступать в различных случаях и как позитивный фактор (консерватизм сельского населения обеспечивает устойчивость данного социума), и как препятствие на пути инноваций, необходимых для адаптации к меняющимся внешним условиям среды.

5. Общее социальное отставание от города. Сельские сообщества отличаются от городских меньшей степенью социально-экономического и культурного развития, отставанием уровня благосостояния людей, что соответственно оказывается на социальной структуре и образе жизни населения. Даже в относительно благополучный для села советский период социально-бытовая инфраструктура села была представлена сетью сравнительно небольших учреждений обслуживания населения¹, в подавляющем большинстве поселений имелись только некоторые отрасли обслуживания с весьма ограниченной материальной базой. В период экономического кризиса 1990-х и общего сокращения расходов на социальные нужды, ситуация лишь усугубилась: объем получаемых сельским населением услуг меньше, а качество ниже в сравнении с остальной, неаграрной частью населения страны. Значительная часть сельского населения не получает даже самых необходимых услуг и вынуждена обращаться за ними в более крупные населенные пункты.

6. Для села характерны существенно меньшее (по сравнению с городом) число видов трудовой и досуговой деятельности, большая социальная и профессиональная однородность. Экономика сельских локальных сообществ связана с сельскохозяйственным производством и промыслами, то есть использованием ресурсов окружающей природной среды.

7. Социальная полиструктурность². Внутренняя структура сельского локального сообщества включает в себя всю полноту социальных связей, и в этом отношении оно подобно обществу — не случайно в России сельские общинны традиционно назывались «миром». В нем воспроизводится не отдельные социальные слои и группы, а вся социальная структура, присущая данному обществу. Местное сообщество рассматривается как упорядоченная система социальных сообществ. Во-первых, исходным элементом сельского локального сообщества выступает семейное сообщество. Большинство жителей

¹ Методология и методика системного изучения советской деревни / Артемов В.А., Калмык В.А., Хахулина Л.А. и др. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1980. С. 20.

² См.: Староверов В. И. Сельская социология. М.: РМЦ ИСПИ РЛН, 2003. С. 26–27.

имеет по месту жительства достаточно сильные родственные связи, в результате чего наблюдается высокая ориентация на семейное сообщество как локальную базовую группу. Во-вторых, ядро сельского сообщества традиционно составляют соседские сообщества. Будучи одним из универсальных феноменов локальной жизнедеятельности, соседство основано на общности места жительства. Общее место жительства представляет решающий фактор, воздействующий на возникновение, устойчивость и потенциал развития соседского сообщества. Компактное проживание жителей выступает начальным системообразующим критерием соседского сообщества. Далее, сельское сообщество состоит из различных (профессиональных, трудовых, культурных, досуговых и прочих) общностей.

8. Для сельских поселений характерна большая слитность труда и быта. Отсюда происходит значительная дифференциация сельских сообществ по уровню и качеству жизни, явление специализации, то есть выделение какого-то одного вида занятости в качестве преобладающего. Специфика экономической специализации сельских локальных сообществ и экономические результаты труда от природно-климатических факторов и других факторов внешней среды (развитость дорожно-транспортной сети, близость городов и т. п.). Поэтому для сельских локальных сообществ характерна большая дифференциация по уровню рентабельности труда населения, размерам доходов, развитию социальной инфраструктуры и т. д.

9. В сельской местности, по сравнению с городом, традиционно большее распространение имеют неформальные практики, обязанные своему происхождению «гемайншафтному» типу солидарности сельских общин прошлого. Сельские жители, что особенно характерно для России с ее традициями общинной жизни, чаще обращаются за помощью друг к другу, чем к поддержке государственных и общественных структур. Межсемейная, дружеская, соседская, родственная взаимопомощь имеет разные формы: «натулярная» помощь, взаимообмен с другими семьями, дарение, помощь в строительстве дома, присмотр за детьми, помощь по хозяйству и др. Механизмы сетевой, неформальной поддержки, взаимопомощи — важное средство социальной защиты человека¹. Однако этот фактор, как и прочие традиции, обеспечивая стабильность социума и физическое выживание сельского населения, также в некоторых случаях может рассматриваться как преграда для инноваций. Большая, по сравнению с урбанизированной средой, роль неформальных, скрытых практик выступает фактором, затрудняющим сбор достоверной информации о качественных и количественных показателях развития сельского социума, что, помимо чисто научной проблемы, затрудняет разработку адекватных

¹ См.: Холостова Е.И. Сельская семья и социальная работа. М.: Дашков и Ко, 2005. С. 172.

управленческих решений по развитию социально-экономической сферы села, определение целей государственной аграрной политики.

10. Местное локальное сообщество, рассматриваемое в теоретическом плане с помощью понятий общего и особенного, обладает признаками, специфическими характеристиками, придающими ему необходимую устойчивость и в то же время динамику, подвижность и гибкость с учетом постоянного развития сельского локального сообщества, адаптацию к происходящим во внешней среде изменениям. Локальное сообщество, в отличие от пассивного «населения», механически воспринимающего нововведения, декларируемые на уровне государственной политики, является активным агентом происходящих социальных перемен, вырабатывающим специфические формы адаптации к ним.

Социальная сущность, цель и смысл существования сообществ — удовлетворение общественных потребностей. Характеризуя сельские локальные сообщества с функциональной точки зрения, следует отметить, что любое локальное сообщество представляет собой сочетание социальных единиц и систем, которые выполняют основные функции, значимые для данной территории. Вслед за американским первооткрывателем методологии *community studies* Р. Уорреном можно выделить пять функций сообществ: 1) производство—распределение—потребление; 2) социализация; 3) социальный контроль; 4) социальное участие; 5) взаимопомощь¹.

Если экономическая функция производства—распределения—потребления обеспечивает материальное воспроизведение, то выполнение функций социализации, социального контроля, участия и взаимопомощи обеспечивают воспроизведение духовных, ценностных оснований сообщества, определяют относительную ограниченность локального сообщества рамками локальной культуры и включенность в рамки окружающего социокультурного ландшафта. Ключевым, на наш взгляд, является сохранение «общинного» самосознания, или чувства принадлежности к определенному месту, малой культуре, системе родственно-соседских связей, внешне проявляющемуся в феномене «малой родины» — состоянии эмоционального отношения к месту проживания. Чувство «принадлежности к малой родине» измеряется такими показателями как удовлетворенность своей жизнью в данном месте, положением дел в селе, миграционными настроениями респондентов. Линейная схема моделирования факторов, определяющих силу местных связей, предполагает, что размер и плотность населения влияли бы в наибольшей степени на связи и отношения², то есть возрастание численности и плотности населения отрицательно воздействуют на силу психологических связей с мест-

¹ См.: Warren R.L. *The Community in America*. Chicago, 1978.

² См.: Gondy W. J. Community Attachment in a Rural Region // *Rural Sociology*. 1990. 55 (2); Gondy W.J. Community Attachment in Small Towns: Evidence from Iowa (USA) // Paper presented at the European Society for Rural Sociology's 17th congress in Chania, Greece. 1997.

ной общиной¹. Согласно этой модели, психологические связи жителей с местом проживания вследствие урбанизации ослабевают.

Некоторые социологи выделяют также существенную роль таких показателей, как местное участие (участие в местных организациях) и местное политическое отчуждение в качестве значимых психологических аспектов связей с местом жительства. Ключом к психологической тождественности, по мнению Д. Поплина², является вовлеченность, т. е. готовность со стороны личности участвовать в делах местной общины. Эти предположения опираются на теорию социальной мобилизации. Главное ее положение в том, что связи жителей с местной системой могут вытекать из способности местных лидеров мобилизовать жителей на действия для местной политической сцены; чувства, что демократические правила соблюдаются в работе местных органов власти.

Изучение процессов, происходящих в сельских локальных сообществах, невозможно без построения соответствующей типологии вследствие значительной дифференциации различных сельских поселений по уровню экономического развития, факторам и формам взаимодействия с окружающей средой, специализацией экономической деятельности населения и прочих факторов.

Такая типология должна соответствовать двум основным требованиям:

1) Отвечать цели исследования и отражать типично-специфические черты сельского сообщества, каждое из которых характеризуется специфическим «социально-экономическим портретом».

2) Все полученные типы должны быть достаточно наполнены и сравнительно устойчивы во времени.

В соответствии с вышеуказанным возможно построение типологии, либо специально предназначеннной для целей того или иного исследования, либо представляющей собой анализ системы функциональных типов сельских населенных пунктов, с выдвижением на первый план ведущих признаков, связанных с определенными социально-экономическими и технико-экономическими условиями³. Это типологическая схема — основная по своему теоретическому и практическому значению. Необходимо учитывать, однако, что первый вид типологии будет иметь неизбежно слишком частный характер, а второй вид заставляет пренебречь некоторыми, также достаточно существенными для характеристики локального сообщества признаками.

Социально-территориальная структура сельской локальной среды, несмотря на ряд исследований, осуществлявшихся как в советское время, так и прово-

¹ См.: Wilson T. Settlement Type and Interpersonal Estrangement // A Test of the Forces. 1985. 64 (1).

² Poplin D.E. Communities. A Survey of Theories and Methods of Research. New York: The Macmillan Company, 1972.

³ См.: Ковалев С.А. Типология и районирование сельского расселения // Ковалев С.А. Избранные труды. Смоленск: «Ойкумена», 2003. С. 121–169.

димых сейчас, изучена пока еще слабо, и поэтому серьезной проблемой является научно обоснованная классификация сельских локальных сообществ.

Ряд соображений, относящихся к типологии сельских сообществ, можно найти в последующих работах, посвященных методологическим вопросам географии сельской местности или характеристике расселения для отдельных районов страны (В.В. Покшишевский, С.А. Ковалев, К.П. Космачев, В.С. Валов, О.Р. Назаревский, Б.С. Хорев, А.А. Минц, Т.К. Дагаева и некоторые другие).

Исследования российских ученых Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной, Л.А. Хахулиной содержат, помимо общих и частных методик изучения аграрного сектора, основные направления социально-экономического развития сибирской деревни, результаты моделирования и типологии процесса развития деревни. Представляет интерес исследование, где делалась попытка типологизировать 130 регионов бывшего СССР по уровню и характеру социально-экономического развития села¹.

Группировку сообществ (поселений) по их величине (населенности) можно рассматривать как простейший вид типологии, в основу которого положен один показатель, весьма существенный для характеристики населенных пунктов. Людность поселений связана с производственными функциями поселения, с формой расселения, с историей данного населенного пункта. Этот показатель объективно отражает суммарное действие целого ряда факторов на развитие сообщества, но сам по себе не раскрывает эти факторы. Как отмечает С.А. Ковалев, «типология людности» может рассматриваться как один из видов типологии, но наиболее эффективно может быть использована в соединении с другими типологическими линиями — функциональной, генетической (исторической) и др.².

На основе типологии по численности населения (людности) выделяют мельчайшие, мелкие, средние, крупные сельские поселения. Необходимо отметить, что отдельные районы страны сильно отличаются по численности сельских поселений.

Функциональная типология учитывает такие признаки, как производственная специализация, роль населенного пункта в социо-территориальной организации производства, место сообщества в системе локальных межселенных связей. В широком понимании, функциональная типология включает в себя также отнесение сельских пунктов к той или иной социально-экономической группе (например, села с крупными сельхозпроизводителями или поселения, основой существования которых являются личные хозяйства населения) и отражает экономико-географическое положение («топографическое положение», микрокли-

¹ См.: Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980; Заславская Т.И., Хахулина Л.А. Социальное развитие села: анализ и моделирование. Новосибирск, 1980.

² См.: Ковалев С.А. Указ. соч. С. 123.

матические условия, положение относительно транспортной сети), напрямую влияющее на функции сельского локального сообщества.

Для определения функционального типа сельского поселения важным критерием служит структура «поселкообразующей» группы самодеятельного населения. Численность и состав «поселкообразующего» населения отражают экономическую основу жизни данного населенного пункта и его функциональный тип. В населении поселков может быть выделено несколько групп¹: 1) занятые в сельском хозяйстве; 2) занятые в лесном хозяйстве; 3) занятые на внешнем транспорте; 4) занятые в промышленности; 5) занятые в учреждениях (хозяйственных, административных, культурных, медицинских, торговых), в значительной степени обслуживающих другие селения района; 6) занятые в различных учреждениях, главным образом обслуживающих «временное» население, прибывающее в данное место для отдыха, лечения.

Преобладание первой группы создает тип сельскохозяйственного поселения. Преобладание второй, третьей и четвертой групп создает различные типы несельскохозяйственных поселков в сельской местности. Значительная доля шестой группы характерна для особых типов несельскохозяйственных поселений — курортных поселков, туристских базах и т. п. Сочетание первой и четвертой групп создает разные типы аграрно-индустриальных поселений в сельских местностях. Значительная доля пятой группы указывает на выполнение поселением функций местного центра в сельском районе. Эти функции, как правило, сочетаются с производственными: образуются различные типы сельскохозяйственных, аграрно-индустриальных, несельскохозяйственных (например, пристанционных) поселков с развитыми функциями местных центров.

С точки зрения функциональных типов несельскохозяйственные поселения в сельской местности и особенно местные центры в сельских районах находятся на грани «городской» и «сельской» типологии. В этом плане большое значение имеет дифференциация между «простыми» поселениями и районами (районными центрами), показанная Т.И. Заславской². В частности, на поселенческом уровне главной является структурная связь между «рядовыми» сельскими поселениями и районными центрами. Первая группа поселений выполняет функцию производства сельскохозяйственной продукции. Большая часть ее населения непосредственно занята выращиванием сельскохозяйственных культур, уходом за продуктивным скотом, производством животноводческой продукции. Здесь сосредоточена основная доля сельского населения. Что касается управления и социальной инфраструктуры, то они представлены на этих уровнях только низшими и средними звенями.

¹ См.: Кобалев С.А. Указ.соч. С. 121–169.

² См.: Заславская Т.И., Рыжкина Р.В. Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.

Производственная сфера районных центров «ответственна» за обслуживание сельского хозяйства, материально-техническое снабжение, заготовки, хранение и первичную переработку, а также транспортировку продукции сельского хозяйства к потребителям. Далее, в поселениях-райцентрах сосредоточены «высшие» звенья системы бытового и социально-культурного обслуживания сельского населения, социальной инфраструктуры села и, соответственно, низшие управлеченческие и самоуправлеченческие структуры. Многопрофильная специализация районных центров обеспечивает экономически активному населению более благоприятные, по сравнению «рядовыми» сельскими поселениями, возможности на рынке труда, а развитая социально-бытовая инфраструктура гарантирует также лучшие условия и качества жизни.

Современный облик сельских локальных сообществ определяет и история освоения и развития отдельных районов и поселений, что задает потребность в исторической, или генетической типологии. С историей, или генеалогией локальных сообществ напрямую связаны и различия в национальном составе их жителей (в свою очередь обуславливающие облик того или иного сельского локального сообщества) и, частично, социально-экономические практики населения. Типологическое значение в данном случае имеют различия в «возрасте» населенных пунктов и то, на каком этапе социального, культурного, экономического развития находится локальное сообщество — от чего зависит состояние социальной, экономической инфраструктуры (освоенность территорий и экология), численность и демографический состав сельских поселений и т. д.

Наконец, применительно к условиям трансформирующегося общества возможна типология сельских локальных сообществ по типу адаптации к меняющимся условиям внешней социальной среды.

Сельское локальное сообщество, как и любая другая социальная система, представляет собой систему отношений индивидов и социальных действий. Для ее анализа также применим системный подход, рассматривающий четыре подсистемы (социetalное сообщество, систему поддержания институциональных этнических образцов, политическую и экономическую системы), их функциональное назначение и взаимосвязи.

Комплексное исследование социального развития локального сельского сообщества требует выделения, по крайней мере, трех блоков:

1. Социально-экономический блок, охватывающий проблемы, связанные с уровнем доходов сельского населения, отношениями собственности, состоянием рынка труда и формами занятости населения, преобладающими видами экономической деятельности и т. д.

2. Социально-демографический блок.

3. Социально-структурный блок, включающий в себя вопросы социальной организации и социальных взаимоотношений сельского сообщества.

Эти показатели, фиксируемые в ходе исследования локальной специфики адаптации сельских сообществ, позволяют оценить сельские сообщества по следующим параметрам:

- а) степень вовлеченности в процессы адаптации;
- б) уровень адаптированности к переменам;
- в) социальные ресурсы, доступные сообществу.

Методика исследования в целом основывалась на имеющихся на сегодняшний день разработках, накопленных и апробированных в ходе эмпирических исследований 1997–2008 гг., осуществленных под руководством автора.

Для социологического исследования использовались следующие прикладные методики:

- 1) массовый опрос населения обследуемых сел и поселков;
- 2) стандартизованный экспертный опрос представителей сельской интелигенции и местной элиты;
- 3) выборочное неформализованное интервьюирование некоторых экспертов;
- 4) включенное наблюдение;
- 5) паспортизация сел;
- 6) сбор документов официальных органов власти (статсправки, планы, программы развития и т. д.)

Социологическая выборка строилась таким образом, чтобы быть максимально репрезентативной по полу, возрасту, сфере занятости и образованию респондентов: отклонения численных характеристик соответствующих групповых структур, представленных респондентами, от численных характеристик групповых структур генеральной совокупности (т. е. населения избранных для обследования сел) не превышают в подавляющем большинстве случаев 5 %.

Массовый опрос населения осуществлялся на основе двухступенчатой выборки. На первом этапе отбирались населенные пункты, которые будут обследоваться. Для каждого из этих населенных пунктов определялся необходимый объем подвыборки на основании официальных данных о численности населения. Затем в каждом из населенных пунктов непосредственный отбор респондентов осуществлялся на основании маршрутной модели выборки. Выборочная совокупность строилась по квотному принципу и репрезентативна по квоте общей численности населения каждого района. При этом наиболее целесообразным было признано равное представительство в общем массиве опрошенных людей каждой из социальной и этнических групп, попавших в фокус исследования.

В качестве основного инструментария при проведении неформализованного интервью использовалась анкета массового социологического опроса, которая содержит более 80 вопросов, предназначенных для социально актив-

ного населения, как занятого, так и незанятого. Структура анкеты состоит из общих вопросов, а также вопросов, касающихся каждой подгруппы.

Вопросы анкеты были сгруппированы в тематические блоки, в том числе: демография, миграция, структура занятости и безработица, уровень и качество жизни, формы природопользования, общинное самоуправление, межнациональные отношения, политическое сознание, этническая самоидентификация и оценка перспектив развития этносов. Блоки эмпирических показателей между собой логично связаны.

Блок I. Социальный состав респондентов. Социальные группы и слои выделяются по критериям положения в системе отношений собственности, общественной организации труда, по источникам доходов, а также по уровню образования. Выделяются также половозрастные группы.

Блок II. Социально-демографические показатели, выявляемые по показателям пола, возраста, состояния в браке, наличия детей, места жительства.

Блок III. Социально-корпоративная, отраслевая и профессионально- должностная позиция респондентов. Группировка позиций проводится по признакам: место работы, профессия, тип производственно-трудовой организации.

Блок IV. Условия жизни характеризуются на основе показателей уровня заработной платы (дохода), материально-бытовой обеспеченности респондентов, включая жилищные условия, доступ к образованию.

Блок V. Социокультурные характеристики респондентов. Уровень полученного образования, культурные интересы и возможности его удовлетворения.

Блок VI. Мотивационная сфера. Охватывает показатели ориентации и оценки трудовой деятельности самими респондентами, установки респондента на переезд, а также включает выявление общественно значимых интересов и ценностей респондента: отношение к местному управлению и самоуправлению.

Блок VII. Самоидентификация респондента с социальной группой по основным чертам жизнедеятельности.

Для проверки и детальной проработки информации, характеризующей исследуемый объект, использовалась анкета эксперта, включающая около 50 комплексных вопросов, направленных на выявление проблем организации хозяйственной, общественной, политической, идеологической и культурной жизни сельских локальных сообществ и позволяющих на региональном уровне оценить степень экономической и политической активности, причины и вероятность возникновения конфликтов, приоритеты в решении правовых и политических проблем, в том числе проблем землепользования и самоуправления.

Опрос проводился в форме анкетирования. Большинство вопросов «Анкеты эксперта» носили закрытый характер, поскольку были ориентированы на сельскую интеллигенцию и специалистов среднего звена.

Экспертный опрос осуществлялся на основании квотной выборки, стратифицированной по населенным пунктам. Квотировались пол и род занятий экс-

перта: управленческий персонал, представители сельской интеллигенции, инженерно-технический персонал, предприниматели. Модель выборки, таким образом, была направлена на сбор максимально разносторонних высказываний. При составлении выборки обязательно учитывались различные социальные и этнические группы населения, проживающие в обследуемом сообществе. Анкета эксперта была предназначена для людей с высоким уровнем компетентности в интересующей нас области: представителей администраций, хозяйственных руководителей, руководителей учреждений культуры и образования, здравоохранения, квалифицированных рабочих и др. В качестве экспертов выступали, в основном, управленческий персонал и сельская интеллигенция. При экспертном опросе основное внимание уделялось уровню информированности лиц, включенных в состав экспертной группы, а не их формальному соответствуанию тем или иным социально-демографическим характеристикам. По определению, экспертный опрос относится к качественным методам и никакого соответствия «выборки» «генеральной совокупности» здесь не может быть, — просто потому, что никакой генеральной совокупности не существует. Немалую роль при отборе экспертов играла их заинтересованность в опросе. Вопросы, включенные в анкету эксперта, требуют от респондента достаточно сложных оценочных операций (например, ответить на вопрос о том, какие отрасли хозяйства следует развивать в данной местности, невозможно без существенной мыслительной работы по инвентаризации собственного социального опыта). Естественно, что лица с низкой мотивацией на участие в исследовании постараются уклониться от выполнения этой работы, в связи с чем их ответы могут носить формальный, малоинформационный характер. Таким образом, при проведении опроса осуществлялся целенаправленный отбор лиц, по тем или иным причинам заинтересованных в данной работе.

На каждый населенный пункт составлялся также «паспорт села» — представленная в анкетной форме объективная характеристика природно-географических, социально-экономических, этно-демографических и прочих параметров развития сообщества.

В целях углубленного изучения процессов социальной адаптации сельских локальных сообществ исследование включало в себя формализованное и неформализованное интервьюирование руководителей обследованных районов и поселений, специалистов и представителей бизнес-структур на предмет выявления особенностей социально-экономической и этнокультурной ситуации на местах.

Интервью конструировалось с целью выявления основных вопросов, которые представляются важными каждому конкретному человеку в сфере личной и семейной жизни, в быту, на работе, в отношении соседей-селян и жителей всего района. Интервьюируемому предлагалось осветить проблемы села, района, себя лично и своей семьи, вспомнить прежнюю жизнь и оценить перспективы ближайшего и отдаленного будущего. По возможности (в зависи-

ности от осведомленности, открытости, готовности к взаимодействию и личных характеристик человека) в процессе интервью затрагивались все основные проблемы: идеологические и политические, правовые и экономические, социально-демографические и культурные, национальные и исторические, проблемы воспитания и образования, проблемы различных социально-профессиональных групп и социальных слоев населения, проблемы старых и новых отношений, изменения структуры и будущего села.

Интервью имеет существенные преимущества перед социологической анкетой в нескольких отношениях. Во-первых, оно позволяет исследователю учитывать не только индивидуально-психологические особенности опрашиваемого, но и его уровень компетентности, а также внешние социальные характеристики, тем самым получая более полную информацию о предмете.

Во-вторых, интервью позволяет проводить коррекцию ответов опрашиваемых в процессе опроса. Известно, насколько часто люди склонны давать заранее неправильные (социально желательные или дезинформирующие) ответы на вопросы, особенно когда они работают с анкетой. В процессе интервью все эти моменты могут быть эффективно выявлены и скорректированы.

В-третьих, никакая анкета не способна учесть всего многообразия мнений людей, следовательно, всегда ограничена исходной позицией ее автора, исследователя. Это одна из причин сниженной валидности социологических анкет. Интервью позволяет повысить валидность самого исследования и увеличить надежность статистических характеристик собранной социологической информации. Собираемый в ходе этой работы эмпирический материал оказался по своей информативности не только сопоставимым, но и по ряду направлений превосходящим данные стандартизованных опросов. В частности, без результатов неформализованного интервью существенно хуже были бы изучены такие вопросы как структура экономической активности жителей определенного села, неофициальные источники доходов, роль государственных «планово-убыточных» предприятий в экономике сельских сообществ и некоторые другие.

В период подготовки и проведения мониторингового исследования собирался, кроме того, статистический материал и материал публикаций местных периодических изданий, отражающий основные стороны образа жизни населения округа в целом и обследованных районов и поселений в особенности.

Как и практически всякое иное социологическое исследование, изучение динамики социальных процессов в сельских локальных сообществах должно подкрепляться статистическими методиками, понимаемыми как совокупность приемов, используемых для всесторонней характеристики развития социальных явлений и процессов при помощи массовых цифровых данных, получаемых в ходе массового обследований сельских сообществ.

Построение модели, адекватной проверяемой гипотезе и характеру имеющихся данных, является одним из решающих моментов исследования. Для по-

строения эмпирических моделей социальной адаптации сельских локальных сообществ использовалась методика факторного моделирования, основанная на типологии изучаемых социальных объектов, в зависимости от сочетания внутренних ресурсов и внешних факторов адаптации, структуры социально-экономического активности домохозяйств. Фактор — это причина, движущая сила какого-либо процесса или явления, определяющая его характер или одну из основных черт. Применительно к теме исследования, под фактором понимаются локальные условия социально-экономического развития сельских сообществ и причины, влияющие на них. Стратегии адаптации сельских локальных сообществ и отдельных домохозяйств сельского населения зависят от ряда факторов экономического, социального, демографического, природно-климатического и географического характера. Адаптация сообщества как целого сложна и многогранна и представляет собой комплекс взаимосвязанных социальных процессов, характеризующихся системой показателей, которые зависят от многочисленных и разнообразных факторов. Глубокое изучение всего комплекса факторов, повлиявших на выбор модели адаптации и динамику социально-экономического развития сельских локальных сообществ, позволило рассмотреть механизм формирования и реализации адаптационных стратегий сельских сообществ, правильно оценить результаты развития, выявить резервы адаптации (адаптационный потенциал), определить возможности повышения эффективности социально-экономических практик. Каждый фактор состоит из ряда причин, которые, в свою очередь, выступают как самостоятельные факторы с большей или меньшей степенью воздействия на выбор модели адаптации и результаты социально-экономического развития, в конкретных количественных и качественных показателях.

Анализируемые факторы были классифицированы по разным признакам, исходя из посылки, что по своей природе факторы подразделяются на природно-географические, социально-экономические, а по степени воздействия — на основные и второстепенные. К основным были причислены факторы, оказывающие решающее воздействие на результативные показатели социального развития сельских локальных сообществ. Второстепенными было предложено считать те, которые не оказывают решающего воздействия на социальную ситуацию и адаптационные процессы. Необходимо отметить, что в зависимости от обстоятельств один и тот же фактор оказывался и основным, и второстепенным.

Этапы факторного анализа включали:

- 1 этап — статистическое наблюдение, то есть сбор исходной информации;
- 2 этап — обработка исходной информации;
- 3 этап — анализ полученных данных;
- 4 этап — разработка конкретных мероприятий на основании полученных данных.

Построение описательных моделей адаптации сельских сообществ проводилось в несколько этапов:

- качественный анализ (постановка цели анализа и выбор метода, определение совокупности, определение результативных и факторных признаков);
- предварительный анализ моделируемой совокупности (проверка однородности совокупности, исключение аномальных наблюдений, уточнение необходимого объема выборки, установление законов распределения изучаемых показателей);
- построение стохастической модели (уточнение перечня факторов, перебор конкурирующих вариантов моделей);
- оценка адекватности модели (проверка статистической существенности уравнения в целом и его отдельных параметров, проверка соответствия формальных свойств оценок задачам исследования);
- интерпретация и практическое использование модели.

С учетом данных факторного анализа, на основании анализа показателей и условий адаптации определенных сельских локальных сообществ, как внутренних, (состав социально-экономической сферы сообществ, экономическая специализация, состав населения), так и внешних (географических и природно-климатических условий), в работе построены аналитические модели адаптации сельских сообществ, основанные на типологии сообществ (поселений) в зависимости от сочетания стратегии и факторов адаптации.

§ 1.3. Развитие сельских сообществ в условиях общемировых цивилизационных изменений

Специфика современного этапа мирового развития заключается в том, что состояние не только отдельных стран, но и общечеловеческой цивилизации в глобальном плане зависит от взаимодействия всех локальных событий, а локальные события, в свою очередь, все больше воплощают в себе целое, поэтому основные направления изменений в социальной сфере сельских локальных сообществ должны быть осмыслены в контексте глобальных цивилизационных процессов, определяющих сегодня стратегии и модели социально-политического и экономического развития российского социума и локальных общинностей. Масштабная трансформация, утверждая новую модель мироустройства, неизбежно затрагивает как жителей наиболее развитых стран, так и обитателей самых отдаленных уголков планеты.

Научное сообщество единодушно в том, что российское село, как и российское общество в целом, в настоящий исторический момент переживает период глубокой трансформации. Однако нет единодушия в понимании сущности, закономерностей, тенденций трансформационных процессов. Поэтому предлагаются различные концепции для их объяснения, часто опирающиеся на противоположные теоретические основания. Адекватное понимание цивилизационных

процессов требует существенного преобразования методологии и понятийного аппарата социальных наук, для чего необходимо уточнение понимания соотношения цивилизационных процессов и процессов глобализации.

Во второй половине XX столетия в рамках той отрасли знания, которая получила на Западе название «civilisational studies» (цивилизационные исследования) сложилось множество представлений о том, что такая цивилизация. В целом их можно свести к трем вариантам. 1) Цивилизация как этап или идеал прогрессивного развития человечества; подобная трактовка сформировалась в русле методологии «прогрессизма», трактующей всю историю человечества с позиций европоцентризма. 2) Цивилизация как уникальное, локально-историческое, качественно различное общественное образование; данное направление продолжает основываться на представлении о цивилизациях как локально-исторических образованиях, сущность которых сводится к социокультурной специфике. 3) Последней, (не культурологической) является интерпретация понятия «цивилизация», сформировавшаяся под влиянием современной глобалистики (для которой базовой является дилемма локального/глобального). В рамках этой версии цивилизационного подхода, утверждающего единство мировой цивилизации, а современный мир как «встречу цивилизаций», их диалог, возможно сближение цивилизационного и глобалистского подходов.

Соответственно различным пониманиям цивилизации возможны и разнообразные точки зрения на сущность цивилизационных процессов, различные подходы.

Это и традиционный цивилизационный подход, в соответствии с которым развитие какого-либо общества на всем протяжении его истории может рассматриваться в рамках дилеммы «вызов–ответ», интерпретируемой в соответствии с концепцией А. Тойнби. Вызовы, с которыми сталкивается сегодня современный российский социум — это, прежде всего, глобальные вызовы Запада, предстающие как вызовы современности прошлому и определяющие внешнее воздействие, способное создать в постсоветских странах внутренний импульс собственного развития. Подобная методологическая схема, в частности, позволяет рассматривать развитие российского общества и отдельных социальных организмов российского общества в контексте мировых социально-экономических и культурных процессов, а особенности развития объяснять социокультурной спецификой неевропейских, незападных стран. Российские же реформы и адаптация населения оказывается особым типом ответа, который выражается через стремление незападных обществ измениться в сторону приближения своей экономики, политики, культуры к западному миру путем включения в глобализованную структуру современности. Таким образом, традиционный «цивилизационный подход» смыкается с теориями глобалистики, в соответствие с которыми под цивилизационными процессами следует понимать глобальные сдвиги в эволюции общемировой цивилизации (становление нового мирового мироустройства, глобального мира).

Противоречивый опыт масштабной структурной трансформации России унаследован, но одновременно имеет много общего, по своим причинам, содержанию и последствиям, с общецивилизационными изменениями. Весь современный мир сегодня находится в крайне неустойчивом состоянии — невиданные масштабы коренных социальных, экономических, политических и культурных сдвигов, которые дополняются становлением новой системы международных отношений, изменением роли и сущности ряда государств, возникновением новых перспектив и глобальных вызовов, позволяет говорить, что само «пространство становится иным и устроенным иначе»¹.

Таким образом, глобальные цивилизационные процессы, имеющие общую направленность для большинства стран мира, влекут за собой преобразование внутренней структуры, количественную и качественную динамику существования сельских локальных сообществ, теоретическое осмысление происходящих общемировых сдвигов закладывает основания для осмыслиения важности факторов глобального и местного (локального) характера в современной социальной жизни. Рассмотрение процессов социальной адаптации российского социума к происходящим изменениям глобальной среды с этой точки зрения позволяет глубже понять внутреннюю логику его развития, а также выявить сущность и основные направления воздействия на элементы локальной среды глобальных процессов.

Цивилизационный подход связан сегодня с решением ряда проблем, имеющих, наряду с теоретико-методологическим, важнейшее практическо-политическое значение. В первую очередь эта проблема соотношений общецивилизационных универсалий и региональной (локальной) специфики, поскольку современное общество имеет два основания — глобальное и локальное, причем они все более сопрягаются. На локальном уровне это связано с усилением роли и значения социальной жизни и социальных связей конкретных территорий, с переходом от централизации к децентрализации. Многими исследователями отмечается усилившаяся тенденция к поддержанию самоидентичности сообщества, в том числе за счет возрождения различного рода архаичных социальных механизмов². На глобальном уровне эта тенденция воплощается в феномене глобализации.

Концепция глобализации является в современной социологии наиболее популярным инструментом анализа социальных процессов³. Хотя дискуссия по проблемам глобализации продолжается уже несколько десятилетий, единого, общепринятого определения термина «глобализация» до сих пор не существует

¹ Каганский В.Л. Пространство России: Старое и новое // Куда пришла Россия. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 2003. С. 373.

² См.: Poliakov S. Everyday Islam: religion and tradition in rural Central Asia. N.Y., 1992.

³ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990; Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.

ет, это понятие остается весьма расплывчатым, по существу, каждый автор вкладывает в него собственный смысл. Причину этого ученые объясняют по-разному. Иногда ее видят в новизне и комплексности проблематики. Так, американский социолог Р. Страйкер подчеркивает¹, что круг проблем, связанных с понятием «глобализация», стал объектом пристального внимания исследователей сравнительно недавно, и именно в этом, по его мнению, кроется причина того, что в данной области знаний пока еще не удалось сформулировать общепризнанных постулатов.

В действительности наличие весьма различающихся теорий глобализации связано, на наш взгляд, с тем, что процесс глобализации носит всеобъемлющий характер, поэтому его различные грани входят в предмет изучения почти всех общественных научных дисциплин. Однако, говоря о глобализации, большинство исследователей видят сущность этого процесса в распространении некоей универсальной модели организации общества и экономики на весь мир. Автор классических трудов по социальной динамике интеграционных процессов, Энтони Гидденс, отмечает, что «компрессия пространства-времени» — фундаментальный компонент метафизики глобализма — ведет к децентрализации прежних социальных практик, эрозии национального государства как «базисной формы модерна» и в конечном счете к формированию транснационального социального пространства, организованного по сетевому принципу взаимодействия международных организаций, групп, отдельных личностей²; развитие мирового сообщества происходит в направлении включения отдельных обществ и государств в глобальные процессы и отношения, охватывающие весь мир. Являясь одной из ведущих тенденций развития мирового сообщества, глобализация оказывает влияние как на экономические и политические процессы, так и на взаимоотношения в культурно-цивилизационной сфере. Она ставит перед государствами, культурами и цивилизациями задачу вписаться в современные процессы, имеющие глобальный характер, сохранившись как целостность путем эволюции национальных/локальных систем ценностных ориентиров и моделей социально-экономического взаимодействия.

Появление дискурса глобализации часто трактуется как «пространствизация» теории социальных трансформаций³, подразумевающая пространственную референцию теории. Значимость пространственной референции для

¹ См.: Stryker R. Globalization and welfare state // International Journal of Sociology and Social Policy Hull, 1998. V. 18. No. 2-4.

² Giddens A. Globalization and Civilization. L., N.Y., 2002. P. 227.

³ См.: Featherstone M., Lash S. Globalization, Modernity and the Spatialization of Social Theory: An Introduction // Global Modernities. Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995; Therborn G. Introduction: From the Universal to the Global // International Sociology, 2000, No. 2.

парадигмы глобализации образно сформулировал Г. Терборн: «В то время, как постмодернизм бросил вызов концепции времени, свойственной современности (*modernity*), глобализация ориентируется на пространственную протяженность. В этом смысле глобализация может интерпретироваться как полет современности в пространство»¹. В рамках парадигмы глобалистики общественными изменениями могут быть лишь процессы, связанные со сменой пространственных характеристик социальной организации и социальных взаимодействий. В этом кардинальное отличие современного понимания соотношения глобального и локального от классической социологической теории, описывающей свой основной предмет изучения, общество, скорее как структурный принцип, как способ организации человечества, т. е. как видовое или даже функциональное понятие, а не как локализованный в пространстве и времени уникальный объект².

Глобализация несомненно является результатом процесса «интернационализации», социокультурного сдвига XIX–XX вв. (заключавшегося в развитии международных экономических связей и территориальной экспансии капиталистических отношений, в усилении экономической и политической взаимозависимости национальных институтов), который еще в XIX в. стал предметом интереса классических теорий развития. Так, уже в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (1848 г.) распространение во все большем числе стран институтов промышленного/буржуазного общества описываются как сущностная характеристика перехода человечества в новую историческую эпоху³. С такой точки зрения переход от интернационализации к собственно глобализации является переходом от плавности предшествующих тенденций к скачкообразной динамике развития указанных тенденций. Понятие глобализации включает как беспрецедентную интенсификацию процессов интернационализации до такой степени, что эти процессы становятся непосредственными факторами изменения социальной организации на субнациональном и локальном уровнях.

Возникновению современной парадигмы глобалистики непосредственно предшествовали теоретические модели, основывающиеся на понятии мировой системы как системы экономических и политических отношений. Примером этой традиции являются работы И. Валлерстайна, где он выдвигает понятие мир-экономики, возникшей в XV–XVI вв. и существенно отличающейся

¹ Therborn G. Introduction: From the Universal to the Global // International Sociology. 2000. No. 2. P. 150. Цит. по: Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Телескоп. 2002. № 4. С. 28.

² См.: Девятко И.Ф. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: К социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество. М.: Изд-во ООО «Стови», 2001. С. 7.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М., 1955.

от традиционного типа интеграции локальных обществ — империй¹. Эта мировая система является мировой капиталистической экономикой, получившей в Новое время распространение по всей планете. Структура мир-экономики является трех-полносной: центр—полупериферия—периферия. Причем зоны в ней группируются не по географической близости, а по характеру связей. Внутри центра капиталистической мир-экономики устанавливаются отношения кооперации и конкуренции. Между центром и периферией — отношения эксплуатации и зависимости. Полупериферия, как явствует из названия, находится с центром и периферией в отношениях смешанного типа. Интеграция этой структуры оказалась возможной благодаря торговым и производственным взаимосвязям, причем включение национальных государств в структуру мир-экономики было до некоторой степени насильтвенным.

Близкой к мир-системной модели И. Валлерстайна является теория глобализации Э. Гидденса. Под глобализацией Гидденс понимает интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые связывают удаленные места (localities) таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот². Гидденс рассматривает глобализацию как прямое продолжение модернизации, полагая, что современности (modernity) внутренне присуща глобализация. Поскольку модернизация, согласно Гидденсу, заключается в автономизации социальных отношений от локальных условий, то распространение действия де-контекстуализирующих институтов на весь мир логично считать продолжением модернизации в форме глобализации. Глобализация, как и любая социальная система, рассматривается Гидденсом в четырех институциональных измерениях: мировая капиталистическая экономика, система национальных государств, мировой военный порядок, международное разделение труда.

В отличие от теории Валлерстайна, модель Гидденса рассматривает трансформацию системы не только на уровне системных связей (глобальном), но и на уровне связываемых элементов системы — «местных событий» (локальном). Поэтому для теории Гидденса термин «глобализация» более адекватен, чем термин «интернационализация», связанный по смыслу скорее лишь с межгосударственными отношениями.

Уделяющий решающее значение при анализе сущности процессов глобализации проблеме социодинамики культуры, Р. Робертсон в середине 1980-х гг. выдвинул тезис о том, что глобальная взаимозависимость национальных экономик и государств является лишь одним из аспектов глобализации, тогда как второй аспект — глобальное сознание индивидов — не менее

¹ См.: Wallerstein I. The Modem World System I. New York: Academic Press, 1980.

² См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

важен для превращения мира в «единое социокультурное место»¹. Робертсон понимает глобализацию как серию эмпирически фиксируемых изменений, объединенных логикой превращения мира в «единое место» с одинаковыми условиями и характером социальных взаимодействий, подразумевая, что события в весьма удаленных точках мира могут быть условиями или даже элементами одного процесса социального взаимодействия. Таким образом, мир «сжимается», становится единым, лишенным границ и барьера, дробящих на специфические зоны социальное пространство.

Таким образом, диахотомическое различие локальное versus глобальное в теориях глобализации становится парадигмой описания и объяснения взаимодействий на различных уровнях социальной организации и используется для создания теоретических моделей изменений. Одним из проявлений динамики процессов глобализации является столкновение двух уровней организации общества: глобального и локального. Описывая этот процесс в пессимистическом свете, американский социолог Д. Ритцер, автор книги «Макдоナルдизация общества» (1998 г.), сформулировал понятие «гробализации». По его мнению, гробализация — это такая направленность глобального процесса, которая приводит к уничтожению локального, национального, связанного с местными обычаями и традициями. Гробализация приводит к подрыву национального суверенитета, национального управления².

Подчеркивая в качестве основной черты процессов, отраженных в понятии глобализации, распространение некоей универсальной модели организации общества и экономики на весь мир и зависимость локальных событий от факторов воздействия глобальной среды, логично предположить, что формирование глобального сверхобщества по логике развития есть процесс деструктурирования (а местами и прямой деструкции) поглощаемых хозяйственных, социокультурных и прочих единиц. Универсальным в ходе развития процессов глобализации становится рыночный уклад жизни, утвердившийся в странах-поставщиках глобальных образцов культуры, технологий, методов организации общественно-экономического устройства на заре Нового времени, и теперь действие этого принципа распространяется не только в сфере экономики, но и в социальной и культурной сферах. Как пишет российский социальный философ П. Гречко, происходящая в процессе глобализации «детерриториализация есть... выход за пределы или границы топоса — исторически населенного и традицией освященного места бытия. Детерриториализация лишает локальное его границ», но

¹ Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in the World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. No. 3; Robertson R. Globalization Theory and Civilization Analysis // Comparative Civilizations Review. 1987. V. 17; Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Concept // Global Culture / Ed. by M. Featherstone. London, 1990.

² См.: Федотова В. Коротко о книгах // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 216–217.

«тест на рынок и конкуренцию выдержит далеко не всякая идентичность, оригинальность или самобытность. А это значит, что нормативно-ценностные банкротства целых культур станут со временем реальностью»¹.

Однако на практике процесс глобализации сложнее: усвоение одних и тех же принципов и ценностей западного экономического человека не приводит к одинаковым результатам и не делает мир однородным. Наравне с появлением унифицированных структур в политике и экономике, праве разных стран сохраняется также особенное и уникальное в культурах. В этой связи прав Р. Робертсон, обративший внимание на такой феномен, как «глокализация» (глобализация + локализация) — процесс адаптации элементов современной западной культуры к локальным условиям и местным традициям, вследствие чего нормой становится не однородность, а гетерогенность региональных и локальных форм социальной активности и возрождение интереса к самобытной (национальной) культуре; необходимо прежде всего констатировать неустранимость «локального» из символического языка культуры. Различными исследователями в значение термина «глокализация» включается вся совокупность изменений процесса глобализации, вызванных региональной спецификой, которая характеризуется историческими, географическими, этнокультурными особенностями развития территории. Именно подобная специфика формирует характер, силу и направления изменений всего процесса глобализации. Глобальные и локальные тенденции «в конечном счете взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение. С ростом давления глобализации на элементы локального уровня изменения претерпевают не только местные традиционные структуры (хозяйственно-культурные типы, социально-политические институты), но и сама глобализация неизбежно видоизменяется. Целостность и единство подобного рода территориальных образований обеспечивается наличием целого факторного ряда (физико-географический, фактор природопользования, демографический, этнокультурный, фактор региональной политики), который способствует взаимосвязанному функционированию региона (локальной общности).

Таким образом, глокализация — трансформация процесса глобализации на локальном уровне. Глокальность соединяет всемирные центры с периферией, то, что служит связи, сближению всемирного и местного. Формирующаяся в результате взаимодействий локального и глобального новая целостность (цивилизация) представляет собой именно различное, а не безразличное единство². На знамени XXI в., считает М. Эпштейн, будет написано не «глобальность» и не «локальность», а «глокальность»³.

¹ Гречко П. Империум — императив нового мирового порядка // Свободная мысль. 2004. Т. 18, № 3. С. 8, 41.

² См.: Девятко И.Ф. Указ.соч. С. 27.

³ Эпштейн М. Глокализм // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 268.

По мнению Дж. Ритцера, в то время как глобализация производит «ничто», глокализация — «что-то». Под «ничто» социолог понимает «социальную форму, которая обычно централизованно задумана, управляема и сравнительно лишена определенного ценностного содержания»¹, добавляя, что речь идет о «пустых социальных формах», в которых человеческие отношения дегуманизированы². «Что-то», напротив, — та социальная форма, которая характеризуется конкретным ценностным содержанием. «Ничто» и «что-то» существуют только в единстве, в континууме, представляя его противоположные полюсы. Соответственно, социолог анализирует четыре пары континуума дегуманизированных — гуманизированных отношений: не-места — места, не-вещи — вещи, не-люди — люди, не-услуги — услуги. Так, примером не-услуги является деиндивидуализированные расчеты с помощью кредитной карты. Эти новые формы отчуждения, по мнению ряда социологов, столь актуальны, что для их изучения было предложено методологическое поле, названное «ничтологией»³.

Следует отметить, что проблема взаимоотношения «локального» и «глобального» во всем множестве ее социально-философских и культурно-антропологических аспектов — тема, далеко не новая в истории культуры. Так, например, в отечественной социологии эта тематика была связана с исследованиями, зачастую представлявшими собой утопическую апологетизацию общины как основной локальной единицы русской деревни, рушащейся под напором нового экономического и социального уклада, что отражено в славяно-фильской теории «соборности», общинной теории славянофилов и народников, на основе схожего концепта в немецкой социологии возникла популярная дилемма: общества/общины; «Gesellschaft»—«Gemeinschaft», введенной Ф. Теннисом. Изучение взаимоотношений «локального» и «глобального» в контексте трансформации — распространенная тема «кросс-культурных» и конкретно-социологических исследований на протяжении XX в.

Новое «единое мировое сообщество» в концепциях глобализации, как правило, отнюдь не мыслится полностью интегрированным. Большинство исследователей рассматривают глобализацию именно в связи с процессами, имеющими противоположную направленность, то есть с учетом дивергентных тенденций.

Глобализация, подчеркивает английский социолог А. Гидденс, представляет собой «процесс неровного развития, который одновременно расчленяет и координирует»⁴. Американский политолог Джеймс Розенau настаивает на том, что общепланетарные тенденции к интеграции и фрагментации нераз-

¹ Ritzer G. The Globalization of Nothing. University of Maryland: Pine Forge Press, 2004. P. 3.

² Ibid. P. 5.

³ См.: Barrow J.D. The Book of Nothing. N.Y.: Pantheon Books, 2000.

⁴ Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P. 175.

рывны (их связь он выразил словом «фрагмеграция»)¹. Как замечает Р. Робертсон, единое общество или единая культура могут быть раздираемы конфликтами, а единая экономика может быть полем беспощадной конкуренции монополизирующих групп², поэтому ориентация на глобальное или локальное зачастую носит разнонаправленный характер.

В противоположность территориализму национализма (национально-государственного суверенитета) глобализм — это детерриториализация, свободное перемещение всех ресурсных потоков, трансцендирование исторически сложившихся границ. «Мир переживает сложный и диалектический процесс, формируемый разнонаправленными тенденциями, — пишет А.Г. Володин, — глобализация реализует свои потенции через регионализацию, то есть через децентрализацию мирового пространства... Происходит одновременное соединение разнонаправленных тенденций — интернационализации и регионализации, глобализации и локализации³. С подачи известного американского социолога Дж. Несбита это явление стало называться «глобальным парадоксом»⁴.

Анализ сложных взаимозависимых (и взаимопротиворечивых) процессов глобализации — локализации в сфере культуры и экономики показывает, что происходящая в современном мире глубинная трансформация как содержания, так и форм проявления локального в контексте глобализации ведет к формированию качественно нового явления — «новой локальности». Способом трансформации локальности является расширение горизонтов каждого локального образования, развитие межлокальных коммуникаций, основанных на одновременном понимании уникальности каждого локального мира и единства большой культурной традиции⁵. Следует согласиться с мнением П. Гречко, полагающего, что альтернативы глобализации возможны лишь в рамках глобализации и они мыслимы как определенные стратегии встраивания в современные глобализационные процессы⁶. Как же в контексте строительства «глобального суверенитета» решается проблема «локального», в частности определение будущего не-западных культур и локальных общностей?

Реализация вектора развития глобального «транзитивного общества» от «локального» к «глобальному» подразумевает не только распространение ка-

¹ Rosenau J.N. Powerful Tendencies, Enduring Tensions and Glaring Contradictions: The United Nations in a Turbulent World // Between Sovereignty and Global Governance: The UN, the State and Civil Society. Hounds-mills, N.Y. etc., 1998. P. 259–260.

² Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. P. 25–31.

³ Мегатренды мирового развития. [Тем. сб.] / Ред.: В.Л.Иноземцев, М.В.Ильин. М.: Экономика, 2001. С. 170.

⁴ Life Support Systems? // Culturelink. Special Issue. Zagreb, Croatia, 2000. P. 147–158.

⁵ Горин Д.Г. Преодоление локальности (К хронологии жизненного мира) // Личность, культура, общество. М., 2003. С.201–213.

⁶ См.: Гречко П. Империум — императив нового мирового порядка. С. 10.

питалистических производственных связей и отношений, но и куда более глубокую радикальную реорганизацию мирового социума, переформирование всей системы социальных связей и отношений обитателей «передовых» регионов и стран, предоставляющих модели-образцы, в соответствие с которыми развивается глобализирующийся мир, но и развивающихся регионов планеты, отдельных сообществ. Вследствие этого на уровне локальных социальных организмов и индивидуумов происходит массовая смена стратегий социального действия, в процессе поиска нового статуса локального в современном поликультурном мировом сообществе возникают новые социокультурные проекты самореализации и адаптации к воздействию глобальной среды, а практика локализма начинает выступать в качестве фактора и инструмента региональной социально-культурной политики.

Итак, сама логика динамики глобализации предполагает не только сохранение различий в глобализируемом мире, но и «накопление» этих различий. Социальное пространство никогда не было однородным, и современные глобализационные отношения и процессы, интегрируя мир по некоторым показателям (таким как экономические стратегии или политика), часто лишь усугубляют инвариантность социального пространства. Становление мировой экономической системы отнюдь не исключает неравномерное развитие стран мира (например, в виде существования центра и периферии), что на практике имеет далеко идущие последствия, отнюдь не только в экономической сфере.

Анализируя усугубляющееся неравенство в развитии отдельных регионов мира, И. Валлерстайн полагал, что обусловлено самой сущностью капиталистической мир-экономики — процесс накопления капитала требует существования иерархической системы, в которой прибавочная стоимость распределена неравномерно как в пространстве, так и между классами. Более того, развитие капиталистического производства в историческом времени фактически вело к постоянно возрастающей социально-экономической поляризации населения мира¹. Разделяя эту точку зрения, В. Иноземцев отмечает, что к каким бы последствиям не вели современные процессы глобализации, их истоки видятся в глобальном социокультурном сдвиге, который сопровождал возникновение капиталистической мировой экономической системы. Таким образом, глобализация оказывается естественным результатом освоения западным миром периферии, а противоречие «центр—периферия» при этом не исчезает. Изменяется его характер. Страны «центра» находящиеся в условиях постиндустриального развития, сосредоточены, в первую очередь, на создании знаний и новых технологий и все менее зависят от природных и трудовых ресурсов стран «периферии». «Поэтому в последние десятилетия усиливается не эксплуатация “центром” “периферии”, а его без-

¹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: «Университетская книга», 2001. С. 208–226.

различие к ней... Если потоки капиталов и сегодня остаются разнонаправленными, то потенциальные создатели знаний мигрируют исключительно из “периферии” к “центру”. Процесс социальной поляризации во всемирном масштабе становится поэтому неконтролируемым и необратимым¹.

Особое внимание исследователей процессов глобализации привлекает специфическая черта трансформации развивающихся стран, которая заключается в том, что по мере развития современной промышленности, технологий эти страны сохраняют черты своей культурной идентичности и традиционные для них специфические способы взаимодействия общества и государства (в том числе и в сфере экономики), более сходные иногда с архаическими традициями древности, чем с институтами западноевропейских стран. Причем архаические структуры, возникающие под воздействием реформ не являются воспроизведением традиционных структур. Исследователи процессов развития «мировой периферии» отмечают, что так называемые пережитки докапиталистических способов труда и натурального хозяйства далеко не во всем и не всегда являются просто не успевшими исчезнуть остатками доколониальных времен, а представляют собой нечто генерируемое и воспроизводимое в странах «догоняющей модернизации» законами современного развития. Об этом, в частности, свидетельствует превращение многих развивающихся стран в послевоенные годы из экспортёров продовольственных ресурсов в их импортеров и усиление в них натурально-хозяйственных тенденций и тот факт, что, по некоторым данным, в теневом («неформальном») секторе экономики стран Африки южнее Сахары занято примерно 60 % всей рабочей силы. Так, анализируя взаимодействие традиционных и модернизационных компонентов в развивающихся странах, В.В. Крылов пишет о влиянии современной глобализации на страны Латинской Америки следующее: «Такого удивительного переплетения процессов, когда экономический прогресс сопровождается не сокращением сферы традиционного труда, но ее разбуханием, история еще не знала... Этот традиционный сектор, видимо, имеет тенденцию становиться таким унифицированным сектором бедности и допромышленных форм труда, с которым мы встречаемся во многих странах Латинской Америки². При обсуждении этой особенности периферийного капитализма в странах Африки, В.В. Крылов отмечает: «Сохранение и широкое распространение в африканской деревне традиционных отношений вообще, общинных в особенности, есть продукт еще и консервирующего прежние порядки воздействия капитализма... Даже там, где капитализм разрушал эти порядки, в «освободившемся» социально-экономическом пространстве развивались не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие

¹ Икоземцев В. Глобализация и неравенство: Что — причина, что следствие? // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. С. 163–164.

² Крылов В.В. Теория формаций. М., 1997. С. 234.

докапиталистические укладные формы, с которыми в доколониальный период периферийные страны знакомы не были...»

Таким образом, в «зависимых странах» капиталистические отношения регрессируют в предшествующие им укладные формы, которые исторически не предшествуют капитализму, но следуют после него, им же самим порождаются. Эти «псевдотрадиционные» или «неотрадиционные» укладные формы необходимо отличать от предшествующих этапу капиталистической модернизации действительно доколониальных местных укладов. Анализируя поляризацию глобализованного мира, В.В. Крылов заключает: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его нереволюционизирующих общественный процесс консервативных тенденций»¹. В условиях быстрых и кардинальных трансформаций все эти структуры оказываются тесно переплетенными. Рассматривая современный этап социальных преобразований в бывших странах СССР в рамках теории модернизации, следует исходить из того, что социальная практика, вырабатываемая локальными сообществами в ответ на вызовы глобальной среды, состоит из нескольких разнородных компонент:

- 1) архаических структур традиционного типа, то есть той самой традиции, оппозицией которой выступают разворачивающиеся процессы трансформации;
- 2) промежуточных структур, сформированных в советский период;
- 3) переходных структур, создаваемых современным этапом реформирования.

В целом, социальное развитие российского социума определяется двумя основными факторами: во-первых, общими закономерностями трансформации национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной глобальной среды, во-вторых, влиянием формирующихся рыночных отношений, обуславливающих кардинальное преобразование сложившегося образа жизни.

Большинство теорий глобалистики тесно связаны с формами, в которых протекает процесс глобализации в сфере культуры, в сфере экономики, в сфере политики. Известные исследователи глобализации Д. Хэлл и Э. Макграй выделяют основные проблемы в каждой из этих форм²: реконфигурация политической власти (ослабление власти государства); конец национальной культуры; формирование глобальной экономики.

Как представляется автору настоящей работы, наиболее значимые последствия глобализации для сельских локальных сообществ сосредоточены в следующих сферах: 1) экономика; 2) социальная политика; 3) культура.

¹ Там же. С. 360.

² Held D., McGrew A. Globalization/Anti-Globalization. Cambridge, 2002.

Рассмотрим более детально эти направления воздействия глобализации как факторы, составляющие в совокупности глобальный вызов локальным сообществам.

1. Последствия глобализации в экономике, переплетающиеся с общечивилизационными процессами урбанизации и эволюции мировой народно-хозяйственной системы.

Наиболее очевидным в сфере экономики является воздействие глобальной рыночной конъюнктуры, например, открытие национальных рынков для импорта сельскохозяйственной продукции. Помимо примера России начала 1990-х гг., когда отечественное сельское хозяйство, находящееся в невыгодных климатических условиях относительно ряда других стран, понесло тяжелые потери вследствие открытия рынка для иностранной сельхозпродукции, можно привести и пример сельской Америки, которая всегда в большой степени зависела от международной торговли, сбыта продукции за рубежом. Усилившаяся интеграция международного народного хозяйства и здесь оказала серьезное негативное воздействие на сельскую экономику¹. Ситуация, когда потоки капитала и товаров следуют за международными ценовыми сигналами, привела к тому, что многие из хозяйств в сельских районах оказались не конкурентоспособны по сравнению с иностранными производителями².

Открытая экономика, основанная на глобальной конкуренции рынков, заставляет искать сельские сообщества новые формы выживания, например, осваивать промышленное производство стандартизованных предметов потребления, использующее дешевый труд и относительно простые технологии, то есть прибегать к экономической диверсификации, которая снижает степень уязвимости сельских районов, придает устойчивость их экономике и представляет собой важную основу для гибкого приспособления к изменяющимся внешним условиям³. Диверсификация сельскохозяйственного производства (или, вернее сказать, экономики сельских сообществ) приводит к расширению спектра производимой продукции — экономика сельских сообществ основывается не только на традиционных видах деятельности, но и на переработке сельхозпродукции, предоставлении услуг (ремесла, сельский туризм и пр.). Таким образом, важное отличие современной деревни от традиционной, заключается в том, что она все больше становится не только аграрной. Так, в современной России лишь половина сельского населения занята непосредствен-

¹ См.: Крылатых Э. Чем обернется вступление России в ВТО для сельского хозяйства страны? // Отечественные записки. 2004. С. 123–128.

² См.: Freshwater, D. Rural America at the Turn of the Century: One Analyst's Perspective // Rural America. September 2000. V. 15, No. 3. P. 2–7.

³ См.: Чепурных И.В. Региональное развитие: Сельская местность. М.: Наука, 2006. С. 69.

но аграрным трудом¹. Это относится, в первую очередь, к тем регионам, где развита добывающая промышленность.

Рассматривая процессы, происходящие в сельских районах российского Севера под воздействием глобализации, Н.Е. Покровский отмечает² возникновение нового уклада, связанного с «очаговой экономикой» — прямого следствия проникновения глобализационных процессов в эти регионы, сущность которого заключается в том, что возрастает географическая мобильность населения (во многом вынужденная), повсеместно увеличивают свое присутствие информационные технологии, все шире развивается сервисная экономика, создающая экономические очаги вокруг доходоприносящих центров экологического туризма, производства чистой экологической продукции, современных форм рекреации. Все это в комплексе создает противоречивую и контрастную картину конфликта и взаимодействия различных тенденций на огромных и чрезвычайно перспективных территориях.

Диверсификация экономики сельских сообществ имеет свои пределы. Городские производственные предприятия в развитых странах могут перемещать производство в сельские районы, пользуясь таким преимуществом сельской местности, как (относительно) дешевые земля и рабочая сила. Однако по законам открытой глобальной экономики данный фактор развития сельских ареалов может прекратить свое действие, если предприятие будет перемещено в развивающуюся страну, с еще более выгодными для производителей условиями на рынке труда (дешевой рабочей силой). Сельские районы различных стран мира вынуждены конкурировать на рынке низкооплачиваемых и низкоквалифицированных рабочих мест как с развивающимися странами, так и с более развитыми в плане технологического прогресса и человеческого капитала областями и регионами Северной Америки и Европы, в которых развиты передовые технологии производства сельхозпродукции, и, соответственно, выше производительность труда.

Кроме того, современные виды бизнеса: производство бытовых услуг, инвестиционный и банковский бизнес и т. д., — являются, наверное, самыми прибыльными видами деятельности, но крайне редко размещаются в сельских районах. В результате сельские сообщества теряют не только возможные доходы, из них также вымывается прослойка активных и предпримчивых людей, местных предпринимателей, которые могли бы помочь сообществам развиваться, что ведет в перспективе к глобальному мировому кризису сельских регионов³.

Особое значение имеет удешевление и развитие транспортной инфраструктуры, вызванное общим развитием мировой народно-хозяйственной системы. Снижение себестоимости перемещения товаров, людей и информации

¹ Ковалев С.А. Указ.соч. С. 121–169.

² Покровский Н.Е. Перспективы российского Севера: Сельские сообщества // Мир России. 2008. № 4. С. 111.

³ New Governance for Rural America, Lawrence / Beryl Radin (ed.). Kansas: University Press of Kansas, 1996.

кардинально меняет лицо сельских регионов¹, так как снижение транспортных расходов удаляет преграды, препятствующие выходу сельского населения на удаленные рынки сбыта и труда, а также повышающие значение конкуренции. Помимо этого, развитие транспортных средств и системы коммуникаций означают снижение потребности в существовании многих поселений, ранее выступавших в качестве административных и культурно-экономических центров сельской местности.

2. Непосредственно затрагивают сельские сообщества изменения парадигм социальной политики, вызванные воздействием процессов глобализации. Глобальный характер изменения стратегий социальной политики в различных странах приводит исследователей этого явления к выводу, что экономическая глобализация предопределяет свертывание государства благосостояния². Сфера государственной политики различных стран все более окрашивается тонами социального прагматизма: государство становится все менее ответственным за социальное развитие, минимизируя препятствия на пути функционирования мировой экономики, и само отличие глобализованной экономики от прежних международных экономических режимов многие исследователи видят в том, что она в несравненно большей степени ограничивает свободу национальных государств при разработке и осуществлении ими экономической и социальной политики.

Некоторые исследователи вообще видят в глобализации побочный эффект политики хозяйственной дерегуляции, которую государства проводят ради более экономного расходования бюджетных средств на социальные программы. Поэтому появился также целый ряд исследований, в которых предпринимается попытка ответить на вопрос, каким образом интеграция развивающихся стран в мировую экономику отражается на их социальной политике³. Глобализационные процессы, сопряженные с неолиберальной идеологией, приводят к росту неравенства; социальная политика обеспечивает «риgidность» рынка труда. Влиятельные международные организации, такие как Мировой банк или МВФ поддерживают неолиберальную социальную политику, сфокусированную на ограниченном государственном вмешательстве, отдельных социальных службах и адресной помощи⁴. Как результат этого,

¹ См.: *Howarth W. Land and Word // The Changing American Countryside / E. Castle (ed.). Kansas: University Press of Kansas, 1995.*

² См.: Кондратьева Т.С. Глобализация и государство благосостояния // Процессы глобализации: Экономические, социальные и культурные аспекты: Пробл.-темат. сб. / Кондратьева Т.С., Новоженова И.С. (редакторы-сост.). М., 2000. С. 52–54.

³ Navarro V., Schmitt J., Astudillo J. Is globalisation undermining the welfare state? // Cambridge Journal of Economics. 2004. V. 28. No. 1; Goodin R., Headey B., Muffels R., Dirven H-J. The real worlds of welfare capitalism. Cambridge University Press, 2000; Ширассер Й. Будущее социального государства // Социальное государство в Западной Европе. М., 1999; Scott A. Globalization: Social Process or Political Rhetoric? // The Limits of Globalization: Cases and Arguments. L.; N.Y., 1997.

⁴ Mishra R. Globalization and the welfare state. Macmillan, 2000.

«свертывание» социального государства, — происходит в наши дни во всем мире, не только в развитых, но и развивающихся странах, а также в государствах — бывших членах «социалистического лагеря».

Необходимо признать, что в наши дни экономическая глобализация влияет на социальную политику большинства стран через расширение деятельности международных экономических и политических институтов, а также через формирование определенной идеологии, обосновывающей необходимость сокращения национальных социальных расходов и свертывания социальных программ. Период «зрелой» глобализации конца 1990-х, когда воздействие неолиберальной модели реформирования испытали большинство стран мира, можно охарактеризовать как «своего рода процесс первоначального накопления глобализационных компонентов», в котором в полной мере был продемонстрирован «стихийный, хаотичный разгул рыночных сил»¹. Усиление долгового бремени, сокращение рабочих мест из-за обострившейся конкуренции, разорение в ряде стран крестьянства — таковы основные негативные последствия неолиберальной глобализации для стран периферии. От неравномерного развития мира происходит угроза общей мировой стабильности, угроза конфликта между центром «мир-системы» и периферией².

Для стран бывшего социалистического лагеря характерны те же тенденции реформирования социальной сферы, ослабления «социального государства», что и для большинства стран современного мира, и эти сдвиги в национальной политике различных государств по отношению к селу непосредственно затрагивают сельские сообщества. В последние годы изменение парадигм социальной политики привело к сокращению социальных расходов на национальном уровне, вследствие чего большинство сельских районов сталкивается со все возрастающими сложностями. Кроме того, необходимо учитывать, что вследствие процессов урбанизации политическая и экономическая власть сельских районов уменьшается по мере возрастания процентной доли городского населения во всех странах мира. Внимание правительства и представительных органов привлечено преимущественно к проблемам города; при выработке управленческих решений зачастую игнорируется эффект, который произведет политика правительства на развитие сельских районов. Примеры такой политики можно найти и в США, где развивающиеся программы повышения квалификации непригодны для сельских районов, в которых слишком малое количество претендентов отвечают необходимым требованиям для включения в программу³; и в России, в социальной политике которой широко применялся институт «натуральных льгот», которыми не могли воспользоваться жители села. Попытки корректировки политики в соот-

¹ См.: Романова З.И. В лабиринте глобализации. Экономические уроки Латинской Америки // Свободная мысль-XXI. 2002. № 6. С. 59.

² См.: Там же. С. 59.

³ См.: Freshwater, D. Rural America at the Turn of the Century: One Analyst's Perspective // Rural America. September 2000. V. 15, No. 3. P. 4.

ветствии с условиями сельской местности, как правило, ограничиваются универсальными правилами для всех сельских регионов, которые игнорируют разнообразие сельских районов.

Во многих странах мира в ходе развития процесса глобализации на первый план вышли проблемы соотношения децентрализации и централизованного управления. «Европейская» волна децентрализации, перераспределения полномочий и ответственности между администрациями различных уровней 70-х–80-х гг. XX в., а вслед за ней и «латиноамериканская» 1980–1990-х гг., и «постсоветская» были отчасти вызваны новыми задачами, которые призвана осуществлять государственная власть (в том числе, на местном уровне), и отчасти новыми социально-техническими процессами, требующими развития скорее горизонтальных отношений, нежели вертикальных. Применительно к сельским сообществам (являющимся, как правило, низовыми единицами системы самоуправления) это означает либо наделение сообществ функциями самоуправления, либо расширение полномочий и ответственности самоуправляющихся сообществ и уменьшение доли государственной опеки-контроля.

Необходимо отметить также, что процессы децентрализации и развития полномочий местного самоуправления имеют и отрицательную сторону — сокращение прямой государственной поддержки и сокращение общегосударственных социальных программ. Данная тенденция, как и тенденция возрастаания социальных проблем сельских муниципальных образований, характерна и для большинства стран мира.

3. Воздействие глобализации в сфере культуры. Относительно данного фактора существуют серьезные расхождения, вызванные различными трактовками процесса глобализации. Так, английский социолог К. Томпсон, анализируя в феномене глобализации именно культурную составляющую процесса, отмечает, прежде всего, признаки культурного империализма Запада, который получил название глобализации культуры¹. По Томпсону, всемирная экспансия глобальной культуры — неизбежное следствие становления системы глобального капитализма. Западные культурные ценности и практики приобретают ранг глобальных, поскольку их транслируют интернациональные СМИ, осуществляя косвенный глобальный контроль над умонастроением людей. Таким образом, глобализация ведет к унификации культурных миров, разрушению базовых ценностей национальных культур, способствует к распространению западной, прежде всего, американской массовой культуры, что привело к новым размежеваниям социокультурного характера. Как указывает В.В. Журавлев, «встречается сопротивление культурной экспансии Европы и США, выдающих свою культурную модель в качестве универсальной и образ-

¹ Tompson K. Regulation. De-regulation and Re-regulation // Media and Culture Regulation. L., 1997. P. 17–69.

ца для подражания и воспроизведения»¹. Коммерческое вовлечение «локального» в оборот глобальной культурной индустрии порождает целый комплекс социально-экономических и культурно-психологических проблем. Детрадиционализация в наибольшей мере угрожает «малым» культурам, где механизмы аккультурации особенно подвержены инокультурному воздействию.

Исследователи, работающие в рамках концепция глокализации, убедительно доказывают, что в ходе процессов глобализации возможно не только сохранение, но и возрождение, развитие местных культурных традиций, локальных цивилизаций. Как показывает в своих работах Р. Робертсон, усвоение жителями неамериканского общества и, шире, незападного общества элементов западной культуры зачастую ведет к усилению их ориентации на свою национальную (локальную) культуру². Таким образом, с усилением глобальных процессов возрастает и их дифференциация — множество локальных культур и традиций словно обретают «второе дыхание». Глобализация, по современным представлениям, требует от местных культур не безоговорочного подчинения, а селективного, выборочного восприятия и освоения нового опыта. Тем не менее, глокализация не означает полного восстановления, до первоначального состояния местных особенностей. Она выводит эти особенности за рамки национальных границ напрямую в глобальный мир, где в свою очередь они придают новое звучание процессу регионализации.

Проблему взаимодействия и конфликта «глобального» и «локального» факторов не следует упрощать. «Глобализация пространств разрушает «коммуникацию малых расстояний» — институты соседства, цельность местных общин»³, а повышение динамизма и открытости социокультурных процессов на локальном уровне зачастую приводят к разрушению и фрагментации исторически сложившихся локальных структур.

Воздействие глобальных процессов на локальные системы несомненно. Современная ситуация показывает, что процессы глобализации затрагивают не только экономическую сферу жизни сообществ, но и, самое главное, ценности, мировоззрение — то есть то, что является определяющим бытие человека. Процессы глобализации и локализации, имеющие общую направленность для большинства стран мира, влекут за собой преобразование внутренней структуры, количественную и качественную динамику сельских локальных сообществ, порождая новые модели поведения, стратегии социального действия в изменившихся условиях под воздействием глобальной социальной среды.

¹ Журавлев В.В. Глобализация: Вызовы истории и ответы теории// Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 43.

² См.: Robertson R. Globalization or Glocalization? // Globalisation. Critical Concept in Sociology. London, 2003. V. 3. P.31–51.

³ Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002. С. 291.

Глава 2

АДАПТАЦИЯ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

§ 2.1. Адаптация как социальный феномен: понятие и механизмы

Анализ сущности и механизма адаптации в условиях реформирования общества является одной из самых актуальных исследовательских задач, стоящих перед отечественными социальными науками, так как успешная социально-экономическая адаптация выступает основным условием завершения трансформации и основным показателем эффективности выбранного курса реформирования.

Мировая социологическая наука начала заниматься изучением вопросов адаптации лишь в конце XIX—начале XX в. В числе первых в зарубежной социологии обратился к проблемам адаптации английский социолог и философ Г. Спенсер, положивший в основу своей теории развития анализ двух процессов — интеграции и дифференциации. Естественным пределом этих эволюционных процессов оказывается состояние динамического равновесия. В предложенной Спенсером «теории равновесия» адаптация понималась как устойчивое уравновешивание организма со средой (обществом), либо системы и внешних условий. Каждое эволюционное изменение, понимаемое как усложнение общественного устройства, реализуется через установление нового состояния равновесия, и основным законом социального развития Г. Спенсер считал закон выживания наиболее приспособленных («дифференцированных») обществ.

Говоря об эволюции собственно изучения феномена, следует отметить, что одним из первых сформулировал задачу изучения социальной адаптации силами социологической науки французский социолог Г. Тард, акцентируя внимание на механизмах развития внутри/межгрупповых социально-психологических процессов. Ученый полагал, что социология — это просто «коллективная психология», которая должна ответить на два вопроса: «1. Что составляет причину изобретений, успешных инициатив, социальных адаптаций, аналогичных биологическим адаптациям и не менее сложных по своему происхождению?

2. Почему именно эти, а не другие инициативы вызвали подражание? Почему среди множества примеров, не нашедших подражания, именно эти получили предпочтение?»¹.

Принципиально новым этапом формирования и развития социологических представлений об адаптации как общественном феномене послужили идеи представителей структурного функционализма и основанного на нем неоэволюционизма в американской социологии XXв. (Т. Парсонс, Э. Шилз). Согласно воззрениям функционалистов, адаптация является одним из функциональных условий существования социальной системы.

Согласно Т. Парсонсу, адаптация — это одно из четырех функциональных условий, которым все социальные системы должны отвечать, чтобы выжить, наряду с достижением целей системы посредством формы правления или правительства, интеграцией системы общинами, ассоциациями и организациями и поддержанием приверженности ценностям. Само же общество Т. Парсонс рассматривал как такой тип социальной системы среди любого универсума социальных систем, который достигает самого высокого уровня самодостаточности как система по отношению к своему окружению².

Парсонс разрабатывает представление об «адаптивном усилении цикла эволюционного изменения», о всеобщем направленном развитии обществ в сторону нарастающей «обобщенной адаптивной способности» в результате функциональной дифференциации и усложнения социальной организации. Т. Парсонс различает три типа обществ: примитивные (где отсутствует дифференциация), промежуточные (появление письменности, социальной стратификации, культурной легитимизации), современные (отделение правовой системы от религиозной, формирование рыночной экономики с демократической избирательной системой, отделение социального сообщества от политической системы и т. д.). Переход от одного типа общества к другому сопровождается расширением (увеличением) «обобщенной адаптивной способности».

В воззрениях Т. Парсонса понятие «прогресса» сводится к эмпириически определяемой концепции «общей способности к адаптации». По Т. Парсонсу, состояние любого данного общества или даже системы взаимосвязанных обществ представляет собой многосоставную результирующую прогрессивных циклов. Такой прорыв обеспечивает обществу новый уровень адаптивной способности в некоторых жизненно важных отношениях, изменяя тем самым его конкурентоспособность по сравнению с другими обществами в системе. Как более сильное конкурентоспособное образование, такое общество становится лидером, способным навязывать свою волю другим обществам, подчинять их

¹ Tarde G. Etudes de psychologie sociale. Paris, 1898. P. 61.

² См.: Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996; Parsons T. The System of Modern Societies. N.Y., 1971.

интересы своим, «поглощать их», «модернизировать», содействуя в «адаптации инноваций» и т. д.¹

Существенный вклад в развитие теоретических и эмпирических исследований социальной адаптации внесли основатели Чикагской школы, сложившейся в американской социологии в 20-х гг. XX в., Р.Э. Парк и Э. Бёрджесс. Социологами У. Томасом и Ф. Знанецким внесен несомненный вклад в исследование процесса социальной адаптации через усвоение личностью социального опыта, ее «социальное действие»; в развитие техники и методики эмпирических социологических исследований адаптации². Акцентируя динамический характер адаптации процесса, они видели в этом явлении одновременно и процесс, и конечное состояние (в качестве критерия выступает степень интеграции личности и среды, что позволяет оценить соотношение личностно значимых и общесоциальных ценностей).

Особое значение для формирования социологических воззрений на адаптацию имели труды Э. Дюркгейма, показавшего, как в процессе адаптации происходит интериоризация личностью социальных норм³. Дюркгейм рассматривал адаптацию с точки зрения анализа влияния социальных норм на поведение человека. Французский социолог утверждал, что основу социальной реальности составляют факты, обладающие двумя важными признаками. Во-первых, они носят объективный характер (независимы от волеизъявления индивидов). Во-вторых, они наделены принудительной силой (способностью оказывать на личность давление посредством механизмов их интериоризации). То есть социальные регуляторы определяются не только принудительно, но и их «желательностью» для индивидов. Таким образом, адаптация по Э. Дюркгейму, — это реализация индивидом общих социальных норм, носящих двоякий, в сущности амбивалентный принудительно-добровольный характер.

Представитель структурно-функционального анализа Р. Мертон создал концепцию адаптации в связи с ролевым поведением индивида в условиях социальной дезорганизации. Один из ключевых аспектов его теории заключается в конфликтной природе нормативной структуры общества. Стремление достичь поставленных целей в сложной иерархии отношений между нормами, ценностями и институциональными порядками, принятыми в обществе, заставляет индивида адаптироваться в нем.

¹ См.: Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 518.

² Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston, 1918–1920. V. 1–5.

³ См.: Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сопоставление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

В теории М. Вебера учение об адаптации связано с такой характеристикой социального действия индивида, как рациональность¹. В этой связи адаптация выступает в качестве наиболее оптимального способа удовлетворения потребностей человека. Выделяя, по сути дела, идеальную модель адаптации, М. Вебер отождествлял ее с таким понятием, как «целерациональное действие», под которым он понимал некий эталон, или идеальный тип, по отношению к которому человеческое поведение можно изучать по степени отклонения от существующей нормы.

Бихевиористы Л. Шаффер, Э. Шобен описывали социальную адаптацию через схему «стимул—реакция». В рамках их концепции под адаптацией понимается единичный поведенческий акт, при котором воздействие среды всегда выступает в качестве преграды, препятствующей индивиду в осуществлении его целей. Человек успешно адаптируется, если он проходит через все преграды для достижения желаемого, а в противном случае он является дезадаптантом.

В современной отечественной социологии и философии интерес к проблемам адаптации стал активно развиваться во второй половине 60–70-х гг. XX в. Это произошло на базе марксистского понимания человека как существа, сохранившего в результате эволюции не только биологические приспособительные механизмы, но и ориентированного на социально преобразующую деятельность.

Особую актуальность тема социальной адаптации приобрела в конце XX–начале XXI вв. в связи с происходящими в нашем обществе изменениями. Заметно выросло число исследований социальной адаптации различных общественостей к новым условиям социальной жизнедеятельности, прежде всего к формирующимся рыночным, демократическим отношениям.

Основы российской социологии адаптации, ее теоретическая база заложены в трудах С.Д. Артемова, З.Т. Голенковой, М.К. Горшкова, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Г.И. Царегородцева, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова и др. В числе отечественных авторов, рассматривавших фундаментальные основы теории социальной адаптации, хорошо известны имена А.Г. Асмолова, Г.М. Андреевой, Л.П. Буевой, В.Ю. Верещагина, А.Б. Георгиевского, И.А. Милославовой, Б.Д. Парыгина, А.А. Петровского, Г.В. Осипова, М.Н. Руткевича. Ими анализируются общая идея социальной адаптации, вопросы мировоззренческого характера, проблемы общей теории адаптации.

За последнее время к исследованию социальной адаптации обращается все большее количество исследователей. Разные социологические школы, пытаясь осмыслить тенденции общественного развития, суть механизмов происходящей в стране трансформации и найти ответы на сложные вопросы, поставленные перед наукой и практикой, обращаются к изучению разнообразных аспект-

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. М.: Прогресс, 1990. С. 211.

тов социальной адаптации в контексте развития современных трансформационных процессов. Активно разрабатываются как теоретические, так и практические (прикладные) аспекты проблемы процессов и механизмов адаптации в период трансформации общества, одновременно с эмпирическими социологическими исследованиями новое развитие получило философско-социологическое, теоретико-методологическое осмысление данных проблем. По мере расширения и углубления трансформационных процессов спектр научных изысканий в данной области обновляется и расширяется. Этому способствует расширение междисциплинарных обменов по обновлению проблематики, разработка новых областей исследований¹. В центре внимания отечественной социологической науки находятся как общие закономерности социальной адаптации, так и характер, содержание, темпы и типы адаптации. Большое место в предметном поле социологии занимают вопросы социальных механизмов, критериев и показателей адаптации. Заметное место в разработке проблем социальной адаптации занимают исследования Л.В. Корель, по мнению которой, социология адаптации представляет собой иерархически организованную область знания, в которой будут представлены все теоретические и эмпирические (прикладные) уровни познания. Основным направлением становления этой перспективной научной дисциплины является разработка социологической концепции социальной адаптации². Объект социологии адаптации, по мнению Л.В. Корель — это вся совокупность социальных свойств, связей, отношений, интерпретаций, смыслов, символов, в основе которых лежат приспособление, приспособливание, приспособленность субъекта адаптации (им может выступать любая социальная система: личность, группа, институт, организация, общность, общество, цивилизация и т. д.) к объекту адаптации (таким объектом чаще всего выступает меняющаяся «внешняя среда»).

В работах ряда отечественных философов и социологов в последние годы был выдвинут ряд фундаментальных положений о социальной адаптации в контексте реформирования российского общества как длительного многоуровневого сложного процесса, подчеркивается динамический характер адаптации как совокупности изменений, характеризующих определенный порядок развития данного феномена во времени и направленных на гармонизацию отношений между субъектами и социальной средой³. В соответствии с динамическим процессуальным пониманием феномена, социальная

¹ См.: Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже ХХ–ХХI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. С. 11.

² См.: Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 2005.

³ См., например: Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001; Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000; Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 1999; Заславская Т.И. Социальная трансфор-

адаптация представляет собой одновременно этапы, стадии его развития и одновременно результат.

Важными достижениями исследований российских ученых является выявление того факта, что важной особенностью процесса социальной адаптации являются его разнонаправленность и вариативность в отдельных сферах и стратах общества, обусловленные различной скоростью протекания и глубиной изменений в ходе трансформации. Исследования дисперсности преобладающих форм социальной адаптации населения позволили прийти к выводу, что разнообразные инновации, наблюдаемые на протяжении более 15 лет в различных регионах постсоветского пространства, следует интерпретировать как «локальные ответы», вырабатываемые сообществом на изменения глобальных условий его жизнедеятельности. Происходящий процесс трансформации общественного устройства имеет стихийный характер и ставит сообщества перед необходимостью выработки постоянно новых форм адаптации к изменяющимся социально-экономическим и политическим реалиям.

Другая особенность российской трансформации заключается в том, что в нем присутствуют элементы как «старой», так и «новой», а также собственно «переходной» системы и этому состоянию соответствует особый «промежуточный» тип личности¹, которому присущ «переходный» образ жизни², поэтому социальная адаптация в условиях российских преобразований представляется собой два протекающих одновременно процесса: адаптацию к элементам нового общественного устройства и адаптацию к переходной системе. Такое понимание привносит новый аспект в изучение адаптации сельских локальных сообществ, позволяя объяснить формирование квазирыночных механизмов адаптации и пассивной «натуральной» стратегии выживания некоторых сообществ, вступающих в противоречие с утверждаемой в обществе в ходе реформ социально-экономической модели рыночной экономики. Это положение близко к результатам изучения отечественными исследователями стратегий адаптации сельского населения. Так, З.А. Данилова, изучая способы адаптации населения в Бурятии, сделала вывод: «Население республики, как

мания российского общества. М., 2002; Куда идет Россия?.. / Под ред. Т.И. Заславской [ежегодные (1994–2003 гг.) монографические сборники]; Лапин Н.И. Пути развития России. М., 2000; Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2002; Социальное расслоение и социальная мобильность / Под ред. З.Г. Голенковой. М., 1999; Рыбкина Р.В. Драма перемен. М., 2001; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003; Точченко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001; и др.

¹ Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: Российский выбор // Социс. 1995. № 6. С. 129.

² Рыбкина Р.В. Образ жизни населения России: Социальные последствия реформ 90-х годов // Социс. 2001. № 4. С. 39.

и страна в целом, приспосабливается не к рыночным преобразованиям, а к кризисным условиям существования»¹.

Общим выводом отечественных исследований проблемы социальной адаптации стало признание того факта, что их масштабы и скорость не соответствовали адаптационным возможностям большинства населения, так и не усвоившего культурных норм, ценностей и эталонов действий новой среды зачастую вследствие отсутствия надлежащих ресурсов адаптации². Адаптационный ресурс субъекта — это совокупность качеств, источников и предпосылок достижения необходимых материальных и духовных благ, обеспечивающих способность не только к выживанию, но и к расширению диапазона саморегулирования поведения, включая влияние на других субъектов³. Однако для успешной адаптации необходимо не просто наличие адаптационных ресурсов, но и их «ликвидность», востребованность в данной конкретной ситуации. Каждый ресурс имеет адаптивную ценность, а потому его адаптивный характер не абсолютен, а относителен⁴.

Для уточнения содержания понятия социальной адаптации и ее механизма в условиях трансформационных процессов важен проделанный отечественными исследователями анализ субъектного состава трансформационной и адаптационно-реактивной активности в российском обществе. Согласно выводам российских исследователей, акторы трансформации — это те социальные субъекты, «действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества»⁵. Акторы макроуровня определяют системное преобразование институциональной структуры общества, т. е. трансформацию нормативно-правового пространства. Следует согласиться, что трансформационная активность акторов макроуровня носит определяющий характер. Активность акторов мезоуровня характеризуется как социально-инновационная деятельность, акторов микроуровня — как реактивно-адаптационная. При этом адаптационное поведение масс вызывает качественные изменения базовых социальных практик, являющихся конкретными формами функционирования общественных институтов. Последние рассматриваются как сущ-

¹ Данилова З.А. Некоторые способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации // Социальные проблемы труда в современном обществе: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 120.

² Агарамова Е., Логинов Д. Адаптационные ресурсы населения: Попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 3 (59). С. 13.

³ Ядов В. Теоретическая социология в России: Проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. № 3. С. 315.

⁴ Урманцев Ю.А. Природа адаптации (системная экспликация) // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 37.

⁵ Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 6.

ность по отношению к социальным практикам, изменения в которых свидетельствуют о соответствующих институциональных сдвигах.

В концепции Т.И. Заславской выделяются три типа участия в процессе социальных трансформаций: 1) трансформационная активность, включающая в себя целевую реформаторскую деятельность (изменение правовых и административных норм, определяющих «правила игры»); 2) инновационно-предпринимательская деятельность (т.е. использование, развитие и закреплением новых норм и правил); 3) реактивно-адаптационное поведение, то есть выбор и реализацию субъектами социального взаимодействия доступных способов адаптации, приспособления к изменившимся условиям¹.

Возможностью для осуществления активной трансформационной деятельности обладает лишь сравнительно небольшая доля населения. Остальная часть общества оказывает влияние на общественные преобразования путем выработки продуктивных моделей социально-экономического поведения, эффективность которых определяется соответствием складывающимся в условиях трансформации новым условиям социального взаимодействия. Таким образом, в реальности социальная адаптация населения имеет практически всегда адаптивно-реактивный характер. Необходимо отметить, что данное разграничение вследствие динамичности социального бытия имеет относительный характер, так как даже целевая реформаторская деятельность вызвана объективными потребностями приспособления к постоянно меняющимся реалиям жизни общества, а любая модель активной деятельности, в том числе эффективное социально-экономическое поведение, соответствующее сложившимся условиям в определенный момент, требует в дальнейшем корреляции. Тем не менее, отделение собственно адаптационного поведения от активной трансформаторской деятельности имеет важное значение для подчеркивания динамического характера социальной адаптации (адаптация как процесс), а также для понимания того факта, почему при характеристике содержания и классификации адаптационных стратегий населения в первую очередь, или исключительно, описываются именно формы реактивно-адаптационного поведения.

Несмотря на заметную активность исследователей в изучении различных аспектов социальной адаптации, ученые России все же несколько запаздывают в исследовании столь важной проблемы, существует неоднозначность понимания основных понятий и принципов социальной адаптации. Неслучайно в отечественной литературе насчитывается свыше 30 определений адаптации, употребляемых в социальных науках, что обусловлено, помимо прочего, полисубъектностью социальной адаптации, которая в условиях общественных

¹ Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: Социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 1999. С. 149, 153–154.

преобразований может принимать разные субъектные формы: можно выделить различные, иногда качественно различающиеся виды социальной адаптации в зависимости от социального субъекта: адаптацию личности, адаптацию таких социальных групп, адаптацию социальных институтов и т. д.

В данной работе при изучении социальной адаптации в первую очередь имеются в виду процессы адаптации сельских локальных сообществ к условиям трансформирующейся внешней среды «большого общества». Исходя из этого, применительно к адаптации сельских локальных сообществ в трансформирующейся России, адаптация определяются нами как целостная система реакций сельских сообществ и отдельных элементов их системы, имеющих направленный характер и способствующих налаживанию оптимального динамического взаимодействия с меняющейся внешней средой. В соответствии с авторским подходом, субъектами адаптации выступают сельские локальные сообщества, представляющие собой исторически сложившиеся, относительно автономные по отношению к остальному миру социальные системы, имеющие собственные социальные механизмы поддержания самоидентичности, включающая в себя территориальную группу населения, социальные связи и жизненную среду сообщества, которая в контексте адаптационных процессов понимается как внешние факторы и внутренние ресурсы адаптации.

Стратегии социальной адаптации сельских локальных сообществ складываются на основе совместной адаптационной активности индивидов и домохозяйств. Будучи одним из универсальных феноменов локальной жизнедеятельности, типологическая общность социально-экономической активности сельских сообществ как целого основывается на большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними, а также феномене дифференциации сельских поселений по уровню и качеству жизни и экономической специализации, то есть выделении какого-то одного вида занятости в качестве преобладающего, что обусловлено зависимостью типичных форм социально-экономического поведения от факторов внешней среды и внутренних ресурсов. Жизненная среда сообщества, во-первых, задает правила и ограничения, в которых функционирует социальная система; во-вторых, она выступает необходимым источником ресурсов, без которых социальная система не может осуществлять свою адаптивную деятельность; в-третьих, изменения в среде вызывают изменения во внутренней структуре и поведении социальной системы, т. е. инициируют адаптивный процесс.

В современной России процесс социальной адаптации определяется происходящими в обществе преобразованиями, радикально меняющими характеристики социальной среды, в которой протекает жизнедеятельность социальных субъектов. В условиях трансформирующегося общества в первую очередь важны социально-экономические аспекты приспособления отдельных индивидуумов и обществ к экономическим и организационным изменениям, порожден-

ными рыночными преобразованиями и влекущими за собой трансформацию нормативно-ценностной сферы, преобразования в политике и культуре. Как правило, при определении уровня адаптированности используются объективные критерии, представляющие собой степень освоения новых поведенческих стандартов, реализации в деятельности норм и правил изменившейся социальной среды (в частности, в данной работе в качестве поведенческих критериев выступает степень распространенности тех или иных стратегий, моделей адаптационного поведения), и субъективные критерии, главным образом социальное самочувствие¹, выступающее в качестве интегрального показателя степени адаптированности, базового элемента, свидетельствующего об определенных достижениях². Одним из главных показателей успешности адаптации в рыночном обществе является повышение материального уровня субъекта адаптации, поэтому изучение индикаторов, характеризующих уровень жизни (благосостояния) сообществ, особенно важно при анализе процессов социальной адаптации.

Предметом социологии адаптации выступают несколько групп вопросов. Первая группа — Л.В. Корель³ называет ее «статической» — включает теоретические вопросы, связанные преимущественно с изучением места и роли адаптивных процессов во «внутреннем устройстве» и организации той или иной социальной системы, а также во взаимодействии ее с внешним миром (системная, или структурная парадигма); природы и внутреннего строения адаптивного процесса. Второй круг проблем социологии адаптации на общетеоретическом уровне анализа условно можно назвать «динамическим». Он затрагивает вопросы направленности, места, роли, механизмов адаптивных процессов в развитии социальных систем разного уровня. Социальная адаптация в современном российском обществе объединяет сам процесс приспособления к возникающим социально-значимым изменениям и соответствующую им последовательность незавершенных, налагающихся друг на друга адаптивных состояний. Поэтому социальную адаптацию сельских сообществ к условиям трансформирующейся России следует рассматривать не как итог или результат, а как постоянно осуществляющийся, динамично развивающийся процесс. Однако в результате этого процесса адаптации должны создаваться условия не только для осуществления жизнедеятельности сельских сообществ, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды.

Акцентирование внимания на динамическом аспекте социальной адаптации предполагает изучение, в первую очередь, процесса и механизмов адаптации. Согласно утверждившимся взглядам, процесс адаптации происходит как

¹ См.: Козырева П.М. Указ.соч. С. 22.

² См.: Дудченко О. Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: Трансформирующееся общество. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 610.

³ См.: Корель Л.В. Социология адаптации. С. 28.

путем изменения социальных стереотипов поведения, социальных и экономических практик, ценностей, так и путем преобразования внутренней структуры сельских локальных сообществ и эволюционирования функций отдельных элементов системы, социальной среды. То есть социальная адаптация может идти двумя основными путями: преобразование внешней для адаптанта среды; преобразование его внутренней среды. При этом преобразование социальным субъектом среды (как внешней, так и внутренней) возможно только в отношении тех элементов, на которые он может воздействовать.

Механизм адаптации в широком смысле представляет собой систему взаимодействия всех элементов и включает разновидности, формы (стратегии) и институциональную основу адаптации. Главное в этом механизме — способы и средства воздействия на процесс и результаты адаптации, используемые как взаимодействующими сторонами процесса адаптации, ее субъектами, так и социальными институтами общества¹. То есть механизм адаптации напрямую определяется стратегией, видом адаптации.

Адаптационная стратегия является элементом механизма социальной адаптации, поэтому любое понимание адаптационных стратегий предполагает наличие у исследователя своеобразного понимания адаптации, а также явную или имплицитную приверженность какой-либо общей социологической теории. Наиболее релевантным в плане теоретического и эмпирического анализа видится микросоциологический подход интерпретативной «понимающей социологии» М. Вебера. Как известно, для Вебера единицей социологического анализа был индивидуальный актор — «единичный носитель осмысленного поведения». В рамках веберовского подхода акторы адаптации — это носители осмысленного адаптивного поведения, поэтому адаптацией можно считать способность системы обнаруживать признаки целенаправленного приспособляющегося поведения в сложных средах, а также сам процесс такого приспособления. Адаптационная стратегия, с такой точки зрения — это совокупность определенных средств, избираемых с той или иной целью для реализации адаптационного потенциала в конкретных условиях. Таким образом, признание рационального характера адаптивной активности социальных систем является необходимым условием построения адекватных реальности моделей для описания социальных явлений и процессов. Необходимым, но недостаточным.

Общее представление о механизме принятия той или иной модели социально-экономического поведения в качестве стратегии предполагает рациональную оценку требований внешней среды, имеющихся факторов и ресурсов адаптации и выработку стратегии адаптации, «ответа», адекватного вызовам среды. В действительности же, как будет показано далее, модели адаптации принима-

¹ Свиридов И.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // Социс. 2002. № 1. С. 56.

ют сугубо пассивно-приспособительный характер стратегий выживания, не соответствующих общей направленности изменений социальной среды и основывающихся не на рациональном действии, а на воспроизведении некоторых стереотипов, привычных форм поведения, имеющих зачастую архаический характер, и находящихся в прямой противоположности целям рыночных преобразований. Анализ адаптационной активности населения, не учитывающий социально-экономической среды, в которой осуществляется попытка «рационализации» социально-экономического поведения, описывает модели идеального типа, не существующие, как и пресловутый *homo economicus* в социальной реальности, обусловленной условиями конкретного места и времени.

Следует признать, что рациональность адаптации ограничена системой индивидуальных мотиваций, уровнем информированности, недостатком ресурсов и пр. Важный фактор, ограничивающий рациональность адаптационной активности, состоит в том, что в обыденной жизни человек не всегда высчитывает результаты своего поведения, а его действия определяются привычкой. Если социально-экономическая активность в условиях развитой, укорененной рыночной среды предполагает успешность воспроизведения устоявшихся моделей социального поведения, то в постсоветском обществе такое поведение приводит к значительному росту числа ошибок в использовании ресурсов и формировании адаптационных стратегий, увеличению «издержек упущенных возможностей»¹, что обусловлено нестабильностью новых социальных институтов, дисфункций в экономической и правовой инфраструктурах, сохранения ценностей и норм, зачастую противоположных рыночным.

Таким образом, важной теоретической и методологической проблемой является объяснение причин предпочтения населением тех или иных стратегий адаптации. Анализируя адаптацию сельского населения в производственной сфере, З.И. Калугина выделяет несколько таких факторов. Во-первых, сельское население неоднородно; трансформации затрагивают интересы различных социальных групп. А так как их интересы не совпадают, различны возможности, способы и рычаги реализации этих интересов, то, соответственно, различны стратегия и тактика поведения данных социальных групп в этих процессах². Во-вторых, индивиды и группы обладают различными «адаптивными ресурсами», составляющими их «адаптивный потенциал», который «определяет скорость процесса адаптации, его конечные результаты, степень адаптированности субъекта»³. В-третьих, успешность адаптации к рыночным преобразованиям З.И. Калугина связывает с формированием соответствующего типа личности (на смену «человеку-винтику», адекватному принципам

¹ См.: Адаптационные стратегии населения / Под. ред. Е.М. Авраамовой. СПб., 2004. С. 15–16.

² Там же. С. 46

³ Там же. С. 112.

ведения социалистического планового хозяйства, должны прийти инициативные, самостоятельные и ответственные экономические субъекты, способные функционировать в условиях экономической свободы).

Анализ вариативности преобладающих форм адаптации к процессам трансформации в их зависимости от социально-экономических и природно-географических особенностей существования этих сообществ позволяет предположить, что конкретный «ответ» локального сообщества на трансформационные процессы складывается из трех основных компонент:

1) Характера воздействия со стороны «глобализованного общества», глобальной социальной среды.

2) Конкретного содержания традиционности, воспроизведенного данным локальным сообществом, то есть совокупности устойчивых практик жизнедеятельности, репродуцируемых данным обществом, институциализированный в данном сообществе «социальный порядок». Например, этническая специфика определяет «исходный» тип традиционного природопользования, социокультурную и демографическую динамику локальных сообществ.

3) Условий существования сообщества, то есть совокупности природных комплексов и внутренних ресурсов (факторов внешней и внутренней среды), определяющих «границы возможного», лимитирующих доступные данному сообществу формы реакции на изменения социальных условий¹. Так, географический фактор проявляется как в природных различиях, напрямую влияющих на располагаемые сообществом ресурсы и определяющих профилирующий вид экономической деятельности, так и в уровне урбанизации территории и удаленности населенного пункта от городских центров, выступающих источниками сбыта и приложения избыточных трудовых ресурсов.

Именно влияние второго и третьего условия обеспечивает наблюдаемую дисперсию приспособительных реакций, вырабатываемых различными сообществами.

Анализ вариативности, то есть типологических особенностей стратегий социальной адаптации, и факторов, обуславливающих выбор той или иной модели поведения, позволяет глубже прояснить механизм адаптации на уровне, совмещающем общетеоретические подходы и анализ эмпирического материала. Поэтому выявление и типологизация стратегий социального поведения является одной из самых актуальных исследовательских задач, стоящих на данный момент перед отечественными социальными науками. Типологизация адаптационных стратегий, как правило, связана с общей классификацией адаптации — то есть систематизацией различных сторон и свойств адаптации на основе критериев, положенных в основу типологического деления. Кроме

¹ См.: Нечипоренко О.В., Нысанбаев А.Н. Россия и Казахстан в XXI веке: Опыт модернизационных реформ. Новосибирск, 2005.

того, на появление различных типологий адаптационных стратегий влияют разные исследовательские цели и задачи, так как классификационная система адаптации — это теоретическая модель, отражающая множественность базовых характеристик адаптации, а значит, ее внутреннюю сущность и различные подходы к этим вопросам¹.

Первая попытка классификации адаптации в социальных науках была осуществлена во второй половине XIX в. Г. Спенсером, хотя он и не ставил перед собой специально такого рода задачи. Спенсером были выделены три аспекта адаптации: 1) экологическая адаптация к физическому окружению, 2) социальная адаптация, т. е. институциональная организация, с помощью которой поддерживается социальный порядок, и 3) социализация, или «культурная адаптация» индивидов².

В 1977 г. советский ученый В.А. Марков предложил ряд оснований для классификации «адаптивных форм». Всего таких оснований десять: 1) по области существования, 2) способу адаптации, 3) объекту адаптации, 4) структуре отношений, 5) степени регулирования, 6) глубине процесса, 7) иерархическим уровням, 8) знаковости, 9) временной связи, 10) достоверности³.

Л.В. Корель дает, пожалуй, наиболее развернутую классификацию типов адаптации:

- по принципу системности: критерий «целостности» вовлечения в адаптивный процесс субъекта адаптации, в данном случае выделяются системные и локальные (специализированные, фрагментарные), с подразделением на периферические и ядерные (центральные) типы адаптации;
- по способу адаптации: выделяются ассимиляция («поглощение» адаптанта средой, аккомодация (иногда используется термин «псевдоадаптация», встречная (ответная) адаптация преобразование среды субъектом адаптации — адаптантом), коадаптация, дезадаптация, реадаптация;
- по типу структурности: данная ось дифференциации выделяет стабильные, структурные, и катастрофические типы адаптации;
- по субъектности: групповая и индивидуальная адаптация;
- в зависимости от своей скорости типы адаптации подразделяются на быстрые (высокоскоростные, скоростные) и медленные (низкоскоростные);
- по уровню адаптации выделяется ментальный уровень (освоение новых идей, форм и способов поведения «на уровне сознания»), и поведенческий уровень (на уровне поведенческих реакций);

¹ См.: Корель Л.В. Социология адаптации. С. 110.

² См.: История социологии в Западной Европе и США/ Под ред. Г.В. Осипова. М., 1999. С. 269–274.

³ Марков В.А. Классификация адаптивных форм // Кибернетика и философия. Рига: Зиннатне, 1977. С. 107–111.

- успешности: типы адаптации подразделяются на успешные и неуспешные;
- по признаку устойчивости выделяются устойчивые (постоянные) и неустойчивые (временные, преходящие) типы адаптации;
- по форме выделяется пять форм приспособления: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж;
- с точки зрения хронологии, в зависимости от «отрезка дистанции», «пункта пути следования» адаптирующегося субъекта типы адаптации подразделяются на начальные, промежуточные (срединные, продолжающиеся) и завершающиеся.

— и т.д.

Практически весь этот набор классификационных делений в той или иной мере используется современными авторами, вследствие чего типологии адаптации крайне разнообразны.

Так, согласно одному из подходов, адаптация может быть:

- адекватной, в рамках которой социальный субъект достигает своих целей социально одобряемыми средствами;
- неадекватной, осуществляющей с помощью социально неодобряемых способов поведения. Последняя подразделяется иногда на суррогатную — связанную с изменениями в мотивационно-потребностной сфере (возникновением новых потребностей, например, в алкоголе), и криминальную, связанную с противоправным поведением¹.

По степени делинквентности типы адаптации подразделяются: 1) на совершаемые в правовом пространстве и 2) те, которые осуществляются за его пределами. Опыт адаптации к рынку в России продемонстрировал, что наиболее успешные модели адаптации происходят за пределами правового поля².

Типы адаптации различаются также и по тому, в какой степени они являются закономерными, а в какой случайными. Закономерными являются типы адаптации, которые отражают «всеобщий ход вещей», «происходят с необходимостью», а под случайными — типы адаптации, возникшие «случайно», непредполагаемо.

В соответствии с типологией, представленной М. Шабановой³, используемой в немного видоизмененной форме и другими авторами⁴, можно выделить:

1) добровольную созидательную адаптацию, которая имеет место, когда вновь сформированные способы жизнедеятельности и новые ценности не противоречат ранее сформированной системе ценностей;

¹ Шустова Н.Е. Социальная адаптация личности: социальная структура, социальные институты и процессы: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 1999. С. 14.

² См.: Корель Л.С. Социология адаптации. С. 118.

³ См.: Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социс. 1995. № 9.

⁴ См.: Адаптационные стратегии населения / Под. ред. Е.М. Авраамовой. СПб., 2004.

2) вынужденную адаптацию, которая происходит в случае, если цели и методы преобразований не соответствуют представлениям и установкам индивида, но который, чтобы удовлетворить свои жизненно важные планы, в конечном счете все-таки начинает включаться в преобразования.

З.И. Калугина выделяет четыре модели хозяйственных стратегий, соответствующие им формы адаптации сельскохозяйственных предприятий и сельских семей: активная рыночная стратегия, традиционная хозяйственная стратегия; неадекватная хозяйственная стратегия; пассивно-выжидательная хозяйственная стратегия¹.

Наиболее распространенной при анализе адаптационных стратегий населения России в период трансформации является типология по признаку пассивность/активность. Понятие «активность» в данном случае указывает на то, что субъект адаптации действует не просто следуя жизненным обстоятельствам, но стремится подчинить их своей воле, а «пассивность» — на исключительно «реактивный» характер адаптации². Данная типология является наиболее распространенной при анализе адаптации населения России в период трансформации, поэтому мы остановимся на ней подробней.

В социологии существует точка зрения, согласно которой пассивные формы адаптации имеют место в случае, когда среда активна по отношению к субъекту и, следовательно, в его адаптации превалирует приспособление, если же во взаимодействии доминирует субъект, то адаптация носит активный характер. Известен и другой взгляд. «Нам думается, что активный характер адаптивной деятельности не определяется “механическим перевесом сил” (кто кого одолеет во взаимодействии), хотя от силы воздействия зависит течение процесса адаптации... Многие исследования убеждают, что активность социальной среды служит стимулом более активной деятельности адаптантов в данной среде»³.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что в одних и тех же адаптивных средах у одних адаптантов актуализируется активная, у других — пассивная защита. Это означает, что тип адаптации определяется не только состоянием среды, но и особенностями самого адаптанта.

Приведенная классификация лежит в основе многих исследований, которые показывают, что выжидательное приспособленческое поведение типично для выживания многих россиян в трудной ситуации⁴. Социальные изменения, декларируемые и осуществленные в ходе экономических и политических ре-

¹ См.: Калугина З.И. Сельское предпринимательство в сельской России: Институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 2003. С. 199–200.

² См.: Козырева П.М. Указ.соч. С. 19.

³ Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. С. 35.

⁴ Ронге Ф. Условия жизни в России // Социс. 2000. № 3. С. 59–69; Богомолова Т.Ю., Ташлина В.С. Субъективная мобильность населения по материальному положению // Соци-

форм 1990-х гг., фактически не интериоризованы наиболее массовой социальной группой. Стратегии выживания большинства населения основаны преимущественно на использовании традиционных (архаических) способов приспособления к радикально меняющимся условиям труда и жизни¹. Причем у ряда российских исследователей есть мнение, что большинство используемых россиянами пассивных способов выживания (самоограничение, приспособление, выжидание) служат своеобразными проявлениями культуры зависимости, выражющейся в сознательной «минимизации усилий»².

В основе пассивного типа выживания в современной России лежит опора на наличные доступные ресурсы, свои (продукция ЛПХ, сбережения, имущество) или чужие (долги, помощь)³. Пассивное выживание в ситуации проблем с оплачиваемой занятостью балансирует на грани «противодействия двух тенденций — необходимости сберегать как можно больше и недостаточности текущих доходов для накопления ресурсов»⁴. Свой отпечаток на процесс пассивного выживания накладывают региональные различия в уровне жизни, а следовательно, в объеме располагаемых домохозяйством ресурсов, порождая разнообразие экономических и социальных адаптационных практик.

Нетрудно догадаться, что ведущую роль в «самообеспечении» домохозяйств играет так называемая «жизнь с огорода». Как показывает одно из исследований, 61 % респондентов в качестве двух наиболее важных источников дохода назвали, наряду с зарплатой, выращивание сельскохозяйственной продукции⁵. Поэтому анализируя «изощренное разнообразие неформальных практик жизнедеятельности населения» в период реформ, В. Вагин приходит к выводу о том, что сложности экономической ситуации пробудили не «рациональное», «современное» экономическое поведение, а скорее традиционные, основанные на российском опыте выживания в годы войн и сталинской экономики стереотипы жизнеустройства», среди которых важнейшие — «взаимомо-

альная траектория реформируемой России / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 1999. С. 404, 405.

Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: Основные положения программы и некоторые результаты исследования // Мир России. 2000. № 4.

² Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России / Под общ. ред. И.А. Бутенко. М.: МОНФ, 1999. С. 16–32; Воронков В., Фомин Э. Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 57–69.

³ Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств / Давыдова Н.М., Меннинг Н., Сидорина Г.Ю. /и др./; под общ. ред. О.И. Шкарата. М.: ГУВШЭ, 2003. С. 383.

⁴ Олейник А.Н. Домашние хозяйства в переходной экономике: Типы и особенности поведения на рынке // Вопросы экономики. 1998. № 12. С. 56–66

⁵ Там же. С. 60.

помощь», «самообслуживание» домохозяйств, «самообеспечение» продуктами питания. Речь идет о специфическом «жизнеустройстве» семейных домохозяйств, присущем маленьким городкам и поселкам¹.

Таким образом, экономический потенциал личных подсобных хозяйств оказывается важнейшим адаптационным ресурсом жителей села и российской провинции, а трудовые усилия, затрачиваемые на выращивание продукции, становятся преобладающими в структуре деятельности. В условиях резкого снижения уровня жизни, невыплат, остановки предприятий и пр. экономический вклад «огорода» в семейный бюджет существенно возрастает, а сама «огородная занятость» начинает конкурировать по важности с формальной занятостью, что дает основания становления «огородной экономики» и «огородного типа адаптации». Столь широкая распространенность позволяет отнести эти формы адаптационного поведения к базовым, типичным практически для всех слоев населения. При этом в случае «огородного» самообеспечения участие в этом виде деятельности сравнительно слабо зависит от таких характеристик, как образование, социальный статус и даже уровень материального благосостояния². Немаловажная причина распространенности пассивных форм адаптации состоит в ограниченности индивидуальных ресурсов (как материальных, так и профессионально-квалификационных и образовательных), которые позволили бы выработать эффективные стратегии социально-экономической адаптации. Это обстоятельство позволяет определить модель пассивной адаптации как «стратегию выживания», характерную для «...групп населения с небольшим жизненным и социальным ресурсом, с невысоким статусом и ухудшающимся материальным положением. Здесь преобладают мягкие ценностные системы и идентификация с группами сходной социальной судьбы...»³. Социальная мобильность этой группы оказывается блокированной, а материальное положение эволюционирует, по ее меткой формулировке, в точном соответствии с «законом Матфея» — «богатому присовокупится, а у бедного отнимется последнее», или, как гласит народная мудрость, «деньги к деньгам, женихи к женихам»⁴.

Повышение значения подсобного хозяйства в жизни российского населения говорит о тенденциях, характерных и для села, и для малых городов, где,

¹ См.: Вагин В. Русский провинциальный город: Ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 55, 59, 61.

² См.: Космарская Н.П., Мезенцева Е.Б. С мечтой о достатке. Формирование правового сознания: Социально-экономический контекст // Права женщин в России: Исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). М.: МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1998. Т. 1. С. 27–75.

³ Наумова Н. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 20.

⁴ См.: Космарская Н.П., Мезенцева Е.Б. С мечтой о достатке. С. 45–46.

как подчеркивает Р. Роуз, выращивание горожанами продуктов питания представляет собой особенность «обществ повышенной тревожности»¹. В условиях таких обществ уже само наличие земельного участка представляет собой своего рода «страховку», своего рода «неприкосновенный запас». Участок даже не всегда должен эксплуатироваться, он может содержаться и для того, чтобы в любой момент встретить трудности «во всеоружии».

Несмотря на резко возросшую за последние годы значимость «огородной экономики», способы адаптации населения к изменению социально-экономической ситуации не ограничиваются одним лишь самообеспечением продуктами питания. Активный тип выживания «прежде всего предполагает не просто приработки, а включенность в регулярную вторичную занятость, совместительство, дополнительную работу. Разовые, временные приработки (в зависимости от их частоты, типов, а также экономической ситуации в семье) могут означать для домохозяйства как основу для формирования активной стратегии выживания, так и хаотичное стремление «вертеться» без определенной продуманной стратегии»². Формирование адаптационной модели «хаотичного выживания» в основном базируется на комбинации разнообразных действий и отличается тем, что недостаточность одних действий по самообеспечению постоянно восполняется использованием как можно большего числа других. Если типы активного и пассивного выживания вполне можно рассматривать в качестве определенных стратегий домохозяйств, то «хаотичное выживание» является скорее моделью ситуативного реагирования на текущие обстоятельства.

Именно эта стратегия выживания наиболее характерна для жителей городов (после способов адаптации, относимых исследователями к пассивной модели)³.

Другой удачный термин для характеристики данного типа адаптационной стратегии — «многоканальная модель выживания и воспроизведения» — был использован финским экономистом и социологом Т. Пиирайненом для характеристики тесной взаимосвязи стратегии занятости и способов выживания в процессе практической адаптации домохозяйств⁴. При этом ситуация в домохозяйстве как базовом субъекте адаптационной активности определяется рядом характеристик: составом, типом, структурой располагаемых доходов, степенью нуждаемости, ресурсным потенциалом, доступностью для него тех или иных возможностей выживания и т. д.

¹ Роуз Р. Россия как общество песочных часов: Конституция без граждан // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1995. Т. 12, № 3.

² См.: Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. С. 384.

³ См.: Космарская Н.П., Мезенцева Е.Б. С мечтой о достатке С. 70.

⁴ Пиирайнен Т., Турунцев Е.В. Отталкиваясь от Макса Вебера: К пониманию процессов социальной трансформации в России // Вопросы экономики. 1998. № 7. С. 71–77.

Итак, на практике достаточно часто имеет место не однозначный выбор какой-либо из вышеперечисленных моделей, а комбинирование разнообразных действий¹. Кроме того, для каждой стратегии характерны свои конкретные способы адаптации, которые, однако, могут использоваться в совершенно разных сочетаниях. Таким образом, зачастую модель адаптации сообщества формируется в результате сложения разнопорядковых и разнонаправленных стратегий, способов, факторов адаптации.

§ 2.2. Аграрная реформа и факторы формирования адаптационных стратегий сельского населения

Социальное развитие сельских локальных сообществ в современной России обусловлено особенностями осуществляющейся с начала 1990-х трансформации российского общества. Сущность ее достаточно емко отражает определение Т.И. Заславской, согласно которой под трансформацией следует понимать обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социального типа общества. Объективной стороной общественных преобразований выступили качественные изменения в системе социальных отношений, сопровождающиеся сменой фундаментальных механизмов социального регулирования². Произошла замена системообразующих ценностей и норм, лежащих в основе важнейших социальных институтов («советских» на «рыночно-демократические»), отличие которых, по мнению П. Штомпки, заключается в следующих параметрах: коллективизм — индивидуализм; общественное — частное; прошлое — будущее; рок — человеческая активность; свобода от — свобода для; мифы — реализм; эффективность — справедливость³. Дополнительную специфику изменениям ценностно-нормативных основ общества и системы социальных взаимодействий, произошедшую в условиях распада мировой социалистической системы, придает тот факт, что эти изменения осуществляются в контексте общемирового глобального сдвига, задающего определенные приоритеты и направления экономического и социального развития.

Осуществляемая в России социальная трансформация затронула все уровни и сферы общества, оказав существенное воздействие и на развитие сельского социума, где совокупность изменений, вызванных преобразованиями, по-

¹ См.: Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств. С. 372.

² См.: Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: Социокультурный аспект // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред.кол. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 1999. С. 149.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 235.

лучила наименование аграрной реформы. На основании показателей экономического и социального развития села можно выделить, по крайней мере, три периода в развитии сельских сообществ в условиях трансформации.

На первом этапе, до начала 1990-х гг. экономика села, в основном, функционировала в форме коллективных хозяйств, базирующихся на государственной или колхозной собственности.

На втором этапе (1991–1998 гг.) начались реформы по масштабному переориентированию от планово-распределительной к рыночной экономике. Целью реформ было создание многоукладного, экономически эффективного сельскохозяйственного производства, внедрение «рыночно-демократических» ценностей, преобразование структуры сельского социума и моделей взаимодействия — в направлении, соответствующем общей логике постсоветской трансформации.

На третьем этапе, начиная с 1998 г., появляются признаки стабилизации и экономического подъема села. Законодательно и институционально оформляются социально-экономические отношения, сложившиеся на основе института частной собственности на землю. Разрушительные последствия проводимых реформ и сокращение государственной поддержки социальной и экономической сферы села вынудило население проявлять инициативу «снизу», формируя своеобразные, достаточно устойчивые адаптационные модели, не соответствующие, возможно, общей направленности рыночных преобразований, но адекватные вызовам социальной среды и основывающиеся на имеющихся ресурсах адаптации.

В основу аграрной реформы был положен миф «возрождения крестьянства» и возвращения российского села в русло пресеченного революцией развития капиталистического уклада в сельской экономике. Важнейшей причиной низкой эффективности сельскохозяйственного производства считалось отсутствие у сельских тружеников собственности на землю и другие средства производства. Предполагалось, что передача частным лицам собственности на землю и имущество бывших коллективных хозяйств вызовет значительные положительные изменения в управлении сельскохозяйственными предприятиями и в экономических показателях развития села. Реформы предусматривали конструктивные преобразования в аграрном секторе стран бывшего СССР и включали: проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, развитие частного сектора аграрной экономики в целях повышения социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения, развития капиталистических мелкотоварных хозяйств (фермерства). В итоге реформ предполагалось создать многоукладное, экономически эффективное сельскохозяйственное производство.

В целях повышения эффективности сельского хозяйства и преодоления имеющихся в сельском социуме проблем следовало обеспечить переход земли

в частную собственность и способствовать внедрению частных методов ведения хозяйства. Роль государства заключалась в создании предпосылок для самореализации гражданам путем выделения им земли и обеспечения механизма ее оборота с тем, чтобы она могла концентрироваться в руках наиболее способных хозяев¹. Принятые Верховным Советом СССР 22 февраля 1990 г. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле» установили общие принципы проведения реформы, а важнейшие вопросы землевладения и землепользования были переданы на рассмотрение союзным республикам. Принятый 25 апреля 1990 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР указ «О некоторых вопросах предоставления и изъятия земель» предусматривал право колхозов и совхозов полновластно распоряжаться землей, переданной им в свое время в вечное пользование, в том числе предоставление земли гражданам: во владение, пользование и аренду. Однако понятие «частная собственность» применительно к земле в этом нормативном акте отсутствовало.

После принятия Верховным Советом РСФСР 27 декабря 1990 г. закона «О земельной реформе»² и 25 апреля 1991 г. Земельного кодекса, по существу, была отменена государственная монополия на землю по всей территории страны, распределены полномочия между органами различного уровня по регулированию земельных отношений. Законодательно провозглашался институт частной собственности на землю, однако второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РФ в том же 1990 г. ввел 10-летний мораторий на куплю-продажу земли, действовавший вплоть до принятия в 2001 г. Земельного кодекса Российской Федерации. Преодолеть противоречивое регулирование земельных отношений, заведших аграрную реформу в тупик уже на начальном этапе, были призваны Указы Президента Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы», «О порядке установления нормы бесплатной передачи земельных участков в собственность граждан» от 2 марта 1992 г., «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» от 27 октября 1993 г., положения которых были детализированы в постановлениях Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» и от 4 сентября 1992 г. № 708 «Об утверждении Положения о реорганизации колхозов, совхозов и приватизации сельскохозяйственных предприятий». В соответствии с этими нормативными актами прежние сельскохозяйственные предприятия претерпели существенную структурную перестройку. Реорганизации подлежали все коллективные и совместные хозяйства, независимо от эффективности их деятельности, хотя трудовым коллективам было предоставлено право сохранить прежнюю форму хозяйствования. В результате реорганизации к концу 1992 г.

¹ Хагуров А.А. Социология российского села. М., 2008. С. 348.

² Закон РСФСР «О земельной реформе» от 27 декабря 1990 г. // Сборник законодательных актов по аграрной реформе в РСФСР. М., 1991.

на базе 24 тыс. колхозов, совхозов было создано 36 тыс. обществ, товариществ и кооперативов, более 21 тыс. государственных и муниципальных предприятий, заново организовано 270 тысяч фермерских хозяйств.

Уже в середине 1990-х стала очевидной бесперспективность выбранного курса реструктуризации социально-экономической сферы села, причем самый поразительный факт заключался в том, что «крестьяне оказали открытое сопротивление разрушению колхозного строя. В массе своей селяне не реализовали свое право собственности на землю»¹: 80 % селян, имеющих земельный пай, оставили его в распоряжении предприятий, на которых они работают, или внесли в качестве вступительного взноса во вновь созданные акционерные общества, кооперативы, коллективные хозяйства, 10 % использовали свой пай на расширение личного подсобного хозяйства и лишь 2 % — на организацию самостоятельного хозяйства, 5 % передали свой пай по наследству своим родственникам или детям². Большинство работников так и не ощутило разницы между положением наемных работников и совладельцев средств производства, не произошло существенного изменения мотивации труда и моделей их трудового поведения. Работники, не получающие в течение ряда лет денежную зарплату, тем не менее, сохраняли свои рабочие места на экономически слабых сельхозпредприятиях³, предпочитая «инновационной деятельности» и переменам работу на прежнем месте, бывшем коллективном предприятии, реформированном, но не вписавшемся в рынок. Проведенное формально преобразование колхозов и совхозов в АО, ТОО, ООО и т. д. не привело к осознанию людей собственниками — поэтому можно заключить, что собственно аграрной реформы как рационального, системного процесса, который поддерживается жителями села, не было и нет. Некоторые исследователи считают одной из главных причин фактической неудачи аграрной реформы формальный характер проведенных преобразований. Так, по мнению А. Хагурова, «развал аграрного сектора произошел не потому, что были осуществлены реформы, а потому, что они не проводились, будучи лишь продекларированными»⁴.

Парадокс преобразований 1990-х гг., с точки зрения З.И. Калугиной⁵, заключается в неэффективности «капитализации» аграрной экономики — вместо неэффективного государственного сектора экономики после реформирования возник неэффективный частный сектор. Социологические исследования, проведенные в разных регионах страны, показывают, что вполне достаточная (на

¹ Холостова Е.И., Черняк Е.М., Чупина Г.Н. Сельская семья и социальная работа. С. 13.

² См.: Калугина З.И. Институциональные основы и социальная база развития сельского предпринимательства // Регионы: Экономика и социология. 2001. № 3.

³ См.: Фадеева О.П. Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 2. С. 61–93.

⁴ Хагуро. А. Указ.соч. С. 351.

⁵ См.: Калугина З.И. Трансформационные процессы в аграрном секторе России. <http://nesch.ieie.nsc.ru/5KALUG8.html>

начальном этапе реформ) для развития села по пути эффективной многоукладной экономики социальная база аграрных преобразований впоследствии заметно сократилась из-за непоследовательности аграрной политики, несовершенства законодательства, несоблюдения договорных обязательств, как хозяйственными партнерами, так и государственными структурами всех уровней¹.

После изменения организационно-правового статуса бывших коллективных хозяйств в сельском социуме сложилась уникальная модель социальных и экономических отношений, сочетающая в себе принципы устройства сельского мира советской эпохи, различного рода архаические компоненты и черты организации капиталистического общества. Такая неопределенная, промежуточная модель социально-экономических отношений на селе законсервировалась в середине 1990-х и, в условиях общего кризиса, резкого обнищания сельского населения, деградации социальной сферы села, депопуляции и старения сельского населения, сохранилась почти десятилетие (с середины 1990-х гг. до начала века).

Государственная социальная политика в отношении села в 1990-е гг. носила хаотичный характер и была направлена не на решение основных проблем, возникших перед сельским миром России в процессе реформирования экономики, а на их смягчение путем поддержки населения по категорциальному принципу и сохранения убыточных реформированных предприятий. Негативные последствия реструктуризации аграрного сектора особенно обострились к середине 1990-х гг., когда одна крайность сменилась другой — маятник государственной аграрной политики качнулся от режима «наибольшего благоприятствования» в сторону приближения к более жестким «рыночным стандартам»². В это время закончился очередной «преференциальный» период для аграрного сектора, начавшийся в 1970–1980-е гг. с периодических списаний долгов колхозов и совхозов перед государством и продолжившийся льготным кредитованием приватизированных сельхозпредприятий и фермерских хозяйств в 1992–1995 гг. Обобщая, можно заключить, что в период преобразований 1990-х и вызванных ими масштабного социально-экономического кризиса село потеряло свое значение как важный объект государственной политики, что имело самые разрушительные последствия для сельских социумов России.

Анализируя процессы, разворачивающиеся в российском селе с начала 2000-х гг., следует признать, что институциональные, правовые и экономико-социальные изменения, произошедшие в стране в этот период, подготовили своеобразный «новый консервативный» (либеральный) поворот, сущность которого заключается в вытеснении сформировавшихся в 1990-х гг. крупных

¹ См.: Калугина З.И., Фадеева О.П. Сельское предпринимательство и сельские сообщества в борьбе за выживание в условиях реформ // Вестник РГНФ. 2005. № 3. С. 96–106.

² Фадеева О. Современное российское село: Путешествие в параллельные миры. <http://www.ruralworlds.msses.ru/newtexts/fadeeva5.nrf>

сельхозпредприятий — «крупхозов» (как правило, экономически неэффективных) — и внедрение в экономику села частного (часто городского) капитала. Данные тенденции нашли отражение в законодательной сфере, в принятии ряда законов, блокировавшихся в 1990-е гг. левой оппозицией (прежде всего, Земельного кодекса и Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»), а также в эволюции аграрной политики. В русле нового консервативного курса находится приоритетный Национальный проект «Развитие АПК» (2006–2007 гг.), предусматривающий, помимо мер, направленных на развитие животноводства, стимулирование развития малых форм хозяйствования АПК, в первую очередь, личных и фермерских хозяйств. Анализируя социальные последствия успешной реализации мер, предусмотренных Проектом, В.В. Пациорковский достаточно точно оценивает его внутреннюю установку — в первую очередь, поощрить «сильных и успешных хозяев занять новые позиции в аграрном секторе экономики»¹, что соответствует общей направленности реформирования (реструктуризации) аграрного сектора, осуществлявшегося начиная с конца 1980-х гг. Как отмечают Г.С. Широкалова, М.В. Зинякова, также отталкиваясь от анализа мероприятий, предусмотренных Проектом и эволюции аграрной политики в 2000-е гг.², эта политика осознанно продолжается до сих пор.

Исследователи, обосновывающие необходимость либеральной реструктуризации социально-экономической сферы села, отмечают, что реформа в аграрном секторе не привела к позитивным сдвигам, так как в сельском хозяйстве продолжают действовать старые «правила игры», принимающие порой гипертрофированные формы. «Сегодня социально-экономические отношения внутри большинства сельскохозяйственных предприятий воспроизводят “пороки” отношений коллективной собственности,ственные и дореволюционной крестьянской общины, и советской системе колхозно-совхозного строя — рентоориентированное поведение всех групп интересов внутри хозяйства, приводящее к сверхэксплуатации его ресурсов»³. Вывод российских сельхозпредприятий из порочного круга неэффективности не может быть осуществлен мерами «государственной патерналистской политики», так как они будут только способствовать консервации и воспроизведству неэффективных институтов. С такой точки зрения, противовесом государственного патернализма должна выступать институциональная реструктуризация аграрного сектора страны, основываю-

¹ Пациорковский В.В. Сельская Россия: Проблемы и перспективы // Социс. 2007. № 1. С. 98.

² Широкалова Г.С., Зинякова М.В. Реалии российской деревни // Социс. 2006. № 7. С. 70–78.

³ См.: Балабанова Е.С., Бедный А.Б., Грудзинский А.О. Концентрация собственности в сельском хозяйстве — путь становления эффективного предприятия // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 77.

щаяся на приоритете экономической успешности/неуспешности сельхозпроизводителей, то есть на приоритете экономической целесообразности институциональной структуры села.

Предпосылкой любых реформ, затрагивающих основы социальной сферы сельской России, должно выступать осмысление общей направленности развития социальных процессов на селе в контексте выявления сложившихся на данный момент реальных форм адаптации сельского населения. Только учитывая реальные, а не декларируемые изменения в социально-экономической сфере села и устоявшиеся практики адаптационных взаимодействий сельского населения, и значение тех или иных характерных институтов современного российского сельского социума в контексте этих практик, возможно осуществить государственную социальную политику, способствующую решению насущных проблем села и эффективной адаптации сельского населения. Следует согласиться с мнением З.И. Калугиной, согласно которому российская модель аграрных отношений должна опираться на доминирующую систему ценностей населения и учитывать высокую значимость для большей его части «корпоративной солидарности»¹. Даже западные эксперты признали ошибочность стремления российских реформаторов искоренить «антиkapиталистическую ментальность» народа и распространенные в массовом сознании коллективистские ценности, зачастую препятствующие конструктивному ходу реформ².

Переходя к характеристике наиболее значимых последствий аграрной реформы, следует признать, что безусловным итогом преобразований являются формирование новой организационно-экономической основы и изменения социальной структуры сельского социума.

Процесс изменения социальной структуры сельских сообществ нашел отражение в социальной стратификации сельского населения, расслоения достаточно однородного по доходам сельского социума на три основных доходных группы: среднего класса (около 5 %), балансирующие на грани бедности переходные группы — 45 %, и бедные слои — 50 %³. С точки зрения В.В. Пациорковского, к настоящему времени на селе уже сложился фундамент новой социальной дифференциации⁴. Большую часть современного российского сельского сообщества и двух последних стратификационных групп составляют наемные рабочие и самозанятые в ЛПХ и неформальном секторе экономики. Появились новые, «рыночные» социальные слои. Сельский средний класс, как слой новой сельской буржуазии состоит из «новых богатых» и преуспеваю-

¹ Калугина З.И. Трансформационные процессы в аграрном секторе России. С. 118.

² Адмирал П. Куда идет Россия?// Проблемы теории и практики управления. 1995. № 4. С. 67–74.

³ См.: Пациорковский В.В. Сельская Россия: Проблемы и перспективы // Социс. 2007. № 1. С. 95–96.

⁴ См.: Там же. С. 95–96.

ющих мелких собственников, включающих в себя помимо фермеров, о которых существует множество исследований¹, представителей сельских домохозяйств, являющихся значительно более массовой прослойкой на селе.

Сформированная в ходе реформ организационно-экономическая основа сельского социума базируется на различных формах собственности и хозяйствования. Вследствие значительных структурных изменений в системе АПК вместо двух типов крупных хозяйств советской эпохи, колхозов и совхозов, появился широкий спектр разнообразных по своему юридическому статусу предприятий, что позволяет говорить о «мозаичной композиции», по образному выражению А.М. Никулина², современной аграрной структуры, появлении многоукладной сельской экономики, основанной на разных способах осуществления экономической деятельности. Несмотря на широкое разнообразие юридически-организационных форм, современные пути развития экономики села связаны с несколькими ведущими укладами сельскохозяйственного производства. Наиболее важную роль играют крупные сельхозпредприятия и хозяйства населения, что отражается, в первую очередь, в их экономическом значении (табл. 3).

Из крупных предприятий, прежде всего, следует выделить кооперативы, которые занимают доминирующее место по количеству хозяйств, государственные и муниципальные хозяйства различных типов, число которых в процессе реформирования значительно сократилось, и различные акционерные общества, часть из которых является приватизированными предприятиями на базе бывших колхозов и совхозов. Поскольку крупные хозяйства на селе представлены различными по своей социальной и экономической природе предприятиями, в научной литературе предпринимаются попытки отойти от формального критерия дифференциации сельскохозяйственных предприятий по принципу организационно-правового устройства и выработать «реальную» типологию с учетом их фактической роли в аграрно-производственных и социальных отношениях.

Следует согласиться с мнением, согласно которому за годы реформирования села в сельском хозяйстве образовалось несколько типов крупных сельхозпроизводителей, но только в малой части из них (агрохолдинги, частично долевые предприятия) последовательно, по всей вертикали производства, реализован принцип частной собственности. Другая часть крупных хозяйств представляет несколько своеобразных симбиозных форм, организация деятельности которых далека от общей направленности реформирования села, однако включена в механизмы адаптации сельского населения³.

¹ См.: Средний класс в современном российском обществе. М.: РНИСиНП, 1999.

² См.: Никулин А.М. Из колхоза — на ферму... // Факторы современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2001.

³ См.: Великий П.П., Морехина М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 55–64.

Таблица 3

**Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств
(в фактически действовавших ценах; млрд руб.; до 2000 г. — трлн руб.)**

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007
Хозяйства всех категорий								
Продукция сельского хозяйства	2,7	203,9	774,1	1154,9	1345,2	1494,6	1711,3	2017,2
в том числе:								
растениеводства	1,3	108,3	426,9	637,8	745,7	788,7	912,0	1106,9
животноводства	1,4	95,6	347,2	517,1	599,5	705,9	799,3	910,3
Сельскохозяйственные организации								
Продукция сельского хозяйства	1,8	102,3	335,6	458,9	573,6	615,6	704,5	875,9
в том числе:								
растениеводства	0,9	48,8	189,0	236,3	307,3	294,4	343,9	454,2
животноводства	0,9	53,5	146,6	222,6	266,3	321,2	360,6	421,7
Хозяйства населения								
Продукция сельского хозяйства	0,9	97,6	414,9	643,6	692,5	794,5	894,7	1001,1
в том числе:								
растениеводства	0,4	56,8	220,7	361,5	374,8	429,7	482,2	545,2
животноводства	0,5	40,8	194,2	282,1	317,7	364,8	412,5	455,9
Крестьянские (фермерские) хозяйства								
Продукция сельского хозяйства	0,03	4,0	23,6	52,4	79,1	84,5	112,1	140,2
в том числе:								
растениеводства	0,02	2,7	17,2	40,0	63,6	64,6	85,9	107,5
животноводства	0,01	1,3	6,4	12,4	15,5	19,9	26,2	32,7

Источник: Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru/>; Россия в цифрах. М., 2007. С. 231.

Первый симбиозный тип — предприятия, имеющие статус коммерческих (АО, СПК и т. п.), но их «внутренние экономические и социальные связи напоминают советский колхоз, в котором своеобразно интегрированы само крупное хозяйство, община, крестьянские дворы, мелкий бизнес»¹. Исследования социальной эффективности новых экономических укладов в аграрном секторе показывают, что организация производства, основанная на взаимной согласованности ин-

¹ Там же. С. 55.

тересов работников и руководства бывших коллективных хозяйств, в рыночных условиях позволяет производить до 10 % всего объема продукции сельского хозяйства (среди других хозяйствующих субъектов на селе их доля также равна 10 %)¹. Другой симбиозный тип — это так называемые смешанные предприятия, где применяется внутренний хозрасчет, подряд и аренда, которые в свою очередь делятся на: 1) хозяйства, которым удается сохранить рентабельность производства (по данным В.В. Пациорковского среди крупных товаропроизводителей их доля доходит до 3 %, а их вклад в производство продукции — до 1 %); 2) нерентабельные крупные хозяйства, имеющие большие просроченные долги, иногда арестованные банковские счета; здесь практикуется расчет с работниками собственной продукцией, в натуральной форме (таких хозяйств около 25 %, они производят 4 % сельскохозяйственной продукции); 3) предприятия-банкроты, в которых деятельность практически остановлена, подобные хозяйства производят всего 2 % сельскохозяйственной продукции (их доля составляет примерно 20 % крупных хозяйств). Села, в которых расположены такие предприятия, находятся в полуразрушенном состоянии, особенно производственная и бытовая инфраструктура. Если в конце 1990-х гг. деструктивный тип адаптации, связанный с ликвидацией или банкротством крупхозов встречался очень редко, то к настоящему моменту тенденция деструкции сельских сообществ стала более распространенным явлением.

Несмотря на все трудности переходного периода, крупные сельскохозяйственные производители наравне с личными хозяйствами населения и, в меньшей степени, фермерскими (крестьянскими) хозяйствами продолжают составлять основу аграрной экономики. По данным статистики, в 2007 г. на долю крупных сельскохозяйственных организаций приходилось 78,5 % производства зерна; 20 % было произведено фермерскими (крестьянскими) хозяйствами, около 52 % продукции животноводства (против 45 % в хозяйствах населения) и 3 % в фермерских (крестьянских) хозяйствах (табл. 4).

Положение крупных производителей в институциональном плане существенно меняется, из землевладельцев крупхозы превратились в арендаторов земельных долей. Крупхозы потеряли безусловное лидерство в производстве сельхозпродукции. Если в 1990 г. сельхозорганизации производили 73 % валовой продукции сельского хозяйства, то в 1995 г. — около 50 %, а в 2000 г. — около 43 %. В 2007 г. крупными сельхозпроизводителями (сельскохозяйственными организациями) было произведено менее половины валовой продукции сельского хозяйства (около 44 %), в том числе около 45 % продукции растениеводства и животноводства, остальная доля произведенной сельхозпродукции приходится на хозяйства населения (50 % всей сельхозпродукции) и фермер-

¹ См.: Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003.

Таблица 4

Структура производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (в процентах от общего объема производства), %

Продукция	Сельскохозяйственные организации			Хозяйства населения			Крестьянские (фермерские) хозяйства		
	2000	2006	2007	2000	2006	2007	2000	2006	2007
Зерно (в весе после доработки)	90,7	78,5	78,5	0,9	1,5	1,3	8,4	20,0	20,2
Сахарная свекла (фабричная)	94,4	86,8	87,5	0,7	1,4	1,2	4,9	11,8	11,3
Семена подсолнечника	84,4	70,0	70,1	1,4	0,9	1,0	14,2	29,1	28,9
Картофель	6,5	7,0	7,4	92,4	90,1	89,2	1,1	2,9	3,4
Овощи	19,9	14,6	14,0	77,9	78,3	78,9	2,2	7,1	7,1
Скот и птица на убой (в убойном весе)	40,3	49,4	51,6	57,9	48,0	45,5	1,8	2,6	2,9
Молоко	47,3	45,0	44,0	50,9	51,4	52,0	1,8	3,6	4,0
Яйца	70,9	75,2	75,1	28,7	24,1	24,1	0,4	0,7	0,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru/>; Россия в цифрах. М., 2007. С. 232.

ские хозяйства (6 %). Именно в домохозяйствах населения на сегодняшний день производится основная часть товарного картофеля, продукции овощеводства, около половины продукции животноводства.

Личные хозяйства сельских жителей стали заметным сектором аграрной экономики, для большинства сельского населения — это единственный источник занятости и выживания, причем не как результат реформирования, а скорее как следствие реализации адаптационного потенциала села, который зачастую вопреки политике аграрных реформ занимает вполне самостоятельную позицию среди других хозяйственных укладов¹.

¹ См.: Алексеев А.М., Симагин Ю.А. Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях. М., 1996; Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003; Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2002 гг. М., 2003; Адаптационные стратегии населения / Под. ред. Е.М. Авраамовой. СПб., 2004; Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издаельство, 2006.

При анализе динамики различных форм сельскохозяйственного производства становится очевидно, что тенденция к сокращению численности крупных сельхозпроизводителей существует в масштабах всей страны. К началу 2006 г. в аграрном секторе действовало 17 тыс. крупных и средних предприятий (27 тыс. в 2001 г.), а также 255 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств, 16 млн личных подсобных хозяйств. Например, в Новосибирской области, по разным оценкам, доля сельских поселений, в которых полностью ликвидированы крупные хозяйства, составляет от 1/5 до 30%¹. Эти данные, фиксирующие банкротство и ликвидацию крупных сельхозпроизводителей, понимаемые в контексте особенностей социальной адаптации сельского социума, свидетельствуют о продолжении структурного кризиса села.

Значение крупных хозяйств обусловлено, во-первых, их ролью в поддержании социальной инфраструктуры села. В ходе преобразований объекты социальной сферы передавались на баланс местных администраций, а крупные предприятия, освобождающиеся от бремени их содержания, в результате формально теряли свое социальное значение. Недостаток бюджетных средств при поддержке сельской инфраструктуры привел к ее упадку. Разрушить ее окончательно не позволяет само сельскохозяйственное предприятие, которое остается центральным звеном в жизнеобеспечении села, хотя условия его деятельности и возможности резко изменились.

Экспертная оценка ситуации

Вначале у нас везде детские садики были на балансе у сельскохозяйственных предприятий, затем, когда началась у нас финансовая напряженка и порой вопрос стоял — быть или не быть акционерному обществу, тут уж было не до детских садиков. Они были переданы в бюджет, затем бюджет у нас тоже выдохся... когда у нас совсем с бюджетом стали нелады — пришлось пойти на закрытие детских садиков. Где-то могли сохранить в каких-то селах, в основном за счет хозяйств, а где-то пришлось закрыть.

Во-вторых, и это самое важное, можно со значительной долей уверенности утверждать, что крупхозы являются основой выживания сельских сообществ. Хозяйственная эффективность и рентабельность крупхозов, наличие у них доступа к трансфертам, направляемым на поддержание сельского хозяйства, являются определяющими факторами социально-экономического положения конкретных сельских сообществ. Крупные сельскохозяйственные предприятия, даже будучи экономически нерентабельными, про-

¹ Фадеева О.П. Сосуществование хозяйственных укладов в российском селе // Пути России: Преемственность и прерывистость общественного развития / Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: МВШСЭН, 2007. С. 125–128.

должают оставаться жизнеобеспечивающим центром сельского сообщества: предоставляют рабочие места, выплачивая заработную плату (несправедливо меньшую по сравнению с городскими предприятиями), оказывают посильную поддержку не только своим работникам, но и прочим жителям села, как в открытой форме (материальная помощь отдельным домохозяйствам и учреждениям социальной сферы), так и в неявной форме (сохранение избыточных рабочих мест и т. д.). Перераспределяя в тех или иных видах материальной поддержки трансферты, крупхозы выполняют редистрибутивную функцию, заключающуюся в том, что за счет полученной прибыли и внерализационных доходов (например, явных и скрытых трансфертов, дотаций, направляемых на поддержку сельскохозяйственных производителей) обеспечивается сохранение социально-экономической сферы сельских сообществ.

Ликвидация массы крупных хозяйств, деятельность которых оказалась экономически нерентабельной, образующих основу социально-экономической жизни сообществ и экономики личных подсобных хозяйств, неизбежно приводит к катастрофическому снижению жизненного уровня жителей села, деградации и гибели сельских локальных социумов. Спусковым механизмом полной деградации таких населенных пунктов выступает локальная миграция наиболее трудоспособных жителей села в поисках работы, после чего на селе остаются либо пенсионеры, либо маргинализированные прослойки. Как правило, после ликвидации крупного хозяйства сокращаются и масштабы трудовой деятельности населения в ЛПХ, так как домохозяйства лишаются не только бесплатных или приобретенных по льготным ценам кормов, но и технической помощи, а также каналов сбыта продукции.

В случае отсутствия сельскохозяйственного предприятия происходит частичный перенос его социальных функций на администрацию и фермеров или крупные «подсобные» хозяйства, осуществляющие по сути предпринимательскую деятельность, но не прошедшие процедуру официальной регистрации. Однако ни сельские администрации, ни фермерские хозяйства не обладают достаточной ресурсной обеспеченностью для поддержания социальной жизни сельского социума и экономики личных подсобных хозяйств.

Фермерские хозяйства, на которые была большая надежда в начале реформ, вносят лишь незначительный вклад в производство сельхозпродукции и развитие социально-экономической сферы села. Основной рост фермерства наблюдался в период с 1992 по 1995 гг., когда число крестьянских (фермерских) хозяйств возросло с 49 до 280 тысяч, располагающих 12 млн гектар сельхозугодий. Как показал опыт, это был своеобразный предел развития фермерства; к настоящему времени 255 тыс. фермерских хозяйств обрабатывают около 14 млн га (7 %) пашни и производят примерно 6 % общего объема сельхоз-

продукции (данные 2005–2006 гг.)¹. Около 70 % обрабатываемой фермерами земли арендуется ими у односельчан, владельцев земельных паев².

К ряду факторов, препятствующих дальнейшему развитию фермерства, следует отнести общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру, связанную с продолжительным отсутствием социально-экономической стабильности и высокой степенью риска хозяйственной деятельности, незавершенность формирования рыночной инфраструктуры и сокращение государственной поддержки. До сих пор, по прошествии десятилетий, не урегулированы простейшие вопросы институализации фермерства, что открывает широкие возможности для бюрократического произвола. По мнению ряда исследователей, вступление в силу закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (2003 г.) фактически поставило фермерство вне закона³. С одной стороны, закон обязал фермеров выполнять все юридические и бюрократические процедуры, связанные с отчетностью, функционированием и регистрацией юридических лиц, но с другой стороны, этот же закон отказывает в признании фермерских хозяйств в данном статусе, что является серьезной помехой в осуществлении деятельности. Следует также добавить, что понятие «фермерского хозяйства» отсутствует и в Гражданском кодексе.

Таким образом, «фермер, не имея разумной государственной поддержки в виде доступных кредитов, системы реализации произведенной им продукции, эффективной кооперации со своими товарищами, остался один против трех великих недоброжелательных сил: спекулятивного рынка, бюрократического государства и местного сельского сообщества, в котором часто тон задают бедные спившиеся индивиды, завидующие умелым и зажиточным односельчанам»⁴.

Крупным производителям фермеры проигрывают в том, что им сложнее получить доступ к кредитам, наладить сбыт продукции и т. д. Производительность труда в фермерских хозяйствах невысока, так как техническое оснащение недостаточно. Хозяйствам населения фермерские хозяйства проигрывают в том, что теряют постоянную связь с бывшим коллективным хозяйством, открывающим доступ к использованию его ресурсов (прежде всего, техники). В итоге, в годы после вступления в силу закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» наблюдается процесс перерегистрации фермерских хозяйств в личные подсобные хозяйства.

¹ Россия в цифрах. Официальное издание. М., 2007.

² Фадеева О.П. Сельский труд. // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 2003. С. 222–252.

³ См.: Виноградский В., Виноградская О. Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // Отечественные записки. 2004. № 1 (16). С. 89–97.

⁴ См.: Нефедова Т.Г. Минимые фермеры // Политический журнал. 2005. 4 апр.

Экспертная оценка ситуации

Фермерских хозяйств у нас было 50 буквально три года назад. В данный момент фермерские хозяйства как таковых не осталось. Остались личные подсобные. Фермеры предпочитают переводить свои хозяйства из фермерских в личные подсобные. Связано это с налогообложением, и вообще с отчетностью, и со всей законодательной базой. Легче прожить личному подсобному хозяйству.

Подобное положение дел не может не отразиться на той роли, которую различные формы хозяйствования играют в жизни современного российского села. По мнению экспертов, крупные сельскохозяйственные предприятия занимают второе по значимости место для жизни сельских локальных сообществ, после личных подворий (табл. 5).

Таблица 5

Экспертная оценка значения различных форм хозяйств, %¹

Крупхозы (бывшие колхозы/совхозы)			
Мнение эксперта	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Очень важны	82	68	79
Не очень важны	16	9	12
Не играют никакой роли	2	23	9
Фермерские хозяйства			
	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Очень важны	8	21	38
Не очень важны	28	36	24
Не играют никакой роли	64	43	38
Личные подворья			
	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Очень важны	95	98	96
Не очень важны	5	0	0
Не играют никакой роли	0	2	4

Несмотря на то, что постепенно возрастает понимание важности фермерских хозяйств (под таковыми в ряде случаев понимаются личные хозяйства населения,

¹ В этом параграфе в основу анализа легли данные обследований, проводившихся в Новосибирской (НСО 01, НСО 07) и Кемеровской (Тяжин 05) областях.

имеющие преимущественно товарный характер, но незарегистрированные в качестве фермерских или крестьянских хозяйств), данные исследований показывают, что в отличие от начального периода аграрной реформы, когда делалась ставка на расформирование (реформирование) бывших коллективных хозяйств и внедрение фермерства, в последние годы и населением, и местными властными и бизнес-элитами осознается необходимость укрепления крупных сельскохозяйственных предприятий. Данные исследований фиксируют стремление жителей села к объединению отдельных крестьянских хозяйств в более крупные подразделения, примером которых, в определенной степени, могут служить бывшие колхозы. Этот же вывод подтверждается многочисленными высказываниями, полученными в ходе неформализованного интервьюирования:

Экспертная оценка ситуации

Мое видение, конечно, выживет большое хозяйство. Фермеры существуют до тех пор, пока работает большое хозяйство. По крайней мере, так видно по нашему хозяйству. У них, у фермеров, нет инфраструктуры своей. Нет ни складов, ни помещений, ни нефтебаз. Пока большое хозяйство живет, они живут. Да, нужно их поддерживать, нужно всякие формы развивать. Но мое видение, что будущее, конечно, за большими хозяйствами. Их не надо было разваливать. Все это уже было.

При характеристике развития форм собственности и хозяйствования в аграрном секторе следует отметить, что если 90-е гг. XX в. были временем медленного и мучительного изживания колхозного строя, то в начале XXI в. отчетливо проявились тенденции реального утверждения элементов капиталистической экономики на селе. Это явление носит очаговый характер, суть его заключается в создании агрофирм и агрохолдингов, основанных на крупном «городском» капитале. Возникновение этих сельскохозяйственных производителей часто инициируется крупными городскими перерабатывающими предприятиями, вкладывающими капиталы в создание собственных первичных производств, создающих, таким образом, универсальные хозяйствственные цепи, прибыльность которых повышается за счет сокращения числа посредников в движении аграрной продукции от производителя до потребителя. Подобные крупнейшие капиталистические организации концентрируют десятки или даже сотни тысяч гектар земли, десятки тысяч наемных рабочих. Создание агрофирм и холдингов происходит через механизмы акционирования собственности у крупных земельных собственников, а остальные члены сельских сообществ становятся наемными работниками.

Казалось бы, появление новых крупных предприятий на селе, соответствующих новым экономическим условиям, должно обеспечить цивилизованное развитие аграрного сектора экономики, ускорить процесс рыночной адап-

тации сельских сообществ. Так, успешно функционируют ряд интегрированных агропромышленных структур с участием промышленного капитала в Орловской, Белгородской, Кемеровской и других областях. Однако на практике это явление приводит к обострению процессов, чреватых негативными последствиями для социальной и экономической сфер села.

Во-первых, капиталистическое производство ориентировано на быструю отдачу от капиталовложений. В аграрной экономике тех регионов, где сельскохозяйственное производство прибыльно, доля этих агрохолдингов быстро растет, а роль остальных сельскохозяйственных производителей падает, они превращаются в малые предприятия или банкротятся.

Во-вторых, новые собственники не заинтересованы в поддержке социальной сферы сельских сообществ, а именно крупные хозяйства в современных условиях выступают в качестве важнейшего субъекта социальной политики в сельской местности. Будучи в первую очередь озабочены вопросами эффективности, «инвесторы» настроены на закрытие нерентабельных видов бизнеса, вследствие чего жители сел лишаются возможности ведения крупных подсобных хозяйств. Увольнение «лишних» работников в такой ситуации влечет не только новую волну безработицы, но и «застопорит» и без того безысходную ситуацию во многих селах, сделает положение безработных новой волны необратимым¹. Таким образом, процесс внедрения городского капитала в сельское хозяйство зачастую приводит к нарушению равновесия, сложившегося в социальной сфере российского села.

В целом можно сказать, что аграрная реформа оказала противоречивое, неоднозначное влияние на развитие сельского социума. Недостаточно продуманная экономическая и социальная политика в аграрной сфере привела не только к реорганизации сельского хозяйства на принципах, высвобождающих хозяйственную инициативу населения, но имела и негативные последствия. В сфере экономики к негативным последствиям аграрной реформы можно отнести нарушение хозяйственных связей, убыточность отрасли, спад производства в процессе чрезвычайно затянувшегося «кризиса созидания». Эти проблемы приобретают острый характер, что связано как с исчерпанием ресурсов (техники, инфраструктуры), оставшихся от советской эпохи, так и с новым витком переосмыслиния цели и способов организации сельскохозяйственного производства².

Воздействие реформ на социальную сферу сельских сообществ проявилось в резком падении уровня жизни населения, распространении безработицы, бедности, деградации инфраструктуры села и тенденции депопуляции.

¹ Социальная многоличность Сибири в период общественных перемен / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. С. 89.

² См.: Великий П.П. Социальная политика на селе: Новые вызовы, старые ограничения // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 2. С. 233–244

Единый вектор преобразований обуславливает не только локальную инвариантность социальных последствий реформирования, но и схожее восприятие изменившейся ситуации сельским населением в различных регионах страны, несмотря на то, что результаты, которых достигают в процессе адаптации, конечно же, различаются. Демонстрируя обеспокоенность проблемами, наиболее остро стоящими в их населенных пунктах, жители села практически единодушны не только при определении набора основных социальных проблем, но и в их ранжировке по степени важности. При этом острота некоторых проблем варьируется даже в пределах сел одного района, помимо этого, данные исследований за различные годы показывают определенную динамику проблемного поля сельских сообществ, отражающую реальные процессы, происходящие в современном российском селе (табл. 6).

Таблица 6
Социальные проблемы, выделенные сельским населением, %

Социальная проблема	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Безработица	65	60	55
Задержка зарплаты	68	34	2
Распространение бедности и нищеты	47	35	17
Пьянство	71	37	24
Преступность	24	7	4
Низкая рождаемость, высокая смертность	39	10	4

Наиболее остро перед сельским населением сегодня стоит проблема безработицы, которая принимает характер особо острой социальной проблемы в тех поселениях, где отсутствуют (или обанкрочены) крупные сельхозпроизводители. Ситуация с занятостью населения в сельской местности приобрела характер застарелой и трудно решаемой проблемы, и мнение жителей села по этому вопросу практически не меняются с ходом времени (не снижается осознание значимости проблемы).

Данные многолетних исследований говорят о снижении остроты проблем, связанных с правопорядком (преступность, пьянство). Причем наименее значимы вопросы правопорядка в селах, не испытывающих проблем занятости населения. Очевидна также определенная динамика (снижение остроты) таких проблем, как пьянство, распространение бедности и нищеты, хотя нельзя говорить, что в данном вопросе достигнут какой-то кардинальный перелом в лучшую сторону — возможно произошло простое привыкание жителей села к этим негативным явлениям, вследствие чего они воспринимаются как норма сельского образа жизни большинством респондентов.

Можно заметить, что ранее, наряду с такими общими для села проблемами как пьянство и безработица, наиболее актуальной являлась проблема своевременной выплаты заработной платы, пенсий и пособий. На момент исследования 2007 г. ситуация в этом вопросе существенно улучшилась.

Проблемы, названные респондентами среди самых острых, находятся в определенной связи, то есть являются комплексными, выступая интегральным показателем экономического и социокультурного неблагополучия. Очевидно, что в сознании жителей села преобладают проблемы, связанные с экономическим положением населения: безработица, бедность, задержка заработной платы. В этом контексте пьянство, являющееся традиционной проблемой деревни еще с советских времен, — это, прежде всего, культурно-социальная проблема, обусловленная социально-экономическими реалиями. Ранжировка проблем по степени остроты отражает ситуацию, когда материальная бедность и озабоченность экономическими трудностями предопределяют бедность духовную, проявляющуюся в таких феноменах как пьянство, наркомания, преступность или же моральная деградация.

Отмеченные жителями села в ходе исследования, наиболее важные проблемы отнюдь не являются плодом их воображения, а отражают реальные процессы, происходящие в современном селе.

Так, исключительная важность проблемы безработицы, которую выделило подавляющее большинство респондентов, подтверждается не только их субъективными оценками, но и фактическими данными. Более чем двукратное сокращение сельскохозяйственного производства привело к росту скрытой и зарегистрированной безработицы. Официальный уровень безработицы в сельской местности довольно низкий по сравнению со средним уровнем по стране. (Официальный показатель сельской безработицы в последние годы балансирует на уровне 11 % (против 7-8 % в городе¹). В то же время большинство исследователей отмечают, что сельские жители просто не регистрируются как безработные². Действительно, реальное значение уровня безработицы намного превышает официальные показатели. Так, данные массовых опросов, проведенных в Маслянинском Новосибирской области районе (2001 г.), показали уровень безработицы в 19%; в Тяжинском районе Кемеровской области (2005 г.) — в 16%; в Чулымском и Ордынском районах Новосибирской области (2007 г.) — 24%, соответственно. Эти значения подтверждают и данные экспернского опроса (табл. 7).

¹ Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социс. 2005. № 11. С. 70.

² Доклад о мировом развитии 2000/2001 года. Наступление на бедность. М.: Всемирный банк, 2001; Кузнецов В.В., Тараков Н.Н., Дунаев В.Л., Лысенко Е.Г. Личные подсобные хозяйства сельского населения: Факторы развития и экономическое поведение в переходной экономике. Ростов-на-Дону: Коралл-Микро, 1998; Овчинцева Л.А. Занятость жителей села: Трудности измерения // Мир России. 2000. № 3. С. 34–35.

Таблица 7

Экспертная оценка уровня фактической безработицы на селе, %

	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Безработица до 10 %	33	13	22
Безработица от 10 до 30 %	41	43	42
Безработица от 30 до 50 %	17	27	20
Безработица от 50 % и выше	7	17	16

Пособие по безработице получают только от 25 до 50 % безработных в различных обследованных поселениях, то есть как минимум половина людей, не имеющих работу, не учтены государственными социальными службами и официальной статистикой. Таким образом, при достаточно высоком уровне безработицы в ряде обследованных районов это явление во многом является скрытым. Люди не регистрируются в качестве безработных в связи с бесполезностью этой процедуры (как известно, пособие по безработице могут получать в основном только работники ликвидированных предприятий) и ее сложностью. Поэтому не менее половины фактически безработных признается официальной статистикой к экономически неактивному населению, которое не ищет работу.

Процессы в сфере занятости являются не просто одной из негативных тенденций, а носят системообразующий характер, приводя к заметной трансформации всего социального облика современного села. При этом следует заметить, что реальные возможности трудовой занятости населения связаны не только с индивидуальными профессиональными и личностными качествами конкретных жителей, но и с такими факторами, как ситуация на локальном рынке труда и полово-возрастная принадлежность.

Из данных обследований следует, что наиболее остро проблема безработицы стоит среди молодежи. Во всех обследованных регионах среди респондентов массового опроса в возрасте до 30 лет доля фактически безработных составила 30 %, а в некоторых районах именно молодежь (57 % в обследованных селах Тяжинского района Кемеровской области) составляет большинство фактически безработных, причем многие из них даже не пытаются трудоустраиваться, несмотря на наличие у подавляющего большинства (в среднем, около 80 %) среднего образования. Одна из причин молодежной безработицы заключается, прежде всего, в том, что сельскохозяйственные предприятия, как правило, могут выплачивать заработную плату не помесячно, а по сезонно, то есть по мере уборки, переработки и реализации продукции. Другой причиной является низкий уровень квалификации, который в свою очередь обуславливает низкую заработную плату.

Уровень занятости также дифференцирован по полу и возрасту — доля работающих мужчин в средней возрастной группе во всех обследованных ареалах заметно выше, чем у молодежи и женщин.

Основным фактором, влияющим на безработицу и структуру занятости сельского населения, являются развитие локального рынка труда. Занятость сельского населения в значительной степени обеспечивается за крупных хозяйственных предприятий. Несмотря на наметившиеся позитивные тенденции периода 2000–2008 гг., связанные с общенациональной социально-экономической стабилизацией, положение сельхозпроизводителей остается крайне неустойчивым, отсутствуют возможности для обеспечения полной занятости, а отраслевая структура рабочих мест практически не меняется¹. Значение ситуации на локальном рынке труда в сельской местности возрастает вследствие естественных трудностей в перемещении высвободившихся работников в другие отрасли или населенные пункты, даже расположенные неподалеку. При этом сельский рынок труда в значительной степени территориально локализован, крайне неоднороден, большое значение имеют размер и географическое местоположение села (в том числе наличие или отсутствие развитой системы коммуникаций (близость железной дороги, федеральной автомобильной трассы), состояние производственной инфраструктуры.

Возможности внешнего трудоустройства сельского населения, как правило, напрямую связаны с развитостью системы транспортных коммуникаций, удаленностью или близостью сельского населенного пункта от промышленных, строительных, добывающих и других предприятий. Например, в крупных селах, имеющих устойчивый выход на каналы сбыта, наличествует многоотраслевая занятость, и у населения есть возможность выбора применения своих трудовых и профессиональных способностей и возможность официального трудоустройства. В селах, удаленных от урбанистических центров, преобладает моноотраслевая (главным образом — сельскохозяйственная) структура занятости. И если в сельских районах, расположенных вблизи городов (источников сбыта продукции и места приложения «избытка» трудовых ресурсов), наблюдаются отдельные примеры рентабельного производства и инновационного развития социально-экономической сферы села, то на периферии сельских социально-экономических пространств России самовоспроизводится массовая хроническая бедность по типу сельских регионов стран третьего мира².

Рост безработицы вызывает всплеск асоциальных явлений (пьянства, преступности и т. п.). Существенной составляющей сельской бедности является

¹ См.: Социальная многолюдость Сибири в период общественных перемен / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. С. 60.

² См.: Нefедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. С. 105.

снижение качества рабочей силы и асоциализация сельского населения. Из части трудоспособного населения формируются достаточно устойчивые группы безработных, не стремящихся устроиться на работу вообще. С другой стороны, сложившаяся на рынке труда ситуация влияет на трудовые ориентации населения в целом. Как показывает анализ привлекательности труда среди представителей различных социальных групп, ориентация на материальные стимулы, интерес к заработку доминирует над интересом к содержательности труда, над интересом к работе как роду деятельности.

Можно было бы ожидать, что именно в тех селах, где наиболее высока безработица, будут и самые низкие доходы, однако наши данные показывают, что это не совсем так — не существует жесткой корреляции между уровнем безработицы и уровнем доходов. Основная проблема заключается в том, что занятость на предприятии отнюдь не является гарантией процветания и достатка для своих работников и не избавляет их от полунищего существования. Затянувшийся экономический кризис породил новую форму бедности — бедность экономическую, и наиболее ярко этот феномен проявился именно на селе. При том, что возможность трудоустройства на селе ограничена, уровень зарплаты также намного ниже, чем в других отраслях. Возможности официального трудоустройства активного населения, как правило, ограничены рабочими местами в местном крупхозе, поэтому уровень официальных трудовых доходов населения часто напрямую зависит от экономического положения последнего. Работники сельского хозяйства оказались одной из самой низкооплачиваемой категорией работающих. В 2006 г. среднемесячная номинальная заработка плата в сельском и лесном хозяйствах равнялась 4577 руб. По отношению к заработной плате наиболее высокооплачиваемых работников топливной промышленности она составляла 18 %, хотя приблизилась к уровню зарплаты наименее оплачиваемых работников легкой (текстильной) промышленности. К 2004 г. уровень зарплаты тружеников села по отношению к среднероссийскому упал с 90 до 35 %, а отношение минимальной оплаты труда к средней в отрасли составило всего 28 %¹. Форма собственности предприятия не оказывает заметного влияния на уровень оплаты труда. Однако плановое повышение заработной платы бюджетным учреждениям сказалось в том, что с начала 2000-х гг. материальное положение работников бюджетной сферы выгодно отличается от прочих жителей села.

Итак, сложившаяся модель сельской бедности является, прежде всего, результатом низкого уровня доходов от занятости. Факторы, связанные с ситуацией на рынке труда и качеством рабочих мест, являются доминирующими среди причин дифференциации сельского населения по статусу бедности.

Во всех обследованных ареалах денежные доходы населения крайне низки. Основываясь на значении прожиточного минимума, можно условно разде-

¹ Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2004. (II). М.: РСА. С. 53.

лить все домохозяйства на категории по уровню доходов. В соответствии с обще принятой методикой, домохозяйства, имеющие среднедушевые доходы менее 1/2 прожиточного минимума, — следует относить к крайне бедным; более половины, но менее 1 прожиточного минимума — к бедным. Те, чьи доходы лежат в диапазоне от одного до двух прожиточных минимумов, могут быть классифицированы как средние по своему достатку. И, наконец, семьи с доходом выше двух прожиточных минимумов относятся к богатым.

Фактически, если ориентироваться на среднедушевой уровень денежных доходов населения, подавляющая часть домохозяйств в обследованных регионах (от 90 % и более) находились ниже порога бедности, а около половины семей относились к крайне бедным, поскольку уровень среднедушевого дохода в таких семьях составлял ниже половины прожиточного минимума на каждого члена семьи в месяц. Причем сравнение данных обследований различных лет не показывает наличие заметных положительных тенденций роста благосостояния жителей села. Хотя оценки уровня доходов, полученные на основе ответов респондентов, неизбежно имеют тенденцию к занижению, представляется очевидным, что денежные поступления в бюджеты сельских семей находятся на чрезвычайно низкой отметке (табл. 8).

Таблица 8
Среднедушевые доходы населения, %

Уровень дохода	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Крайняя бедность (менее 1/2 ПМ)	67	52	58
Бедность (от 1/2 до 1 ПМ)	27	36	37
Более 1 ПМ на члена семьи	4	10	5
2 ПМ и больше	2	2	0

По оценкам самих респондентов уровня своего дохода, 47 % опрошенных в 2001 г. (жители Маслянинского района Новосибирской области), 53 % респондентов в 2005 г. (Тяжинский район Кемеровской области) и 33 % опрошенных в ходе обследования 2007 г. жителей Новосибирской области определили его как «ниже среднего». Таким образом, общее положение подавляющего большинства сельских сообществ в котором они оказались вследствие преобразований, остается очень тяжелым, и наблюдается прогрессирующая тенденция к депопуляции сельских поселений. На уровень жизни сельского населения также оказывают влияние изношенность материальной базы предприятий, недостаточное число объектов социальной инфраструктуры, дефицит безопасной питьевой воды, а также экологические проблемы. Полуразрушенное состояние сельских дорог ограничивает экономическое развитие села. Сокра-

щение численности школ, больниц, учреждений культуры и спорта ограничивает возможности сельских жителей. Несмотря на то, что сельские жители осознают необходимость и важность получения высшего образования, многие из них не могут дать достойное образование своим детям.

Стратегии социальной политики, реализовавшиеся в 1990-х, привели к тому, что «социальная ситуация на селе подошла к порогу терпимости и является тормозом формирования социально-экономических условий устойчивого развития сельских территорий»¹. За период реформ, продолжающейся уже почти два десятилетия, в результате резкого спада сельскохозяйственного производства и ухудшения финансового положения отрасли, социальная сфера на селе находится в кризисном состоянии, увеличилось отставание села от города по уровню и условиям жизни.

Отмечая негативные тенденции в развитии сельского социума, П.П. Великий отмечает, что данная обстановка приучила жителей села надеяться в основном на потенциал самопомощи². Действительно, данные исследований, проведенных под руководством автора, показывают, что сельское население при решении проблем привыкло рассчитывать только на себя и, в гораздо меньшей степени, на поддержку, получаемую в рамках неформальных социальных сетей, то есть помочь друзей и близких (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос:

«С кем или чем Вы связываете надежды на разрешение личных проблем?», %

Ответ	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Рассчитываю только на самого себя	87	88	79
Рассчитываю на помочь друзей и близких	18	20	27
Рассчитываю на местные власти	2	1	0
Рассчитываю на областные органы управления	3	4	1
Рассчитываю на федеральные органы управления	4	1	0

Данные табл. 9 свидетельствуют, с одной стороны, о значимости в ходе приспособления к негативным последствиям реформ гемайншафтного типа солидарности, основанного на совместных действиях общностей, на дружеских и родственных связях и локализации социальных взаимодействий, из которых практически исключены такие внешние акторы, как государственные и

¹ Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года».

² Великий П.П. Социальная политика на селе: Новые вызовы, старые ограничения // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2. С. 234.

муниципальные органы власти. Несмотря на декларируемую на официальном уровне озабоченность накопившимися за годы реформирования проблемами села, реализацию проектов и программ, направленных на развитие сельскохозяйственного производства и социальной сферы села, общий экономический подъем в стране, — перед многими сельскими сообществами до сих пор остро стоит проблема выживания, и жители села вынуждены в своем социально-экономическом поведении вырабатывать собственные адаптационные стратегии в ответ на изменения социально-экономической среды и все более сокращающуюся поддержку государства. В данной ситуации адаптационные практики сельских сообществ направлены не столько на поддержание своей самоидентичности, сколько на физическое выживания населения.

С другой стороны, в сельском социуме (как и в российском обществе в целом) преобладает не коллективистское начало, что было характерно для советской системы ценностей, а начало индивидуалистское, и коллективным действиям сельские жители предпочитают индивидуальные формы социальной адаптации. При переходе от планово-административной системы к рыночной экономике основная масса сельского населения была поставлена в такие условия, когда выживание или сохранение приемлемого уровня жизни зависит только от собственных усилий и успешности/неуспешности адаптации к рынку и изменившейся социальной ситуации.

Подводя предварительные итоги аграрного реформирования, следует отметить, что наиболее важными итогами преобразований в сельском социуме являются: становление новых форм хозяйствования и многоукладной экономики в сельском хозяйстве и соответствующей организационной структуры; распространение новых форм собственности и земельных отношений; усиление роли и значимости личных подсобных хозяйств в структуре сельскохозяйственного производства, формирование новой социальной и стратификационной структуры сельского населения, становление новой системы социальных взаимодействий. Вместе с тем, большинство глубинных преобразований социальной жизни сельского социума носило стихийный, часто временный характер и осуществлялось в условиях продолжительного и масштабного кризиса, поставившего под угрозу физическое выживание сельских сообществ.

Поскольку процесс адаптации сельского населения в современной России представляет собой приспособление не только к рынку, но и к социальным последствиям аграрной реформы (прежде всего, безработице и феномену экономической бедности), то вырабатываемые сельским населением адаптационные стратегии представляют собой локальный ответ на совокупное воздействие двух групп факторов: а) изменения в институционально-правовой сфере сельского социума, связанные со становлением многоукладной экономики; б) негативные явления в социальной сфере, вызванные аграрной реформой.

§ 2.3. Социальные практики и типология адаптационных стратегий сельского населения

Одним из последствий рыночных преобразований и связанной с ними структурной и институциональной перестройки российского общества стало изменение основных моделей социально-экономического поведения населения, а также выработка новых индивидуальных и коллективных практик и стратегий, призванных адаптировать население России к изменившимся условиям.

Мониторинговые исследования социальных реалий процессов трансформаций сельских локальных сообществ, проведенных под руководством автора в 1997–2007 гг. в сибирском регионе (Новосибирская, Тюменская, Кемеровская области и Республика Алтай) позволили выделить и проанализировать ряд новых аспектов типологии социальной адаптации сельских локальных сообществ. Хронологические рамки исследований совпадают с третьим этапом активного реформирования аграрного сектора, когда население, принужденное к этому разрушительными последствиями проводимых реформ и сокращением государственной поддержки социальной и экономической сфер села, оказалось вынуждено проявлять инициативу «снизу», формируя своеобразные адаптационные модели, сохраняющие до сих пор, с небольшими изменениями, свои основные характеристики.

При построении типологии адаптационных стратегий населения к условиям трансформирующегося общества в первую очередь имеются в виду социально-экономические аспекты адаптации, т. е. проблемы приспособления человека к экономическим и организационным изменениям, рожденным рыночными преобразованиями в России¹. В этом смысле следует согласиться с исследователями, отмечающими, что в широком смысле адаптация означает не что иное, как сознательное участие в рыночной модернизации, а отсутствие адаптации — целенаправленное сопротивление ей тех или иных секторов общества².

Ведущая роль социально-экономической адаптации определяется тем, что она непосредственно связана со сферой трудовой деятельности, которая, по мнению американского социолога А. Шюца, является преобладающей формой человеческой активности. Среди всех видов активности именно она «играет важнейшую роль в конструировании реальной повседневной жизни»³. От социально-экономической адаптации зависит основная функция повседневности — жизнеобеспечение, вокруг которого концентрируются главные проблемы адаптации⁴. Таким образом, целесообразным представляется типология адаптацион-

¹ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. С. 109.

² Дилигенский Г.Г. Пути российских реформ Президента В. Путина // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 325.

³ Современная американская социология. М., 1994. С. 191

⁴ См.: Козырева П.М. Указ.соч. С. 13.

ных стратегий населения на основании характера взаимодействия локальных сообществ с внешней социальной средой, функционирующей по принципам рыночного общества. Причем под адаптационными стратегиями в дальнейшем будет пониматься выбор конкретной модели социально-экономического поведения, эффективность которой определяется соответствием новым условиям социального взаимодействия, складывающимся в процессе реформирования.

Отличительной особенностью экономики сельских сообществ является то, что она функционирует одновременно в сфере формальной и неформальной активности, а формирование бюджетов домохозяйств происходит из нескольких источников (доходы от формальной занятости, доходы от реализации продукции хозяйств населения и промыслов, помощь друзей и родственников, социальные трансферты, зарплаты), роль которых в каждом конкретном случае зависит от ситуации на локальном рынке труда, от ресурсов, доступных сообществу, и факторов внешней среды, социально-ролевой, демографической структуры сельских локальных сообществ. Превалирование тех или иных источников жизнеобеспечения в конечном счете определяют стратегию социально-экономической адаптации.

На основании анализа эмпирических данных социологических исследований обоснованным представляется выделение трех основных типов адаптационных стратегий сельских локальных сообществ на изменение глобальной социальной среды: натуальная, неформальная, деструктивная.

Первый тип адаптации, — натуальный, в основе которого лежит стратегия социально-экономической ренатурализации, выражаяющаяся в распространении традиционных практик жизнеобеспечения, находящихся в сильной зависимости от государственных трансфертов. Переориентация всей социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, которая служит, прежде всего, целям простого воспроизводства и обеспечивает минимально приемлемый уровень жизни, — является наиболее типичной приспособительной реакцией. Поэтому эту стратегию поведения отдельных домохозяйств и сельских локальных сообществ, с учетом реально существующих практических вариантов ее реализации, можно охарактеризовать как ориентацию на выживание, а не на развитие. Данные тенденции характерны для всего российского сельского социума. Главным образом благодаря быстрой переориентации миллионов семей на самообеспечение в период реформ и вызванного ими социально-экономического кризиса удалось избежать социального взрыва не только на селе, но в значительной мере и в городе¹.

Во всех обследованных регионах зафиксировано преобладание натурализованной домашней экономики хозяйств населения, служащей основой адаптационных возможностей сельских локальных сообществ. По данным иссле-

¹ См.: Пациорковский В.В. Сельская Россия на рубеже веков (1991–2001 гг.) // Россия десять лет 1992–2001. М.: ИСЭПН РАН, 2002.

дований, собственное хозяйство ведет подавляющее большинство сельского населения (около 90 %) во всех обследованных районах. При этом, как видно из табл. 10, лишь меньшая часть производимой в этом секторе продукции поступает в товарную экономику, подавляющая часть продуктов домашнего хозяйства присваивается в натуральной форме.

Таблица 10

Формы присвоения продукции личного хозяйства, %

Форма присвоения	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
Сдаают в закупочные гос. организации	5	5	0
Сдаают частным скупщикам	31	42	30
Реализуют самостоятельно	1	2	13
Потребляют сами	80	91	80

Таким образом, экономика личных хозяйств населения имеет преимущественно натуральный характер, наиболее значимой формой товарно-денежных отношений является реализация некоторой части продукта через частных скупщиков. Однако, эта практика в качестве основного вида деятельности характерна лишь для 15–20 % семей. Для значительной части таких домохозяйств характерна упомянутая выше «многоканальная» модель адаптации, то есть использование и смешение всех видов ресурсов, в этих домохозяйствах деятельность на личном подворье совмещается с работой в реформированном коллективном хозяйстве. Работа в крупхозах или иные каналы доступа к ресурсам бывших коллективных хозяйств дает возможность пополнять собственное подворье бесплатными или дешевыми ресурсами (фураж, строительные материалы, горючее, молодняк скота и птицы). Наши данные подтверждают выводы О.В. Лыловой, согласно которым, именно подобные домохозяйства осуществляют строительство нового и реконструкцию старого жилья, надворных построек, имеют возможность покупать дорогостоящие товаров производственного и бытового назначения (легковые машины, сельскохозяйственную и бытовую технику и т. д.). Для этой группы характерна не «стратегия выживания», а «стратегия развития»¹.

Основная масса сельских домохозяйств в своей жизнедеятельности осуществляет функции традиционного крестьянского хозяйства ввиду скрытой или явной безработицы, поскольку работоспособные члены семей не имеют возможности устроиться на работу, или же их занятость можно охарактеризовать как «скрытую безработицу». Для этой группы сельских домохозяйств характерно то,

¹ Лылова О.В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. 2003. № 9. С. 107–113.

что хозяйство имеет преимущественно натурально-потребительский характер и функционирует в основном для обеспечения семьи продуктами питания.

В сельских районах, удаленных от крупных городских центров, преобладание натурального сектора носит подавляющий характер. Товарно-денежные отношения редуцированы и имеют лишь вспомогательное значение. Такое положение дел свойственно для сельскохозяйственных районов Алтая, Горной Шории, удаленных районов Новосибирской и Кемеровской областей. Во многом аналогичная ситуация складывается и в более урбанизированных районах, хотя здесь роль денег несколько выше. Объясняется это не более высокой степенью товарности сельскохозяйственного производства, а наличием рынков труда в крупных городах, обеспечивающих селян дополнительными каналами поступления денежных средств (зарплата от постоянной работы в городе, но чаще всего — временные и сезонные заработки преимущественно на бесконтрактной основе, «отходничество» в город и т. п.). «Городская» занятость обеспечивает более высокий уровень доходов, чем повышение товарности ЛПХ путем наращивания объема ручного неквалифицированного труда на личном подворье, в связи с чем в данных районах отмечается меньшая развитость личного хозяйства, продукции которого здесь иногда недостаточно для обеспечения семьи.

В связи с изменением роли сельских подворий серьезно меняется смысл и значение личного подсобного хозяйства, развитие которого начинает определять положение дел в сельской местности. Если ранее поступления с приусадебных участков составляли в среднем 10-15 % доходов сельской семьи¹, то по результатам исследования 2001 г., этот показатель составил около 60 %. Результаты экспертного опроса в ходе исследования 2007 г. показали, что около 50 % денежных доходов поступает в бюджет сельской семьи в виде зарплаты и около 40 % составляют доходы от продажи продукции собственного хозяйства, причем ситуация незначительно различается в селах с разными показателями занятости и безработицы (табл. 11).

Изменение соотношения доходов, получаемых от работы в сельскохозяйственном предприятии и в личных хозяйствах, в пользу последних вызывает и перераспределение трудовой нагрузки в сторону личного подсобного хозяйства. Падает заинтересованность в результатах труда на предприятиях, усиливается растаскивание их ресурсов по личным подворьям. Эти факторы способствуют еще большему ослаблению предприятий, а за развалом предприятий следует и оскудение личного подсобного хозяйства².

¹ Пациорковский В.В. и др. Изменения условий жизни сельского населения // Россия 1999. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН РАН, 2000. С. 316–343.

² См.: Нечипоренко О.В., Шмаков В.С. Социальные реалии процессов модернизации в сельских локальных сообществах Новосибирской области // Центральная Азия: Проблемы современного социокультурного развития. Тематический сборник / Под ред. В.С. Шмакова. Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного университета, 2003. С. 68–74.

Таблица 11

Экспертная оценка структуры денежных доходов в бюджете домохозяйств, %

Доля в бюджете	Заработка плата		
	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
До одной третьей	82	38	28
Две трети	16	43	38
Более двух трети	2	19	33
Средний показатель	22	43	50
Продажа продукции собственного хозяйства			
Доля в бюджете	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.
До одной третьей	11,0	16	45
Две трети	45,0	48	42
Более двух трети	43,0	36	14
Средний показатель	60	57	40

Как уже было сказано выше, стратегия социально-экономической натурализации характерна не только для сельского населения. Анализ опыта социальной адаптации в трансформирующемся российском обществе позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время «огородная экономика» является весьма распространенным способом выживания не только в селах, но и в провинциальных городах. Сложности экономической ситуации пробудили традиционные, основанные на российском опыте выживания в годы войн и социальных потрясений стереотипы социально-экономического поведения населения. Для значительной части населения естественным результатом адаптации к «шоковой терапии» стало расширение деятельности по «самообеспечению» продуктами питания и «самообслуживанию» домохозяйств, то есть не инновационное приспособление к рыночной экономике путем восприятия новых стандартов и норм поведения, характерных для рыночного общества, а «бегство от нее, порой в дарыночные уклады». Российская провинция пытается приспособиться к новой экономической реальности «укрывшись грубым, но надежным покровом» натуральной экономики¹.

Надо отметить, что этот слабо включенный в товарно-денежные отношения социально-экономический субстрат (натуральное хозяйство) появился, конечно, не на пустом месте. Еще в советскую эпоху, по данным Л. Тимофеева, основанным на анализе государственной статистики, «на приусадебных участках, по разным подсчетам занимающих лишь два с по-

¹ Там же. С. 53–88.

ловиной или даже полтора процента всех посевных площадей страны... производилась треть всего сельскохозяйственного продукта»¹. Аналогичные данные для Сибири 1985 г. приводятся в фундаментальной работе «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири» (Новосибирск, 1991), в советский период товарность домашнего хозяйства повышалась за счет полупринудительной системы государственных закупок сельхозпродукции и, не в меньшей степени, за счет «черного рынка».

Проявления феномена ренатурализации и архаизации социально-экономических практик обнаружены в ряде регионов России и в республиках бывшего СССР². Английский исследователь С.П. Поляков в своей работе 1992 г. убедительно доказывает, что под покровом «перестроечной» модернизации скрывается реальность традиционного общества, так, например, в постсоветской Центральной Азии, где 85 % взрослого населения занято в мелком производстве, вновь возникла надельная система землепользования, имеющая такие архаичные черты, как натуральная форма арендной платы («издольщина»), личная зависимость крестьян от владельцев земли и т. д.³ Вопреки принятому словоупотреблению, надел — это не подсобное хозяйство, а основа теневой экономики. Таким образом, по мнению исследователя, «советская власть в определенной степени способствовала сохранению докапиталистических форм, уничтожив более развитые социальные и экономические структуры»⁴.

К аналогичным выводам приходят и авторы, занимающиеся изучением процессов трансформации в сельских ареалах стран третьего мира в условиях глобализации. Вот как, например, выглядит ситуация в современной китайской деревне: «Рыночные реформы вряд ли приведут к образованию рыночной экономики... снижение давления со стороны государственной перераспределительной системы обнажает весьма архаичные экономические отношения»⁵.

Даже в Европе сегодня прослеживается наличие некоторых архаичных институтов, вновь возникающих под воздействием все большего включения национальных экономик в глобализованное мировое сообщество. В частности, как показывают полевые исследования испанского сельского социолога Ф. Энтренес, вхождение Испании в «Общий рынок» привело к нарастанию партикуляристских тенденций во многих испанских сельских кооперативах,

¹ Тимофеев Л.М. Черный рынок как политическая система. М., 1993. С. 17.

² См.: Мартынова И.Н. Заметки о социальных изменениях в аграрном секторе России // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 152–155.

³ См.: Poliakov S.P. Everyday Islam: religion and tradition in rural Central Asia. New York, 1992.

⁴ Ibid. P. 118.

⁵ Кузнецова В.В. Социальные изменения в китайской деревне // Китай: От закрытого общества к открытому миру. М., 1995. С.17.

то есть к отказу от ориентации на рынок и превращению их в более-менее закрытые самообеспечивающиеся коммуны¹. Похожие тенденции обнаружены и финскими социологами².

Отсюда следует, что тенденция к ренатурализации не может быть объяснена исключительно специфическими чертами развития российского сельского социума. Наблюдаемый на данных нашего исследования поворот к натуральным формам хозяйствования представляет собой совершенно новый феномен, имеющий своим основанием не какие-то реликты прошлого, а напротив, — современные формы экономической трансформации сельских локальных сообществ. Современная натуральная экономика российского села не может рассматриваться как простое «возрождение» неких архаичных хозяйственных практик, существовавших в «латентной форме» за фасадом социалистической экономики, как полагают некоторые исследователи, обнаруживающие сходные тенденции в других регионах постсоветского пространства. Напротив, самим своим существованием эта экономика обязана новейшему этапу развития в нашей стране и является одной из форм адаптации сельских локальных сообществ к современным процессам трансформации.

Применительно к феномену роста значимости подсобного хозяйства иногда говорят о возрождении крестьянского уклада — в этом плане показательно название предмета исследований Т. Шанина («крестьяноведение»). С точки зрения В.В. Пациорковского, понятие «личного подсобного хозяйства» уже не отвечает сущности явления, поскольку служит основным источником доходов для жителей села и основным производителем сельхозпродукции; допуская применимость к ЛПХ понятия «крестьянское хозяйство», которое уже не может применяться столь категорично, как лет 80 тому назад, так как домашнее хозяйство ведут не только крестьяне, но и представители иных социально-профессиональных групп сельского социума³. Опираясь на свой человеческий и социальный капитал, сельские домохозяйства приспособливаются к новой обстановке, вызванной реформами в стране, постепенно приобретая мелкотоварный характер: в период 1991–2001 гг. формирование мелкотоварного сектора в сельской местности осуществлялось посредством трансформации потребительского домохозяйства сначала в хозяйство с более высокой долей самообеспечения продуктами питания, а затем — в мелкотоварное производство, близкое по

¹ Enresa F. Reactions of Spanish agrarian co-operatives to globalization. // Journal of rural cooperation, 25th anniversary issue. V. 26, No. 1-2.

² Oksa J. Regional and Local Responses to Restructuring in Peripheral Rural Areas in Finland // Urban Studies. 1992. V. 29, No. 6.

³ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2002 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. С. 60–62, 84–87, 92, 108, 193–195 и др.

экономической сущности к фермерскому¹. Другой российский социолог, П.П. Великий называет мелкотоварные ЛПХ фермерством или, по крайней мере, его стратегическим резервом².

На наш взгляд, исследователи, полагающие что «именно личные подсобные хозяйства являются той питательной средой, из которой могут рекрутироваться мелкие сельские товаропроизводители, развиваться предпринимательство»³, существенно переоценивают возможности малых форм хозяйствования.

Во-первых, личное хозяйство современного жителя села имеет крайне мало общего с крестьянским хозяйством. Ни одно из общепринятых пониманий крестьянства неприменимо к современному ЛПХ селян, которые крестьянами могут называться только лишь в иносказательном смысле слова. Во-вторых, спорно мнение о перспективности развития экономики подсобных хозяйств. Успехи в социально-экономической адаптации достигаются домохозяйствами путем наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда, зачастую специалистами неаграрного профиля, с ограниченным использованием техники. Для того чтобы сельский социум вышел на новый уровень, от стратегии выживания к стратегии развития нужен переход от трудоинтенсивности к капиталоинтенсивности⁴. Очевидно, что нетоварное или мелкотоварное сельскохозяйственное производство может быть привлекательным только на определенном временном интервале — как феномен, сформировавшийся в качестве реакции на кризисные явления в социально-экономической сфере. Поэтому вряд ли имеют под собой основания надежды на модернизацию подсобных хозяйств и дальнейший рост товарного производства в них, равно как и создание устойчивой и конкурентоспособной системы сельскохозяйственного производства на основе экономики, базирующейся на архаичной системе социальных отношений.

Дело не только в низкой товарности ЛПХ и высоком уровне трудоемкости продукции хозяйств населения, обусловленной их низкой технической оснащенностью. Необходимо также учитывать прямую зависимость экономики большинства сельских домохозяйств от крупхозов. Анализ данных социологического мониторинга показывает, что складывающаяся на селе натуральная экономика не является самостоятельным экономическим феноменом. Она не может существовать без наличия мощного редистрибутивного потока, направленного из «большого общества» в экономику сельских сообществ. По меньшей мере, две трети всех материальных средств, используемых сельскими жи-

¹ См.: Там же. С. 345.

² См.: Великий П.П. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12.

³ Галин Р.А., Ларцева С.А. Личное подсобное хозяйство в Республике Башкортостан // Социс. 2006. № 5. С. 67.

⁴ См.: Крупный сельскохозяйственный бизнес в России: Тенденции и проблемы развития: Семинар // Отечественные записки. 2004. № 1 (15). С. 45–48.

телями, поступает извне локального сообщества. Стабильность натурального хозяйства предполагает одновременно наличие высокотехнологичной современной экономики, откуда мелкотоварное крестьянское хозяйство получает орудия труда и технику (для подготовки кормов, дров, переработки продукции и т. д.). Как правило, таким источником является крупхоз, ресурсы которого доступны сети домохозяйств как на основе льготного пользования, так и в форме прямого присвоения (от неформальной «помощи» до прямых хищений), что дает исследователям возможность охарактеризовать подобные предприятия как «консенсусные, смешанные общинно-хозяйственные образования»¹, в которых подавляющее большинство сельских жителей получает доступ к редистрибутивному механизму, присваивая в той или иной форме общественные ресурсы. Как известно, сущность редистрибуции заключается в незквивалентном обмене, основанном на изъятии внеэкономическими методами прибавочного и части необходимого продукта и последующего его перераспределения в рамках экономических систем с вертикальным типом взаимосвязей, в отличие от эквивалентного обмена, основанного на законах рынка, и осуществляющегося в контексте свободно устанавливаемых горизонтальных связей товаровладельцев. Характерным для традиционного аграрного общества является господство редистрибутивных отношений, самой характерной чертой этого общества является сугубо личная жесткая привязанность каждого человека к системе редистрибутивных отношений. Это проявляется во включенности каждого в какой-либо коллектив, осуществляющий эту редистрибуцию. Сущность происходящих объективно неизбежных перемен в сегодняшнем российском обществе сводится к замене вертикальной редистрибутивной экономической системы на горизонтальную рыночную.

Если в первые годы реформ взаимодействие крупхозов и ЛПХ населения носили преимущественно незквивалентный с экономической точки зрения характер (вследствие чего подобное взаимодействие часто определялось как «паразитический симбиоз»), то по мере сокращения ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей и постепенного внедрения рыночной рациональности в деятельность реформированных предприятий ситуация частично изменилась. Прямое присвоение и безвозмездное использование ресурсов крупхозов уступает место кредитованию текущих расходов местного населения и льготам по снабжению личного подворья кормами. Это позволяет некоторым исследователям, отметившим данную тенденцию сделать вывод о том, что «симбиоз семейного подсобного хозяйства, сельской общины и сельскохозяйственных предприятий новых организационно-правовых форм — АО, ТОО, СХПК — крупхозов, практически распался, и началось формирование автономных стратегий выживания, центральным звеном которого стало семейное

¹ Пацюковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. С. 85.

хозяйство»¹. Если в обследованиях конца 1990-х—начала 2000-х гг. были зафиксированы случаи фактически безвозмездной передачи жителям села ресурсов крупхозов (например, в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 1998, 2001 гг. крупхозы обеспечивали рост поголовья скота в личной собственности путем передачи своего стада в аренду частным лицам), то более поздние обследования в Кочковском, Коченевском районах Новосибирской области, Тяжинском районе Кемеровской области (2004–2007 гг.) показали, что сохранившиеся крупхозы обеспечивают личное хозяйство топливом, комбикормом, сеном, молодняком птицы и т. п. по льготным ценам, осуществляя вторичную редистрибуцию финансовых и прочих потоков, имеющихся в их распоряжении и поступающих извне, в том числе в качестве программ государственной поддержки сельхозпроизводителей.

То значение, которое двойная редистрибуция имеет для выживания экономики сельских сообществ, свидетельствует о реальных результатах аграрной реформы и одновременно об изменении внешнего облика сельских сообществ (превращающихся, по сути дела, в редистрибутивные структуры), а также об изменениях в функциональном назначении сообществ (особую значимость приобретает функция редистрибуции, либо осуществляемая через «сообществообразующие» крупхозы, либо выполняемая (менее успешно) сельскими органами власти и предпринимателями, фермерами).

Отмеченные процессы (деятельность крупхозов, натуральный характер получаемых через него ресурсов) объясняют еще одну черту, характеризующую крупхоз как агента социальной политики: деятельность крупхозов по поддержанию инфраструктуры села или сельского населения очень часто имеет неформальный характер и стимулирует развитие теневых экономических практик. Учитывая же, что крупхозы в подавляющем большинстве своем абсолютно нерентабельны, в нынешних условиях они должны рассматриваться скорее как редистрибутивные, а не производственные структуры.

Второй тип адаптации сельских сообществ к изменившемся вследствие аграрной реформы условиям — неформальный — основан на широком распространении механизмов рыночной теневой экономики и лежащих в ее основе неформальных экономических практик²: это и «скрытая» от официальной статистики торговля продукцией личных хозяйств и промыслов, и случайные и сезонные заработки селян, «котходничество». В Кош-Агачском районе Республики Алтай зафиксирован некоторый рост товарности личных хозяйств за счет сбыта продукции животноводства частным скупщикам из других регионов.

¹ См.: Великий П.П. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. 2004. № 12. С. 59.

² Штейнберг И.Е. Крестьянство и власть: Тенденции трансформации. Исследования власти в постсоветском селе // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1996. № 7. С. 21–27.

нов России и Монголии, а также активизацию неформальных/теневых экономических практик вокруг транзитного товаропотока из Китая в Россию, проходящего через Монголию по территории района¹. Аналогичные процессы зафиксированы и в Карасукском районе Новосибирской области, специфику которого обуславливает приграничное положение с Казахстаном, что стимулирует развитие теневой предпринимательской деятельности. В Новосибирской области крестьянские хозяйства выходят на рынок с продукцией животноводства и птицеводства, а также обеспечивают подавляющую часть товарного картофеля. В Горной Шории интенсивно развивается черный рынок пушнины и других продуктов охотничьего промысла. В Тюменской и Кемеровской областях многие сельские жители включаются в неформальные экономические практики, формирующиеся вокруг предприятий-недропользователей (нефтегазового комплекса и угледобывающих)².

Исследования, проводимые в различных регионах России свидетельствуют о специфической пространственной локализации неформальных практик — более частое обращение к ним сельских жителей: 87 % в деревнях, периодически используют неформальные практики в больших городах 46 %, в малых городах — 42 %³. По данным официальной статистики, доля сельского населения, занятого в неформальном секторе, превышает аналогичный показатель для городского населения почти в 3 раза (33 против 13 %)⁴. В основном это переработка сельскохозяйственной продукции, торговля, ремонт сельскохозяйственной техники, автомобилей и др. Благодаря вторичной занятости, носящей чаще всего разовый, эпизодический или сезонный характер, жители села поддерживают материальный уровень семьи. Мужчины в основном занимаются ремонтно-строительными, торговыми-посредническими и сельскохозяйственными работами. Владельцы сельскохозяйственной техники (культиваторов, картофелесажалок) обрабатывают участки односельчан. Женщины и подростки выполняют различную работу на полях и подворьях фермеров и зажиточных односельчан.

¹ См.: Нечипоренко О.В., Вольский А.И. Сельские локальные сообщества Горного Алтая: Современное состояние, проблемные ситуации. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002.

² См.: Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. Новосибирск: СИФ «Наука» РАН, 2002.; Нечипоренко О.В., Садовой А.Н., Бойко В.И., Щаков В.С. и др. Этнологическая экспертиза. Вып. 1: Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «ММК» — «Магнитогорский металлургический комбинат» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО «г. Мыски» Кемеровской области. Кемерово: Скиф, 2005.

³ См.: Запорожец О. Игра в рынок: Диспозиция сил (формальные и неформальные практики адаптации индивидов к новой экономической среде) // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 128–135.

⁴ См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат.сб. М.: Росстат, 2006. С. 90.

Результаты исследований показывают, что негативные последствия проводимых на селе социально-экономических реформ привели к резкому изменению социального статуса многих социальных групп и послужили своеобразным пусковым механизмом поиска альтернативных источников доходов и способов социально-экономической активности.

Использование неформальных практик на селе в первую очередь является адаптационной стратегией выживания, приспособления к меняющемуся социальному окружению. К неформальным практикам прибегают те, кто не смог добиться значительных успехов в сфере формальных отношений. Так, 59,5 % опрошенных в Саратовской области, использующих неформальные практики адаптации, предпринимали попытки адаптироваться и в сфере формальных экономических отношений — что говорит о «размытости» границ между формальными и неформальными практиками: экономические агенты свободно переходят из одной сферы в другую, сочетая или последовательно применяя соответствующие практики¹.

В то же время надо понимать, что указанные процессы все же играют вспомогательную роль, дополняя основную жизнеобеспечивающую функцию натурализованного личного хозяйства. На рынок выносятся в основном излишки ресурсов, остающиеся в этом хозяйстве (в т. ч. избыток труда, как в Бековском и Мысковском районах Кемеровской области, Ордынском и Кочковском районах Новосибирской области, Чемальском и Улаганском районах Республики Алтай, где размер и, соответственно, эффективность личных хозяйств ниже, чем в других регионах). При этом развитость теневой экономики определяется не столько внутренними потребностями крестьянского хозяйства, сколько внешними ситуативными обстоятельствами.

Рост производства в хозяйствах населения, основанный на неформальных экономических практиках, привел к тому, что они заняли доминирующие позиции в производстве мяса и молока в общероссийском масштабе, хотя этот тип хозяйствования и не соответствует «официальной» рыночной модели, поскольку, во-первых, активность в неформальном секторе осуществляется за пределами институционально-правового поля, скрыта от статистики, фискальных органов, т. е. осуществляется помимо общепринятых норм, регулирующих экономику; во-вторых, сильно зависима от факторов и субъектов, лишь отчасти связанных с рыночной средой. Таким образом, при анализе адаптационных стратегий населения мы сталкиваемся с феноменом неформальной (теневой) экономики, масштабы которой с трудом поддаются определению, так как отсутствуют не только однозначные подходы к измерению теневого сектора, но даже однозначное понимание данного явления.

¹ Запорожец О. Указ.соч. С. 128–135.

Обладая всеми свойствами социального института, теневая экономика представляет собой совокупность отношений между отдельными индивидами, группами индивидов, индивидами и институциональными единицами, между отдельными институциональными единицами по поводу процессов производства, распределения, перераспределения, обмена и потребления материальных благ и услуг, результаты которых по тем или иным причинам не учитываются официальной статистикой (статистический подход), либо противоречат законодательству (юридический подход). Иными словами, теневая экономика охватывает все стадии общественного воспроизводства. Теневая экономика проявляется в неформальных («неправовых») практиках, определяемых Т. Заславской и М. Шабановой как «совокупность устойчивых и массовых социальных взаимодействий, связанных с нарушением законов и других формально-юридических норм, а также укорененных социокультурных традиций»¹.

Теневая экономика, понимаемая как совокупность весьма разнородных социально-экономических практик, видов деятельности, скрытых от государственного учета и регулирования, является системным и универсальным явлением, отдельные элементы которого имеют как сходства, так и различия в отношении социальной сущности и значения. Один из важных аналитических ориентиров, позволяющих увидеть и идентифицировать существенные характеристики теневых социально-экономических форм, был сформулирован В.В. Радаевым, который отметил, что «неформальная экономика не просто указывает на отдельные формы хозяйства, но обозначает общий экономико-социологический подход к миру хозяйства. Неформальная экономика предстает как определенная логика действий экономических агентов»². В основании эксполярных действий кроется особое понимание возможных форм связи субъекта с миром хозяйства и миром в целом. Наиболее разнородные элементы теневой экономики можно объединить в две группы: а) криминальная теневая экономика; б) неформальная экономика.

Если криминальной («черной») экономике присущ такой признак как совершение правонарушений повышенной общественной опасности, то неформальный сектор — это весьма специфический вид теневой экономики, важнейшее отличие которого заключается в том, что его основу составляют социально-экономические практики, не урегулированные законодательно и не поддающиеся государственному контролю в силу специфики объекта, выступающие в качестве источника средств существования для многочисленных социальных групп.

¹ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Трансформационный процесс в России и институционализация неправовых практик // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВПЭ, 2004. С. 218.

² Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 36.

В настоящее время нарушение формальных норм в сфере трудовых отношений нельзя рассматривать как чисто отрицательное явление. В массовом сознании подобные практики часто воспринимаются как обоснованные и справедливые. В действительности неформальные трудовые отношения дополняют возможности официальной занятости, амортизируя неизбежные сбои в отладке формирующейся социально-экономической системы и облегчая большим группам работников социальную адаптацию к новым условиям. Неформальные практики предстают не просто естественным механизмом функционирования экономики, но способом решения многих проблем, связанных с несовершенством формальных правил. По данным различных социологических обследований, проведенных в различных регионах страны, более частое нарушение правовых норм вообще становится одним из основных видов «реактивно-адаптационного поведения» (термин Т.И. Заславской¹) разных групп населения к тем условиям, в которых они оказались в ходе реформ. Так, мелкие хищения с производства, с «чужого» поля, со стройки основной частью (65 %) сельского населения не осуждаются.

Неформальная сельская экономика — это система усилий, целью которых является поддержание существования локального сообщества, создание некоей гарантийно-страховой системы, направленной на физическое выживание и сохранение социальной идентичности путем образования родственных социально-экономических структур, укрепления горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами². Универсальное правило действия в условиях ограниченности средств формулируется американским социологом К. Полани хотя и несколько экстравагантно, но вполне точно и остроумно: «Не будь дураком!»³. Сущность такого поведения — рациональное использование ограниченных ресурсов. Эти способности можно было бы назвать «орудиями слабых», то есть практическим аппаратом людей, которые балансируют на грани выживания. Именно с помощью подобной орудийно-технологической базы конструируются довольно прочные механизмы социальной адаптации. Как отмечает В.Г. Виноградский⁴, «орудия слабых» объективно поддерживают и воспроизводят архаичные социальные отношения, часто нивелируя жизненные стили членов сообщества, приглушая намерения и стремления вырваться из круга общеприня-

¹ См.: Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. М.: ВДИОМ, МВШСЭН, 1997. С. 112–114.

² См.: Виноградский В.Г. Вне системы: Крестьянское семейное хозяйство // Социологический журнал. 1998. № 3/4.

³ См.: Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.

⁴ Виноградский В.Г. «Орудия слабых»: Неформальная экономика крестьянских домохозяйств // Социологический журнал. 1999. № 4. С. 36–48.

тых социальных норм. В таком смысле «корудия слабых» — адаптационные механизмы, основой которых являются подсобные хозяйства, сетевые неформальные отношения, неформальные экономические практики — это мощный инструмент социальной инерции, необходимый в условиях затянувшейся аграрной реформы и ее социальных последствий — бедности сельского населения и ограниченности экономических ресурсов сельских сообществ. Сеть неформальных отношений и практик формируется усилиями таких акторов как руководители крупных хозяйств, властные структуры регионов и районов, ответственными работниками органов управления (самоуправления), субъектами малого предпринимательства на селе, отдельными домохозяйствами и рядовыми жителями села,ключенными в неформальные экономические взаимодействия.

Из вышесказанного следует вывод, что жители села, руководители крупных хозяйств и субъекты малого предпринимательства на селе были вынуждены приспосабливаться к требованиям среды через создание и изменение неформальных институтов, формирующихся в результате длительных неформальных взаимодействий. Поскольку неформальная экономика затрагивает интересы большой массы населения, требуется максимальная продуманность мер государственного воздействия на нее. В ином случае неизбежен рост социальной и политической напряженности в обществе. Необходимо также учитывать, что доминирование неформальных правил игры — одна из сущностных особенностей современного институционального российского пространства, важный фактор и ограничитель трансформации российского общества не только в ближайшей, но и в долгосрочной перспективе.

Третий тип адаптации, деструкция, характеризуется прогрессирующими распадом социальных связей, усиленной миграцией, что в конечном счете приводит к гибели локального сообщества. Спусковым механизмом полной деградации сельских населенных пунктов выступает ликвидация крупхозов, после чего сокращаются масштабы трудовой деятельности в ЛПХ населения, так как домохозяйства лишаются не только бесплатных или приобретенных по льготным ценам кормов, но и технической помощи, а также каналов сбыта продукции. Другим следствием ликвидации крупхоза является локальная миграция наиболее трудоспособных жителей села в поисках работы, после чего на селе остаются либо пенсионеры, либо маргинализированные прослойки, не способные к самостоятельному хозяйствованию.

Демографический структура сообщества и его социально-профессиональный статус оказывают решающее влияние на степень успешности адаптации. Гряжелый физический труд, продолжительность которого достигает 12-16 часов, под силу только здоровым людям активного трудоспособного возраста. Наибольший рост производства сельскохозяйственной продукции зафиксирован в семьях с детьми и другими родственниками, средний возраст членов ко-

торых не превышает 40 лет¹. Одиноким и супружеским парам пенсионеров, неполным семьям такой труд не под силу, поэтому наряду с посильным использованием личного хозяйства они задействуют и другие ресурсы обеспечения, такие как родственную и соседскую помощь, бартерный обмен. Тип адаптации подобных домохозяйств можно обозначить как абсолютно пассивная (деструктивная) адаптация; данная группа сельского населения выживает сегодня за счет социальных трансфертов (пенсий, пособий), а также благодаря силе многовековых норм общинного «коллективизма», родственных связей, и традиций взаимопомощи². Помимо домохозяйств, состоящих из пенсионеров и инвалидов, сюда можно отнести прослойку сельских «люмпенов». В качестве экономических характеристик их личного подворья можно отметить полное отсутствие товарности и минимальный уровень самообеспечения. Люмпенизированная прослойка «деструктивных адаптантов» после потери прежнего статуса в общественном производстве и прежних источников доходов демонстрирует деструктивные формы поведения, в том числе совершая мелкие кражи у соседей³. Именно об этой прослойке часто идет речь, когда говорится о широком распространении алкоголизма среди сельского населения, и росте правонарушений, совершенных в нетрезвом виде. Причем в отличие от прежних времен, когда от алкоголизма страдали прежде всего трудоспособные члены сообществ мужского пола, сегодня встречаются целые пьющие семьи, исключенные из системы сельских социальных связей.

Наиболее ярко выраженной формой деструктивного типа адаптации сельских сообществ является постепенное разрушение и вымирание деревни, связанное прежде всего с развалом крупхозов, то есть в тех случаях, когда интенсивность редистрибутивного потока оказывается недостаточной, а также отсутствуют внешние факторы адаптации (природные ресурсы, локальные рынки сбыта), позволяющие развивать неформальные социально-экономические практики.

Изучение ситуации в различных регионах дает основание предполагать, что натурализация, развитие неформальных экономических практик и деструкция представляют собой различные стороны одной и той же по сути адаптационной модели, по-разному проявляющей себя в разных обстоятельствах и в разных регионах. Можно сказать, что сегодня практически каждое сельское домохозяйство комбинирует в своей повседневной деятельности черты неформально-рыночного, товарного и натурально-потребительского производства (с явным преобладанием второго). Превалирование того или иного источника жизнеобеспече-

¹ См.: Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. Т. 10., № 3. С. 78–104.

² Адаптационные стратегии населения / Под. ред. Е.М. Авраамовой. Спб.: ИСЭПН РАН, 2004. С. 185.

³ Лыгова О.В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. 2003. №9. С. 107–113.

чения и их комбинация в конечном счете, определяет стратегию социальной адаптации конкретной сельской семьи и сельских локальных сообществ в целом. Вариативность адаптации сельских локальных сообществ к трансформационным процессам обусловлена географической, экономической и этнической спецификой конкретного региона, а также внутренними факторами, определяющими развитие конкретных поселений (рис. 1).

В тех регионах, где имеются, одновременно, каналы сбыта сельскохозяйственной продукции и возможность доступа к редистрибутивным структурам, наиболее широкое распространение получают неформальные экономические практики, дополняющие натурализованный уклад и стимулирующие повышение товарности домашних экономик. В случае отсутствия локального рынка сбыта осуществляется переориентация всей социальной жизни на воспроизведение натурализованного семейного хозяйства. И, наконец, если интенсивность редистрибутивного потока оказывается недостаточной, наблюдается прогрессирующий распад сельского сообщества.

В настоящее время процесс адаптации к новым социально-экономическим условиям в российском обществе еще не завершен, хотя прошедшие годы преобразований привели к тому, что основные формы адаптации в какой-то степени действительно устоялись и стабилизировались и могут быть положены в основу типологии адаптационных стратегий сельских сообществ.

Очевидно, что наиболее приоритетным в настоящий момент направлением государственной политики в отношении села должно стать совершенствование стихийно сложившейся редистрибутивной системы, играющей жизненно важную роль в социально-экономическом существовании сельских локальных сообществ. В этих условиях решающим для дальнейшего развития села, преодоления разрушительных процессов и деградации сельских территорий оказывается фактор государства, а основным направлением деятельности государства в отношении села — переход к продуманной и дифференцированной социальной политике, учитывающей специфику сложившегося сельского образа жизни.

Можно предположить, что целенаправленная поддержка личных подсобных хозяйств и официальное предоставление им особого статуса в налоговых, кредитных, и иных отношениях, специальные меры, направленные на стимули-

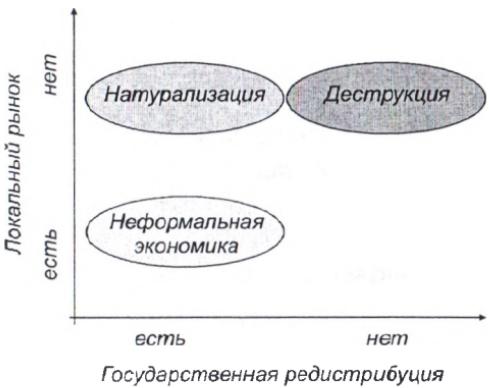

Рис. 1. Взаимосвязь факторов и стратегий адаптации сельских сообществ

рование товарности этих хозяйств (частично реализуемые в рамках приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса»), позволили бы значительно улучшить социальную ситуацию на селе. Также необходимо учитывать, что повышение уровня жизни сельского населения невозможно без инвестиций государственных средств в развитие сельхозпредприятий, обеспечивающих не только решение части проблем занятости сельского населения, но и общего оздоровления социальной ситуации в сельском социуме (укрепление инфраструктуры сельской экономики, увеличение интенсивности социальных взаимодействий). Вследствие того, что в ближайшей перспективе в социальной сфере села будут сохранять свое значение крупные сельхозпредприятия (акционерные, кооперативные, государственные и др.), их развитие должно составить главный предмет изучения и государственного регулирования.

Глава 3

АДАПТАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ

§ 3.1. Стратегии социальной адаптации локальных сообществ в условиях сельскохозяйственной специализации региона

Социальная ситуация и локальная специфика адаптации сельских сообществ различных регионов находится в прямой зависимости от локальных условий (понимаемых как совокупность факторов и ресурсов адаптации), определяющих дифференциацию соответствующих адаптационных моделей. Таким образом, исследование локальной специфики формирования и реализации адаптационных стратегий сельских локальных сообществ позволяет произвести подробный анализ воздействия на механизм адаптации как внешних, так и внутренних факторов (ресурсов) адаптации и выявить зависимость развития сельских локальных сообществ и типичных социально-экономических практик сельского населения от избираемых стратегий адаптации сельских локальных сообществ и социальных, природно-географических условий существования сообщества

Для выработки конкретных моделей адаптации имеет значение совокупное факторное воздействие на динамику развития поселений — это уровень урбанизированности территории (в том числе воздействие промышленных предприятий); близость или удаленность городских центров; наличие природно-географических ресурсов; этническая специфика, а также внутренние факторы: размеры поселения, его административный статус, структура экономики сельского сообщества (полифункционализм или моноотраслевая специализация) и т. д. Поэтому при выборе объектов исследования локальных моделей адаптации и систематизации (типологизации) данных использовалась методика факторного моделирования и методика анализа, основанного на типологии изучаемых социальных объектов с учетом внутренних ресурсов и внешних факторов адаптации. Таким образом, различные сельские поселения (сообщества) были объединены на основе взаимозависимости внешних факторов и ресурсов адаптации в три группы: 1) поселения преимущественно сельскохозяйственной специализации, тесно связанные с законо-

мерностями организации и развития аграрного производства; 2) поселения, располагающиеся на территориях с высоким уровнем урбанизированности, а также в зоне промышленного освоения; 3) сообщества, на развитие которых существенное значение оказывают специфические природно-географические факторы.

Наибольший интерес представляет анализ специфики адаптации сельских сообществ в условиях сельскохозяйственной специализации, поскольку, во-первых, указанный вид деятельности наиболее характерен для преимущественно моноотраслевой экономики села, и, во-вторых, анализ особенностей социального развития данных сообществ позволяет выявить наиболее общие черты формирования и функционирования адаптационных моделей (поскольку элиминировано воздействие внешних для села факторов — урбанистической среды, природных условий, способствующих развитию альтернативной социально-экономической активности, и соответствующих практик).

В данной работе рассматриваются лишь наиболее важные аспекты локальной специфики формирования адаптационных стратегий сельских сообществ. В соответствии с авторской типологией адаптационных стратегий сельских сообществ произведена группировка по моделям социально-экономического поведения:

— *Группа «А»* — сельские сообщества, основу экономики которых составляет натуральное хозяйство (причем в соответствии с авторским подходом, подобная форма хозяйства не является самостоятельной, самодостаточной системой и существует в тесном взаимодействии с крупными сельхозпредприятиями).

— *Группа «Б»* — сообщества, в которых определяющую роль играют неформальные практики (например, случайные и сезонные заработки селян, высокий уровень «скрытой» от официальной статистики товарности личных хозяйств и промыслов). Как правило, в этих поселениях отсутствует крупное хозяйство (также может быть, что оно нерентабельно, близко к банкротству), зато наличествуют благоприятные природные и географические факторы, демографические (трудовые) ресурсы.

— *Группа «В»* — сообщества с деструктивным типом адаптации, характеризующиеся негативными тенденциями в развитии социально-экономической и демографической сфер. Обычно в таких селах нет ресурсов и факторов, облегчающих социальную адаптацию жителей села к меняющимся условиям, отсутствует крупное хозяйство, а население характеризует высокий уровень старения.

Деление обследованных сообществ по вышеуказанным критериям носит достаточно условный характер, так как все три типа адаптационных стратегий являются своеобразными «идеальными моделями». Натуральное хозяйство

(личные хозяйства населения) сегодня оказывается самым важным адаптационным ресурсом жителей села, а неформальные практики и деструктивные процессы в социальной и демографической сфере дополняют эту картину. Поэтому типологизация поселений в данной работе производится по формальным признакам, которые не всегда имеют безусловный характер.

Для отнесения поселений к первой из указанных групп «А» автором использовались такие признаки как а) наличие крупхоза; б) высокий уровень формальной занятости населения; уровень фактической безработицы не превышает 10 % (табл. 12); в) относительно высокий уровень развития личных хозяйств населения, имеющих частично товарный характер.

Таблица 12

**Укрупненная социально-ролевая структура сообществ,
группа сообществ «А», %**

Статус	Михайловка (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитет (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Работают	82	73	71	83	90	70
Учатся	0	3	6	0	0	2
На пенсии	7	14	17	7	10	22
Безработные	11	10	6	10	0	6

Если во всех указанных селах группы «А» безработица составляет 5-10 % (данные обследований 2003–2007 гг.), то в поселениях, где большое значение имеют неформальные практики (группа «Б») совершенно иная ситуация на рынке труда (табл. 13). Из данных обследований 2003–2007 гг. очевидно, что уровень безработицы в сообществах группы «Б» колеблется от 15 до 30 %, превышая этот показатель по сравнению с поселениями группы «А» в среднем в три раза.

Таблица 13

**Укрупненная социально-ролевая структура сообществ,
группа сообществ «Б», %**

Статус	Карасарт (Карасук 03)	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новыи Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус (НСО 07)
Работают	36	50	59	35
Учатся	9	0	2	6
На пенсии	18	21	24	35
Безработные	37	29	15	24

По формальным показателям безработица в некоторых селах группы «В» с ярко выраженным деструктивными тенденциями развития социальной сферы — ближе к группе «А» (табл. 14). Однако необходимо учитывать, что занятость здесь зачастую носит формальный характер (разновидность скрытой безработицы), поскольку основными работодателями являются предприятия, близкие к банкротству, а значительное число домохозяйств представлено исключительно пенсионерами.

Таблица 14

Укрупненная социально-ролевая структура сообществ, группа сообществ «В»

Статус	Нижнебаян (Карасук 03)	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступинино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
Работают	76	43	65	78	63	50
Учатся	5	11	0	0	5	0
На пенсии	15	33	19	12	21	33
Безработные	4	13	16	10	11	17

В селах группы «А», в соответствии с выявленной социально-ролевой структурой, официальная занятость выступает важнейшим источником денежных доходов. Данные табл. 15 наглядно свидетельствуют, что даже в условиях низкого уровня безработицы в сельской местности зарплата во многих случаях перестает быть основным источником средств к существованию — об этом говорит превышение доли формально занятых респондентов над долей респондентов, назвавших заработную плату основным источником денежных средств.

Таблица 15

Роль зарплаты в структуре доходов респондентов,
группа сообществ «А», %

Источники дохода	Тепсигит-Сартагай (Копи-Агач 01)	Тобесир (Копи-Агач 01)	Каракудюр (Улаган 02)	Михайлова (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитст (Тяжин 05)	Лыстянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Зарплата — основной источник денежных средств	50	47	38	71	70	58	73	70	89
Работают	55	53	56	82	73	61	83	90	72

В селах группы «Б», развивающих неформальные практики, основным источником денежных доходов для работающих респондентов является именно доход от официальной занятости (табл. 16).

Таблица 16

Роль зарплаты в структуре доходов респондентов, группа сообществ «Б», %

Источники дохода	Карасарт (Карасук 03)	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус (НСО 07)
Зарплата — основной источник денежных средств	36	50	59	34
Работают	36	50	59	35

Отличительной чертой ситуации в сообществах группы «А» (с преобладающей тенденцией к натурализации экономики) и «Б» (со значительным удельным весом неформальных практик) является относительно небольшая значимость пенсий и пособий в качестве источников денежных средств.

Для поселений группы «В» к основным источникам денежных средств следует отнести социальные трансферты, в первую очередь пенсии. Причем пенсии на сегодняшний день представляют один из главных источников денежных средств в бюджете сообществ с деструктивным типом адаптации, значимость которого только возрастает в условиях общего старения сельской популяции. Важной чертой этого канала является также его сравнительная устойчивость. Роль официальной зарплаты в структуре доходов домохозяйств поселений группы «В» с деструктивным типом адаптации формально совпадает с группой поселений «А» (табл. 17).

Таблица 17

Роль зарплаты в структуре доходов респондентов, группа сообществ «В», %

Источники дохода	Нижнебалан (Карасук 03)	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступшино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жигуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
Зарплата — основной источник денежных средств	57	22	62	69	55	50
Работают	76	33	65	78	63	50

Простое сопоставление доли респондентов, назвавших доход от официальной занятости основным источником денежных средств в группах «А» и «В», с общим числом работающих респондентов подтверждает гипотезу, согласно которой в основе адаптационных стратегий сельского населения лежит «многоканальная модель» адаптации — официальное место работы является лишь одной из возможных сфер приложения труда. Наиболее характерной стратегией адаптации сельских локальных сообществ к процессам реформирования является переориентация трудовой активности населения на преимущественно натуральное по своему характеру личное подсобное хозяйство, хотя, согласно официальному подходу, занятость населения нельзя характеризовать трудом в этой сфере.

Во всех поселениях группы «А» личное хозяйство имеет практически все население, различаются, в зависимости от доступных сообщству ресурсов и трудовых, культурных традиций, профили микроэкономик личных хозяйств (табл. 18).

Таблица 18

**Наличие и размеры личных хозяйств населения,
группа сообществ «А»**

Личное хозяйство	Телепит-Сартагай (Кош-Агач 01)	Тоболер (Кош-Агач 01)	Каракудюр (Улаган 02)	Михайловка (Карасук 03)	Прображенка (Тяжин 05)	Кубитег (Тяжин 05)	Листянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (ИКО 07)
Доля домохозяйств, имеющие ЛПХ, %	92	92	96	96	97	97	93	100	91
КРС, кол-во голов, среднее значение	40,2	22,8	3,3	1,82	2,2	1,65	1,5	1,88	2,4
МРС, кол-во голов, среднее значение	34,87	29,95	10,7	2	0	3	5	0	8,33
Свиньи, кол-во голов, среднее значение	10	20	0	4,68	3,7	3,6	4,2	8,6	4,2
Лошади, кол-во голов, среднее значение	3,47	2	4,3	1	1	1	1	0	1
Птица, кол-во голов, среднее значение	13,4	6,8	1,9	44,7	15,5	17,3	21,2	32	22,3
Огород, соток, среднее значение	1	12	14,5	24	25,5	17,5	25,3	11	18,7

Зафиксированные в ходе обследования 2001 г. особо высокие показатели развития ЛПХ в селах Теленгит-Сартагой и Тобелер Кош-Агачского района Республики Алтай и, в меньшей степени, в с. Каракудюр Улаганского района объясняются особенностями реформирования сельских производственных предприятий в Республике Алтай. В отличие от подавляющего большинства сельских ареалов России, реорганизация колхозной системы здесь началась только в 1998 г. Соответственно, консервация хозяйственных отношений позволила в какой-то степени сохранить имевшийся в прошлом потенциал «производительной сферы» сельского хозяйства, имеющего традиционно животноводческий характер. В процессе реструктуризации бывших коллективных хозяйств, население получало свою долю в «натуральном виде», скотом.

На размеры и профиль экономической деятельности домохозяйств сельского населения Республики Алтай, Кемеровской и Новосибирской областей непосредственным образом повлияла традиционная региональная экономическая специализация. Если микроэкономика домохозяйств населения Алтая воспроизводит прежние традиции отгонного животноводства, то в селах неживотноводческого профиля под личное хозяйство используется больше земли, наблюдается также ориентация на развитие птицеводства. В остальном же в данной группе профиль и размеры личных хозяйств населения различаются незначительно, особенно в сравнении с размерами и профилем личных хозяйств группы поселений «Б» (табл. 19).

Таблица 19

**Наличие и размеры личных хозяйств населения,
группа сообществ «Б»**

Личное хозяйство	Карасарт (Карасук 03)	Новомарынка (Тижин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус о (НСО 07)
Доля домохозяйств, имеющие ЛПХ, %	95	93	100	59
КРС, кол-во голов, среднее значение	2,26	1,73	2,29	2,75
МРС, кол-во голов, среднее значение	8,9	5,7	8	0
Свиньи, кол-во голов, среднее значение	0	3,6	4,5	1,7
Лошади, кол-во голов, среднее значение	3,4	9	1	0
Птица, кол-во голов, среднее значение	26	16	46	12
Огород, соток, среднее значение	14,4	23	28	15,2

При анализе профиля и размеров хозяйств населения сообществ группы «Б», можно отметить, что зачастую микроэкономика ЛПХ имеет ярко выраженный товарный уклон, что выражается в специализации экономической деятельности жителей. Так, очевидно, что форсированное развитие животноводства (с. Новомарынка Тяжинского района Кемеровской области), или птицеводства (с. Новые Решеты Кочковского района Новосибирской области) и расширение размеров огорода имеют рыночную подоплеку.

В группе поселений «В» (деструктивные тенденции в развитии социально-экономической сферы) размеры и профиль личных хозяйств существенно варьируются даже в пределах одного района (табл. 20).

Таблица 20

Наличие и размеры личных хозяйств населения, группа сообществ «В»

Личное хозяйство	Нижнебайан (Карасук 03)	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступшино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
Доля домохозяйств, имеющие ЛПХ, %	95	89	96	88	82	83
КРС, кол-во голов, среднее значение	2,1	2	1,5	1,55	1,83	0
МРС, кол-во голов, среднее значение	6,5	21	5,7	5,3	2	0
Свиньи, кол-во голов, среднее значение	0	3,6	3,7	4,3	4,2	1
Лошади, кол-во голов, среднее значение	1	1	1	2	2	0
Птица, кол-во голов, среднее значение	30	36	16,7	35	34	11,5
Огород, соток, среднее значение	15	25	25	21	14	18

В первую очередь эти различия объясняются ресурсным фактором — в некоторых поселениях просто отсутствуют возможности для развития того или иного направления сельскохозяйственного производства, а в некоторых сельских районах у населения имеются дополнительные источники получения доходов, имеющих, как правило, неформальный характер. Например, в с. Антоново Ордынского района Новосибирской области, расположенном на окраине лесного массива, слабо развито животноводство, население ориентировано на занятие промыслами (сбор ягод, грибов), имеющими частично товарный характер.

Важным показателем социально-экономических процессов в сельских локальных сообществах и степени их адаптации к рыночной экономике является товарность личных хозяйств населения. Хозяйства населения поставляют на

рынок продукцию животноводства и птицеводства, а также обеспечивают подавляющую часть товарного картофеля. Значительная часть производимой продукции реализуется либо самостоятельно, либо через скупщиков.

Таблица 21

Товарность ЛПХ. Группа сообществ «А», %

	Теленгит-Сартагай (Кош-Агач 01)	Тоболер (Кош-Агач 01)	Каракудор (Улаган 02)	Михайловка (Караусук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубытег (Тяжин 05)	Листвинка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Товарность ЛПХ*	37	39	42	40	43	31	63	60	67

* — В процентах от общего числа домохозяйств.

Как видно из табл. 21, в ряде поселений группы «А» ЛПХ имеет ярко выраженный товарный характер, причем прослеживается некоторый рост этого показателя в диахроническом срезе. Так как в группу «А» были изначально выделены поселения, в которых развитие ЛПХ совмещается с высоким уровнем формальной занятости и относительно успешно функционирующими крупхозами, данный эффект (товарность личных хозяйств, превышающая средние данные по обследованным районам и данные исследований других авторов), — является кумулятивным результатом взаимодействия экономики личных хозяйств и крупных предприятий, облегчающих доступ жителей села к машинной технике, системам сбыта и редистрибуции.

Анализ товарности личных хозяйств населения в группах сообществ «Б» и «В» также демонстрирует высокий уровень их вовлеченности в рыночную экономику (табл. 22).

Таблица 22

Товарность ЛПХ. Группы сообществ «Б», «В», %

	Карасарт (Караусук 03) «Б»	Ново-Марынка (Тяжин 05) «Б»	Новые Решеты (Кочки 05) «Б»	Усть-Улеус (НСО 07) «Б»	Нижнее-байын (Караусук 03) «В»	Борисоглебка (Тяжин 05) «В»	Ступи-шино (Тяжин 05) «В»	Черновка (Кочки 05) «В»	Жултанка (Кочки 05) «В»	Антоново (НСО 07) «В»
Товарность ЛПХ*	44	50	65	9	5	89	65	59	42	Нет

* — В процентах от общего числа домохозяйств.

Здесь, в сообществах групп «Б» и «В», действуют уже иные факторы. Жители села, лишенные возможности формального трудоустройства, вынуждены активизировать производство сельхозпродукции в личных хозяйствах (или искать иные источники существования, как жители с. Антоново Ордынского района НСО, повышающие товарность промыслов, или жители с. Усть-Улеус НСО, практикующие временные и сезонные приработки). Относительный успех подобной адаптационной стратегии возможен только лишь в случае удачного совпадения ряда факторов и наличия соответствующих ресурсов адаптации. В случае, если этого не происходит, имеются все основания определять тип адаптации сообщества как деструктивный.

Наиболее естественным и гармоничным путем адаптации локальных сообществ к новым условиям явилось бы дальнейшее повышение товарности хозяйств населения. Однако можно выделить, по крайней мере, два обстоятельства, из-за которых данный путь эволюции хозяйственной структуры вряд ли будет реализован в обозримом будущем.

Это, во-первых, отсутствие в ЛПХ сколько-нибудь значительных ресурсов, которые можно было бы направить на развитие товарного производства. Любопытно отметить, что даже полученная при разделе паев акционерных обществ сельхозтехника осталась практически неосвоенной. Объясняется это тем, что для простой эксплуатации уже имеющейся техники у крестьянских хозяйств элементарно не хватает ресурсов (для приобретения запчастей, ГСМ) и технических навыков.

Экспертная оценка ситуации

Село Теленгит-Сартагой (Кош-Агач 01). Эксперт 6: «Крестьянство у нас есть. Но мне кажется, крестьянство у нас фиктивно, только на бумаге значится. Потому что чтобы развивать крестьянство, нужны какие-то средства. А помощи от государства у нас нет. Есть у нас наделы, например, дали по 6 га пашни и по 11 га естественных угодий, но чтобы это обрабатывать, нужна техника, нужно горючее. А это покупать — нужны деньги. А у нас их нет. Поэтому пашни, покосы отрабатываются, заготавливается сено только для скотины для своей. Но это часть какая-то. Единицы, можно сказать. А основная часть, на поля если пойдешь, вся зарастает тростником, березняком, малинником».

Во-вторых, в обследованных сельских районах, как правило, отсутствуют развитые каналы сбыта производимой продукции. Государственная закупочная деятельность фактически ликвидирована, а частные скупщики не могут

обеспечить стабильность процесса реализации продукции, что отрицательным образом сказывается на развитии производства (неизвестно, удастся ли реализовать произведенное).

Как показывают результаты экспертного опроса (Кош-Агачский район Республики Алтай, 2001 г.), развитие товарности личных хозяйств на местах сдерживается двумя факторами: отсутствием стабильной системы сбыта продукции и ограниченностью кормовой базы. И если налаживание стабильных сбытовых структур — это в принципе решаемый вопрос (в частности, сегодня местными хозяйственными руководителями большие надежды возлагаются на развитие кооперации, СПК — сельскохозяйственных производственных кооперативов), то проблему кормов решить значительно сложнее. Тот уровень животноводства, который существовал в районе в советское время, невозможно возродить на местных кормовых ресурсах (по климатическим условиям района), а ввозить корма из других районов в нынешних условиях слишком дорого из-за высоких транспортных расходов.

В условиях неразвитой рыночной инфраструктуры практически любая хозяйственная деятельность в сельской глубинке, ориентированная на товарное производство, оказывается нерентабельной. Помимо этого, развитию успешного частного сектора в экономике локальных сообществ препятствует недостаток рыночных навыков и опыта у большинства сельских жителей.

Характерно, что достаточно высокий, в целом, уровень товарности хозяйств населения не фиксируется данными официальной статистики, что позволяет говорить о широком включении ЛПХ в «теневые» экономические отношения. Таким образом, комплексный анализ адаптации сельских сообществ невозможен без учета широкой вовлеченности сельских локальных сообществ в неформальные практики, основными из которых являются: а) теневая рыночная активность домохозяйств населения (проявляющаяся в «скрытой» товарности ЛПХ); б) промыслы населения и выход с продукцией промыслов на «серый» или «черный» рынок; в) вторичная «скрытая» занятость, временные, сезонные подработки, «отходничество». Последнее мало характерно для сельских сообществ, удаленных от крупных рынков труда. Из всех поселений, на примере которых рассматривается локальная специфика адаптации сельских сообществ моноотраслевой аграрной специализации, относительно высокое значение случайных приработков в структуре денежных доходов домохозяйств (18 %) зафиксировано только в с. Усть-Улеус Ордынского района Новосибирской области.

Такая же ситуация складывается и с промысловой деятельностью — в большинстве поселений сельскохозяйственной специализации, не обладающих соответствующими природными ресурсами, сегодня промыслы пред-

ставляют собой вспомогательный вид хозяйственной деятельности — это важное подспорье в хозяйстве, помогающее выжить, но не являющееся определяющим в структуре доходов домохозяйств. В целом же ряде поселений группы «А» промыслы вообще не распространены.

Таблица 23

**Промысловая деятельность и товарность промыслов,
группа сообществ «А», %**

Показатели	Теленгит-Сартагай (Кош-Агач 01)	Тоболер (Кош-Агач 01)	Каракудюр (Улаган 02)	Михайловка (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубытег (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Конки 05)	Базово (НСО 07)
Занимаются промыслами	34	32	31	32	3	28	3	Нет	65
Товарность промыслов*	3	5	13	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	2

* — В процентах от общего числа домохозяйств.

Как следует из табл. 23, во всех поселениях группы «А», кроме с. Каракудюр (Республика Алтай), где исследованием зафиксирована частичная реализация продуктов промыслов через частных скопщиков (11 % респондентов), население если и занимается промыслами, то эта деятельность не имеет товарного характера. Наиболее распространенные промыслы по характеру представляют собой деятельность, не требующую особых умений и физических возможностей. Так, в с. Базово основным видом промысла является сбор ягод и грибов. Реализация подобной промысловой деятельности возможна в прилегающих к населенному пункту угодьях. Продукты такой промысловой деятельности потребляются преимущественно в собственном хозяйстве.

Схожая ситуация характерна и для других групп сообществ сельскохозяйственной специализации (табл. 24). Значительный рост товарности промысловой деятельности фиксируется только в селах, расположенных относительно недалеко от источников сбыта (села Усть-Улеус и Антоново Ордынского района Новосибирской области). В остальных селениях уровень товарности является низким, поскольку отсутствуют такие стимулирующие факторы, как близость города или автомобильных трасс.

Таблица 24

Промысловая деятельность и товарность промыслов, группы сообществ «Б», «В», %

Показатели	Караасары (Караасук 03) «В»	Новомарьинка (Тяжин 05) «Б»	Новые Решты (Кочки 05) «Б»	Усть-Улеус (НСО 07) «Б»	Нижнебанк (Караасук 03) «В»	Борисоглебка (Тяжин 05) «В»	Ступишино (Тяжин 05) «В»	Черновка (Кочки 05) «В»	Жуланка (Кочки 05) «В»	Антоново (НСО 07) «В»
Занимаются промыслами	32	29	18	59	33	22	4	38	11	83
Товарность промыслов*	Нет	Нет	Нет	64	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	33

* — В процентах от общего числа домохозяйств.

Интегральным показателем успешности адаптации сельских сообществ к рыночной среде является уровень благосостояния, анализ которого предполагает обращение к понятию среднедушевых доходов. Данные проведенного исследования свидетельствуют о неблагоприятной ситуации в сфере доходов населения обследованных локальных сообществ: денежные поступления в бюджеты сельских семей находятся на чрезвычайно низкой отметке во всех группах сообществ.

Таблица 25

Распределение населения по уровню среднедушевых доходов, группа сообществ «А», %.

Доход	Талент-Сартайский (Кош-Агач 01)	Тобольер (Кош-Агач 01)	Каракулыр (Улаган 02)	Михайлловка (Караасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитет (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Менее 1/2 ПМ	78	74	49	65	46	40	44	45	58
До 1 ПМ	16	21	41	30	32	43	48	33	37
От 1 до 2 ПМ	4	5	8	5	19	15	8	22	5
Свыше 2 ПМ	2	0	2	0	3	3	0	0	0

Как можно видеть из табл. 25, ситуация с доходами сельского населения во всех поселениях группы «А» неблагоприятная. Однако, как будет показано далее, в сообществах других групп уровень доходов, как правило, еще ниже. Подавляющая часть жителей сел группы «А» относится к бедным (в среднем около 80 %); широкое распространение имеет крайняя бедность (в среднем около 40 % населения, в сообществах других групп этот показатель колеблется в районе 60 % и доходит до 100 %). Около 10-15 % населения могут быть квалифицированы как средние по своему достатку, исходя из формальных признаков (среднедушевые доходы более прожиточного минимума). В сообществах других групп данная категория либо отсутствует, либо в 2 раза меньше — 6-8 %.

Можно было бы ожидать, что именно в сообществах с высокой занятостью населения будут и самые высокие доходы, однако наши данные показывают, что это не совсем так. Например, в с. Михайловка Карасукского района Новосибирской области и с. Базово Ордынского района Новосибирской области практически полная занятость экономически активного населения на местном сельхозпредприятии не спасает население от бедности. В первом случае около 2/3 жителей села могут быть отнесены к крайне бедным, а во втором — к бедным может быть отнесено почти все население села — 95 %. Данный факт объясняется низким уровнем зарплат и тем, что неудовлетворительное состояние дорог и относительная удаленность села от крупных рынков сбыта и занятости не позволяет селянам развивать альтернативные источники доходов.

Неблагоприятная ситуация сплошной бедности сельского населения Алтая, зафиксированная в ходе исследований, — достаточно устойчива, так как вызвана институциональным и структурным социально-экономическим кризисом сельского хозяйства в данном регионе. Например, обследование Кош-Агачского района, проведенное в 1998 и 2001 гг., показало, что ситуация с денежными доходами населения если не ухудшилась, то и не улучшилась (табл. 26).

Таблица 26

**Распределение населения по уровню среднедушевых доходов,
Кош-Агачский р-н Алтая, 1998, 2001 гг., %**

Уровень доходов	1998 г.	2001 г.
Крайняя бедность (менее 1/2 ПМ)	79	81
Бедность (от 1/2 до 1 ПМ)	13	12
Более 1 ПМ на члена семьи	8	7

В целом, ситуация с уровнем жизни населения в сообществах групп «Б» и «В» более негативная по сравнению с группой «А». Так, в худшую сторону отличается ситуация в сообществах группы «Б» (табл. 27).

Таблица 27

Распределение населения по уровню среднедушевых доходов, группа сообществ «Б», %

Доход	Карасарт (Карасук 03)	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус (НСО 07)
Менее 1/2 ПМ	100	57	41	49
До 1 ПМ	0	43	53	43
От 1 до 2 ПМ	0	0	6	6
Свыше 2 ПМ	0	0	0	2

Например, данные по с. Карасарт Карасукского района Новосибирской области (группа «Б») показывают, что здесь все население можно отнести к крайне бедным (100 %), несмотря на некоторую товарность ЛПХ (существенно превышающую аналогичные показатели по другим селам района) и вовлечение населения в неформальные практики, связанные с приграничным положением села (о чем свидетельствуют данные экспернского интервьюирования). В с. Новомарьинка Тяжинского района Кемеровской области все население находится за чертой бедности, несмотря на высокий уровень товарности ЛПХ. Таким образом, ситуация с доходами населения в данных населенных пунктах группы «Б» отличается в худшую сторону от поселений группы «А». В других селах населению удалось частично компенсировать ситуацию развитием практик неформальной занятости, скрытой от официальной статистики продажей плодов промыслов и продукции личного хозяйства, однако и здесь ситуация с доходами населения в целом отличается в худшую сторону от поселений группы «А».

Как следует из нашей методологической схемы, важнейшим фактором, определяющим отставание по уровню благосостояния поселений группы «Б» от поселений группы «А» является отсутствие крупхоза, вследствие чего жители села лишаются не только стабильной, хотя и низкой, зарплаты, но и доступа к редистрибутивной и сбытовой системе, центром которой являются современные крупные сельхозпроизводители.

Еще более неблагоприятная картина складывается при анализе уровня среднедушевых доходов поселений группы «В» (табл. 28). Несмотря на очень высокую товарность ЛПХ в ряде поселений этой группы — Борисоглебка (Тяжин 05), Ступишино (Тяжин 05), Черновка (Кочки 05), Жуланка (Кочки 05) — и высокий уровень товарности промыслов в с. Антоново (НСО 07), в среднем 2/3 населения в данных сообществах можно определить как крайне бедных, подавляющая часть населения находится за чертой бедности.

**Распределение населения по уровню среднедушевых доходов,
группа сообществ «В», %**

Доход	Нижнебаян (Карасук 03)	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступшино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
Менее 1/2 ПМ	95	67	78	68	53	62
До 1 ПМ	5	33	17	28	39	36
От 1 до 2 ПМ	0	0	5	4	8	2
Свыше 2 ПМ	0	0	0	0	0	0

Таким образом, при анализе взаимосвязи товарности ЛПХ и уровня благосостояния сельских сообществ имеет значение не факт широкой вовлеченности селян в неформально-рыночные отношения и доля домохозяйств, «встроенных» в товарно-рыночные отношения, а объем поставляемой на рынок продукции и условия сбыта. Важным фактором увеличения объемов поставляемой на рынок продукции и реализации ее по наиболее выгодным для жителей села ценам является, как уже говорилось выше, наличие в поселении работающего крупхоза, вокруг которого, выстраиваются социальные взаимодействия, обеспечивающие выживание жителей села и более-менее приемлемый уровень жизни. Не будучи непосредственно сбытовыми структурами, крупные сельхозпроизводители оказываются в центре этих отношений; жители сел, в которых имеются крупхозы, как правило, имеют не только доступ к бесплатным или льготным ресурсам развития личного хозяйства, но также оказываются в более выгодных условиях при частичной реализации товарной части продукции.

Анализируя данные по уровню благосостояния сообществ с различными стратегиями адаптации, необходимо также учитывать, что в структуре денежных доходов сообществ поселений группы «В» (демонстрирующих преобладание пассивно-деструктивных форм адаптации) значительна доля пенсий и, соответственно, велико процентное соотношение пенсионеров в социально-ролевой структуре сообществ, которые по большей части и представляют здесь собой наиболее благополучные в плане среднедушевых доходов слои населения. Так, в с. Борисоглебка Тяжинского района и с. Антоново Ордынского района Новосибирской области именно 1/3 пенсионеров представляют относительно благополучную прослойку «просто бедных», а не крайне бед-

ных. В остальных селах данной группы домохозяйства, представленные пенсионерами, образуют от 1/2 до 2/3 «просто бедных», в то время как большая часть сообщества относится к «крайне бедным».

Низкий уровень жизни населения не может не оказывать влияния на социальное самочувствие селян, субъективные оценки своего материального положения во многом совпадают с делением населения по уровню среднедушевых доходов — в обследованных сообществах преобладают категории населения, осознающие свою бедность (табл. 29).

Таблица 29

Субъективные характеристики материального положения, групп сообществ «А», %

Характеристика	Преображенка (Тяжин 05)	Кубиног (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Денег не хватает до зарплаты, приходится занимать	32	26	23	60	27
На повседневные затраты уходит вся зарплата	30	32	33	20	33
Затруднительна покупка одежды	25	28	37	10	25
Для дорогостоящих предметов нужно брать в долг	5	14	7	10	12
Почти на все хватает, недоступны приобретение квартиры, дачи, дома	8	0	0	0	1
Ни в чем себе не отказываем	0	0	0	0	2
Доля населения с доходами выше 1 ПМ	22	18	8	22	5

Таким образом, исходя из субъективных оценок собственного материального положения, в сообществах группы «А» к бедным (если объединить долю респондентов, ответивших: «Денег не хватает до зарплаты, приходится занимать»; «На повседневные затраты уходит вся зарплата» и «Затруднительна покупка одежды») — относится подавляющая часть (приблизительно 9/10 населения).

При попытке выделения категории, которую можно было бы весьма условно охарактеризовать как «средний класс», следует отметить, что доля населения, относящаяся к данной социальной прослойке по субъективной оценке, то есть респонденты, испытывающие затруднения в приобретении дорогостоящей техники и жилья (берущие под эти покупки средства в долг или оформляющие кредит), во всех поселениях меньше причисляемого к «среднему классу» по

формальным критериям (это домохозяйства со среднедушевым доходом выше 1 ПМ). Например, в с. Преображенка (Тяжин 05) это 22 и 13 %; в с. Кубитет (Тяжин 05) — это 18 и 14 %; в с. Ермаковский (Кочки 05) — это 22 и 10 %.

В сообществах группы «Б» исследованиями была зафиксирована противоположная ситуация: к «среднему классу», по субъективным оценкам, причисляет себя большее число респондентов (в 2-3 раза) по сравнению с формальными критериями (табл. 30).

Таблица 30
**Субъективные характеристики материального положения,
группа сообществ «Б», %**

Субъективная оценка респондента	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улус (НСО 07)
Денег не хватает до зарплаты, приходится занимать	26	18	24
На повседневные затраты уходит вся зарплата	43	47	24
Затруднительна покупка одежды	14	18	24
Для дорогостоящих предметов нужно брать в долг	10	12	24
Почти на все хватает, недоступны приобретение квартиры, дачи, дома	0	6	0
Ни в чем себе не отказываем	0	0	0
Доля населения с доходами выше 1 ПМ	0	6	8

В сообществах группы «В» данные исследования показывают еще более существенное превышение доли относящихся к «среднему классу», по субъективной оценке, по сравнению с формальными критериями — приблизительно в 3–8 раз (табл. 31). Для объяснения этого феномена возможно выдвижение гипотезы, что в депрессивных селах, демонстрирующих деструктивный тип адаптации, вследствие достаточно однородной бедности населения отсутствует «наглядная» модель успешной адаптации, вследствие чего субъективная самооценка респондентами своего материального положения выше, чем в более благополучных селах.

Как говорилось выше, большинство стратегий адаптации сельского населения до сих пор не вписывается в общие тенденции рыночного реформирования. Данное обстоятельство проявляется, помимо прочего, в степени адаптированности населения к рыночным реформам.

Таблица 31

**Субъективные характеристики материального положения,
группа сообществ «В», %**

Субъективная оценка респондента	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступинино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
Денег не хватает до зарплаты, приходится занимать	33	58	25	18	17
На повседневные затраты уходит вся зарплата	22	27	19	42	16
Затруднительна покупка одежды	33	12	31	18	17
Для дорогостоящих предметов нужно брать в долг	0	4	13	16	50
Почти на все хватает, недоступны приобретение квартиры, дачи, дома	11	0	0	3	0
Ни в чем себе не отказываем	0	0	0	0	0
Доля населения с доходами выше I ПМ	0	0	5	4	8

Данные обследований показывают, что преобладающая часть населения всех групп поселений до сих пор не адаптировалась к рыночным реформам и считает себя проигравшими от них (табл. 32, 33). Индекс восприятия и адаптации к рыночным реформам повсюду имеет отрицательное значение.

Итоговый индекс адаптированности к рыночным реформам рассчитывался по формуле:

$$(A - B) / 100, \quad (1)$$

где A — общая доля адаптировавшихся (отвечающих, что выиграли от рыночных реформ или «не выиграли и не проиграли»); B — доля респондентов, полагающих, что они сами и их семья проиграла от реформ.

Положительное значение индекса адаптированности к рыночным реформам фиксируются крайне редко и объясняется совпадением целого ряда факторов. Так, положительное значение индекса адаптации зафиксировано в с. Усть-Улеус, где значительную часть населения составляют пенсионеры, стабильно получающие достаточно высокие (по меркам села) ежемесячные доходы и где активно развиваются неформальные практики и товарность промыслов вследствие наличия природных ресурсов и близости рынка сбыта, что позволяет жителям села повышать доход путем сбора и продажи дикоросов.

Таблица 32

Адаптация к рыночным реформам, группа «А»*

Мнение респондента	Преображенка (Тяжин 05)	Кубиног (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Скорее, выиграли, %	4	8	2	0	4
Не выиграли и не проиграли, %	33	39	35	10	28
Скорее, проиграли, %	63	53	63	90	68
Итоговый индекс адаптации	-0,26	-0,06	-0,26	-0,8	-0,36

* — В целом выиграли или проиграли Вы и Ваша семья от проводимых в стране рыночных реформ?

Таблица 33

Адаптация к рыночным реформам, группа сообществ «Б»*

Мнение респондента	Новомарьянка (Тяжин 05) «Б»	Новые Решеты (Кочки 05) «Б»	Усть-Улус (НСО 07) «Б»	Борисоглебка (Тяжин 05) «В»	Ступишино (Тяжин 05) «В»	Черновка (Кочки 05) «В»	Жуланка (Кочки 05) «В»	Антоново (НСО 07) «В»
Скорее, выиграли, %	2	0	15	0	2	10	4	0
Не выиграли и не проиграли, %	13	34	55	33	38	42	15	33
Скорее, проиграли, %	85	66	30	67	60	48	81	67
Итоговый индекс адаптации	-0,7	-0,32	+0,4	-0,34	-0,2	+0,04	-0,61	-0,34

* — В целом выиграли или проиграли Вы и Ваша семья от проводимых в стране рыночных реформ?

Низкий уровень адаптированности населения к изменившимся реалиям не может не оказывать влияния на политические взгляды жителей села и общую оценку направленности развития социально-политической ситуации в стране, хотя здесь ситуация не столь однозначная.

Итоговый индекс политической лояльности населения рассчитывался по формуле:

$$A - B: 100, \quad (2)$$

где A — общая доля респондентов, считающих, что развитие страны идет в совершенно правильном направлении и скорее в правильном направлении; B — доля респондентов, полагающих, что развитие страны происходит скорее в неправильном направлении или в совершенно неправильном направлении.

Как видно из данных табл. 34, в поселениях сельскохозяйственной специализации группы «А» с развитыми личными хозяйствами населения и сохранившимися крупными сельхозпредприятиями очевидно постепенное снижение индекса лояльности, который вплоть до исследований последних лет показывал положительное значение, отрицательное значение зафиксировано только в 2005–2007 гг.

Таблица 34

Лояльность населения, группа сообществ «А»*

Мнение респондента	Теленгит-Сартагой (Кош-Агач 01)	Тоболер (Кош-Агач 01)	Карааудор (Улаган 02)	Михайлова (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитег (Тяжин 05)	Листвянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
Развитие идет в совершенно правильном направлении, %	5	17	6	11	5	8	10	10	7
Скорее, в правильном направлении, %	55	59	56	43	46	44	47	0	37
Скорее, в неправильном направлении, %	26	13	25	32	32	28	27	80	43
В совершенно неправильном направлении, %	13	7	13	14	11	8	17	10	13
Итоговый индекс лояльности	0,21	0,56	0,28	0,19	0,08	0,16	0,13	-0,8	-0,12

* Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране?

В сообществах группы «Б» и «В» ситуация с лояльностью населения более неоднозначная и непредсказуемая (табл. 35), так как ее определяет слишком много факторов, часть из которых имеет не только социальное или экономическое, но также и социально-психологическое происхождение (например, самая высокая доля пенсионеров, составляющих «средний бедный» класс в селах Усть-Улеус и Антоново, объясняет и самый высокий показатель индекса лояльности).

Таблица 35

Лояльность населения, группы сообществ «Б», «В»*

Мнение респондента	Карасарт (Карасук 03) «Б»	Новомарьинка (Тяжин 05) «Б»	Новые Репеты (Кочки 05) «Б»	Усть-Улус (ИСО 07) «Б»	Нижневянин (Карасук 03) «В»	Борисоглебка (Тяжин 05) «В»	Ступишино (Тяжин 05) «В»	Черновка (Кочки 05) «В»	Жуланка (Кочки 05) «В»	Антоново (ИСО 07) «В»
Развитие идет в совершенно правильном направлении, %	18	0	6	6	5	0	8	13	3	17
Скорее в правильном направлении, %	41	29	59	59	62	33	31	47	29	67
Скорее в неправильном направлении, %	27	57	24	18	24	44	38	31	26	17
В совершенно неправильном направлении, %	14	7	12	6	10	22	23	3	32	0
Итоговый индекс лояльности	0,18	-0,35	0,32	0,4	0,33	-0,33	-0,22	0,26	-0,25	0,57

* Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране?

Общее состояние социокультурного развития различных сел определяется динамику проблемного поля сообществ (табл. 36, 37). Так, безработица приобретает характер общественной проблемы в поселениях, где отсутствуют (или оказались обанкроченными) крупные сельхозпредприятия. Наиболее острый характер проблемы безработицы имеет в селах группы «Б» и «В». Данные многолетних исследований также говорят о сохранении остроты проблем, связанных с правопорядком (преступность, пьянство). Наименее значимы вопросы правопорядка (именно преступности) в селах, не испытывающих проблем занятости населения (с. Базово, Чулымского района Новосибирской области). В селах, где процессы социального развития носят деструктивную направленность (группа «В»), пьянство зачастую является в глазах жителей одной из самых главных проблем, затмевая остроту проблем социально-экономического характера или конкурируя с ними. Можно также заметить, что ранее, наряду с такими общими для села проблемами как пьянство и безработица, наиболее актуальной являлась проблема своевременной выплаты заработной платы, пенсий и пособий. На момент последних исследований (2007 г.) ситуация в этом вопросе существенно улучшилась.

Таблица 36

Социальные проблемы, выделенные сельским населением, группа сообществ «А», %

Проблема	Теленгит-Сартайский (Кош-Агач 01)	Тобелср (Кош-Агач 01)	Каракудор (Улаган 02)	Михайловка (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубинист (Тяжин 05)	Ильинянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Конки 05)	Базово (НСО 07)
Безработица	87	88	94	46	46	67	40	40	7
Задержка зарплат	31	23	19	36	8	58	13	50	2
Бедность	29	24	6	36	14	50	30	50	24
Пьянство	57	49	19	29	51	28	40	70	24
Преступность	10	6	0	4	5	3	10	20	0
Демография	16	9	19	7	14	8	13	30	0
Экология	10	13	0	18	16	8	20	50	0

Таблица 37

Социальные проблемы, выделенные сельским населением, группа сообществ «Б», %

Проблема	Карасарт (Карасук 03) «Б»	Новомарынка (Тяжин 05) «Б»	Новые Реплиты (Конки 05) «Б»	Усть-Улус (НСО 07) «Б»	Нижнебаян (Карасук 03) «В»	Борисоглебка (Тяжин 05) «В»	Ступишино (Тяжин 05) «В»	Черновка (Конки 05) «В»	Жуланка (Конки 05) «В»	Литопово (НСО 07) «В»
Безработица	73	100	41	53	48	56	62	41	58	67
Задержка зарплат	36	29	6	0	29	67	42	28	42	0
Бедность	32	50	24	6	43	44	27	47	39	50
Пьянство	41	64	41	12	29	33	38	50	55	50
Преступность	9	7	6	6	14	11	8	19	13	17
Демография	18	14	24	6	24	11	12	19	26	33
Экология	9	21	29	0	19	0	19	31	42	0

Проблемы, на которые указывают жители села, имеют объективный характер, поскольку различие в уровне жизни сельских жителей и горожан очень значительно и в последнее время имеет тенденцию к увеличению. В этой ситуации усиливаются миграционные настроения сельского населения, причем на миграцию (как правило, из села в город) ориентированы наиболее работоспособные и квалифицированные работники. Существует достаточно неоднозначная корреляция между благополучностью села и миграцией из него населения. Так, анализ миграционных потоков и настроений из более благополучных сел группы «А» (табл. 38), показывает, что в течение последних 5 лет перед исследованием из ряда населенных пунктов переехало более трети родственников респондентов (средний уровень миграции из сел Кубитет, Ермаковский, Базово за достигает 7-8 % в год, что более чем в 2 раза превышает данный показатель по другим поселениям). Кроме того, данные исследований 2005–2007 гг. показывают, что миграционными настроениями в сообществах группы «А» охвачено от 30 до 50 % населения. В некоторых поселениях группы «А» отток населения (например, в с. Каракудюр и Михайловка) целиком покрывается локальной миграцией из близлежащих, более неблагополучных населенных пунктов.

Таблица 38

Показатели миграции, группа сообществ «А», %

Показатели миграции	Теленгит-Сартагой (Копи-Агач 01)	Тоболер (Копи-Агач 01)	Каракудюр (Улаган 02)	Михайловка (Карасук 03)	Преображенка (Тяжин 05)	Кубитет (Тяжин 05)	Листянка (Тяжин 05)	Ермаковский (Кочки 05)	Базово (НСО 07)
В последние 5 лет переехала родня	18	13	6	11	11	36	13	40	33
Доля респондентов, проживающих менее 5 лет	2	3	6	15	5	3	6	0	2
Сами бы хотели переселить	39	17	25	21	27	39	40	50	41

Зафиксированный исследованиями уровень миграции из сел группы «Б» ниже, хотя уровень миграционных настроений также высок (в целом, чуть ниже, чем в сообществах группы «А»). Миграционный отток не покрывается локальными внешними потоками переселенцев из других сел (таб. 39).

Таблица 39

Показатели миграции, группа сообществ «Б», %

Показатели миграции	Карасарт (Карасук 03)	Новомарьинка (Тяжин 05)	Новые Решеты (Кочки 05)	Усть-Улеус (НСО 07)
В последние 5 лет переехала родня	14	21	12	12
Доля респондентов, проживающих менее 5 лет	0	0	0	0
Сами бы хотели переселиться	32	36	41	18

Показатели реальной миграции из поселений группы «В» в целом приближаются к аналогичным значениям, зафиксированным в группе «Б» (табл. 40). Уровень миграционных настроений здесь ниже, но где-то они превалируют (например в с. Нижнебаян 62 % опрошенных хотели бы переехать в районный центр), а где-то вообще отсутствуют (например, в с. Антоново, в социально-ролевой структуре которого значительный вес имеют пенсионеры).

Таблица 40

Показатели миграции, группа сообществ «В», %

Показатели миграции	Нижнебаян (Карасук 03)	Борисоглебка (Тяжин 05)	Ступинчино (Тяжин 05)	Черновка (Кочки 05)	Жуланка (Кочки 05)	Антоново (НСО 07)
В последние 5 лет переехала родня	5	0	12	28	11	17
Доля респондентов, проживающих менее 5 лет	3	0	0	12	6	0
Сами бы хотели переселиться	62	22	31	25	37	0

Таким образом, следует допустить, что существует связь между благополучностью села (более успешные по ряду показателей сообщества группы «А») и уровнем миграции из него населения. Эта связь объясняется общей неудовлетворенностью жителей села своим положением (имеющей объективные основания, о «благополучии» этих сел, как очевидно на основе вышесказанного, можно говорить только условно, в сравнение с другими группами поселений) и наличием средств, возможностей осуществить переезд. Очевидно, что вымыывание из сообществ группы «А» наиболее трудоспособных и квали-

фицированных слоев населения (переезжают именно такие, наиболее востребованные на рынке труда работники) в перспективе обеспечивает переход данных поселений на деструктивный тип развития.

Это положение еще раз подтверждает факт сложного переплетения различных адаптационных стратегий в ходе развития социальных процессов в современном российском селе: натурализованная микроэкономика хозяйств населения и неформальные практики (к числу важнейших из них для сельскохозяйственных поселений следует отнести «теневую» товарность личных хозяйств и промыслов) повсеместно являются основой выживания села, а деструктивные процессы в социальной и демографической сфере дополняют эту картину.

§ 3.2. Локальная специфика адаптации сельских сообществ в условиях урбанизированной социальной среды

Сельские сообщества в условиях внешнего урбанистического воздействия, вырабатывают своеобразный набор адаптационных стратегий, специфика которых определяется наличием крупных рынков сбыта сельхозпродукции, возможностью альтернативной трудовой занятости (вне сообщества) и развитием деловой активности, являющейся альтернативой аграрной специализации, а также влиянием городской культуры и примера городского образа жизни на население (в первую очередь на молодежь), что приводит к интенсификации миграционных процессов.

Кроме того, весьма специфический характер носит социальная адаптация сельских сообществ в условиях промышленного развития региона, в поселениях, на территории которых осуществляют свою деятельность предприятия-недропользователи. Таким образом, вышеперечисленное дополняется еще фактором воздействия промышленной среды на экологию, природу и земли сообществ, то есть на традиционные условия жизнедеятельности селян. На первый план выступает взаимодействие с указанными предприятиями, проблемы экологии и адаптации традиционных форм природопользования сообществ к техногенному воздействию.

По характеру взаимодействия с внешней урбанистической (промышленной средой) сельские локальные сообщества могут быть разделены на три группы:

— группа «Г» — сообщества, находящиеся в зоне промышленного освоения, в которых место типичных для сельских районов крупхозов-сельхозпроизводителей заняли предприятия-недропользователи, обеспечивающие занятость населения и выступающие в роли вторичной редустибутивной системы, что позволяет реализовывать, помимо формальной занятости, стратегии натурализации экономики (личных хозяйств), развивать неформальные социально-экономические практики. Для обследованных поселений группы «Г» характерна высокая доля заработной платы в общей структуре

доходов населения, что объясняется высокой оплатой труда, характерной для угледобывающих предприятий.

— группа «Д» — сообщества, находящиеся в зоне промышленного освоения, но исключенные из системы прямого взаимодействия с предприятиями-недропользователями. Для данной группы сообществ характерны в целом деструктивные тенденции в ходе процессов адаптации. На сообщества этой группы близость мест недроДобычи оказывает негативное воздействие, так как наносимый предприятиями-недропользователями ущерб природной среде провоцирует истощение возобновляемых природных ресурсов и форсирует процессы распада традиционных систем жизнеобеспечения. Неблагоприятные социально-экономические условия адаптации населения в сообществах группы «Д» проявляются в первую очередь в проблемах трудоустройства. Небольшое число постоянных жителей и достаточно неудобное географическое местоположение на фоне общей картины бедности и безработицы ведут к постепенному вымиранию сел данной группы.

— группа «Е» — сообщества находящиеся в условиях урбанизированной социальной среды, но не испытывающие техногенных факторов воздействия промышленного производства (пригородные). Важной особенностью социальной адаптации пригородных сельских районов является широкое включение экономики сельских сообществ в неформальные экономические взаимодействия, а также распространение практики неформальной трудовой занятости. Проведенные исследования в пригородных сообществах показывают, что официальное место работы является лишь одной из возможных сфер приложения труда. Наряду с заработной платой и пенсиями, доходами от реализации продукции ЛПХ, в качестве дополнительного важного источника денежных средств выступают случайные приработка. Вышеперечисленные факторы обуславливают более успешную адаптацию сельских сообществ групп «Г» и «Е» по сравнению с поселениями, удаленными от города и не имеющими дополнительных ресурсов развития.

Анализ взаимодействия локальных сельских сообществ и урбанизированной среды в лице предприятий-недропользователей и специфики формирования адаптационных стратегий этих сельских сообществ (группы «Г» и «Д») базируется на данных исследования «Чувашка 04» (поселки Чувашка, Чуазасс и Казасс Чувашенской сельской администрации (с/а) муниципального образования г. Мыски Кемеровской области), а также исследования «Беково 06» (села Беково, Челухоево, деревня Верховская Бековской сельской администрации Беловского района и д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области.)

Общая специфика поселений, расположенных в Чувашенской сельской администрации, определяется тем, что этот район, издавна являясь территорией традиционного природопользования и местом компактного проживания шорцев, что и предопределяло его хозяйственную специализацию, в то же время находится в зоне активного промышленного освоения. На сегодняшний

день угледобывающий комплекс полностью определяет социально-экономическое развитие обследованного района.

Поселки Чувашка и Казасс находятся в непосредственной близости от угледобывающих предприятий, а п. Чуазасс, находясь в некотором отдалении, менее всего затронут процессом промышленного освоения. Географическое различие в местоположении определяет различия в структуре занятости населения.

Наибольшая включенность населения в социально-экономические процессы характерна для Чувашки. Статус сельской администрации, относительно большая по сравнению с соседними поселками численность населения и его достаточно высокий образовательный уровень, близость к городу и угледобывающим предприятиям являются факторами достаточно успешной социально-экономической адаптации сообщества к современным процессам. Что касается двух других поселков, Казасса и Чуазасса, то оба они демонстрируют тип социально-экономической адаптации, близкий к деструктивному (особенно это характерно для Казасса), чертами которого являются высокий уровень безработицы и старения населения, связанные с практически полной исключенностью из сложившихся на сегодняшний день в районе и в области экономических связей. Факторами, предопределяющими деструктивные тенденции в развитии, являются: небольшое число постоянных жителей и достаточно неудобное географическое местоположение (п. Казасс с трех сторон окружен отвалами из отработанных горных пород и лишен постоянного транспортного сообщения с городом).

Характерной чертой поселений Бековской с/а Беловского района является исторически сложившаяся географическая близость между населенными пунктами: села Беково, Челухоево, а также деревня Верховская фактически слились, и представляют собой одну деревню (далее — Беково). Несмотря на то, что в рамках такого крупной общности каждое из поселений обладает своей спецификой, для них характерны одни и те же тенденции социально-экономического развития.

Как и поселения Чувашкинской с/а, специфика развития Беково определяется тем, что территория Бековской с/а, издавна являясь территорией традиционного природопользования и местом компактного проживания телеутов, в то же время находится в зоне активного промышленного освоения — в непосредственной близости от поселений находятся крупные предприятия угледобывающей промышленности. Еще одним фактором, оказывающим влияние на развитие Беково и Шанды, является близость к городу Белово (около 15 км), и этот факт влияет, с одной стороны, на уровень и направление миграции, и с другой — на структуру занятости населения Бековского с/а. По данным нашего исследования, в г. Белово работают 25 % занятого населения Бековской с/а (то есть каждый четвертый) и 30 % занятого населения д. Шанда (то есть каждый третий).

Наконец, для изучения специфики развития сельских сообществ, находящихся под воздействием урбанистической среды, но не испытывающих факторов воздействия промышленного производства (пригородные) были выбра-

ны поселения Верх-Тула Новосибирского сельского района (НСО 01) и Сорочиха Карасукского района Новосибирской области (Карасук 03), указанные поселения объединены в группу «Е». К числу факторов локальной специфики формирования адаптационных стратегий данных сообществ следует отнести близость к городу, а также приграничное положение с. Сорочиха, расположенного поблизости с Казахстаном.

Демографическая ситуация в большинстве сообществ, подвергающихся урбанистическому воздействию, может быть охарактеризована как кризисная, хотя для поселений всех выделенных групп характерна низкая миграционная активность (табл. 41).

Таблица 41

Показатели миграции и миграционных настроений, %

Показатель	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чузасс (Чувашка 04) «Д»	Шанды (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Пересекали родственники	10	18	10	22	8	11	16
Доля респондентов, проживающих менее 5 лет	6	36	5	12	4	14	13
Миграционные настроения	7	59	20	49	26	13	21

В поселениях группы «Д» миграционный отток устойчиво (приблизительно в два раза) превышает приток. Ситуация с поселениями группы «Е» и «Г» более неоднозначная. В селах Верх-Тула (группа «Е»), Чувашке и Беково (группа «Г») отток населения либо очень незначительно превышает приток, либо фиксируется, наоборот, превышение миграции в поселение. В с. Сорочиха (группа «Е») миграционный приток превышает отток почти в 2 раза, что обусловлено близостью к Казахстану и продолжающейся оттуда миграцией русской диаспоры. Миграция имеет локальный внутрирайонный характер и направлена исключительно в город. Основным пунктом локальной миграции выступают, соответственно, города Новосибирск, Карасук, Мыски, Белово.

Высокий уровень потенциальной миграции связан, прежде всего, с уровнем социально-экономического развития конкретных населенных пунктов: чем более депрессивным является село, тем выше среди его жителей уровень потенциальной миграции. В качестве основных причин возможного переезда респонденты называют отсутствие подходящей работы, семейные обстоятельства, отсутствие жилья и низкие заработки (табл. 42).

Таблица 42

Причины миграционных настроений, %

Причины миграции	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Нет подходящей работы	72	14	0	29	85	0	2
Низкие заработки	47	23	0	8	4	0	9
Нет жилья	59	5	0	8	4	2	1
Негде учить детей	91	5	0	0	19	0	0
По семейным обстоятельствам	73	0	10	10	0	11	3
Из-за напряженности в межнац. отношениях	53	0	0	0	7	0	0
Другое	57	23	5	2	19	0	12

На фоне отрицательного, в целом, saldo миграции, социально-ролевая структура сообществ характеризуются достаточно низкой долей членов семьи, имеющих работу, и высокой долей пенсионеров. В с. Казасс доля пенсионеров составляет почти 2/3 населения, в с. Верх-Тула превышает половину населения, составляя в остальных поселениях от 25 до 40 % населения. Исключение представляет собой с. Сорочиха, в котором велика доля мигрантов из соседнего Казахстана (табл. 43).

Таблица 43

Укрупненная социально-ролевая структура сообществ, %

Социально-ролевой статус	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Работаете	31	73	15	31	33	59	61
Учитесь	4	5	0	2	0	0	3
На пенсии	54	12	65	41	30	28	24
Безработные	11	10	20	26	37	13	12

Наиболее благополучной в плане занятости населения выглядит ситуация в близком к городу Карасуку селе Сорочиха (группа «Е»), где высокий уровень занятости экономически активного населения обеспечивается местным сельхозпредприятием, ориентированным на сбыт продукции в г. Карасуке, выступающим первичным звеном переработки продукции аграрного сектора, и в поселениях группы «Г», где часть рабочих мест обеспечивается за счет занятости на предприятиях-недропользователях и работе в городе. Уровень безработицы в поселениях, относящихся к группе «Д» оказался достаточно высок. Наибольшее количество безработных зафиксировано в Чуазассе. Среди опрошенных жителей этого поселка безработные составили 26 % (или 48 % экономически активного населения). В то же время, по оценкам экспертов, уровень безработицы в Чуазассе составляет порядка 70 %. Это объясняется, прежде всего, удаленностью поселка от города и угледобывающих предприятий, а также отсутствием налаженного транспортного сообщения.

Экспертная оценка ситуации

Из Чуазасса один всего работает, почему? Во-первых, автотранспорт ходит не ежедневно, и сегодня работающее население небольшое по количеству. В основном все пенсионного возраста. Но возводить их можно при условии, когда будут созданы рабочие места и будет проложена туда асфальтовая дорога...

Безработица, как правило, носит скрытый характер, в поселениях Чувашкинской с/а пособие по безработице получают только 25 % безработных, то есть трое из четырех людей, не имеющих работу, не учтены государственными социальными службами и официальной статистикой. Доля безработных в Беково составила 12 % от всех опрошенных, а в Шанде — 37 %. При этом пособие по безработице получают только порядка 4 % безработных.

Для оценки реального количества безработных в районе в нашем исследовании применялась методика Международной организации труда (МОТ), адаптированная к условиям изучаемого сообщества. В соответствии с этой методикой безработным считается человек, не имеющий работы в течение длительного времени (более трех месяцев), но желающий получить работу и предпринимающий определенные усилия для ее поиска. Используя такое определение, можно установить, что в момент опроса реальный уровень безработицы составлял в Чувашкинской с/а около 20 % всего трудоспособного населения, в с. Верх-Тула — 11 %.

Структура занятости населения в сельских сообществах в промышленно развитых регионах определяется несколькими факторами: во-первых, это относительная близость города, который обеспечивает дополнительный рынок

труда, во-вторых, это соседство с угледобывающими предприятиями, обеспечивающими работой подавляющее большинство населения (табл. 44).

В самих обследованных населенных пунктах групп сообществ «Е», «Д» и «Г» рабочих мест очень мало, в среднем около 1/2 занятого населения работает непосредственно в поселениях. Исключение составляет только Сорочиха, где подавляющая часть занятого населения работает в самом селе.

Профессиональный состав занятых в поселениях определяется сохранившейся социальной инфраструктурой (школы, клубы, почты, медпункты), соответственно занятые здесь — это государственные служащие, персонал, обслуживающий государственные учреждения. Немногочисленные рабочие места обеспечиваются за счет открытия частных магазинов, нуждающихся в продавцах.

Таблица 44

Структура занятости населения, %

Место работы	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочика (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Работают в поселке	18	69	0	15	12	30	15
Работают в городе	13	2	15	16	21	29	46

Работающие в городе — в основном, это люди, относящиеся к категориям квалифицированных служащих (кассиров, бухгалтеров, юристов), а также рабочих (например, водители). Поскольку квалифицированные служащие, как правило, женщины, то процент женщин, занятых в городе, больше, чем процент занятых в городе мужчин. Основным местом работы мужчин в поселениях, находящихся в зоне промышленного освоения, являются угледобывающие предприятия.

Данные исследований позволяют проанализировать структуру доходов населения (табл. 45).

Для обследованных сообществ группы «Г» характерна высокая доля заработной платы в общей структуре доходов, значимость которой респонденты ставят на первое место. Значение денежных доходов от официальной занятости в сельских сообществах, активно взаимодействующих с предприятиями-недропользователями, объясняется достаточно высокой оплатой труда, характерной для угледобывающих предприятий. В итоге данный источник доходов опережает по важности денежные доходы в виде пенсий и пособий. Во всех поселениях групп «Е» и «Д» на первом месте по значимости стоят именно пенсии и различного рода пособия, на втором — заработка плата.

Таблица 45

Структура денежных доходов населения, %. Группы «Е», «Д» и «Г»

Источник доходов	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Краснокамск 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Зарплата	26	73	30	31	26	77	61
Доход от продажи продуктов своего личного хозяйства	19	9	5	8	41	3	49
Доходы от охоты, промысла	3	0	0	0	4	0	1
Пенсии, пособия	53	18	80	69	47	63	22
Предпринимательская и коммерческая деятельность	0	0	0	0	0	0	4
Случайные приработка	12	6	5	22	7	22	3

Доход от продажи продуктов собственного хозяйства в качестве источника денежных средств назвали около 15 % опрошенных в поселениях группы «Е», около 5 % в поселениях группы «Д» и «Г», за исключением поселений Шанда и Беково, где данный источник доходов занимает, по оценкам населения, второе по значимости место после пенсий и зарплаты.

Наряду с заработной платой и пенсиями, доходами от реализации продукции ЛПХ, в качестве дополнительного важного источника денежных средств в урбанизированных районах выступают случайные приработки. Данные формы деятельности играют значительную роль в структуре доходов населения в силу наличия (близости) рынков труда и сбыта. Доход от случайных приработков стоит на третьем или четвертом месте по значимости. Стоит отметить, что практически никто не назвал в качестве источников денежных средств доходы от предпринимательской деятельности, очень малое значение имеют доходы от промысловой деятельности.

Проведенные исследования показали, что официальное место работы является лишь одной из возможных сфер приложения труда. Вторичная занятость, в том числе не оформленная официально, повсеместно распространена. Кроме того, для поддержания своего жизнеобеспечения большинство селян обращаются к проверенному временем способу производству продуктов питания. Часть произведенной продукции продается на местных рынках. Таким образом, мы имеем дело, по меньшей мере, с двумя сферами занятости: формальная занятость (труд по найму) и неформальная занятость (незарегистри-

рованная работа по найму или самозанятость, а также производство товарной продукции в личных подсобных хозяйствах).

Большое социальное значение, как и в большинстве обследованных регионов, имеет сектор личных подсобных хозяйств населения. Несмотря на то, что личное хозяйство по сравнению с пенсиями и зарплатами играет, как кажется, второстепенную роль, прожить без него в сельской местности на сегодняшний день очень сложно. Как следует из табл. 46, в большинстве сообществ, подвергнувшихся воздействию урбанизированной среды, ЛПХ ведет около 9/10 населения. Исключение составляет д. Шанда, в которой на неблагоприятные обстоятельства социально-демографического характера накладываются внутренние (отсутствие крупхоза) и внешние (особенности расположения деревни) факторы, в результате чего далеко не все население обладает возможностями ведения личного хозяйства (только 56 %), а также с. Беково, в котором население условно делится на 2 группы: 1) селяне, ориентирующиеся на официальную занятость на угледобывающих предприятиях и в городе; 2) домохозяйства (76 %), ориентированные на «многоканальную» модель адаптации и развитие личного хозяйства, имеющего в значительной степени товарный характер.

В целом, товарность хозяйств сельских сообществ в условиях воздействия урбанизированной внешней среды носит вспомогательный характер. О том, что продукты собственного хозяйства являются одним из источников дохода, заявили в большинстве поселений всех групп не выше 15 % опрошенных.

Таблица 46

Наличие и размеры личных хозяйств населения. Группы «Е», «Д» и «Г»

Личное хозяйство	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Доля домохозяйств, имеющие ЛПХ, %	90	91	85	82	56	92	72
КРС, кол-во голов, среднее значение	2,1	1,4	1,6	2	1,1	1,7	1,7
МРС, кол-во голов, среднее значение	0,8	2,3	2	5	0	1	5,3
Свиньи, кол-во голов, среднее значение	1	1,7	0	10	6,7	1,4	2,1
Лошади, кол-во голов, среднее значение	0,2	0	0	1	0	0	1,2
Птица, кол-во голов, среднее значение	12	28	2	7,4	12	6,8	17,4
Огород, соток, среднее значение	12,4	15,3	15,6	14	18	21,3	15,2
Товарность ЛПХ*, %	17	9	10	2	15	0	24

* — В процентах от всех домохозяйств.

В сообществах группы «Г» достаточно высокая оплата труда, характерная для угледобывающих предприятий, на которых работает большинство населения, позволяет вести ЛПХ в меньших размерах, к тому же и полная рабочая неделя оставляет для этого меньше времени. Поэтому в с. Чувашка, к примеру, продажа продуктов личного хозяйства в целях увеличения доходов вообще не распространена как практика. В депрессивных селах группы «Д» развитию ЛПХ и его товарности препятствует отсутствие крупхозов, удаленность от центров сбыта продукции и большой удельный вес в структуре населения пенсионеров, не имеющих возможности наращивать производство за счет интенсификации тяжелого ручного труда.

В сообществах группы «Е» хозяйства населения слабо вовлечены в товарно-рыночные отношения. Например, в с. Сорочиха, несмотря на наличие перерабатывающих предприятий в районе и, прежде всего, в г. Карасуке, их мощностей не хватает для переработки продукции, производимой домашним хозяйством. Отсутствие внутреннего локального рынка является одной основных проблем, стоящих перед сообществом и определяющих низкую товарность домашнего хозяйства. Поэтому основная функция личного подсобного хозяйства заключается, прежде всего, в обеспечении продуктами питания, которые потребляются внутри хозяйства. Близость с городом, в котором работает значительная часть сельчан, а также соседство с промышленными предприятиями предопределили крайне незначительный размер натурального хозяйства. Не только товарность хозяйства остается низкой, но все основные показатели хозяйства остаются невысокими. Кроме того, значительная доля в этой товарности приходится на случайные продажи излишков продукции, не представляя собой целенаправленного производства. По своим основным параметрам хозяйства схожи со структурой пригородных дачных участков. Небольшое количество обрабатываемой земли соотносимо с небольшим количеством выращиваемой живности. Уровень развития натурального хозяйства, по своему типу больше похожий на городской, объясняется, во-первых, близостью с городом и тесными связями с ним, во-вторых, тем, что в результате работы промышленных предприятий площадь сельскохозяйственных угодий постоянно сокращается, а сами эти предприятия не обеспечивают поступление в личные хозяйства трансфертов в псевдоэкономической форме.

Активное промышленное использование территорий и воздействие урбанистической среды практически свело на нет промысловую деятельность как самостоятельный и развитый вид хозяйственной деятельности, представлявший основу традиционного природопользования. Какой-либо промысловой деятельностью занимается не более 1/3 населения в поселениях всех групп (табл. 47). Исключение составляет с. Чувашка, где в промысловую деятельность вовлечено более половины населения.

Таблица 47

**Промысловая деятельность и товарность промыслов.
Группы «Е», «Д» и «Г»*, %**

Показатели промыслов	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чузасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Занятие промыслами	32	31	30	20	7	56	9
Товарность промыслов*	1	0	0	6	0	14	0

* — В % от всех домохозяйств.

Казалось бы, промысловая деятельность, представляющая в сегодняшних условиях вспомогательный вид хозяйствования, должна быть распространена в тех населенных пунктах, где процент безработных больше, потому что, как правило, занятие промыслами официально не фиксируется. Однако данные нашего исследования показали, что, как это ни парадоксально, чем выше уровень безработицы в поселке, тем меньше людей там заняты промысловой деятельностью. Это связано, прежде всего, с тем, что она не является основным источником денежных средств. Наиболее распространенные промыслы по характеру представляют собой деятельность, не требующую особых специальных знаний, умений и физических возможностей, протекающую в условиях пониженной экстремальности. Так, в поселениях Бековской с/а основным видом промысла является сбор ягод. Незначительная доля населения района занимается рыбной ловлей. Реализация подобной промысловой деятельности возможна в прилегающих к населенному пункту угодьях и, как показывают исследования, в силу своей низкой товарности эта деятельность не имеет большого экономического значения, несмотря на присутствие такого стимулирующего фактора, как город, являющийся рынком сбыта дикоросов (орехов, ягод, грибов), рыбы и пр. Продукты такой промысловой деятельности потребляются исключительно в собственном хозяйстве (за исключением с. Чувашка, где зафиксированы не только самые высокие показатели развития этой деятельности, но и признаки товарности промыслов — около 14 % домохозяйств поставляет на рынок продукцию промыслов).

Как уже говорилось выше, объективным формальным критерием успешности адаптации локальных сообществ к новым условиям является уровень благосостояния населения, выражаемый в показателях доходов населения.

Таблица 48

Распределение населения по уровню среднедушевых доходов, %.
Группы «Е», «Д», «Г»

Доход	Верх-Тула (НСО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Менее 1/2 ПМ	36	77	22	18	44	21	27
Менее 1 ПМ	48	5	43	28	28	23	40
От 1 до 2 ПМ	14	13	35	34	23	50	24
Свыше 2 ПМ	2	5	0	20	5	6	9

Анализируя данные табл. 48, можно отметить, что ситуация с доходами населения в сообществах, непосредственно взаимодействующих с урбанистической средой, выглядит гораздо более благоприятной, чем в относительно удаленных от городских центров поселениях монопрофильной сельскохозяйственной специализации. Если в селах преимущественно сельскохозяйственной специализации основная масса населения может быть отнесена к категории «крайне бедных» (в селах, относительно успешно сочетающих формальную занятость с развитием натурального хозяйства и неформальных практик (группа «А») крайне бедные — 40 % населения, в сообществах групп «Б» и «В» этот показатель колеблется от 60 % до 100 %), то в сообществах, испытывающих непосредственное воздействие урбанизированной среды и недробывающей промышленности, эта категория распространена в группе «Е».

Категория «просто бедных» составляет половину населения в группах «Г», «Е» и «Д»: в пригородном селе Верх-Тула, также как в депрессивном селе Казасс и активно взаимодействующем с предприятиями-недропользователями, ориентированном на городскую занятость селе Беково. Однако, если в первом случае подобная ситуация является следствием активизации товарной составляющей ЛПХ и «отходничества», то во втором случае это объясняется высокой долей прямых социальных трансфертов (пенсий, пособий), обусловленной социodemографической структурой населения сообщества (высокой долей пенсионеров).

В поселениях этих групп достаточно широко представлена категория населения с доходами выше 1 ПМ. Если данные обследования пригородных районов показали 16-18 % домохозяйств со среднедушевыми доходами выше

1 ПМ, то в районах промышленного освоения было выявлено, что доля населения с доходами свыше 1 ПМ приблизительно одинакова — около 1/3 — как в «депрессивных» поселениях, так и в селах, активно включенных в локальные социально-экономические процессы. Превышают этот показатель данные по с. Чувашка, где бедные составляют меньшую часть населения (44 %) против 56 % домохозяйств со среднедушевым доходом выше 1 ПМ.

Уровень жизни населения отражается на социальном самочувствии жителей села. Субъективные оценки материального положения во многом совпадают с делением населения по уровню среднедушевых доходов, с преобладанием категорий населения, осознающей свою бедность (табл. 49).

Таблица 49

Субъективные характеристики материального положения, %

Характеристика	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Денег не хватает до зарплаты, приходится занимать	30	27	52	16	25
На повседневные затраты уходит вся зарплата	35	41	30	55	24
Затруднительна покупка одежды	20	20	4	13	28
Для дорогостоящих предметов нужно брать в долг	5	4	7	13	16
Почти на все хватает, недоступны приобретение квартиры, дачи, дома	0	2	4	3	6
Ни в чем себе не отказываем	0	0	0	0	0
Доля населения с доходами свыше 1 ПМ	35	34	28	56	33

Представленная в таблице дифференциация населения — это обобщенная характеристика бедного общества, в котором более 4/5 могут быть отнесены к «крайне бедным» (денег не хватает до зарплаты) и «бедным» (на повседневные затраты уходит вся зарплата). Складывающаяся из формального анализа более благополучная картина социально-экономического развития с. Чувашка, подтверждается данными о субъективной оценке материального положения частично: благополучие оказывается лишь в том, что меньше людей ощущают себя «крайне бедными»; относят себя к бедным до 70 % населения; и часть (16 %) может быть отнесена к «среднему» классу. По субъективным критериям в с. Беково ситуация выглядит более благоприятной, здесь к «среднему классу» можно отнести 22 % населения.

Оценка населением проводимых в стране реформ, с точки зрения выигрыша или проигрыша от них, является косвенным показателем социально-экономического развития конкретных поселений и позволяет оценить успешность адаптационных стратегий, реализуемых отдельными сельскими сообществами.

Анализируя восприятие населением результатов реформ, следует признать общий низкий уровень адаптированности населения. Большая часть населения групп «Д» и «Г» полагают, что они проиграли от рыночных реформ (табл. 50).

Таблица 50
Адаптация к рыночным реформам*

Мнение респондента	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Скорее, выиграли, %	2	7	5	5	8
Не выиграли и не проиграли, %	36	24	22	33	34
Скорее, проиграли, %	62	69	73	62	58
Итоговый индекс	-0,24	-0,38	-0,46	-0,24	-0,16

* — Выиграли или проиграли от реформ?

Негативное отношение к реформам лишь частично коррелирует с уровнем депрессивности конкретного населенного пункта, или степенью вовлеченности его в локальные социально-экономические процессы: если в д. Шанда (группа «Д») уровень адаптированности населения ниже, чем в Беково (группа «Г»), как и следовало полагать, то доля скептически настроенных в оценке итогов преобразований жителей в с. Чувашка (более успешного, если судить по формальным критериям доходов) практически совпадает с показателями поселений Казасс и Чуазасс (группа «Д»).

Результаты социально-экономической адаптации также должны сказываться на политических настроениях населения, напрямую влияя на уровень политической лояльности (табл. 51). Однако данные исследований показывают существенный разброс в оценках населением развития ситуации в стране, что имеет не только социальное или экономическое, но также и социально-психологическое происхождение. Одним из факторов, определяющих показатели лояльности населения, является социально-ролевая структура сообщества: наиболее высокие значения индекса политической лояльности зафиксированы в поселениях с преобладанием лиц пенсионного возраста.

Таблица 51

Лояльность населения. Группы «Е», «Д» и «Г»

Мнение респондента	Лояльность населения. Группы «Е», «Д» и «Г»							
	Верх-Тула (НГО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»	
Развитие идет в совершенно правильном направлении, %	4	5	6	6	11	7	9	
Скорее, в правильном направлении, %	50	36	66	47	30	43	53	
Скорее, в неправильном направлении, %	25	41	17	33	52	32	27	
В совершенно неправильном направлении, %	21	18	11	14	7	18	11	
Итоговый индекс лояльности	0,08	-0,18	0,44	0,06	-0,18	0	0,24	

* — Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране?

Сравнительный анализ результатов социологических исследований позволяют выявить зависимость степени актуальности тех или иных социальных проблем от социально-экономических параметров развития конкретного сельского сообщества (табл. 52).

Таблица 52

Социальные проблемы, выделенные населением, %

Проблема	Верх-Тула (НГО 01) «Е»	Сорочиха (Карасук 03) «Е»	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Безработица	72	23	45	69	85	48	41
Задержка зарплат	47	18	45	69	4	48	4
Бедность	59	27	15	20	4	20	8
Пьянство	91	45	25	43	19	50	42
Преступность	73	9	0	2	0	5	3
Демография	53	14	0	4	7	3	8
Экология	17	5	50	6	19	50	12

Наиболее острой проблемой в группах поселений «Д» и «Е» следует признать безработицу (ее отметило 85 % в д. Шанда (группа «Д»), 69 % в с. Чуазасс (группа «Д»), 72 % в с. Верх-Тула (группа «Е»). Близкой по остроте восприятия является проблема пьянства — она оказывается на первом по значимости месте в поселениях группы «Г», где большая часть населения имеет работу: проблему пьянства отметило 50 % респондентов в с. Чувашка, 64 % в с. Беково, и 45 % в с. Сорочиха.

В сообществах, граничащих с крупными индустриальными центрами — с. Верх-Тула (группа «Е») — наибольшей остроты достигают проблемы, связанные с правопорядком, бедностью, и с социальным расслоением.

В поселениях, непосредственно испытывающих техногенное воздействие со стороны предприятий-недропользователей (Чувашка и Казасс), самой острой проблемой является загрязнение окружающей среды, ее выделило 50 % респондентов в каждом из этих населенных пунктов. Практически все жители данных сообществ непосредственно сталкиваются с результатами деятельности угледобывающих предприятий, например, созерцая так называемый «лунаный пейзаж» или слыша, как проходят взрывные работы. Вот что говорят по этому поводу эксперты:

Экспертная оценка ситуации

И. 1.: *Если говорить о Чувашке, то тут у нас с 70-х гг. открылись три разреза: Сибиргинский, Красногорский и Междуреченский. Они функционируют на нашей территории. Жители сел Казасса и Чуазасса, Чувашки испытывают кислородное голодание, так как взрывают постоянно, в неделю 1-2 раза, и весь взрыв, пыль идет сюда. Уголь ведь на поверхности и ветром разносится, «Белазы» ходят, и как ветер — тоже все сюда несет. И роза ветров сюда дует.*

И. 2.: *Экологическая ситуация в последнее время вообще плохая. От взрывов на разрезах аж стекла летят и печки валятся. Дом трясется как в землетрясении. И продолжается это, может, лет десять или больше. Лес как продолжал так и будет расти. Раньше охотились, рыба была, звери были. А сейчас нету.*

В целом экологическая ситуация в глазах населения определенно воспринимается как некоторая ситуация риска. Результатом такого восприятия является повышенное внимание к экологическим ценностям. Факторы изменения экологической ситуации — это, по оценке населения, факторы местного характера, то есть предприятия, которые находятся в непосредственной близости от их населенных пунктов. Основным фактором загрязнения окружающей среды население считает деятельность разрезов и шахт. Однако отношение местных сообществ к угледобывающим предприятиям не однозначно отрица-

тельное. Как продемонстрировали результаты исследования, три основных составляющих образа угледобывающего предприятия — экологическая, экономическая и социальная — трактуются населением следующим образом:

— с точки зрения влияния на экологию, предприятия-недропользователи однозначно воспринимаются как наносящие вред окружающей среде;

— основным содержанием экономической составляющей образа предприятия является то, что оно воспринимается как работодатель, обеспечивающий местное население рабочими местами, стабильной и достаточно высокой оплатой;

— социальная составляющая образа предприятия — восприятие предприятия в качестве социально ориентированного, то есть направленного на решение социальных проблем села и поддержание социальной инфраструктуры населенных пунктов, на территории которых оно находится (строительство школ и детских садиков, закупка продуктов промыслов, обеспечение жильем и пр.).

Из трех выделенных пониманий роли предприятия в социально-экономических и экологических процессах для жителей наиболее значима роль работодателя и поэтому с образом экономически эффективных организаций население связывает гораздо большие надежды, чем с образом социально ориентированного предприятия. Низкий уровень социальных ожиданий, связанных с угледобывающими предприятиями, коррелирует с оценкой роли прочих социальных институтов в жизни рядового жителя села. Результаты исследования демонстрируют, что население не связывает возможность решения личных проблем с деятельностью государственных и местных органов власти, а также предприятий-недропользователей. Подавляющее большинство респондентов рассчитывает, во-первых, прежде всего на самих себя и, во-вторых, на помочь, предоставляемую в рамках социальных сетей, состоящих из родственников, соседей, друзей (табл. 53).

Так, среди опрошенных по двум группам сообществ, «Д» и «Г», число тех, кто рассчитывает на преодоление личных проблем путем совместных солидарных родственных или соседско-общинных действий, на помочь друзей и близких (в среднем, около 15 %), находится на втором месте после тех, кто рассчитывает только на себя и свои силы.

Исследование социальной адаптации сельских локальных сообществ в условиях урбанизированной социальной среды подтверждает гипотезу о разновекторности и неравномерности их развития, обусловленного влиянием локальных социально-экономических факторов. Подтверждением этой гипотезы является относительная социальная благополучность географически соседствующих населенных пунктов Бековской с/а и неблагополучности д. Шанда; более успешная адаптация с. Чувашка и депрессивное состояние социально-экономической сферы поселков, относящихся к той же сельской администрации, Чуазасса и Казасса.

Таблица 53

Распределение ответов на вопрос:

«С кем или чем Вы связываете надежды при разрешении личных проблем?», %

Ответ респондента	Казасс (Чувашка 04) «Д»	Чуазасс (Чувашка 04) «Д»	Шанда (Беково 06) «Д»	Чувашка (Чувашка 04) «Г»	Беково (Беково 06) «Г»
Рассчитываю только на самого себя	55	90	81	95	77
Рассчитываю на помощь друзей и близких	30	14	15	17	29
Рассчитываю на поддержку лиц своей национальности	0	4	0	0	0
Рассчитываю на помощь местных предприятий	0	2	4	0	3
Рассчитываю на местные власти	0	4	0	2	2
Рассчитываю на областные органы управления	15	0	11	2	2
Рассчитываю на федеральные органы управления	5	6	7	2	0

Для поселений группы «Г» (Беково и Чувашка) характерны большая включенность в социально-экономические процессы, чему способствуют статус сельского административного центра, близость к городу, наличие постоянной транспортной связи (что позволяет жителям искать альтернативную занятость в городе) и близость к угледобывающим предприятиям, обеспечивающим занятость значительной части населения. Все это является факторами более успешной социально-экономической адаптации населения к изменениям внешней социокультурной среды.

Для поселений этих же сельских администраций группы «Д» (Шанда, Чуазасс, Казасс), более удаленных от районного центра и города, близость к угледобывающим разрезам оказывает скорее негативное воздействие, — наносимый предприятиями-недропользователями ущерб природной среде форсирует процессы распада традиционных систем жизнеобеспечения и социальной организации локальных сообществ, провоцирует истощение возобновляемых природных ресурсов.

В целом можно сказать, что стратегия развития, наблюдаемая в поселениях группы «Д» (Чуазасс, Казасс, Шанда), является деструктивной, ведущей к депопуляции и исчезновению поселков. Поселения группы «Г» (Чувашка, Беково)

ково), напротив, активно адаптируются к современным социально-экономическим условиям.

В поселениях группы «Е» ситуацию можно охарактеризовать как достаточно противоречивую: например, в с. Верх-Тула очевидно преобладание в социально-возрастной структуре лиц пенсионного возраста (см. табл. 43) и переориентация экономически активного населения на работу в городе (что в дальнейшем вполне может означать миграцию этой части населения из села), а в с. Сорочиха, несмотря на высокий уровень занятости и низкий уровень безработицы, прослеживается неблагоприятная ситуация с доходами населения даже по сравнению с депрессивными сообществами группы «Д», поскольку доходы от занятости на сельхозпредприятиях зачастую ниже, чем пенсии и социальные пособия. Следствием подобной ситуации является социально-психологическая дезадаптация жителей села и очень высокие показатели миграционных настроений. Одной из причин более благополучного положения социальной сферы в большинстве пригородов является имеющаяся у местного населения возможность найти работу в ближайшем городе, к тому же более высокооплачиваемую, чем в деревне; заметную роль играют временные заработки («отходничество» в город и т. п.), подавляющая часть которых основывается на неформальных бесконтрактных отношениях. К подобной практике, как правило, прибегают представители возрастной группы до 30 лет.

Таким образом, сельские сообщества, находящиеся в условиях урбанизированной социальной среды, вырабатывают своеобразный набор адаптационных стратегий, специфика которых определяется близостью рынков сбыта и городского рынка труда, воздействием на сельское население (в первую очередь молодежь) образцов городской культуры и городского образа жизни, отличающихся более инновационным характером адаптации по сравнению с деревней. Важной особенностью социальной адаптации в указанных условиях является широкое включение основы экономики сельских сообществ — подсобных хозяйств — в неформальные экономические взаимодействия, а также распространение практик альтернативной и неформальной трудовой занятости. Вышеперечисленные факторы обуславливают более успешную адаптацию к реформам по сравнению с адаптацией поселений, удаленных от города и не имеющих дополнительных ресурсов развития.

§ 3.3. Природно-географические факторы формирования и реализации социально-экономических практик сельского населения

Локальная специфика социальной адаптации сельских локальных сообществ, для которых основную роль при выработке адаптационных стратегий играют факторы экономико-географического, ресурсно-природного характера, определяет значимость для населения практик промысловой деятельности, не-

формального предпринимательства, в том числе связанного со сферой туризма. В рамках авторской типологии адаптационных стратегий сельского населения, указанные практики следует отнести к неформальному типу адаптации.

Группа природно-географических факторов адаптации включает в себя географические, природно-климатические, ресурсные и экологические составляющие, оказывающие прямое или косвенное воздействие на динамику развития локальных сообществ как социальных систем. В качестве важнейших следует выделить следующие внешние факторы.

1) Ландшафт. Основной массив территории России носит равнинный характер, прежде всего, в европейской ее части, однако ряд районов сельской России и Сибири расположены в возвышенной и горной местности (например, в Сибири — это сельские поселения на Горном Алтае и в Горной Шории). Такие территории не только удалены от крупных урбанистических центров, но и труднодоступны, с точки зрения транспортных коммуникаций, а также лишены значительных земельных ресурсов, однако при наличии подходящих условий здесь развиваются виды экономической активности, альтернативные традиционной аграрной специализации: промыслы и туризм.

2) Наличие сети рек, выступающих, помимо прочего, средством транспортной коммуникации, объединяющим территории. По мнению Р. Пайпса, «если бы не водные пути, до появления железной дороги в России можно было бы влечь лишь самое жалкое существование. Расстояния так велики, а стоимость починки дорог при резком перепаде температур столь высока, что путешествовать по суше имело смысл лишь зимой, когда снег дает достаточно гладкую поверхность для саней. Этим объясняется, почему россияне так зависели от водного транспорта¹». В наши дни влияние этого фактора в транспортно-коммуникационном аспекте имеет меньший характер, однако, реки и озера выступают ресурсом промысловой деятельности населения, развития туризма и сферы обслуживания.

3) Климат является одним из важных факторов территориальной дифференциации социально-экономического развития сельских сообществ, так как определяет производственную инфраструктуру сельскохозяйственного производства и формы экономической активности сельского населения. Большая часть России и Сибири представляет собой зону рискованного земледелия. В Сибири значительную долю территории занимают тундровые и таежные пространства. Следствием этого является меньшая плотность населения, слабая заселенность территории, нерентабельность сельскохозяйственного производства в таких районах, развитие промысловой деятельности в поселениях, расположенных в таежных пространствах.

4) Ресурсный фактор проявляется в наличии земель, пригодных для сельскохозяйственного производства, ресурсов промысловой деятельности (охо-

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 84.

ты, собирательства), полезных ископаемых. В связи с тем, что в целом адаптация села к меняющимся внешним условиям протекает очень болезненно и противоречиво, для выживания и развития удаленных сельских сообществ необходимо наличие каких-либо дополнительных ресурсов развития. Стратегии социально-экономической адаптации таких районов различаются в зависимости от имеющихся ресурсов, используемых для выстраивания модели взаимодействия с «внешним миром» и социальной структуры населения.

5) Уровень урбанизации территории и удаленности населенного пункта от городских центров, выступающих источниками сбыта и приложения избыточных трудовых ресурсов.

В целях анализа специфики социальной адаптации сельских локальных сообществ, для которых основную роль при выработке адаптационных стратегий играют факторы экономико-географического, ресурсно-природного характера в зависимости от преобладающей адаптационной стратегии и факторов адаптации, выделены две группы сельских сообществ:

— *Группа «З»* — сельские локальные сообщества, в которых развитие неформальных практик в совокупности с удачным сочетанием ряда природно-географических факторов обеспечивают положительную динамику социального развития.

— *Группа «Ж»* — сельские локальные сообщества, в которых сочетание факторов адаптации обуславливает неблагоприятную динамику адаптационных процессов (в связи с удаленностью или труднодоступностью поселений и отрицательными тенденциями в социально-демографической сфере).

Анализ специфики формирования и реализации социально-экономических практик населения в зависимости от тех или иных природно-географических факторов базируется на данных исследований сельских локальных сообществ Турочакского (Турочак 0), Чемальского (Чемал 02), Улаганского (Улаган 02) районов Республики Алтай, Таштагольского района Горной Шории (Таштагол 06), Ордынского района Новосибирской области (НСО 07). Свообразие системы жизнеобеспечения населения обследованных районов Республики Алтай и Горной Шории заключается в том, что, находясь на территориях природоохранных комплексов (Алтайского государственного природного заповедника и Шорского национального природного парка), разноудаленных от крупных транспортных магистралей, они ориентированы на традиционную промысловую хозяйственную специализацию и ведение таких отраслей хозяйства как охота, сбор лекарственно-технического сырья, папоротника и кедрового ореха, рыболовство, а сочетание уникальных природно-рекреационных ресурсов и значительного числа историко-культурных памятников позволяет рассматривать территорию Чемала и Горной Шории перспективными центрами развития туризма (число туристов, на данный момент ежегодно посещающих Чемальский район РА, уже превышает численность местного насе-

ления раз в двадцать). Преобладание горно-таежных ландшафтов обуславливает высокий уровень значимости промыслового комплекса для жизнеобеспечения населения, что прежде всего вызвано ограниченностью, а зачастую и полным отсутствием здесь необходимых условий для устойчивого развития земледелия и экстенсивных форм скотоводства (т. е. производящих отраслей хозяйства), способных стабильно обеспечивать населению минимально необходимый прожиточный уровень. Данное обстоятельство во многом определило специфику наиболее распространенных форм хозяйства населения, существенно завязанных на опромышление тайги в сочетании с получившими достаточно ограниченное развитие придомным (стойловым) животноводством и элементами земледелия. Эти отрасли при имеющейся сырьевой базе обеспечивают большинство населения товарно значимой продукцией и составляют основу жизнеобеспечения, не способствуя существенному повышению его прожиточного уровня. Население оказалось сконцентрированным в точках, позволяющих обеспечить прожиточный минимум семей за счет промыслового и приусадебного комплексов, а также постоянного трудоустройства и традиционно практикует комплексное по своему внутреннему содержанию хозяйство при достаточно низком уровне экономической эффективности каждой из его отраслей в отдельности.

Поселения Сибирской с/а Ордынского района Новосибирской области отличаются от обследованных районов Республики Алтай и Горной Шории иными характеристиками ландшафта (отсутствие горной сети, преобладание бора). Нехватка земельных ресурсов в совокупности с наличием речной сети и природно-географических ресурсов, относительная близость к урбанистическим центрам обусловили слабое развитие сельскохозяйственного производства и активизировали деятельность населения в сфере туризма и развития промыслового комплекса. Ситуация с официальной занятостью выглядит неблагополучной, так как здесь прекратило свою деятельность одно из двух крупных местных предприятий (доки), а на другом — лесопилке — произошло существенное сокращение числа рабочих мест, причем оставшиеся занимают преимущественно рабочие-мигранты из стран Средней Азии.

В Туровском районе Республики Алтай значительную роль в социальной практике обследованных локальных сообществ, как и повсюду в Горном Алтае, играет личное крестьянское хозяйство, дополняемое промысловой деятельностью и случайными приработками во время тех или иных сезонных работ. Занятость в формальных организациях играет второстепенную роль, так как большинство крупных предприятий советского периода прекратили или существенно свернули свою деятельность. Важным источником денежных поступлений в хозяйства крестьян являются разнообразные социальные трансферты, прежде всего пенсии.

Экспертная оценка ситуации

И.1: Со временем перестройки распался Байгольский лесокомбинат, открывалось малое предпринимательство, но оно было, наверное, нерентабельное, поэтому все это распалось. Люди остались без работы после этого. Практически 100 процентов. Сто я не могу сказать, но, наверное, 98-99 есть. Действует сейчас лесхоз, и в лесхозе работает наверное человек 7 практически. И школа — 2 учителя и 2 технички. Остальные все безработные... В основном обычные заработки: весной — орляк, осенью — сбор орехов. Кто промысловыми работами занимается зимой, пушину добывает. И все. Больше никаких источников нет, заработка. Живут в основном на детские пособия и на пенсию.

И.2: По Дмитриевке в совхозе было более 200 рабочих мест. А сейчас в совхозе занято всего около 20 человек.

И.12: У нас лесопилорама была, лесхоз. Сейчас у нас лесхоз работает, и то, леса очень-очень мало и не знаем чем заниматься. Мне кажется, лесопилорама эта, не надо было ее, надо держать ее было. А то сократили этот леспромхоз, пилораму забросили, все растаскали. Хотя бы для населения надо было оставить. Хотя бы люди, может быть, кто-нибудь занимался. Многие занимаются частники лесом. Хотя бы распилили, или что-то сделали. А то нечем заниматься.

Социологические обследования Улаганского района Республики Алтай, прошедшие в 1997 и 2002 гг. (с промежутком в 5 лет), показали, что уровень безработицы здесь вырос более чем в два раза и составил около 60 % экономически активного населения. Резкое сокращение рабочих мест произошло в связи с процессом реорганизации колхозов и совхозов, которые занимались в основном отгонным животноводством. Это изменило социально-экономическое положение района, что, в свою очередь, отразилось на повседневных социальных и экономических практиках сельчан: возрасла роль подсобного хозяйства и промыслов. Данные исследований демонстрируют высокую товарность такой активности — около половины домохозяйств реализуют продукцию ЛПХ и промыслов за деньги, основным каналом сбыта являются частные скупщики. Недостаток вторичных редистрибутивных каналов, опосредующих перераспределение государственных средств, в какой-то степени компенсируется увеличением доли прямой государственной редистрибуции. Значительную роль здесь играют социальные трансферты: пенсии, пособия. Улаганский район является районом дотационного типа, он приравнен к районам Крайнего Севера, и средний размер различных социальных трансфертов здесь выше.

Как и в ряде других районов Горного Алтая, в Чемальском районе в ходе исследования зафиксирован высокий уровень безработицы (около половины

всего трудоспособного населения), вызванный сокращением объемов основной отрасли — животноводства, осуществляемого крупными сельхозпроизводителями. Показатели высокого уровня безработицы подтверждаются и данными экспертного опроса (по усредненным экспертным оценкам уровень безработицы в районе составляет 56 %). При этом на территории Чемальского района зарегистрирован достаточно высокий уровень денежных доходов населения. Почти треть населения имела доходы выше прожиточного минимума, причем примерно каждая десятая семья относилась к категории зажиточных (более двух ПМ на члена семьи в месяц). Объясняется эта ситуация вовлеченностю населения в неформальное предпринимательство, складывающееся в процессе ориентации на туристический бизнес ряда поселений, выгодно расположенных с точки зрения природно-географических факторов (Чемал, Анос), а также наличием ресурсов и источников сбыта продуктов промышленной деятельности (с. Бешпельтир).

В обследованных поселениях Таштагольского района Горной Шории социальная ситуация определяется спецификой социальной структуры населения, отсутствием крупных сельхозпроизводителей и наличием природно-географических факторов адаптации, позволяющих населению развивать промышленную активность. Дополнительным ресурсом адаптации выступает наличие полезных ископаемых (работающая на прииске драга обеспечивает часть населения п. Мрассу стабильный и относительно высокий (по меркам села) источник доходов), что отражает и сравнительный анализ социальной структуры поселения (в Мрассу доля пенсионеров составила 20 % по сравнению с 54 % пенсионеров в соседнем селе Чилису-Анзас), и показатели официальной занятости (58 и 23 %, соответственно). В других поселениях Таштагольского района социальная ситуация с точки зрения занятости населения выглядит гораздо более неблагополучной. В селах Чилису-Анзас и Эльбеза, расположенных на территории Шорского национального природного парка, являющегося особоохраняемой природной территорией, какие-либо недр добывающие либо лесозаготовительные предприятия полностью отсутствуют. Особенno катастрофично выглядит ситуация в с. Чилису-Анзас, где 75 % семей, то есть 3/4 от общего числа семей, на момент исследования полностью состояли из лиц, не имеющих работу.

Таким образом, социально-экономическое положение и локальная природно-географическая специфика поселений обеих групп очень разнится, хотя для подавляющей их части характерно резкое сокращение объемов сельскохозяйственного производства, связанного ранее с деятельностью крупхозов и негативные тенденции в сфере занятости. Характерна достаточно низкая доля членов семьи, имеющих работу и, следовательно, большое количество иждивенцев на каждого работающего члена семьи. В ряде поселений, различающихся динамикой и направленностью адаптационных процессов, зафиксирована очень высокая доля пенсионеров: до половины всего населения в селах Анос, Спирино

(группа «З») и Ороктой, Верхний Бугзас и Чилису-Анзас (группа «Ж»); около трети — в селах Чуйка (группа «Ж») и Эльбеза (группа «З»).

Как видно из табл. 54, в ряде поселений группы «З» основные категории населения — формально занятые и пенсионеры (села Бийка, Чемал и Бешпельтир, Мрассу), в некоторых — безработные и пенсионеры (села Тондошка, Чибилия, Анос, Эльбеза).

Таблица 54

Укрупненная социально-ролевая структура сообществ, группа «З», %

Статус	Бийка (Турочак 0)	Тондошка (Турочак 0)	Чибилия (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Таштагол 06)	Мрассу (Таштагол 06)	Сиприно (НСО 07)
Работают	47	36	29	67	24	53	14	58	25
Учатся	1	0	0	0	5	0	7	0	0
На пенсии	15	9	14	12	43	7	36	20	46
Безработные	37	55	57	21	28	40	43	32	29

Тенденция старения населения характерна практически для всех поселений, выделенных в группу «Ж», вследствие чего в социально-ролевой структуре сообществ высок удельный вес лиц пенсионного возраста (табл. 55).

Таблица 55

Укрупненная социально-ролевая структура сообществ, группа «Ж», %

Статус	Курман-Байпол (Турочак 0)	Чуйка (Турочак 0)	Башкытыль (Улаган 02)	Саратаан (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Верхний Бугзас (Таштагол 06)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Работают	25	19	19	18	27	29	23
Учатся	1	0	0	0	0	0	8
На пенсии	15	33	15	18	45	43	54
Безработные	59	48	66	64	28	28	15
Безработные и пенсионеры	74	81	81	82	73	71	69

Как можно видеть из данных табл. 55, в селах Ороктой, Верхний Бугзас и Чилису-Анзас значительно преобладают пенсионеры и приблизительно одинаковое количество занятых и безработных. В остальных поселениях, выделенных в данную группу — преобладают безработные.

Ситуация с занятостью населения в селах, специфику адаптационных процессов которых определяет своеобразие природно-географических условий — как правило, неблагоприятная. В связи с этим, население находится в поиске видов деятельности и источников денежных доходов, альтернативных аграрной специализации. Выбор той или иной адаптационной стратегии и преобладающих видов экономической активности определяется доступными сообществу ресурсами. Данные экспертной оценки структуры денежных доходов подтверждают это положение (табл. 56).

Таблица 56

Экспертная оценка структуры денежных доходов населения, группа сообществ «З», %

Источник дохода	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Таштагол 06)	Мрассу (Таштагол 06)	Сирино (НСО 07)
Зарплата	75	50	29	0	80	0
Доход от продажи продуктов своего личного хозяйства	67	50	71	33	80	25
Доходы от охоты, промыслов	17	0	0	100	70	40
Пенсии, пособия	75	75	86	67	30	50
Предпринимательская и коммерческая деятельность	58	25	0	0	20	0
Случайные приработка	33	50	0	67	50	100

Как видно из табл. 56, в сообществах группы «З» с доходами от официальной занятости и пенсиями всерьез конкурируют такие источники доходов, как доход от продажи продуктов своего личного хозяйства, что особенно выражено в селах Бешпельтир, Эльбеза и Сирино, причем в двух последних эксперты вообще не назвали официальную зарплату в качестве источника денежных доходов, зато в качестве самых важных доходных видов деятельности были названы не зарплаты и пенсии, а доходы от промыслов (Эльбеза — 100 %) и случайные приработка (Сирино — 100 %).

В сообществах группы «Ж» прослеживается иная ситуация (табл. 57).

Здесь в качестве основных источников дохода, безусловно, лидируют пенсии и зарплата. Если в каждом втором из сообществ группы «З» доходы от предпринимательской деятельности в качестве самых важных доходных видов деятельности назвала 1/5 и более экспертов, то в группе сообществ «Ж» зафиксированы совершенно иные показатели, демонстрирующие гораздо меньшее значение для жителей села предпринимательской деятельности.

Таблица 57

**Экспертная оценка структуры денежных доходов населения,
группа сообществ «Ж», %**

Источник дохода	Балыктыколь (Улаган 02)	Саралан (Улаган 02)	Ороткотай (Чемал 02)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Зарплата	63	50	50	50
Доход от продажи продуктов своего личного хозяйства	38	38	0	100
Доходы от охоты, пушного промысла	25	0	50	0
Пенсии, пособия	100	75	50	20
Предпринимательская и коммерческая деятельность	15	16	0	0
Случайные приработка	13	13	50	0

Прояснить представление о преобладающих видах предпринимательской активности жителей позволяют экспертная оценка структуры деловой активности населения (табл. 58).

На основании данных табл. 58 можно прийти к заключению, что предпринимательская активность в поселениях группы «З» имеет диверсифицированный характер. В пос. Чемал активность селян в сфере туристского бизнеса и торговли, а в селах Анос, Эльбеза и Мрассу — занятия промыслами — намного превосходят предпринимательскую активность в сфере сельского хозяйства. Во многих подворьях в туристский сезон сдаются комнаты или построены домики специально для гостей. Местные жители оказывают экскурсионные услуги, зачастую обладая необходимыми знаниями и опытом, а также инвентарем (моторные лодки и пр.).

В сообществах группы «Ж» преобладает традиционная для села активность в сфере производства и сбыта сельскохозяйственной продукции (табл. 59).

Таблица 58

Экспертная оценка структуры деловой активности населения, группа «Е», %

Сфера деловой активности	Саратаан (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Башпельтир (Чемал 02)	Мрассуу (Таштагол 06)	Эльбеза (Таштагол 06)
Заготовки и сбыт дикоросов	0	33	75	14	90	33
Охотничий и рыбный промысел	25	25	25	0	70	100
Сельское хозяйство	75	25	50	86	20	67
Промышленное производство	13	0	0	0	40	0
Торговля	0	75	0	0	10	0
Туристский бизнес	0	100	25	0	20	0

Таблица 59

Экспертная оценка структуры деловой активности, группа сообществ «Ж», %

Сфера деловой активности	Балыктыноль (Улаган 02)	Саратаан (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Заготовки и сбыт дикоросов	0	0	0	50
Охотничий и рыбный промысел	38	25	0	100
Сельское хозяйство	100	75	100	50
Промышленное производство	0	13	0	0
Торговля	38	0	15	0
Туристский бизнес	0	0	5	0

Следует заметить, что размеры ЛПХ в поселениях обеих групп, как правило, относительно невелики (табл. 60, 61). Основная функция личного подсобного хозяйства заключается, прежде всего, в обеспечении продуктами питания, которые не продаются, а потребляются непосредственно внутри хозяйства. Невысокий уровень развития хозяйств населения объясняется затрудненностью

производства продукции и, следовательно, ориентацией ЛПХ на удовлетворение внутренних потребностей домохозяйства. Природно-географические особенности во многом ограничивают возможности для интенсивного развития огородов; неудобное расположение площадей для покосов и отсутствие достаточных площадей для выпасов определили также низкий уровень обеспеченности семей скотом, поэтому не получило особого развития и животноводство.

Таблица 60

Наличие и размеры личных хозяйств населения, группа сообществ «3»

Личное хозяйство	Бийка (Турочак 0)	Тондошка (Турочак 0)	Чибилья (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Ташта-гол 06)	Мрассы (Таштагол 06)	Спирино (НСО 07)
Доля домохозяйств, имеющих ЛПХ, %	89	100	96	75	95	97	93	90	88
КРС, кол-во голов, сред. значение	1,1	2,2	3,3	0,9	1,3	1,1	2,1	1,5	2,6
МРС, кол-во голов, сред. значение	0,2	0	17	0,08	0,1	0	0	2	6,2
Свиньи, кол-во голов, сред. значение	0,5	2	0	0,3	0,6	0,2	0	0	2,2
Лошади, кол-во голов, сред. значение	0,2	1	1,9	0,07	0,4	0,4	1,6	1,3	0
Птица, кол-во голов, сред. значение	5	4	0,44	4	4	5	0	0	18
Огород, соток	13	10,5	14	10,5	14	14	19	13	28

Анализируя профиль личных хозяйств населения в селах, адаптационные стратегии которых зависят от природно-географических факторов, необходимо отметить, что в отличие от большинства других районов Республики Алтай, где основу хозяйства составляет отгонное животноводство, здесь преобладают формы хозяйствования, ориентированные на поддержание приусадебного хозяйства в рамках комплексной системы жизнеобеспечения. Незначительно развито животноводство также в поселениях Горной Шории, тип хозяйствования и здесь приближается к вышеописанному. По количественным показателям ЛПХ поселений Алтая и Шории существенно отличаются от профиля хозяйств населения в с. Спирино (Ордынский р-он Новосибирской об-

ласти), особенно по показателям земли, используемой под огородничество и выращивание картофеля, поголовья мелкого и крупного рогатого скота. Увеличение в Спирино размеров ЛПХ связано со спецификой положения и развития данного населенного пункта, переживающего бум строительства летних загородных дач и имеющего хорошие транспортные коммуникации с городом Новосибирском.

Таблица 61

Наличие и размеры личных хозяйств населения, группа сообществ «Ж»

	Курмат-Байгол (Гурочак 0)	Чуйка (Гурочак 0)	Балыктыоль (Улаган 02)	Саратаан (Улаган 02)	Оркоткой (Чемал 02)	Верхний Бугзас (Таштагол 06)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Доля домохозяйств, имеющих ЛПХ, %	89	71	98	94	91	57	69
КРС, кол-во голов, сред. значение	1,6	1,1	4	2,3	2,5	2,5	2,4
МРС, кол-во голов, сред. значение	0,3	0,1	11	5,3	2,2	0	0
Свиньи, кол-во голов, сред. значение	1	1,5	0	0	0,2	0	0
Лошади, кол-во голов, сред. значение	0,6	0,4	2,1	1,5	1,5	1,4	1,2
Птица, кол-во голов, сред. значение	4,3	3,6	0	0,7	3	0	0
Огород, соток	12	10	8,8	5,5	9,5	11	15

Для того чтобы понять социально-экономическое значение личных хозяйств в процессах адаптации, необходимо провести отдельный анализ товарности ЛПХ. Значение ЛПХ и вовлечение хозяйств населения в рыночные отношения напрямую связано с экономическими стратегиями, реализуемыми семьями. В семьях, ориентированных на промысловую деятельность и живущих за счет природных ресурсов, ЛПХ носит скорее вспомогательный характер. Для семей, не занятых промысловой деятельностью, продукция ЛПХ становится едва ли главным источником выживания, а ее реализация — вторым по важности после пенсий и прочих прямых социальных трансфертов источником денежных доходов.

Из данных табл. 62 можно сделать вывод, что личные хозяйства населения в сообществах группы «З» отличаются высокой степенью товарности. В с. Спирино реализация продуктов собственного хозяйства является одним из основных направлений экономической активности населения (наряду со случайными приработками).

Таблица 62

Товарность ЛПХ, группа сообществ «З»*

	Бийка (Гурочак 0)	Тондошка (Гурочак 0)	Чибилья (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельтир (Чемал 02)	Мрассу (Таштагол 06)	Эльбеза (Таштагол 06)	Сиприно (НСО 07)
Товарность ЛПХ	27	28	72	15	10	36	6	36	50

* — В % от общего числа домохозяйств.

Наиболее низкие показатели товарности ЛПХ зафиксированы в тех селах, где развивается альтернативная аграрной специализации деловая активность: туристский бизнес и малое предпринимательство в поселениях Чемал, Анос, Мрассу, где в структуре денежных доходов населения значительную роль играет заработка плата от занятости на прииске.

Экспертная оценка ситуации, пос. Мрассу

Знаете, сельскохозяйственна, перепись прошла... Результаты по идее неплохие... Мы живем за счет подворья личного, в основном, и зарплаты на драге, в принципе, тоже низкие. Если жить на зарплату, то привоз очень дорогой: от райцентра сто километров — это, конечно, затраты. Живем на личном подворье.

Формально высокие показатели развития товарности хозяйств населения зафиксированы в поселениях группы «Ж», за исключением с. Чилису-Анзас, где в социально-ролевой структуре очень высока доля пенсионеров и ЛПХ имеет почти исключительно натуральный характер (табл. 63).

Таблица 63

Товарность ЛПХ, группа сообществ «Ж»*

	Курмач-Байтог (Гурочак 0)	Чуйка (Гурочак 0)	Сараташ (Улаган 02)	Балыктыволь (Улаган 02)	Оркоткой (Чемал 02)	Верхний Бугтас (Таштагол 06)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Товарность ЛПХ	33	28	45	45	27	14	—

* — В % от общего числа домохозяйств.

В ходе неформализованного интервьюирования почти все эксперты поселений групп «Е» и «Ж» подтвердили, что основу выживания села составляет на сегодня личное хозяйство, отмечая те же причины, сдерживающие развитие товарности хозяйств населения, что и в прочих поселениях других регионов. Главная из них — отсутствие развитых каналов сбыта производимой продукции. Вот как комментируют ситуацию эксперты.

Экспертная оценка ситуации

с. Курмач-Байгол И.1. (Турочак 0): *Каждая семья сейчас как может так и выбирается. У кого личное хозяйство. Например, моя семья. Мой муж держит свою пасеку. Мед – эту продукцию продаем. Подсобное хозяйство свое. Так и живут. Почти все безработные. Весной во время орляка – на орляк идут люди. Осенью – клюкву собирают. Сезонные работы выполняют. Скот у всех. Помногу держат. Не знали, куда сдавать мясо. В прошлом году, в по-запрошлом году уже приезжают из Кемеровской области – закупают мясо. Конечно по дешевой цене. Но все-таки продают мясо и вот этим живут...*

с. Курмач-Байгол И.2. (Турочак 0): *Допустим, организован закуп молока у нас через маслосырзавод Турочакский. Некоторые сдавали, потому что, во-первых, избыток этой продукции, во-вторых, люди на все согласны, чтобы хоть какую-то копейку. В прошлом году обманули людей. Закупили и потом рассчитывались бог знает чем, то мукой какой-то, привезли неизвестно когда, то ... Я знаю, что была целая эпопея. Обманули ... И проходил уже месяц, и снова оплаты не было. То, что было организовано как бы, и таким образом для людей обернулось. А закуп мяса? ... Скупщики какие-то случайные, наездами. И то, допустим, в позапрошлом году, очень много было скуплено ... Комивояжеры ото всюду заезжали, это мясо скупали. В прошлом году, я не знаю, что произошло, или насытился рынок до такой степени, что мясо было не нужно, или что, но никакого. У людей много мяса пропало.*

с. Саратан (Улаган 02) И.6: *Нет фирм, которые бы закупали продукцию.*

Характерной чертой большинства поселений групп «Е» и «Ж» является четко выраженная ориентация населения на промысловую деятельность, вследствие наличия своеобразного природно-географического ресурса адаптации. Вот как описывают положение дел эксперты.

Экспертная оценка ситуации

с. Бийка И.1. (Турочак 0): *Живем за счет тайги. Летом сейчас поголовно, индейки, паверное, если ходили, собирают листья. Летом они этим занимаются. Сдаают. И живут ... Люди живут временными заработками, что связано с добычей и реализацией. То, что берется с леса. Это лечесырые северья, сбор напортика-орляка, осенью – шишек. Зимой практически все находят жилье за счет того, что заработал за летний период.*

Экспертная оценка ситуации

с. Тондошка И.1. (Турочак 0): *Вся молодежь до 30 лет безработная. Из каких источников они черпают средства к существованию? Случайные заработки. Дикоросы собирают. Орляк весной, клюква осенью и все. Летом в принципе ничем не занимаются. Травы не собирают. Если урожай ореха будет, вот тогда...*

с. Тондошка И.2. (Турочак 0): *A те, кто не работает, они большие на калыме. Ждут сезонные работы. Начинают с орляка. Ягоды. Лекарственные травы. Каждый год тут принимают на месте. Если кто хочет заработать, можно заработать. Вот мужчина у нас рубит. Нет, если кто хочет жить, тот найдет способ.*

с. Чуйка И.1. (Турочак 0): *Нынче надеялись будет орех, все были настроены, что будут деньги какие-то. В прошлом году был ажиотаж хороший. Закупали за границу. От нас они нынче отказались, не будут закупать...*

Данные исследований показали, что около 1/2 семей Турочакского и Улаганского районов Горного Алтая и около 2/3 семей Горной Шории, независимо от модели адаптации конкретного поселения, практикуют занятия различными видами промыслов (табл. 64).

О важности промысловой деятельности в системе жизнеобеспечения семей в обследованных районах свидетельствует и включенность молодежи в практики традиционного природопользования. Таким образом, адаптация к новым экономическим условиям происходит в основном за счет возрождения этих традиционных социально-экономических практик, то есть архаизации социально-экономической деятельности населения. Развитие традиционных практик природопользования как единственно возможной прибыльной деятельности, наряду с отсутствием других альтернативных источников доходов, предопределило более высокую товарность промысловой деятельности в поселениях Турочакского района РА и с. Эльбеза (Горная Шория). В последнем случае промысловая деятельность носит почти исключительно коммерческий характер — осуществляется именно с целью дальнейшей продажи продуктов промыслов, и ею охвачено практически все население села. Здесь действуют официальные направления реализации продуктов промыслов: во всех сельских администрациях существуют стационарные заготовительные пункты приема пушнины, ореха и другой продукции, организованные Таштагольским кооппромхозом (ТКПХ). Однако закупочная цена в таких организациях является традиционно низкой, и это способствует развитию черного латентного рынка, на котором реализуется большая часть продуктов промыслов. Таким образом, практика традиционных форм жизнеобеспечения и, прежде всего, промысловой деятельности, затрагивает целый ряд проблем, связанных с ее

частью нелегальным, нелицензированным характером. Также острыми в районах развитой промысловой деятельности являются проблемы, связанные с распределением охотничьих промысловых территорий.

Таблица 64

Промысловая деятельность и товарность промыслов, группа сообществ «З»*

	Бийка (Турочак 0)	Тондошка (Турочак 0)	Чибилья (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Таштагол 06)	Мрассуу (Таштагол 06)	Сиприно (НСО 07)
Занимаются промыслами	52	45	54	7	5	37	71	88	75
Товарность промыслов	12	27	25	2	—	23	100	47	42

* — В % от общего числа домохозяйств.

Таблица 65

Промысловая деятельность и товарность промыслов, группа сообществ «Ж»*

	Курман-Байтол (Турочак 0)	Чуйка (Турочак 0)	Балыктюль (Улаган 02)	Сараган (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Верхний Бугзас (Таштагол 06)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Занимаются промыслами	56	48	25	58	0	25	77
Товарность промыслов*	30	10	6	39	Нет	44	38

* — В % от общего числа домохозяйств.

В эпоху рыночной экономики интегральным показателем успешности той или иной адаптационной стратегии является уровень жизни (уровень доходов) адаптирующегося индивидуума, домохозяйства или сообщества. На основании данных исследований можно прийти к выводу о неблагоприятной ситуации в сфере доходов населения обследованных локальных сообществ (табл. 66).

Доля населения, находящегося за чертой бедности даже в наиболее успешно адаптирующихся сообществах (группа «З»), существенно превышает этот показатель в среднем по России. Так, в поселениях Горной Шории доля

домохозяйств, которые могут быть по показателю среднедушевого дохода отнесены к бедным, составляет: в с. Эльбеза, основной формой активности населения в котором является промысловая деятельность всего 36 %, и 88 % в пос. Мрассу. В поселениях Горного Алтая — Чемале и Аносе, население которых вовлечено в предпринимательские отношения связанные с туристской специализацией района, доля бедных составляет 53 и 67 %. В наименее успешных поселениях группы «З» доля бедных доходит до 92 % (в с. Чибила, население которого, по вышеприведенным данным, активно развивает товарность ЛПХ) и 86-87 % (в поселениях Тондошка и Бийка, специализирующихся на неформальной промысловой активности).

Таблица 66

**Распределение населения по уровню среднедушевых доходов,
группа сообществ «З», %**

Уровень доходов	Бийка (Турочак 0)	Тондошка (Турочак 0)	Чибила (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельир (Чемал 02)	Эльбеза (Таштагол 06)	Мрассу (Таштагол 06)	Спиррино (НСО 07)
Менее 1/2 ПМ	62	47	55	28	33	42	17	40	34
До 1 ПМ	25	39	37	25	34	35	19	48	49
От 1 до 2 ПМ	13	9	4	29	19	17	29	10	11
Свыше 2 ПМ	0	5	4	18	14	7	35	2	6

Наблюдая в целом неблагополучную ситуацию с доходами населения, следует отметить, во-первых, что наиболее пессимистичные результаты в сфере доходов у сообществ, развивающих неформальную экономическую активность зафиксированы в исследованиях 2000–2002 гг., а более поздние обследования демонстрируют позитивные изменения.

Во-вторых, показатели благосостояния по сообществам группы «З» намного превосходят аналогичные показатели группы «Ж» (табл. 67). В поселениях группы «З» доля домохозяйств, среднедушевые доходы которых выше 1 ПМ, в большинстве населенных пунктов превышает 10 % и доходит до 64 % (с. Эльбеза), до 44 % в п. Чемал, до 34 % в Аносе. В сообществах группы «Ж», развивающих те же стратегии адаптации (развитие ЛПХ, неформальная промысловая активность), но не имеющих благоприятного сочетания природно-географических факторов и рынков сбыта, данная категория либо отсутствует, как в с. Ороктой, либо не превышает 16-17 % (села Верхний Бугзас и Чилису-Анзас).

Таблица 67

**Распределение населения по уровню среднедушевых доходов.
Группа сообществ «Ж», %**

Уровень доходов	Курмач-Байгол (Турочак 0)	Чуйка (Турочак 0)	Балыктыюль (Улаган 02)	Сараган (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Верхний Бугзас (Таштагол 06)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
Менее 1/2 ПМ	80	72	42	64	65	49	46
До 1 ПМ	18	24	48	33	35	34	38
От 1 до 2 ПМ	2	5	5	3	0	9	16
Свыше 2 ПМ	0	0	5	0	0	8	0

В-третьих, по уровню среднедушевых доходов сообщества группы «З» существенно превосходят данные, зафиксированные при исследовании в группе сообществ «А» — то есть наиболее типичных и успешных поселений сельскохозяйственной ориентации, реализующих в процессе адаптации стратегию развития личных подсобных хозяйств на основе редистрибуционной системы крупхозов. Если в сообществах группы «А» (см. табл. 25) с наиболее благоприятными показателями развития доля населения с доходами свыше 1 ПМ фиксируется на уровне 20 %, то в сообществах группы «З» доля домохозяйств, среднедушевые доходы которых выше 1 ПМ, достигает до 30 % (поселения Эльбеза, Чемал, Анос).

Прояснить ситуацию с уровнем благосостояния населения групп «З» и «Ж» позволяет анализ субъективных оценок своего материального положения жителями поселений (табл. 68).

Данные относительно доли населения, которую можно было бы условно отнести по субъективной оценке к «среднему классу» (респонденты, испытывающие сложность лишь с приобретением дорогостоящей техники и жилья, берущих под эти покупки средства в долг, или оформляющие кредит) — показывают существенное превышение доли тех, кого можно было бы отнести к этой социальной прослойке по субъективной оценке, по сравнению с формальными критериями: например в три раза в с. Спирино и в два раза в п. Мрассу. И наоборот — доля тех, кого можно было бы отнести к данной социальной прослойке по субъективной оценке, существенно меньше, по сравнению с формальными критериями, в «депрессивных» селах Чилису-Анзас и Верхний Бугзас, и относительно «успешном» селе Эльбеза. Это наблюдение еще раз подчеркивает мысль о том, что формальные критерии позволяют получить только приблизительное представление о параметрах социально-экономического развития сельских покальных сообществ и, следовательно, тре-

буют уточнения и корректировки. Результаты полевых исследований однозначно показывают, что во всех обследованных сообществах группы «З» наблюдается более благополучная ситуация по уровню обеспеченности населения стабильными доходами. Это является следствием ориентации на поиск дополнительных источников формирования бюджетов домохозяйств и удачного совпадения ряда экономических, природно-географических факторов.

Таблица 68

Субъективные характеристики материального положения, %

Характеристика	Мрассу (Таштагол 06) «З»	Эльбаза (Таштагол 06) «З»	Спиррино (НСО 07) «З»	Чилису-Анзас (Таштагол 06) «Ж»	Верхний Бугас (Таштагол 06) «Ж»
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	26	23	4	7	0
На повседневные затраты уходит вся зарплата	19	15	25	31	29
На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительно	35	47	29	34	31
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	20	15	33	8	0
Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, лачи, нового дома	0	0	9	0	0
Практически ни в чем себе не отказываем	0	0	0	0	0
Доля населения с доходами выше 1 ПМ	12	64	17	16	17

Достаточно высокий уровень адаптации населения к изменившимся реалиям не может не оказывать влияния на политические взгляды жителей села и общую оценку направленности развития социально-политической ситуации в стране (табл. 69, 70).

Если в селах сельскохозяйственной специализации с развитыми личными хозяйствами населения и сохранившимися крупными сельхозпредприятиями (группа «А») очевидно постепенное снижение индекса лояльности, который вплоть до исследований 2004 г. показывал положительное значение, но в исследованиях 2005–2007 гг. приобрел отрицательное значение, то в поселениях групп «З» и «Ж» зафиксирована противоположная динамика. Негативное восприятие общей направленности социально-политических и экономических процессов в стране, отмеченное в 2000 г., сменилось достаточно уверенной поддержкой направления развития страны (до значения 0,5–0,64 — в поселениях Чибия, Чилису-Анзас, Спиррино).

Таблица 69

Лояльность населения, группа сообществ «З»*

Мнение респондента	Бийка (Турочак 0)	Тондошка (Турочак 0)	Чибия (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешшельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Гаштагол 06)	Мрассу (Гаштагол 06)	Сиприно (НСО 07)
Развитие идет в совершенно правильном направлении, %	5	4	14	14	6,%	8	8	17	4
Скорее, в правильном направлении, %	45	29	68	56	49	57	46	43	71
Скорее, в неправильном направлении, %	33	48	14	25	34	32	38	33	21
В совершенно неправильном направлении, %	17	19	4	5	11	3	8	7	4
Итоговый индекс лояльности	0	-0,5	0,64	0,4	0,1	0,3	0,08	0,2	0,5

* Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране?

Таблица 70

Лояльность населения, группа сообществ «Ж»*

Мнение респондента	Курмач-Байгол (Турочак 0)	Чуйка (Турочак 0)	Балыктыюль (Улаган 02)	Саратаи (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Верхний Бугзас (Гаштагол 06)	Чилисуз-Анзас (Гаштагол 06)
Развитие идет в совершенно правильном направлении, %	7	5	5	15	9	0	31
Скорее, в правильном направлении, %	31	33	74	55	70	57	46
Скорее, в неправильном направлении, %	41	29	19	27	18	14	23
В совершенно неправильном направлении, %	21	33	2	3	3	29	0
Итоговый индекс лояльности	-0,24	-0,24	0,58	0,4	0,58	0,14	0,54

* Если говорить в целом, как бы Вы оценили развитие ситуации в нашей стране?

Динамика проблемного поля сельских сообществ обеих групп, «З» и «Ж», имеет много общих черт (табл. 71,72).

Таблица 71

Социальные проблемы, выделенные населением, группа сообществ «З», %

Социальная проблема	Бийка (Турочак 0)	Гондошка (Турочак 0)	Чибилия (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Анос (Чемал 02)	Бешпельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Таштагол 06)	Мрассы (Таштагол 06)	Сиприно (НСО 07)
Безработица	87	100	89	77	76	73	29	60	88
Задержка зарплат	46	45	11	18	0	3	0	8	4
Бедность	34	45	14	28	10	10	14	20	4
Пьянство	52	36	54	47	24	50	14	55	25
Преступность	15	9	11	0	0	0	0	0	0
Демография	23	9	39	8	0	3	7	23	0
Экология	21	9	21	27	5	7	14	10	4

Таблица 71

Социальные проблемы, выделенные населением, группа сообществ «Ж», %

Социальная проблема	Курмач-Байгол (Турочак 0)	Чуйка (Турочак 0)	Балыктыоль (Улаган 02)	Саралан (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Верхний Бугас (Таштагол 06)	Чалисү-Анзас (Таштагол 06)
Безработица	90	86	89	97	73	29	54
Задержка зарплат	39	33	17	9	18	0	0
Бедность	34	33	6	12	18	29	31
Пьянство	64	71	52	61	45	14	31
Преступность	9	5	5	0	18	0	8
Демография	17	19	21	21	9	0	15
Экология	22	14	32	30	27	0	8

На первом месте проблема безработицы, хотя, например, в «депрессивном» с. Верхний Бугзас (группа «Ж») такое же значение для респондентов имеет проблема распространения бедности, нищеты. Другой наиболее острой проблемой во всех без исключения поселениях является пьянство. В начале 2000-х гг. характер значительной общественной проблемы имели также преступность и задержка зарплат, однако к 2006 г. эти проблемы потеряли свою остроту (либо притупилась острота их восприятия).

В ряде поселений в качестве особо острой проблемы, после безработицы, пьянства и распространения бедности, респонденты назвали проблему демографии. Действительно, демографическую ситуацию во всех обследованных районах характеризуют такие тенденции как сокращение численности населения и старение населения, низкая миграционная активность: миграционный отток устойчиво преобладает над притоком (табл. 73, 74).

Таблица 73

Показатели миграции, группа сообществ «З», %

Мнение респондента	Бийка (Турочак 0)	Тондошка (Турочак 0)	Чибилия (Улаган 02)	Чемал (Чемал 02)	Айос (Чемал 02)	Башпельтир (Чемал 02)	Эльбеза (Таштагол 06)	Мрассуу (Таштагол 06)	Сирино (НСО 07)
В последние 5 лет переехали родственники	13	10	8	13	10	13	14	15	4
Сами бы хотели переехать	40	55	18	13	24	29	21	58	13

Таблица 74

Показатели миграции, группа сообществ «Ж», %

Мнение респондента	Курмач-Байтол (Турочак 0)	Чуйка (Турочак 0)	Балыкты科尔 (Улаган 02)	Саратаан (Улаган 02)	Ороктой (Чемал 02)	Верхний Бугзас (Таштагол 06)	Чилису-Анзас (Таштагол 06)
В последние 5 лет переехали родственники	11	14	8	6	9	0	8
Сами бы хотели переехать	27	14	16	27	18	14	38

Выше уже высказывалась гипотеза об обратной взаимосвязи уровня благосостояния сельских поселений с уровнем реальной миграции и миграционных настроений. Сопоставление показателей миграции из поселений групп «З» и «Ж», особенно по данным исследований 2002–2006 гг., в целом подтверждает данную гипотезу. Реальная миграция из более благополучных сел группы «З» превышает аналогичные показатели в группе поселений «Ж» (13–15 % против 6–9 %). Модели социально-экономической адаптации сельских сообществ двух групп («З» и «Ж») находятся в большей степени зависимости от имеющихся природно-географических факторов и ресурсов адаптации, чем от внутренних ресурсов (наличия или отсутствия крупхоза, социальной структуры населения, степени развития личных хозяйств населения). В поселениях группы «З» исследованиями выявлено широкое развитие неформальных адаптационных практик и относительно успешное приспособление к условиям внешней рыночной среды вследствие удачного сочетания ряда природно-географических факторов. Поэтому данные о локальных миграциях населения фиксируют более высокие показатели миграции из более благополучных сел, что в перспективе может привести к развитию негативных тенденций в демографической сфере (социально-ролевой структуре населения) и переходе на деструктивный тип развития. Эта тенденция к нарастанию деструктивных тенденций сельского социума, по-видимому, будет сохраняться до тех пор, пока не будет преодолен существенный разрыв в уровне и качестве жизни между селом и городом.

Глава 4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

§ 4.1. Трансформация традиционного образа жизни этнолокальных сообществ автохтонных этносов в условиях реформ

Этнолокальные сообщества в исторической эволюции прошли путь от замкнутой автономии с самобытной системой ценностей, целей, способов социальной и культурной деятельности, самореализации и взаимодействия как внутри этноса, с другими локальными сообществами, так и с природой. Эта деятельность определялась и регулировалась самим сообществом, его институтами. Для локальных сообществ прошлого характерны стабильность, консерватизм и изолированность, что резко контрастирует сегодня с нестабильностью, вызванной изменениями, реструктуризацией жизненных пространств и образа жизни этнолокальных сообществ, поиском новых технологий, конструкций социальных, экономических и культурных структур, взаимодействий в формате «окружающая среда—локальные и глобальные сообщества—цивилизация». В эпоху глобализации происходит сжатие исторического временного поля, утрата традиционной локалистической самобытности, нарастают темпы вовлечения этнолокальных сообществ в более широкие государственно-региональные и глобальные интеграционные связи и новые социальные и организационные конструкции.

В сущности, когда речь идет о характере и направлениях развития этнических культур в условиях глобализации, необходимо понимать, что речь в конечном счете идет о проблеме адаптивности социальных организмов к изменениям окружающей среды в контексте адаптации этнической культуры как некоей целостности, к требованиям современной индустриальной цивилизации. В общем виде проблема адаптивности традиционных культур сводится к тому, насколько готовы те или иные культуры освоить возникающие в условиях глобализации социальные ситуации и принципы социального взаимодействия. Причем адаптацию этнических культур к условиям глобализации следует рассматривать

вать не как итог или результат, а как постоянно осуществляющийся, динамично развивающийся процесс, в ходе которого должны создаваться условия не только для осуществления жизнедеятельности отдельных социальных организмов, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды.

Мозаичность преимущественно изолированных, разнообразных и множественных социально-пространственных и этнолокальных сообществ, слабо затронутых внешним влиянием, характеризовалась ранее культурной однородностью, соответствующей образу жизни, ориентированному на консерватизм, традиционализм, этноцентризм, локальное представление социо-экономических проблем и процессов. Локальность была общей чертой социальных процессов строительства, перестройки и реконструкции во всех традиционных обществах. В процессе перехода к новой институциальной и социоэкономической организации интенсивно разрушается сложившаяся система суверенности государств, региональных, национальных и этнолокальных объединений. Нарастает тенденция детерриториализации, выражаясь в сокращении удельного веса автохтонных этносов, особенно в интенсивно осваиваемых территориях традиционного природопользования. Сокращается удельный вес традиционных социоэкономических, социокультурных взаимодействий, вхождение малых этносов в современное индустриальное общество и попытка приспособиться к его правилам в большинстве случаев означает не только разрушение их традиционного образа жизни, но и исчезновение лежащих в его основе уникальных экономических, социальных и этнокультурных практик.

Обострение прежних и возникновение новых противоречий обуславливают необходимость анализа динамики социальных изменений, выявления новых тенденций в социальном развитии малых этносов, в том числе процесса интеграции традиционных отраслей хозяйства в систему рыночных отношений «большого общества», изменений в профессиональной структуре и социальной мобильности автохтонных этносов в условиях реструктурирования экономики, их внутриэтнической консолидации и состояния межэтнической толерантности, определения локальной специфики реализации социально-экономических реформ в их взаимодействии с конкретной этнокультурной и этносоциальной действительностью, исследование этнической самоидентификации, этнической культуры и самосознания как факторов выбора альтернатив социального развития.

Интенсивное воздействие «большого общества» вынуждает малые этносы вырабатывать специфические стратегии адаптации к новым социально-экономическим условиям и выстраивать свои модели взаимодействия с индустриальным обществом: от попытки изолироваться до активных усилий, направленных на интеграцию в «большое общество». Исследование традиционных этнических систем в контексте их интеграции в современное глобальное общество направлено на анализ их традиционных установок и стереотипов, об-

наружающих в новых условиях высокую способность к реинституционализации. Особое исследовательское внимание следует уделить проблемам утилизации традиционными обществами социальных практик, выработанных в рамках стадиально различных укладов (традиционный архаический, советский и современный) и их роли в социальном развитии малых этносов.

В целом, все многообразие трансформаций образа жизни традиционных национальных обществ в условиях возрастающего воздействия современной индустриальной культуры может быть сведено к трем основным адаптационным стратегиям.

Во-первых, изоляция, выражаясь в попытке порвать все связи с «доминирующим обществом» с целью сохранения собственной традиционности.

Во-вторых, пассивная адаптация, предполагающая сотрудничество с «доминирующим обществом» без активных попыток изменить характер взаимодействия с ним.

В-третьих, активная адаптация, которая предполагает попытку тем или иным способом изменить среду взаимодействия с «доминирующим обществом».

Используемая в рамках исследования методологическая схема позволила выявить четыре группы факторов, определяющих этнокультурные аспекты адаптации этнолокальных сообществ: экологический фактор (прямое и косвенное воздействие на этнос кормящего ландшафта, особенности природной среды, обеспеченность биоресурсами и др.); фактор территориального расселения (моноэтничность или включенность в более крупные полигэтнические сообщества, рассеянное или компактное проживание и пр.); социально-экономические факторы (ситуация на рынке труда и наличие промышленных предприятий вблизи мест компактного проживания малых этносов); культурно-этнические факторы (родственные связи, язык и культурная принадлежность этноса);

Все четыре группы факторов находятся в тесной взаимозависимости, предопределяя формирование определенной модели адаптации этноса к воздействию глобальной среды и особенности трансформации традиционного образа жизни автохтонного населения. Специфика развития малых этносов на современном этапе определяется, с одной стороны, уникальными чертами, связанными со степенью сохранения этносом традиционной системы жизнеобеспечения, а с другой — степенью и характером интегрированности этноса в современную индустриальную культуру и сопутствующие ей экономические практики. Социальная адаптация этнолокальных сообществ предполагает не только экономическое выживание, но и сохранение своей культурной самобытности во взаимодействии с представителями других этносов.

Анализ трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов в зависимости от социально-экономических, природно-географических и этнического факторов, взятых в контексте традиционных форм жизнеобеспечения, базируется на данных исследований коренных малочисленных народов Сибири:

этнолокальные сообщества шорцев: данные обследования поселений Чувашенской с/а МО г. Мыски Кемеровской области (Чувашка 04) и Таштагольского района Кемеровской области (Таштагол 06), а также телеутов (данные обследования поселений Бековской с/а Беловского района Кемеровской области (Беково 06)).

Социальное развитие коренных малочисленных народов Сибири напрямую связано с сохранением территорий их традиционного природопользования. Вытеснение более эффективными экономическими системами «доминирующего общества» менее эффективных систем традиционного природопользования автохтонных этносов на современном этапе приводит к сокращению площади этнохозяйственных ареалов и исчезновению традиционных форм социальной и экономической организации малых этносов. Активное промышленное использование территорий, прилегающих к обследованным районам, начавшееся в 1950-х гг. и продолжающееся по сей день, практически свело на нет промысловую деятельность как самостоятельный и развитый вид хозяйственной деятельности, представлявший ранее основу традиционного землепользования. Взаимодействие техногенной среды и традиционного уклада жизни коренного населения порождает целые комплексы негативных явлений и острых проблем. Быстрое экстенсивное развитие добывающих отраслей промышленности, транспорта, строительства привели на грань экологической катастрофы природу на обширных территориях, что серьезным образом разрушило основу функционирования традиционных отраслей хозяйства народов Сибири. В то же время новые отрасли хозяйства практически не сочетаются с традиционными, следствием промышленного освоения территорий проживания автохтонных этносов является резкое сокращение традиционных форм жизнеобеспечения этнолокальных сообществ (и в том числе сокращение значимости промысловой деятельности).

Ярким примером такого комплексного воздействия является трансформация образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Кемеровской области: шорцев (Чувашенская с/а) и телеутов (Бековская с/а).

Общая специфика поселений, расположенных в Чувашенской с/а, определяется тем, что этот район, издавна является территорией традиционного природопользования и местом компактного проживания шорцев, что и предопределило его хозяйственную специализацию. Шорцы традиционно вели оседлый образ жизни. Поселок Чувашка, например, официально был образован в 1921 году, однако, по словам сторожилов, его история насчитывает около 300 лет. Основу экономики шорцев составляло комплексное промысловое хозяйство, в котором ведущее положение занимали охота и рыболовство, регламентирующие образ жизни и занятия другими хозяйственными отраслями, а также в меньшей степени таежный промысел: собирательство и заготовка кедровых орехов, ягод, грибов, папоротника-орляка и пр. Добывающие промыслы у шорцев одновременно являлись исторически сложившимися формами

использования ресурсов окружающей среды и средством сбалансированности традиционной экономики, так как сложный горно-таежный рельеф территории ограничивал возможности роста производительности труда и не позволял им полностью обеспечивать себя земледельческой продукцией.

Приход советской власти ознаменовался вовлечением в тесные экономические связи с другими регионами и национальностями (в первую очередь, русским населением), что оказало влияние на экономические практики шорцев. Шорцы освоили огородничество, создали артели, специализирующиеся на товарном сельском хозяйстве и заготовках леса. Промысловая деятельность (как охота, так и собирательство) также приобрела товарный характер. В каждом поселке появились штатные охотники, занимавшиеся пушным промыслом и сдававшие его продукты в леспромхозы.

С 1947 г. на территории сельсовета были образованы ТОЗы, в которых содержались заключенные. С появлением лагерей основной хозяйственной специализацией района стала вырубка леса, а подавляющее большинство местного населения было занято в сфере обслуживания исправительных учреждений. Интенсивное освоение природных богатств в столь специфических условиях активизировало процессы ассимиляции и урбанизации и в итоге привело к уменьшению доли шорцев в общей численности населения. Активное промышленное освоение района, ознаменовавшееся открытием угледобывающих разрезов, началось с 1970-х годов.

Территория Бековской с/а является местом компактного проживания этнической группы бачатских телеутов, поселения которых находятся в зоне работ угледобывающих предприятий и испытывают серьезное техногенное воздействие, как от всего Кузбасского промузла, так и от расположенных поблизости горнодобывающих предприятий. На экологической карте Кемеровской области сельские населенные пункты, где компактно проживают телеуты, попадают в зоны с сильно выраженной дефляцией земель (загрязнение тяжелыми металлами, хлороорганикой и т. д.). Доходы телеутских хозяйств от сельхозпроизводства на нарушенных землях постоянно падают, уменьшается число рабочих мест, снижается уровень жизни людей., что не только не способствует их развитию, но ведет к их вытеснению. В сложившихся условиях единственно возможной представляется ориентация населения на угледобывающую промышленность, поскольку ни сельское хозяйство, ни традиционная промысловая деятельность не могут в полном объеме обеспечить занятость и выживание автохтонного населения. Так, в сообществах шорцев Чувашенской с/а процент русских и шорцев, занятых на угледобывающих предприятиях, приблизительно одинаков — около 20 % (см. рис. 2). Однако 22 % русских заняты в городе, среди шорцев в городе работают лишь 11 % опрошенных, это объясняется более низкой трудовой квалификацией шорского населения.

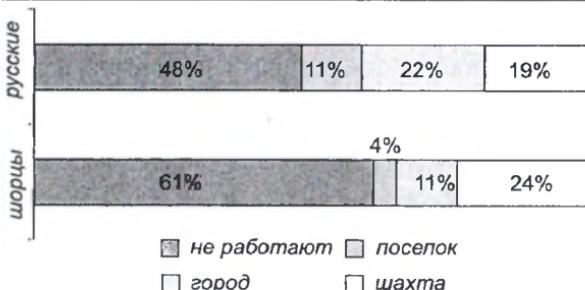

Рис. 2. Занятость сельского населения Чувашенской с/а, шорцы и русские

Анализ социальной структуры опрошенных по национальному признаку в Бековской с/а показал, что социальный состав русских и телеутов в значительной степени совпадает (табл. 75)

Таблица 75

Социально-ролевая структура телеутов и русских, Бековская с/а, %

Занятость	Телеуты	Русские
Работаете	54	62
Учитесь	3	4
Находитесь на пенсии	20	24
На пенсии по инвалидности	9	0
Безработные	14	10

Для русских при этом характерна чуть большая по сравнению с телеутами доля населения, имеющего работу, а для телеутов — чуть большая представленность пенсионеров за счет такой категории как «пенсионеры по инвалидности».

Деятельность предприятий-недропользователей помогает решить основные социально-экономические проблемы в местах проживания коренных народов — путем предоставления рабочих мест и оказания помощи в поддержании социальной инфраструктуры в местах компактного проживания. Одновременно интеграция в индустриальное общество влечет за собой распад традиционных систем жизнеобеспечения и социальной организации коренных малочисленных народов вследствие истощения возобновляемых природных ресурсов. Поэтому сегодня промысловая деятельность, ранее лежавшая в основе традиционных форм жизнеобеспечения этих народностей, представляет собой вспомогательный вид хозяйственной деятельности — это важное подспорье в хозяйстве, помогающее выжить, но не являющееся определяющим в структуре домохозяйств, что приводит к снижению значимости такой активности. Как следует из данных табл. 76, в Чувашенской с/а доля занимающихся промыслами среди шорцев выше, чем доля русских,

занимающихся промыслами (52 % у шорцев и 31 % у русских). Среди телеутов Бековской с/а, в связи с масштабным промышленным освоением территории и деструктивным воздействием предприятий на природную среду, промысловая деятельность играет еще менее значимую роль в жизнеобеспечении, и доля телеутов, занимающихся промыслами, даже меньше, хоть и незначительно, чем русских (15 % у телеутов и 18 % у русских)

Таблица 76

Занятия промыслами, распределение по национальности, %

Чувашенская с/а		
	Шорцы	Русские
Да	52	31
Нет	48	69
Бековская с/а		
	Телеуты	Русские
Да	15	18
Нет	85	82

Промысловая активность автохтонных этносов представлена такими не требующими специальных знаний и умений видами деятельности, как рыбо-

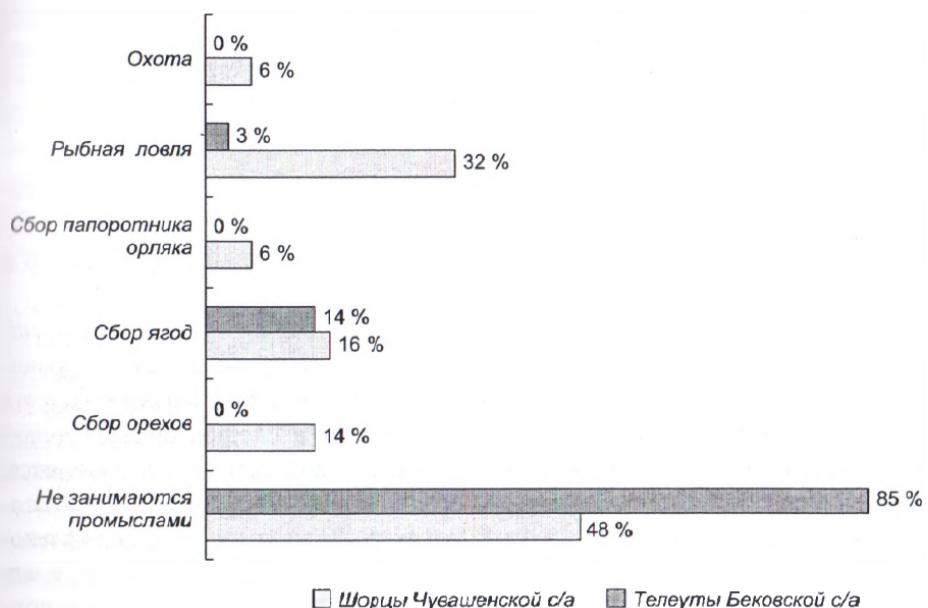

Рис. 3. Распространенность промысловой деятельности

ловство, сбор дикоросов (ягод и орехов) (рис. 3). Рыбной ловлей в этнолокальных сообществах шорцев Чувашенской с/а занимается каждый третий (32 %). Распространение получили и такие виды промыслов, как сбор орехов (14 %) и папоротника-орляка (6 %). Среди телеутов Бековской с/а основным видом промысла является сбор ягод (здесь этим видом деятельности занимается 14 %, среди шорцев Чувашенской с/а — 16 %).

Как следует из табл. 77, среди шорцев Чувашенской с/а уровень товарности промыслов очень низок, несмотря на присутствие такого стимулирующего фактора, как город, который всегда является рынком сбыта орехов, ягод, грибов, рыбы и пр. Продукты промысловой деятельности потребляются преимущественно (95 %) населением в собственном хозяйстве. Среди каналов сбыта промысловой продукции основным являются частные скопщики, к их услугам обращается 12 % среди тех, кто занимается промыслом. Среди занимающихся промыслами 7 % реализуют их продукты самостоятельно, а 5 % реализуют продукты промысла через государственные организации.

Таблица 77

Товарность промыслов, %

Формы реализации	Шорцы, Чувашенская с/а	Телеуты, Бековская с/а
Сдаете государству, потребкооперации	5	0
Сдаете частным скопщикам	12	0
Реализуете самостоятельно	7	0
Потребляете в собственном домашнем хозяйстве	95	100

В этнолокальных сообществах телеутов Бековской с/а, по оценкам самих респондентов, промысловая деятельность вообще не является источником денежных средств, и ее продукты потребляются исключительно в хозяйствах населения.

Совершенно иная картина складывается в условиях отсутствия промышленного освоения территории (либо недостаточного промышленного развития), где основой адаптационных возможностей этнолокальных сообществ выступает натурализованная экономика хозяйств населения, ориентированная на промысловый и сельскохозяйственный комплексы. Это объясняется, прежде всего, сохранностью природной среды и высоким уровнем безработицы, которая захватывает не отдельные подгруппы (например, молодежь), а носит массовый характер. Отсутствие предприятий и крупных рынков труда, источников постоянной или временной занятости, в условиях сохранения природных ресурсов приводит к вытеснению трудовых ресурсов из сферы

трудовой активности, осуществляющейся на основе найма, в сферу промыслов и домашнего натурального хозяйства.

Подобная ситуация характерна для ареала компактного проживания шорцев в Таштагольском районе Кемеровской области (Чилису-Анзасская и Усть-Колзасская сельские администрации).

Характерной чертой Чилису-Анзасской с/а является моноэтничный состав проживающего на ее территории населения, полностью состоящего из шорцев. Кроме этого, населенные пункты, входящие в состав Чилису-Анзасской с/а, находятся на территории Шорского национального природного парка (ШНПП), что оказывается определяющим для социального и экономического развития этнолокальных сообществ. Статус особо охраняемой природной территории делает невозможным развитие на территории ШНПП современных экономических практик, связанных с промышленным недродобывающим (перерабатывающим) либо лесозаготовительным производством, а также туристским бизнесом и, напротив, способствует сохранению и развитию экономических практик, связанных с традиционными формами природопользования, прежде всего промысловой деятельностью. Удаленность и труднодоступность населенных пунктов Чилису-Анзасской с/а ведет к минимизации контактов этнолокальных сообществ проживающих здесь шорцев с внешним миром, что способствует сохранению традиционной системы жизнеобеспечения. Примером может служить с. Эльбеза: удаленность села от транспортных развязок и его труднодоступность (по причине отсутствия вертолетной площадки, даже воздушные средства сообщения здесь являются крайне нерегулярными, а основным средством передвижения традиционно являются лошади) способствовали созданию уникального микроклимата, общинного духа. В последние годы Эльбеза остается единственным поселением, в котором численность домохозяйств увеличивается. В то же время даже в таком относительно благополучном селе демографические процессы характеризуются старением населения.

Являясь местом компактного проживания шорцев, Усть-Колзасская с/а в то же время характеризуется смешанным составом населения и выступает местом наиболее массовых и интенсивных контактов между основными этническими группами района: русскими и шорцами.

Характерной чертой обследованных ареалов Таштагольского района является четко выраженная ориентация населения на промысловую деятельность. Данные исследования показали, что около 80 % семей Чилису-Анзасской с/а и около 90 % семей Усть-Колзасской с/а, независимо от этнической принадлежности, так или иначе практикуют занятия различными видами промыслов (рис. 4).

Данные, представленные на рис. 4, нуждаются в дополнительной интерпретации: поскольку, казалось бы, население Чилису-Анзасской с/а, находя-

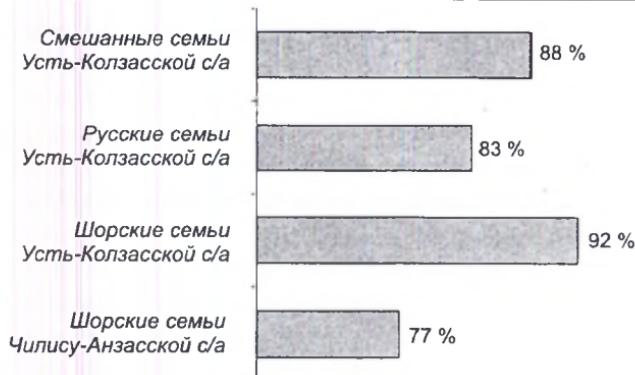

Рис. 4. Доля семей занимающихся промысловой деятельностью

большей долей пенсионеров среди населения данного района, а во-вторых, большей долей маргинализованных семей (табл. 78).

Таблица 78

Социально-ролевая структура, Таштагольский район Кемеровской области, %

Статус	Русские	Шорцы	Шорцы, Чилису-Анзасская с/а	Шорцы, Усть-Колзасская с/а
Работаете	53	31	16	58
Учитесь	0	3	5	0
На пенсии	32	37	48	20
Безработные	21	29	32	25

Таким образом, семьи, не занимающиеся промыслами — это либо пенсионеры, причем в очень почтенном возрасте, либо маргинализированные слои, живущие исключительно на социальные пособия. Кроме этого, данные по Чилису-Анзасской с/а можно считать заниженными в силу того, что промысловая деятельность, являющаяся здесь единственным доходным видом хозяйственной экономической деятельности, часто носит нелегальный, браконьерский характер и, соответственно, скрывается. В то же время данные по Усть-Колзасской с/а можно считать слегка завышенными, по той причине, что ряд семей, попавших в категорию занимающихся промыслами, практикует лишь формы промысловой деятельности, связанные с собирательством: сбор ягод, грибов, кедровых шишек и других дикоросов. Реальная же доля населения, занимающегося такой разновидностью промыслов как охота, по данным, полученным в ходе неформальных бесед с экс-

ящейся на территории Шорского национального природного парка, в большей степени должно быть включено в традиционные практики прироопользования. Однако данные исследования показали, что 23 % шорских семей в Чилису-Анзасской с/а не занимаются промыслами. Это объясняется, во-первых,

пертами, составляет 25-30 % от проживающих, причем в силу нелицензированного характера их деятельность как правило не афишируется.

Экспертная оценка, п. Мрассу

I.1: — А много здесь вообще промысловиков, кто конкретно занимается промыслом.

Э.: Ну, я бы сказал процентов 30, наверно.

— Вы в семье один промыслом занимаетесь?

Э.: Ну иногда и жена помогает, но в основном, один.

Экспертная оценка, п. Мрассу

I2.: — Много вот промысловиков?

Э1: Нет. Это кто как случайно... организованного нет.

М.: Постоянно никто не занимается?

Э1: Ну, оно есть, есть охота... Ну, это те, кто с лицензиями... Если с лицензиями. Тогда охотятся, а иначе

— А лицензия дорого стоит сейчас?

Э1: Я вот даже не скажу, по крайней мере...

Э2: Смотря на что.

Э1: На соболей тысячу триста рублей...

Э2: Триста рублей.

— А продукты куда они сдают, кому? Городские приезжают или вы ходите...

Э1: Нет, ну, есть план – они же по лицензии. Есть план. Они должны контролировать организовать и сдать план.

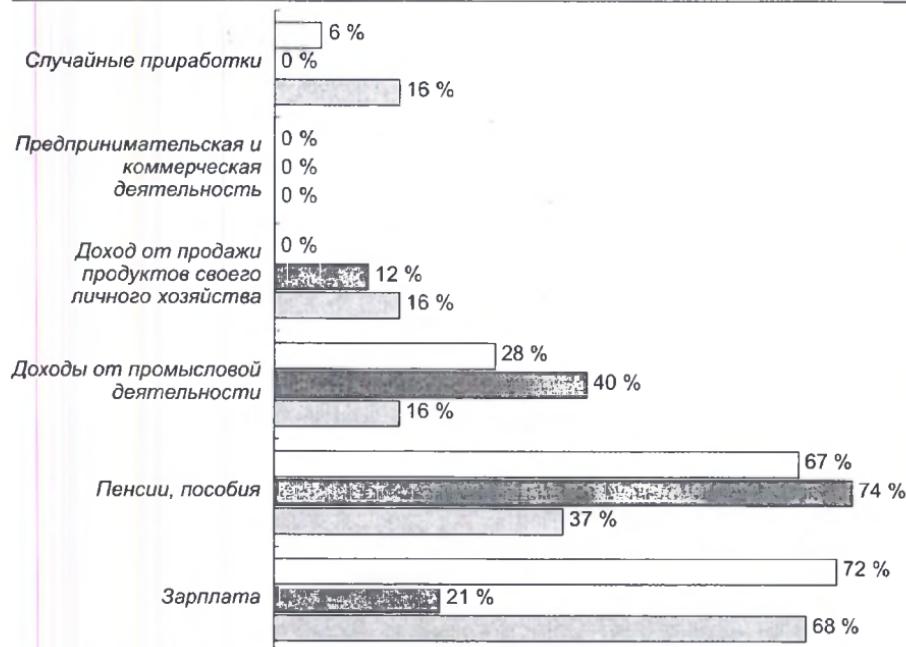
Э2: Нету контропункта.

Э1: Ну, раньше был.

Э2: ... никто не сдаёт ... Он лицензию покупает, и сам имеет право продать тому, кому хочет.

О важности промысловой деятельности в системе жизнеобеспечения семей в обследованных районах свидетельствует и включенность молодежи в практики традиционного природопользования в Чилису-Анзасской с/а. В Усть-Колзасской с/а молодежь практически не включена в промысловую деятельность.

Для полигетничного населения Усть-Колзасской с/а, независимо от национальности, основным источником доходов выступает заработка плата (что отметили 68 % шорцев и 72 % русских), а на втором месте стоят различные социальные трансферты, пенсии и пособия (рис. 5). Для шорцев Чилису-Анзаса наиболее значимым источником денежных средств являются пенсии и пособия, что отметили 74 %, вторым по значимости в структуре доходов выступают доходы от промысловой деятельности — 40 %. По сравнению с этими по-

Шорцы Усть-Колзасской с/а Шорцы Чилису-Анзасской с/а Русские Усть-Колзасской с/а

Рис. 5. Основные источники денежных средств населения, Таштагольский район

казателями доля зарплат в структуре доходов представляется достаточно низкой — 21 %. Небольшую значимость для населения обоих районов имеет доход от продажи продуктов личного подсобного хозяйства. И, наконец, в структуре доходов шорцев Чилису-Анзасской с/а полностью отсутствуют случайные приработка, в отличие от шорского населения Усть-Колзасской с/а.

Стоит также отметить, что в структуре денежных доходов населения в экономическом плане среди промыслов особо значимы доходы от охоты.

Экспертная оценка важности охоты, п. Мрассу, Усть-Колзасской с/а
И.1.:

— Насколько охота здесь важна для хозяйств?

Э.: Для безработных...

— А не бывает так, что безработные живут лучше, чем те, кто работают или нет?

Э.: Похуже живут кто не охотничает и не работает.

— А те, кто охотой живут и не работают?

Э.: Те, кто охотой живут, конечно, поболее

По оценкам экспертов (с. Эльбеза, Чилису-Анзасская с/а) основной промысловый деятельностью, обеспечивающей доход, является именно охота, доходы от которой составляют более 80 % бюджета домохозяйств.

Экспертная оценка, п. Эльбеза Чилису-Анзасской с/а

И.2.:

— Большая численность населения выживает в основном за счёт леса и охоты?

Э.: Да, только лес и охота. Ну, иногда, вот когда есть шишки.

— Это получается, что не лицензированная как бы деятельность такая?

Э.: Ну так получается. Ну, без этого нам здесь не выжить. Даже сами в парке признают, что ну невозможно, потому что...

Э.: Потому что 70-80 % бюджета это всё равно охота, хоть как. А в данное время, вообще, наверно на все 100 %. Мясо вообще не стали скучать. А не скапают — все хозяйство начали сокращать. Зачем это надо? Чисто для себя работаем.

Выделение экспертами отраслей, в которых проявляется деловая активность населения, также является косвенным подтверждением важности различных источников денежных средств для жизнеобеспечения средней семьи (рис. 6). Наиболее распространенными видами промыслов шорцев Усть-Кол-

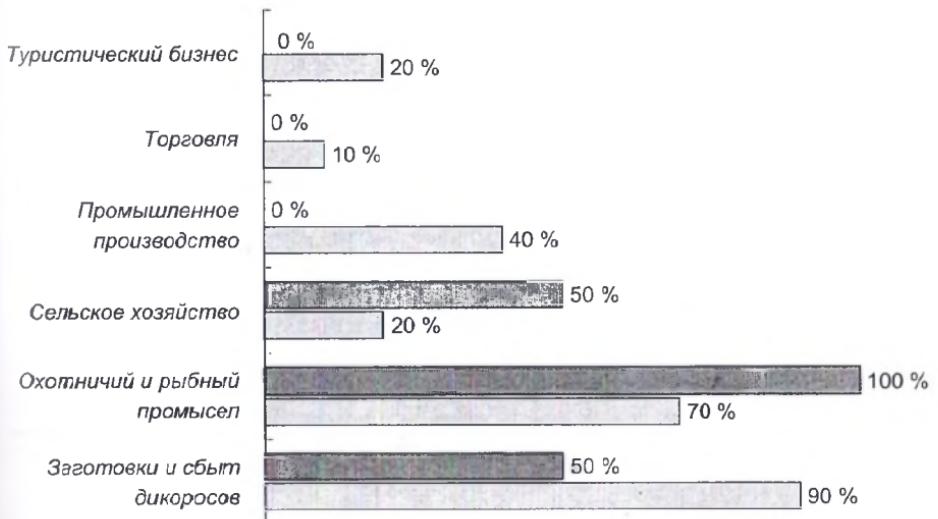

Рис. 6. Экспертная оценка деловой активности населения

ской с/а являются заготовки кедрового ореха, сбор других дикоросов и рыболовство. Ими занимаются в общей сложности до 90 % населения, часто продукты этих промыслов, особенно это касается грибов и ягод, сбор которых является достаточно трудоемким, не выставляются на продажу, а потребляются исключительно внутри домохозяйства. Шорцыmonoэтнических поселений Чилису-Анзасской с/а наибольшую активность проявляют в охоте и рыболовстве.

Данные исследований позволяют сделать вывод о равной распространенности такого вида промысловой деятельности, как сбор дикоросов и рыболовство среди представителей различных национальностей Таштагольского района. Однако в более сложных видах промыслов, например, охота на пушных зверей и копытных животных, прослеживается четкая районная и этническая дифференциация (рис. 7).

В Усть-Колзасской с/а для шорских семей характерны более высокие индексы ориентации в охоте, чем для русских и смешанных семей. Для шорцев моноэтнических поселений Чилису-Анзасской с/а характерны более высокие индексы ориентации в рыболовстве и охоте, чем для шорских семей полигэтнических поселений Усть-Колзасской с/а. По оценкам экспертов, наиболее важными разновидностями промысла для населения являются в Чилису-Анзасской с/а охота на пушных зверей и сбор кедрача, в Усть-Колзасской с/а — заготовки кедрача и сбор различных дикоросов. Именно эти промыслы имеют наиболее высокую товарную значимость и являются доходными статьями в бюджетах домохозяйств.

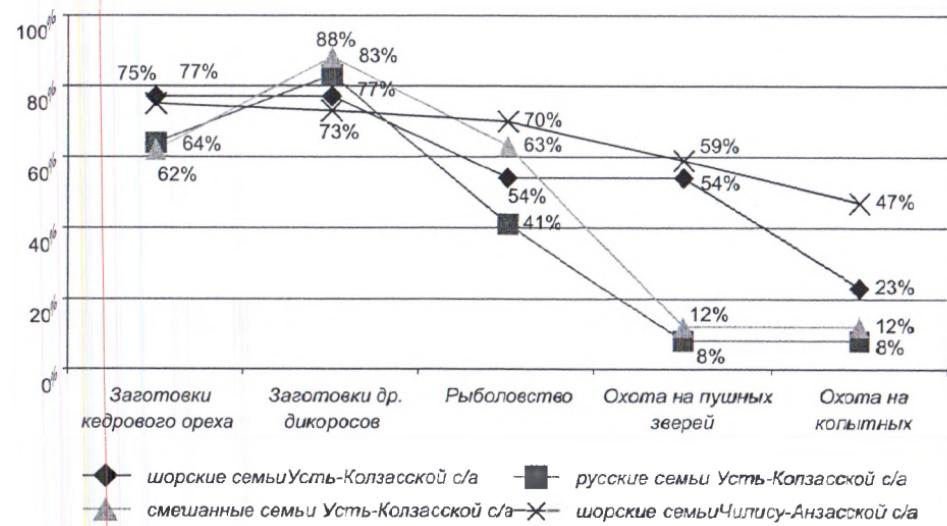

Рис. 7. Распространенность различных видов промыслов

Развитие традиционных практик природопользования как единственно возможной прибыльной деятельности при отсутствии других источников доходов пред определило более высокую товарность промысловой деятельности среди шорцев Чилису-Анзасской с/а (рис. 8).

Если в Усть-Колзасской с/а большая часть продуктов промыслов потребляется непосредственно в хозяйствах населения (это характерно для 68 % домохозяйств шорцев), то в Чилису-Анзасской с/а промысловая деятельность осуществляется именно с целью дальнейшей продажи продуктов промысловой деятельности.

Официальным направлением реализации продуктов промыслов являются стационарные заготовительные пункты по приему пушнины, ореха и другой продукции, организованные Таштагольским кооппромхозом (ТКПХ). Однако

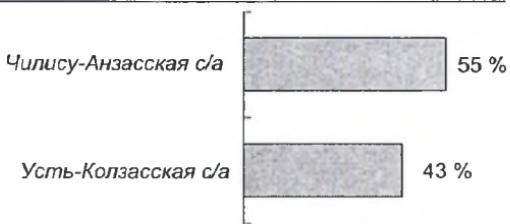

Рис. 8. Товарность промыслов, шорцы Таштагольского р-на (от числа домохозяйств, занимающихся промысловой деятельностью)

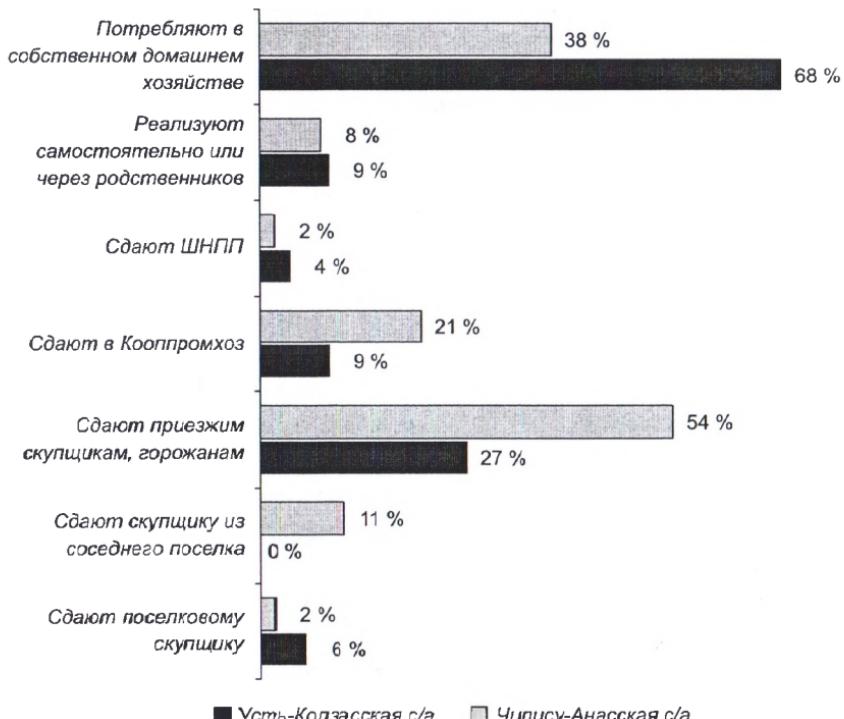

Рис. 9. Формы реализации продуктов промыслов, шорцы Таштагольского р-на

закупочная цена в таких пунктах является традиционно низкой, что способствует развитию черного рынка, на котором и реализуется большая часть продуктов промыслов. Основными формами реализации выступают продажа товара скупщикам (таким образом реализуют продукцию промысловой деятельности 54 % ширцев) (рис. 9).

Экспертная оценка, п. Мрассу

И.1.: *Как раз скупщики-то конкуренцию и составляют. Им выгоднее продать.*

— *А откуда, в основном скупщики приезжают? То есть, это скупщики из региона вашего или вообще там издалека?*

Э.: *Насколько я знаю, вот у меня два конкретных скупщика. И оба районные. Оба таштагольские.*

— *То есть ваши, они постоянные? А у других промысловиков тоже постоянные? То есть, как правило, это постоянные вот такие вот вещи? Каналы сбыта, скажем так.*

Э.: *Постоянные. Это уже отработано годами.*

— *Если не хотите, можете не сдавать организациям.*

Э.: *Нет, мы часть сдаём... Да, это не обязателька. Иногда ... выгоднее сдать, потому что цена, с другой стороны, другая.*

— *А что Вы в основном сдаете? И какую часть вы сдаете?*

Э.: *В основном пушнина, конечно.*

— *Но вы же её скупщикам сдаете?*

Э.: *Часть да. Ну, то, что лицензия есть, лицензию сдаём администрации, а остальное скупщикам.*

— *И у всех такая же ситуация? То есть, в плане разделения на лицензирование и бюджет?*

Э.: *Почти у всех. Я ж за всех не скажу, но в основном.*

Продажа дикоросов, если речь идет не о кедрачке, как правило, осуществляется самостоятельно, силами домохозяйств.

Экспертная оценка, п. Мрассу

И.2.

— *А вот дикоросами кто занимается? Сейчас вот привезли. Они кому продают?*

Э.: *Ну, населению, так скажем. Населению.*

— *Населению, в смысле, здесь населению?*

Э.: *Есть здесь населению, а так, в райцентре возим, в город.*

— *А вот в целом, если сравнить долю населения, которое промыслом занимается, как вы, вот, с другими жителями, кто лучшие живет? Ну то*

есть, насколько доходно вообще занятие промыслами?

Э.: *Ну как сказать? Кто не пьёт, у того в общем средний уровень дохода, а кто пьёт, у того ниже, намного ниже.*

— То есть, зависит от того, пьет – не пьет, а не от того, кто чем занимается?

Э.: *Некоторые мало добывают, но живут терпимо, так сказать, а бывает, большие добывает, но пьёт, приходит ко мне картошку занимать.*

Практика традиционных форм жизнеобеспечения и прежде всего промысловой деятельности затрагивает целый ряд проблем особенно актуальных в обследованных районах.

Прежде всего, это проблемы, связанные с зачастую нелегальным, нелицензированным характером промысловой деятельности. В разных частях Шорского национального парка находятся охотопромысловые участки, на условиях аренды закрепленные за штатными охотниками Таштагольского копромхоза, большинство из которых являются местными жителями. Как правило, это наиболее продуктивные по основным промысловым видам животных (соболю, белке) охотничьи угодья, а также основные орехопромысловые участки юго-восточной части Шории. Статус штатных охотников ТКПХ позволяет иметь официально закрепленные за ними охотничьи угодья, внутри которых контроль за деятельностью штатного охотника фактически не осуществляется. В результате охотники получают возможность практически свободного промысла, сверх установленного ТКПХ плана, причем могут как заниматься промыслом сами, так и сдавать свои угодья другим охотникам под процент от будущего дохода (субарендные отношения).

Изменение экономических практик шорцев привело и к изменению принципов использования угодий, принадлежавших шорским родам. Если ранее места промысла и исключительное право на их эксплуатацию были закреплены за родами, то постепенно система закрепления приоритетных мест промысла за определенным родом (частично в силу сложившейся в СССР системы хозяйствования, частично из-за массовой вырубки леса) сошла на нет. На сегодняшний день в обследованном районе нет семей, за которыми были бы закреплены родовые угодья. Между тем, товарная значимость отдельных видов промыслов, прежде всего, сбора кедрового ореха и охоты на пушных ведет к борьбе за наиболее перспективные охотничьи-промысловые участки: наиболее продуктивные кедровники и места охоты. При этом процесс раздела промысловых территорий осуществляется в скрытой форме, без участия государства или Шорского национального природного парка. В этом процессе отчетливо проявляются как сложившиеся на данной территории этнические традиции поземельных отношений (часто распределение промысловых угодий и мест рыбной ловли основано на родовых (семейных) связях), так и современные методы захвата территорий, исходящие из соображений экономической

целесообразности. Исследование показало, что чаще всего причиной конфликтов становятся охотничьи участки. Сторонами конфликта при этом могут выступать как соседи, жители других поселков, администрация ШНПП, так и приезжие или жители сопредельных территорий (например, для промысловиков Усть-Колзасской с/а наиболее остро протекают конфликты с хакасами, заходящими на те же самые территории, но со своей стороны).

Учитывая уровень развития промысловой деятельности в обследованном районе, можно предположить, что закрепление родовых угодий за шорскими семьями будет способствовать бесконфликтному развитию традиционных форм природопользования как основы жизнеобеспечения коренного автохтонного населения — в условиях ограниченной возможности осуществления других видов деятельности — и будет способствовать общему оздоровлению социальной ситуации.

Исследование трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов показало, что помимо техногенного воздействия предприятий-недропользователей на территории традиционного природопользования, решающим в выборе модели адаптации коренного населения Сибири является фактор этнической гомогенности поселений (моноэтничность или включенность в более крупные полигэтнические сообщества, рассеянное или компактное проживание).

В условиях исторически сложившейся полигэтничности обследованных районов, где наряду с автохтонным населением проживают русские, модель адаптации малых этносов представляет собой соединение пассивной и активной стратегий адаптации, что обусловлено, в первую очередь, конкурентной средой и наличием крупных предприятий-недропользователей.

Для моноэтничных районов (Чилису-Анзасская с/а) в большинстве случаев характерно сочетание изоляционизма и пассивной адаптации. Не в последнюю очередь выбор подобных стратегий обусловлен социально-экономическими факторами: например, отсутствием в районе крупных промышленных предприятий, предоставляющих рабочие места. Однако мы полагаем, что определяющим фактором в данном случае является именно моноэтничность, предполагающая отсутствие межэтнической конкуренции в социальной и экономической сферах. Следствием изоляционистской и пассивной адаптационных стратегий является практически полная ориентация моноэтничных сообществ на традиционную систему жизнеобеспечения, архаизация и натурализация большинства сфер деятельности в сочетании с крайне низким уровнем жизни.

Как уже говорилось выше, интегральным показателем успешности той или иной адаптационной модели, осуществляющей домохозяйствами и локальными сообществами, выступает уровень жизни (уровень доходов населения). Исследования зафиксировали ряд отличий в распределении населения по уровню доходов в зависимости от их национальной принадлежности и модели адаптации (табл. 79).

Таблица 79

Распределение населения по уровню среднедушевых доходов, %

Уровень доходов	Чувашенская с/а (Чувашия 04)		Бековская с/а (Беково 06)	
	Шорцы	Русские	Телеуты	Русские
Менее 1/2 ПМ	36	21	24	41
1/2-1 ПМ	48	44	40	31
Свыше 1 ПМ	16	35	36	28

По данным исследований 2004–2006 гг., у респондентов шорской национальности Чувашенской с/а доход оказался значительно меньше, чем у русского населения (1484 руб. против 2243 руб.); соответственно, к «среднему классу» (среднедушевой доход выше 1 ПМ) может быть отнесена в два раза большая, в процентном соотношении, по сравнению с шорцами, доля русских (16 и 35 %). При этом явных факторов, объясняющих такую разницу в доходах, не наблюдается: шорцы и русские имеют относительно одинаковые по размеру и составу семьи, то есть одинаковое число детей и пенсионеров. Разница в среднедушевых доходах объясняется, возможно, тем, что среди русских больше работающих, чем среди шорцев; и, соответственно, среди шорцев больше процент безработных, которые, как правило, занимают иждивенческие позиции.

Исследования этнолокальных сообществ Бековской с/а показали, что у респондентов русской национальности доход меньше, чем у телеутов (2244 руб. против 2621 руб.), что можно объяснить активной моделью адаптации телеутов.

Данные относительно доходов населения лишь частично подтверждаются субъективными оценками населения собственного материального положения: в одном случае, они расходятся с делением населения по уровню среднедушевых доходов, показывая отсутствие ярко выраженных этнических различий (Чувашенская с/а), а в другом случае подтверждают выводы, основывающиеся на формальных показателях (Бековская с/а). В целом же среди различных этнических общностей этих районов преобладают категории населения, осознающие свою бедность (табл. 80).

Данные табл. 80 свидетельствуют, что с точки зрения субъективного самочувствия, 76 % шорцев Чувашенской с/а относятся к «крайне бедным» и «бедным» (у русских подобные ответы дали 66 % респондентов). Однаковая доля шорцев и русских может быть отнесена к «среднему классу» (ответ: «почти на все хватает») — 11 %. В Бековской с/а анализ субъективной оценки собственного материального положения в целом подтверждает зависимость доходов от национальной принадлежности: к «среднему классу» могут быть отнесены 26 % телеутов и только 14 % русского населения обследованных сообществ.

Таблица 80

Субъективная оценка материального положения своей семьи, %

Мнение респондента	Чувашская с/а		Бековская с/а	
	Шорцы,	Русские	Телеуты	Русские
Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	24	19	30	33
На повседневные затраты уходит вся зарплата	52	47	26	22
На повседневные расходы хватает, но покупка одежды затруднительна	14	23	20	31
В основном хватает, но для дорогостоящих долг	8	9	18	8
Почти на все хватает, но недоступны квартиры	3	2	6	6
Практически ни в чем себе не отказываем	0	0	0	0

Различие в доходах в зависимости от национальности опрошенных зафиксировано также в ходе обследования этнолокальных сообществ Таштагольского района. Например, в полигэтнических сообществах Усть-Колзасской с/а доходы русского населения выше, чем доходы коренного населения (2257 и 1502 руб., соответственно). Фактором, объясняющим столь значительную разницу в доходах являются различия в структуре занятости шорского и русского населения, занятого преимущественно на единственном в районе промышленном предприятии (золотодобывающая драга).

Среднедушевой доход шорцев, проживающих в моноэтническом районе Чилису-Анзасской с/а, еще меньше, чем доходы шорцев полигэтнического района (1274 против 1502 руб.), что объясняется различиями в социально-ролевой и демографической структурах населения (меньшим числом работающих и большим количеством детей в шорских семьях, проживающих в моноэтнических сообществах). В целом материальное положение русских семей выглядит более благополучным, чем положение шорских семей. В полигэтнических поселениях Усть-Колзасской с/а в 4 раза больше русского населения может быть отнесено к «среднему классу» по сравнению с шорцами (23 % против 5 %) (рис. 10).

Таким образом, результаты полевых исследований показывают, что во всех обследованных районах представители автохтонных этносов от 60 % (телеуты Бековской с/а), до 95 % (шорцы Таштагольского района) по уровню обеспеченности стабильными доходами находятся за чертой бедности, что

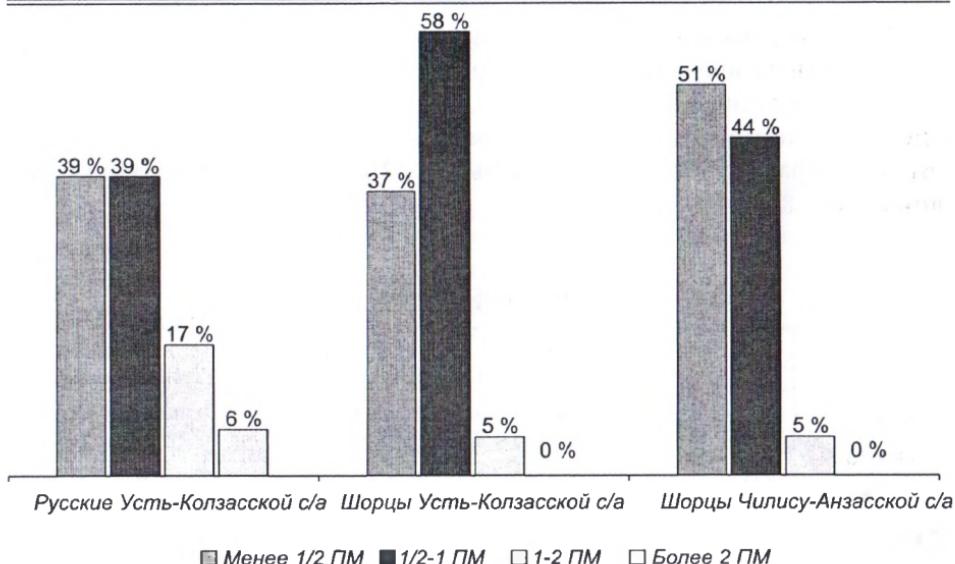

Рис. 10. Уровень среднедушевых доходов, распределение по национальности, Таштагольский район

вынуждает их ориентироваться на поиск дополнительных источников формирования семейных бюджетов. Значительная часть социальных трансфертов в бюджете семей не обеспечивает их доходом, достаточным для выживания. Это с определенной долей уверенности позволяет сделать вывод, что ни проводимая в последние годы государственная социальная политика, ни государственная политика в отношении коренных малочисленных народов не привели к ощутимому улучшению материального положения населения и не смогли остановить процессы маргинализации автохтонных этносов.

Под влиянием процессов индустриализации происходит изменение промыслового комплекса как основы жизнеобеспечения автохтонного населения Сибири в сторону нивелировки экономических практик, и современная традиционная система жизнеобеспечения шорцев отличается от русской модели соответствующих районов только рядом статистических параметров — более высокими индексами промысловой ориентации. В результате промысловый комплекс сегодня крайне проблематично рассматривать в качестве исключительно традиционного. Исчезновение объективного материального базиса со всей остротой ставит перед автохтонными этносами вопросы сохранения этнической идентичности, решение которых возможно практически только в сфере культуры. Этническая самобытность коренных малочисленных народов наиболее ярко проявляется в лингвистической и культурной сферах.

Результаты исследований показали, что лингвистическая ситуация в местах компактного проживания автохтонных этносов характеризуется традиционно сильной позицией русского языка, который выступает средством межнациональной коммуникации. В то же время, в зависимости от моно- или полиглоссии района, позиции национальных языков имеют существенные различия (табл. 81).

Таблица 81

Лингвистическая идентификация (родной язык), %

Язык	Шорцы, Чувашская с/а	Телеуты, Бековская с/а	Шорцы, Чилису-Анзасская с/а	Шорцы, Усть-Колзасской с/а
Шорский	75	—	86	53
Телеутский	—	86	—	—
Русский	25	11	5	37
Другое	—	3	9	10

Например, в полиглоссийных поселениях Чувашской с/а 75 % шорцев считают родным шорский язык, русский язык считают родным 25 %. В полиглоссийных поселениях Усть-Колзасской с/а лишь 53 % проживающих там шорцев в качестве родного назвали шорский язык, для 37% шорцев родным языком является русский. В моноэтнических поселениях Чилису-Анзасской с/а 86 % коренного населения считают шорский язык родным и лишь 5% считают родным русский язык. В то же время, позиции телеутского языка в полиглоссийных сообществах Бековской с/а также достаточно сильны. Среди респондентов-шорцев Бековского района 86% коренного населения считают телеутский язык родным и всего 11% считают родным русский язык.

В полиглоссийных сообществах Чувашской с/а позиции шорского языка нельзя однозначно охарактеризовать как сильные или слабые: среди шорцев своим языком свободно владеют 75 % опрошенных и еще 14 % владеют шорским языком с трудом. О позициях шорского языка свидетельствует тот факт, что среди русских и представителей других национальностей есть доля тех, кто также владеет шорским языком в той или иной степени. Так, среди русских, шорским языком владеют в общей сложности 20 %, в том числе 7 % — свободно.

Степень владения национальным языком имеет значительные различия, зависящие, в первую очередь, от включенности этнолокальных сообществ в иногороднюю среду (табл. 82).

Среди телеутов поселений Бековской с/а знание своего родного языка продемонстрировали в общей сложности 97 % опрошенных, в том числе 83 % заявили, что владеют телеутским свободно. О достаточно сильных позициях теле-

утского языка говорит тот факт, что 38% русских респондентов признались, что владеют телеутским, в том числе 9 % русских говорят по-телеутски свободно.

Таблица 82

Степень владения родным языком среди шорцев и телеутов, %

Степень владения	Шорцы, Чувашская с/а	Телеуты, Бековская с/а	Шорцы, Чилису-Анзасская с/а	Шорцы, Усть-Колзасской с/а
Свободно	75	83	86	26
С трудом	14	14	9	60
Не владеете	11	3	5	14

Наиболее явно прослеживается зависимость сохранности национальных традиций от фактора гомогенности национального состава поселений на примере шорцев Таштагольского района: если в моноэтнических сообществах Чилису-Анзасской с/а шорским языком владеют в общей сложности 95 % населения, в том числе 86 % владеют им свободно, то среди шорцев полигэтнических поселений Усть-Колзасской с/а шорским владеют лишь 68 %, в том числе свободно по-шорски разговаривают лишь 26 % автохтонного населения. Среди русского населения полигэтнического района владение шорским также не является популярным: с трудом шорским языком владеют 17 % опрошенных русских.

Владение родным языком и степень этого владения среди шорцев напрямую зависит от возраста респондента (табл. 83).

Таблица 83

Знание родного языка, распределение по возрасту, %

Степень владения	До 30 лет	От 30 до 50 лет	Более 50 лет
Шорцы, Чувашская с/а			
Свободно	20	55	100
С трудом	80	19	0
Не владеете	0	26	0
Телеуты, Бековская с/а			
Свободно	38	89	97
С трудом	50	9	3
Не владеете	13	2	0
Шорцы, Таштагольский р-он			
Свободно	18	47	77
С трудом	47	21	3
Не владеете	35	26	20

Как показывают данные таблицы, в полиэтнических поселениях Чувашской с/а все шорцы старшей возрастной когорты свободно владеют шорским языком; такая же ситуация характерна и для телеутов поселений Бековской с/а. И хуже всего со знанием родного языка обстоят дела среди шорцев Таштагольского района (только 77 % шорцев старшей возрастной когорты здесь владеют шорским). В средней возрастной группе (от 30 до 50 лет) заметно снижение этих показателей — свободно владеют родным языком: среди шорцев Чувашской с/а только 55 % опрошенных; среди телеутов поселений Бековской с/а — 89 %, и около половины (47 %) — среди шорцев Таштагольского района. Младшие поколения автохтонных этносов неминуемо утрачивают свой родной язык в качестве средства общения, поскольку не владеют им свободно (о свободном владении родным языком заявили лишь 20% шорцев в возрасте до 30 лет в Чувашской с/а; 38 % телеутов поселений Бековской с/а и 18 % шорцев Таштагольского района). Отсюда можно сделать вывод, что молодое поколение оказалось в ситуации, когда свободное владение родным языком затруднено в связи с его малой востребованностью.

Данные об использовании представителями автохтонных этносов, русскими и представителями других национальностей родного и русского языка, свидетельствуют об установлении ситуации билингвизма в условиях сильного влияния русскоязычного информационного фона. Для оценки речевого поведения представителей малых этносов было проанализировано, сколько языков и с какой интенсивностью употребляются людьми в семейно-бытовой и производственной сферах (рис. 11). Анкетный опрос показал, что для шорцев Чувашской с/а характерно все более интенсивное применение русского языка,

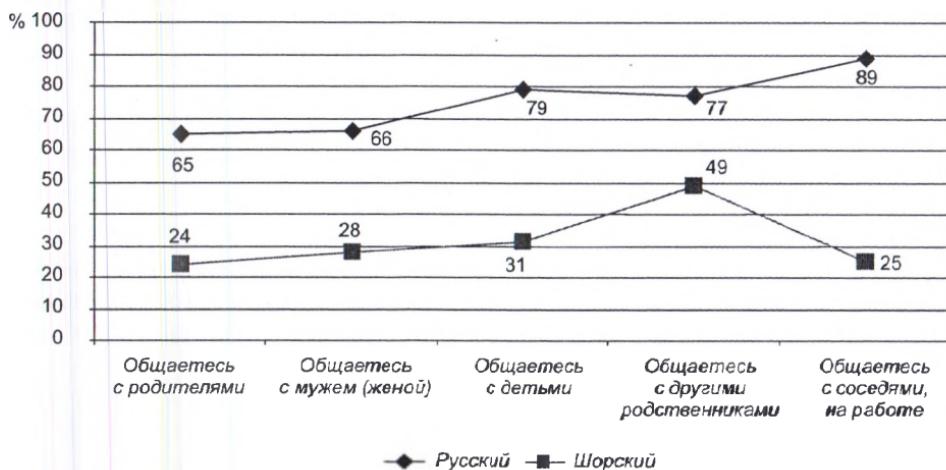

Рис. 11. Интенсивность употребления шорского и русского языков, шорцы, Чувашская с/а

масштабы функциональной нагрузки русского языка заметно выше, чем шорского языка. Речевое поведение шорцев характеризуется сужением использования родного языка и сокращением его коммуникативных функций. В семейно-бытовой и производственной сферах среди шорцев гораздо чаще звучит русская речь. Шорский язык находит в разговорной практике наибольшее употребление только у старшей возрастной группы, прежде всего, в общении с родственниками.

Особенно серьезная ситуация наблюдается в сфере общения с детьми или с супругами, то есть наиболее важных бытовых сферах, которые непосредственно влияют на преемственность языковых традиций. Среди респондентов сел Чувашской с/а средней возрастной группы общение с супругом на шорском языке происходит только в 3 % случаев, с детьми — только в 13 %, а в младшей возрастной группе общение на шорском с детьми и с супругом полностью отсутствует (табл. 84).

Таблица 84

Использование шорцами Чувашенской с/а русского и шорского языка, распределение по возрасту, %

Сфера общения	Все шорцы		До 30 лет		От 30 до 50		Более 50 лет	
	Русский	Шорский	Русский	Шорский	Русский	Шорский	Русский	Шорский
Общаешься с родителями	65	24	100	20	87	23	40	26
Общаешься с супругом	66	28	60	0	84	3	51	54
Общаешься с детьми	79	31	60	0	94	13	69	51
Общаешься с родственниками	77	49	80	20	90	35	66	66
Общаешься с соседями, на работе	89	25	80	20	97	16	83	34

Для шорцев полигэтнических поселений (Усть-Колзасская с/а) жизнь в ситуации билингвизма и ежедневные контакты с русскими предопределили еще большее снижение интенсивности употребления шорского языка в бытовых сферах, в большинстве случаев общение в быту происходит на русском языке, в том числе общение с детьми (рис. 12).

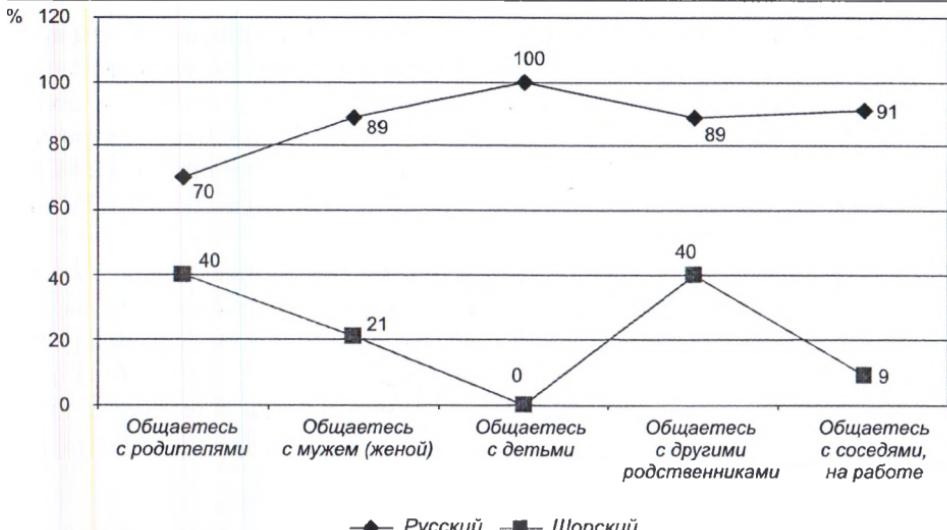

Рис. 12. Интенсивность употребления шорского и русского языков шорцами полиглоссичных поселений (Усть-Колзасская с/а)

Экспертная характеристика языковой ситуации в п. Мрассу Усть-Колзасской с/а:

— Язык в быту насколько употребляется шорский? Сколько здесь вообще шорцев владеют шорским языком? Или, может быть, русские владеют шорским?

Э.: У нас есть Владимир Николаевич Овчинников, который всю жизнь среди шорцев прожил, он свободно владеет шорским. Лично я не понимаю по-шорски... А есть шорцы, которые по-шорски не говорят.

— Много таких?

Э.: Да, нет, в основном. До 30-ти. Молодежь.

...

Э.: Я думаю, что от шорской культуры, в основном, ничего не осталось. Даже в быту не ощущается.

— Дома не разговариваете?

Э.: Да. Дома не разговариваем. Вот, я помню, старики наши разговаривали. Я речь понимаю, я могу слегка говорить, а вот чуть глубже — уже не могу сказать.

— Тогда и дети не воспринимают.

Э.: Да. Если я не говорю, они уже нет.

В моноэтнических сообществах (Чилису-Анзаская с/а), позиции шорского языка прочнее: около 70 % шорцев используют шорский язык при общении с супругами, около половины (53 %) шорцев общаются на шорском с детьми (рис. 13).

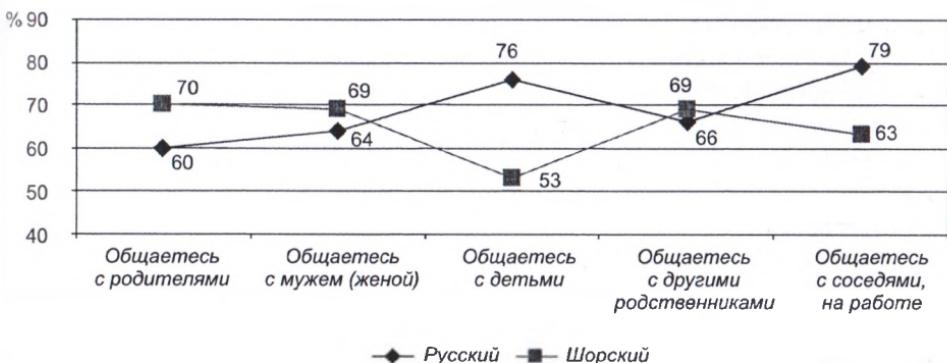

Рис. 13. Интенсивность употребления шорского и русского языков шорцами моноэтнических поселений (Чилису-Анзаская с/а)

Экспертная характеристика языковой ситуации в п. Чилису-Анзас Чилису-Анзасской с/а:

— Такой вопрос по поводу сохранения шорского языка. Местное население на каком разговаривает, в основном? Здесь же русских нету, шорцы живут, в основном?

Э.: Здесь мало, только старики говорят. А в Эльбезе, там, Бугзас, они больше разговаривают на шорском.

— Как вы думаете, с чем связано то, что здесь мало говорят на шорском?

Э.: Ну не знаю, дети со своими родителями мало говорят на шорском. Говорят со своими детьми на русском.

— Ваш муж сказал, что вы начинайте детей шорскому учить.

Э.: Мало, но шорский знаем. Начали общаться, а так на русском. Наш ребенок не знает.

— Вы хотели бы, чтоб он знал?

Э.: Конечно, хотелось бы. Он шорец по национальности, должен знать.

Экспертная характеристика языковой ситуации в п. Эльбеза Чилису-Анзасской с/а:

— *А вот ребяташки растут, они сейчас шорский язык знают у вас, вы их специально учите?*

Э.: *Да не сказать, что специально, я сам-то специально не учился, я так тоже, побочко.*

— *Мне ваша жена рассказывала, что в своё время они специально учили русский язык, потому что если русский не знаешь, считали недоразвитыми, их в другую школу отправляли.*

Э.: *Да, так и было. Я раньше сам по школе помню, я вот учился там, у нас учебный комбинат-то начали возить нас всех. Я прошусь на водителя, они мне ни в какую.*

— *Им, может из-за того, что...*

Э.: *Да, наверно, может, что я шорец, может из-за чего. Пацанов русских тоже много учились, они, главное, все попали, а мы нет. Мы все токарями пошли. Я один вот попался, всё равно меня отправили в токари, а тогда, ну ладно, токарь-токарь.*

— *Ну все-таки, ребяташки между собой, с вами на каком больше общаются? По-русски, по-шорски?*

Э.: *Местами по-русски. Подростки, да и эти. Они же сейчас тоже учатся. Мы их не училишибко-то шорскому.*

— *А вот ваши прогнозы на следующее поколение, ваши дети вырастут, насколько они будут знать язык, насколько они смогут передать своим детям, или уже не смогут?*

Э.: *Нет, конечно. Не знаю, вряд ли они смогут. Это все зависит, как их сейчас в школе обучаают этому языку, и вообще учат, или не знаю.*

Для телеутов, проживающих в поселениях Бековской с/а, характерно достаточно интенсивное применение обоих языков. Более чем в половине всех бытовых ситуаций телеуты говорят на родном языке. Интенсивность использования телеутского языка приблизительно одинакова и при общении со старшим поколением, и при общении с детьми. Применение русского языка доминирует при общении с соседями и на работе (рис. 14).

Таким образом, в большинстве районов, в которых компактно проживают представители коренного населения Сибири, масштабы функциональной нагрузки языков автохтонных этносов немногим уступают русскому. В целом среди коренного населения сложилась ситуация билингвизма, которая характеризуется влиянием русскоязычного фона и одновременно сохранением сильных позиций языков автохтонных этносов во всех бытовых сферах и в полном объеме. В то же время, нельзя отрицать процессы, происходящие

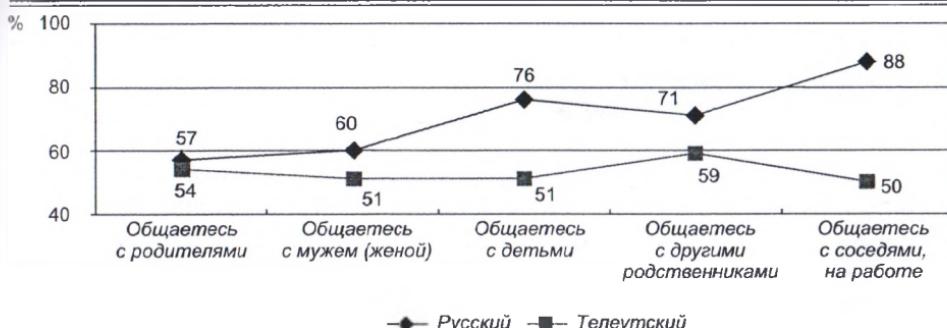

Рис. 14. Интенсивность употребления телеутами телеутского и русского языков (Бековская с/а)

в языковой сфере под влиянием инокультурного окружения: во-первых, происходит нивелирование диалектных различий, отступающих перед нормами литературного языка; во-вторых, наблюдается постепенное расширение сферы употребления русского языка и русской культуры и сужение сферы употребления языков автохтонных этносов. Таким образом, в лингвистической сфере происходит постепенная ассимиляция этнических культур малых народов Сибири. С наибольшей вероятностью, сфера использования национальных языков сохранится в семейном общении и в мононациональных производственных коллективах, занятых традиционными способами хозяйствования.

Основным фактором противостояния естественной ассимиляции и стабильной этнической самоидентификации можно назвать ограниченность межэтнических контактов на уровне брачных отношений, что обеспечивает трансляцию духовной культуры и сохранность этнической специфики в максимально полном объеме (рис. 15).

Среди шорцев, проживающих в поселениях Чувашской с/а, в этнически однородном браке состоят 77 % опрошенных шорцев. Доля смешанных браков среди шорцев составляет 23 %, в том числе 22 % из них состоят в браке с russkimi. Приблизительно такая же доля смешанных браков среди russkikh, при этом в браке с шорцами состоят 23 %. Таким образом, основную долю смешанных браков составляют russko-shorckie браки.

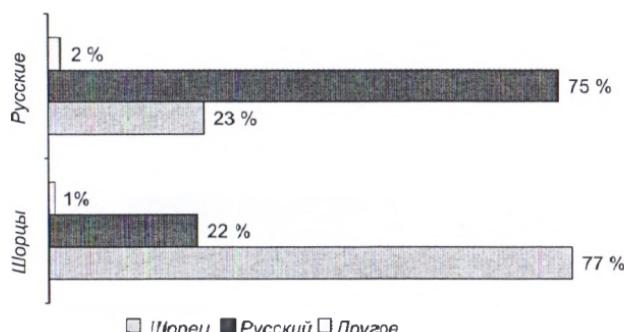

Рис. 15. Этническая однородность браков, Чувашская с/а

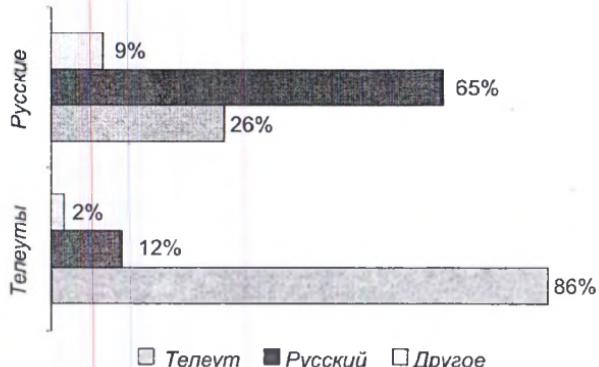

Рис. 16. Этническая однородность браков, Бековская с/а

леутами составляет 26 %, то есть каждый четвертый русский респондент. Основная доля смешанных браков, таким образом, приходится на русско-телеутские браки (рис. 16).

Ситуация с распространностью смешанных браков в сообществах шорцев, проживающих в Таштагольском районе, различается в зависимости от фактора гомогенности национального состава поселений: в этнически однородном браке состоят 92 % шорцев моноэтнических сообществ Чилису-Анзасской с/а и лишь 60 % шорцев, проживающих в полигэтнических поселениях Усть-Колзасской с/а (рис. 17).

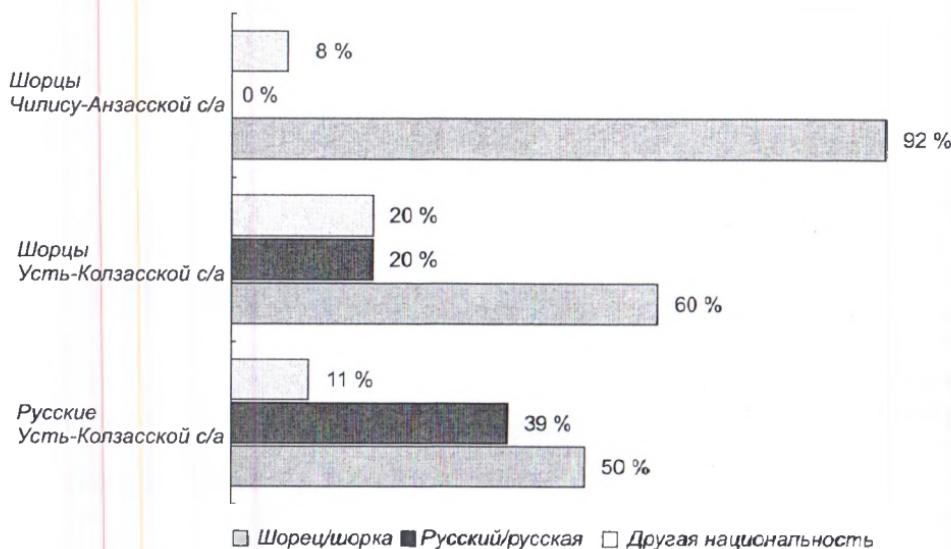

Рис. 17. Этническая однородность браков, Таштагольский район

Среди телеутского населения Бековская с/а в этнически однородном браке состоят 86 % опрошенных телеутов и 65 % опрошенных русских. Доля смешанных браков среди телеутов составляет всего 14 %, в том числе 12 % из них — браки с русскими. Среди русских доля смешанных браков составляет 35 %, при этом в браке с телеутами составляет 26 %, то есть каждый четвертый русский респондент. Основная доля смешанных браков, таким образом, приходится на русско-телеутские браки (рис. 16).

Ситуация с распространностью смешанных браков в сообществах шорцев, проживающих в Таштагольском районе, различается в зависимости от фактора гомогенности национального состава поселений: в этнически однородном браке состоят 92 % шорцев моноэтнических сообществ Чилису-Анзасской с/а и лишь 60 % шорцев, проживающих в полигэтнических поселениях Усть-Колзасской с/а (рис. 17).

Таким образом, с точки зрения этнической принадлежности партнеров, характер браков в районах компактного проживания автохтонных этносов Сибири является в значительной степени гомогенным — большинство браков совершаются между лицами одной национальности. Высокая доля межэтнических браков отмечена в полигэтнических сообществах Усть-Колзасской с/а, где 60 % браков заключается между представителями одного автохтонного этноса, шорцами.

В рамках социологического исследования этнокультурных аспектов адаптации автохтонных этносов Сибири является важной проблемой межэтнических отношений. Результаты опросов показали, что подавляющее большинство респондентов — представителей коренного населения Сибири (около 95 %) — оценивают межэтнические отношения в обследованных районах, как стабильные и бесконфликтные (табл. 85).

Таблица 85

Оценка состояния межнациональных отношений, %

Мнение респондента	Шорцы, Чувашенская с/а	Телеуты, Бековская с/а	Шорцы, Таштагольский р-н
Стабильны	97	96	93
Некоторая напряженность	3	3	5
Напряженность значительна	0	1	2

Стабильность межнациональных отношений отмечали все, без исключения, эксперты в обследованных районах проживания автохтонных этносов. По результатам социологического исследования, можно говорить о достаточно высоком потенциале межэтнического согласия, сосуществование разных этнических групп складывается на основе толерантных отношений.

Вместе с тем, среди представителей автохтонных этносов на уровне масштабного сознания существует осознание проблем, имеющих национальную специфику (табл. 86).

В числе актуальных проблем, стоящих, по мнению представителей коренных малочисленных народов, ведущее положение занимают: утрата национального языка (об остроте этой проблемы заявили 75 % телеутов в поселениях Бековской с/а и 48 % шорцев в поселениях Чувашской с/а); утрата национальных традиций (эту проблему считают особо значимой 63 % телеутов в поселениях Бековской с/а и 71 % шорцев в сообществах Таштагольского района); разрушение природной среды обитания и негативные демографические тенденции.

Таблица 86

Какие проблемы стоят перед людьми Вашей национальности?, %

Мнение респондента	Шорцы, Чувашская с/а	Телеуты, Бековская с/а	Шорцы, Ташатагольский р-н
Нет проблем	11	12	56
Утрата национальных традиций, обычая	34	63	71
Утрата национального языка	48	75	16
Разрушение природной среды обитания	39	18	23
Рост смертности и снижение рождаемости	11	13	35
Ухудшение здоровья населения как следствие алкоголизма	10	31	8
Ухудшение здоровья из-за тяжелых жизненных условий	4	16	6
Широкое распространение межнациональных браков	6	23	5
Другое	3	5	56

Анализ остроты восприятия проблем, стоящих перед представителями малых этносов, показывает, что перечень наиболее актуальных проблем приблизительно одинаков в этнолокальных сообществах автохтонных этносов, хотя различается степень их восприятия. В целом зафиксированный уровень восприятия проблем, имеющих национальный характер, является достаточно высоким.

Следствием адаптации этнолокальных сообществ автохтонных этносов к процессам реформирования выступает реинституционализация традиционных социальных структур, а также традиционных установок и стереотипов, сопровождаемая ростом этнического самосознания. С ярко выраженной установкой национальной интеллигенции на возрождение этноса и традиционного образа жизни вступает в противоречие деятельность предприятий-недропользователей. Следствием техногенного воздействия на окружающую среду со стороны угледобывающих предприятий является стремительная деградация эталонных природно-территориальных комплексов, и исчезновение памятников традиционной культуры коренных народов, оказавшихся в зоне открытых горных работ, что ведет к исчезновению самих этносов как культурных самобытных образований и провоцирует конфликтную ситуацию, которая на данный момент не имеет разрешения и постепенно получает мировой резонанс, поскольку дело доходит до обращения представителей малых этносов в международные правозащитные организации.

Примером может служить конфликт между шорцами Чувашенской с/а и администрацией шахты «Ургол» по поводу выведения из промысловых угодий коренного населения земель под угольные разрезы. У шорцев четко проявляется заинтересованность в возвращении и правовом закреплении за собой промысловых участков, что позволит в дальнейшем получать компенсационные выплаты за их использование предприятиями-недропользователями¹.

В основе конфликта между Ассоциацией телеутского народа «Эне-Байат» и разрезами «Бачатский» и «Шестаки» (Бековская с/а, являющаяся территорией традиционного природопользования и местом компактного проживания бачатских телеутов) также лежит вопрос о земле, а, точнее, проблема урегулирования поземельных отношений между предприятиями-недропользователями с одной стороны и местным автохтонным населением — с другой. На сегодняшний день такие вопросы как владение и пользование землей, выделение и фиксация территории традиционного природопользования, контроль за использованием земель различных категорий и т. п. на региональном уровне остаются за рамками правового регулирования, а сложившаяся конфликтная ситуация, помимо экологического, приобретает ярко выраженное «национальное звучание»².

Таким образом, исследования этнокультурных аспектов адаптации автохтонных этносов дают основания полагать, что в условиях реформирования основой адаптационных возможностей этнолокальных сообществ автохтонных этносов становится трансформация их традиционного образа жизни. Результатом промышленного освоения территорий традиционного природопользования стало сокращение площади этнохозяйственных ареалов и исчезновение традиционных форм социальной и экономической организации, что позволяет говорить о вытеснении более эффективными экономическими системами «доминирующего» общества менее эффективных систем традиционного жизнеобеспечения коренных народов Сибири. Основной причиной продолжающейся культурной ассимиляции является в первую очередь исчезновение объективного материального базиса для сохранения этнических отличий. Локальная специфика трансформации традиционного образа жизни этнолокальных сообществ автохтонных этносов в условиях реформ соответствует основным моделям взаимодействия этноса с большим индустриальным обществом. Каждой модели взаимодействия соответствует особая структура жизнеобеспечения, характеризуемая, прежде всего, ориентацией автохтонного населения на различные источники получения дохода. С практической точки зрения, каждая из моделей взаимодействия порождает свои специфические проблемы, с которыми сталкивается коренное население, и соответственно диктует необходимость выработки специфических решений, зачастую имеющих точечный и адресный характер, от местных и региональных органов власти.

¹ См.: Этнологическая экспертиза. Вып. 1. Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2005.

² См.: Этнологическая экспертиза. Вып. 2. Новосибирск: Параллель, 2008.

§ 4.2. Динамика социокультурного развития полигэтнических сообществ в условиях регионального нациестроительства

В кризисной, нестабильной ситуации трансформации социально-экономической системы российского общества и последующих политических, экономических, социальных реформ для многих людей произошло возрастание значения этносов как референтных групп. Сознательное стремление к социальной реартикуляции определенных национальных и этнолокальных образований, возобновление или усиление их независимости, автономности, социокультурной индивидуальности реализовывалось в политическом пространстве и являлось ответной реакцией национальных сообществ на завышенную централизацию государственного управления советского периода.

Преобразования, происходящие в российском обществе, актуализировали в обыденном сознании значимость этнических категорий, что привело в ряде случаев к формированию идеологии этноцентризма. Особенно ярко эти процессы проявились в начале 1990-х гг., в период распространения центробежных тенденций с уровня Союза на уровень Российской Федерации, сопровождавшихся, как правило, этнической мобилизацией народов России и ростом их этнического самосознания. Под этнической мобилизацией в данном случае понимается процесс усиления групповой сплоченности на основе преобладания этнической идентичности перед иными социальными солидарностями, что обеспечивает группе целостность, согласованность действий и определенным образом противопоставляет этническую группу иным социокультурным общностям¹, приводит к воспроизведству этнического неравенства в национальных республиках РФ: в результате «титулования» региона по имени одной из этнических групп происходит выстраивание латентных этнических иерархий в социальной, экономической и политической сферах.

В России наиболее явный характер эта тенденция получила в феномене регионального нациестроительства, заключавшейся в целой серии последовательных реформ, имеющих характер политico-правовой, этнополитической модернизации национальных республик и автономий. В результате во многих республиках высшие социальные позиции переместились к представителям титульных национальностей, механизм распределения экономических благ приобрел этнодифференцирующую окраску, возросло значение этническости вообще и языков титульных этносов, получивших статус государственного языка.

Основными субъектами этнической мобилизации выступили этнические элиты. При этом в качестве политически мобилизующих они использовали

¹ См.: Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: Политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полигэтнических государствах: Материалы международной конференции. М., 1994.; № 9; Качкин А.В. Этническая мобилизация и процесс регионализации: Формы и механизмы // Мир России. 2000. №4.

ценности, хранящиеся в исторической памяти, имеющие достаточное базовое основание и воспринимающиеся людьми как приоритетные (язык, возрождение культуры, религиозная принадлежность) и компенсирующие образовавшийся в социальном и политическом сознании вакуум. Процессы нациестроительства характеризовалось глубокими этнокультурными переменами, выражающимися в реэтничизации культуры, когда, наряду и параллельно с формированием новых этнокультурных ориентаций, осуществлялось возрождение традиционных духовных источников сохранения и поддержания этнокультурной идентичности. Усиление групповой этнической солидарности, осуществляющееся за счет актуализации функций национальных языков, обращения к истории и традициям народов, оказалось одной из наиболее распространенных адаптационных стратегий индивидуальной и коллективной социальной адаптации, возникших в условиях общероссийского системного кризиса, и мощным инструментом в борьбе за власть.

Расширение социальных функций языков титульных национальностей, играющих этнодифференцирующую роль и выступивших культурными этнодифференциирующими маркерами, стало наиболее емким проявлением процессов реэтничизации культуры. Наиболее интенсивно этнолингвистические процессы развивались среди представителей титульных наций республик РФ. Если в последние десятилетия существования СССР в языковой сфере происходила последовательная русификация многонационального населения страны, то 90-е гг. ХХ в. характеризуются тенденцией к увеличению числа людей, владеющих языком своей национальности¹. Во многих национальных образованиях РФ проявилась последовательная ориентация властей на расширение сферы использования языка титульной нации республики за счет сужения сферы употребления русского языка, в том числе путем придания национальному языку статуса государственного. Знание языка титульной национальности является условием доступа к престижным командным должностям и власти, так же как знание русского языка для титульных национальностей является условием получения многих специальностей и высшего образования.

Реальное этническое равенство или неравенство и представления о них определяли социальное самочувствие и возможности успешной адаптации россиян. В большинстве национальных республик — субъектах РФ отмеченные этнополитические процессы привели к потере «нетитульным» населением ряда позиций, связанных с социальным лидерством (высоким статусом и престижем). Эти позиции переместились к представителям титульных национальностей, механизм распределения экономических благ приобрел этнодифференцирующую окраску. В результате его действия за рамками приватизации, социальных дотаций остались многие представители так называемых

¹ См.: Алексахина Н. Национально-языковая ситуация в Российской Федерации // Этнополитический вестник. М., 1995. № 6.

«некоренных» народов. Поэтому, в целом, оправданным представляется вывод Л.М. Дробижевой о том, что психологическое самочувствие представителей различных этнических групп в современной России связано не с этнической принадлежностью самой по себе и не с какими-либо историческими культурными или конфессиональными особенностями этносов, а прежде всего с фактором «титульности»¹. Испытывая трудности в экономической адаптации, представители титульных национальностей переживают их в условиях выигрыша в социальном и политическом положении. Это положение предоставило им дополнительный потенциал для самореализации, возможность свободно говорить на родном языке, сохранять свои традиции и культуру.

К числу национальных республик, ориентированных на этнонациональную доктрину, относится и Республика Алтай². Накануне принятия независимости — в 1989 г. — из проживавших на ее территории 190 тыс. человек коренное население составляло лишь около 30 %. Тем не менее, программные документы Республики, провозглашенной в 1991 г., декларировали «национальную государственность», выражющую «волю и интересы проживающих в автономной области народов к самоопределению, социально-экономическому прогрессу, культурному и духовному возрождению»³.

Понимая «возрождение» в духе неотрадиционализма, национальная элита выдвинула концепцию «этнической личности», формирующуюся «через обязательное усвоение национальной культуры и современное воспитание гражданина Республики»⁴. Отношение к традиции стало основой для структурирования этносоциального сообщества. Чрезвычайно остро при этом ставилась проблема ассимиляции: «Признаками активной ассимиляции являются пренебрежение к традициям народа, отсутствие желания знать их, заключение смешанного брака. Пассивно ассимилированными можно считать тех, кто стремится сохранить свою этническую принадлежность, заключая брак с владеющим родным языком»⁵. Утверждая аксиому единства алтайского этноса, представители официально ангажированной национальной интеллигенции на академическом уровне прокламировали модель внутриэтнической иерархии. Выделялся ряд локальных образований, при этом особо подчеркивалось значение районов Центрального Алтая — Онгудайского и Усть-Канского, — для которых характерен стереотип «истинных алтайцев» («су алтайлар»). Легити-

¹ См.: Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

² Подробнее см.: Нечипоренко О.В., Октябрьская И.В. Современные этнополитические процессы в Республике Алтай. Элита и избиратели // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 3. Новосибирск, 2000. С. 241–246.

³ Законы Республики Алтай. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1992. С. 3.

⁴ Концепция национальных школ Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1993. С. 3–4.

⁵ Тадина Н.А. Россия и Горный Алтай — 240 лет: Проблема взаимодействий этносиологических стереотипов // Россия и Восток: Традиционная культура, этнокультурные и этносоциальные процессы. Омск, 1997. С. 24.

мизация образа «истинного алтайца» коррелировала с утверждением новых социально-политических стереотипов: «В алтайской среде не будут пользоваться уважением, а значит предлагаться на посты и должности, те, кто относится к стереотипу “обрусы” — “туба”, не говоря о “кайлык” (“метисы”), независимо от личных качеств. Доверием пользуются начальники, говорящие по-алтайски, вероятно, сказываются последствия советского запрета, хотя этот критерий не всегда себя оправдывает¹.

Исследование динамики социокультурных процессов в полигэтнических сообществах Горного Алтая в 2000–2002 гг., дает возможность проанализировать значение этничности (фактора «титульности» этноса в субъекте федерации) как ресурса социокультурной адаптации. Фактор «титульности» определяется как использование возможностей, связанных с принадлежностью к государствообразующему этносу с целью получения практических (экономических, политических, социокультурных и т. д.) преимуществ. Как предполагается, фактор «титульности» является одним из эффективных средств коллективной идентификации и ресурсом, определяющим модель этносоциальной адаптации.

Переходя к анализу воздействия этнополитической доктрины Республики Алтай на сохранность культуры и традиций титульного этноса, следует рассмотреть широкий круг этнокультурных аспектов развития полигэтнических сообществ Горного Алтая. Мы ограничимся здесь только несколькими проблемами этнокультурной динамики алтайского населения: вопросами национальной идентичности алтайцев, межнациональных отношений и лингвистической ситуации.

Данные исследований 2000–2002 гг. демонстрируют высокий уровень этнической самоидентификации (табл. 87).

Таблица 87

Этническая идентификация населения, в %

	Турочакский р-он (Турочак 0)	Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)	Чемальский р-он (Чемал 02)	Улаганский р-он (Улаган 02)
Национальность по паспорту				
Русский	100	0	100	0
Алтайцы	0	100	0	100
Национальная самоидентификация населения				
Русский	96	3	50	0
Алтайцы	2	35	50	100
Другое	0	63	0	0
				22

¹ Там же. С. 25.

Практически все респонденты, указавшие свою национальность по паспорту как алтайец или русский, подтверждают свою принадлежность к соответствующему этносу. Большинство же алтайского населения, идентифицирующего себя по-иному, по сравнению с паспортными данными, относит себя к алтайским субэтносам (табл. 88).

Таблица 88

Национальная самоидентификация алтайского населения, %

Самоидентификация	Турочакский р-он (Турочак 0)	Чемальский р-он (Чемал 02)	Улаганский р-он (Улаган 02)
Алтайец	35	96	78
Кумандинец	16	—	—
Челканец	9	—	—
Тубалар	34	1	—
Теленгит	—	—	22
Другое	6	3	—

Высокий уровень этнической самоидентификации свидетельствует о сохранности среди населения этнических, культурных и иных традиций. Сохранению этнического самосознания способствует также и низкий уровень смешения (метисации) населения. Результаты обследований 2000–2002 гг. в Турочакском, Кош-Агачском, Чемальском, Улаганском районах РА показывают преимущественно гомогенный характер браков (табл. 89).

Сравнение этнической принадлежности родителей респондентов показывает гомогенный характер большинства алтайских семей только в двух районах: Кош-Агачском и Улаганском. Наибольшее число межнациональных браков зафиксировано в Чемальском районе — 53 % (то есть здесь межнациональные браки, в основном с русскими, начали количественно преобладать над гомогенными). Доля межнациональных браков высока прежде всего в полигатлических сообществах, где семейно-брачные отношения лишь частично выполняют этнодифференцирующую функцию.

Во всех районах, кроме Кош-Агачского, зафиксировано достаточно лояльное отношение к заключению смешанных браков, большинство населения считает межнациональные браки не менее устойчивыми, чем гомогенные (табл. 90).

Важным инструментом внутриэтнической консолидации является религия, усиливающая этносоциальную идентичность за счет этноконфессиональной. Религия дистанцирует представителей различных национальностей главным образом в бытовой сфере, накладывая отпечаток на их образ жизни и стиль поведения.

Таблица 89

Распространенность межнациональных браков, %

Национальность	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
Национальность отца								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Русский	90	7	0	1	97	4	75	0
Алтайец	2	66	100	98	0	96	25	99
Другое	8	28	0	1	3	0	0	1
Национальность матери								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Русская	93	8	50	1	93	5	100	0
Алтайка	2	69	50	98	6	95	0	100
Другое	5	23	0	1	1	0	0	0
Национальность жены (мужа)								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Русский	66	30	50	11	94	2	100	4
Алтайский	7	53	50	86	4	85	0	89
Другое	5	17	0	3	2	13	0	7

Таблица 90

Отношение к межнациональным бракам, %*

	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Да	10	17	0	32	13	10	0	6
Нет	90	83	100	64	87	90	100	94

* Межнациональные браки менее устойчивы?

Как следует из данных табл. 91, если моноэтнические сообщества алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов бережно сохраняют религиозные представления и обычаи своих предков, то в полигэтнических сообществах Чемальского и Турочакского районов традиционным алтайским верованиям серьезную конкуренцию составляет христианство.

Таблица 91

Вероисповедание населения*

Религия	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Христианство	47	27	25	23	37	17	75	29
Традиционные верования алтайцев	1	15	35	71	0	38	0	41
Мусульманство	0	2	0	0	0	0	0	0
Другое	3	2	0	1	2	0	0	1

* — В % от всех опрошенных.

В условиях инонационального окружения важным фактором сохранения самобытности выступает использование своего национального языка этнической группой. В рамках алтайской государственности алтайцы, как и все народы Республики Алтай, получили подтверждение культурного и языкового суверенитета. Законодательные акты Республики провозгласили государственными алтайский и русский языки.

Данные исследований (табл. 92) свидетельствуют как об устойчивом сохранении алтайским этносом в моноэтнических сообществах своего родного языка, так и о языковой ассимиляции в полиэтнических сообществах (37 % алтайцев Турочакского района и 17 % алтайцев Чемальского района считают своим родным языком русский).

Таблица 92

Лингвистическая ситуация: родной язык, %

Ответ респондента	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Русский	100	61	50	0	99	17	75	3
Алтайский	0	37	50	98	1	83	25	95
Другое, нет ответа	0	2	0	0	0	0	0	2

Надо заметить, что в условиях взаимодействия с другими этническими группами свободное владение русским языком оказывается традиционным, поскольку именно он выступает средством межнационального общения.

Таблица 93

Степень владения русским и алтайским языками, %

	Турочакский р-он (Турочак 0)	Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)	Чемальский р-он (Чемал 02)	Улаганский р-он (Улаган 02)				
Степень владения русским языком								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Свободно	99	97	100	92	99	98	100	92
С трудом	1	2	0	8	1	2	0	7
Не владеете	0	1	0	0	0	0	0	1
Степень владения алтайским языком								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Свободно	2	43	10	100	6	85	25	99
С трудом	11	40	29	0	15	10	25	1
Не владеете	87	17	61	0	79	5	50	0

Как следует из данных табл. 93, алтайское население в большинстве своем хорошо знает русский язык. О степени утраты этнических корней части алтайцев полиэтнических сообществ Турочакского и Чемальского районов свидетельствует тот факт, что около половины алтайского населения либо не владеют алтайским языком, либо с трудом изъясняются на нем.

Более того, русский язык широко используется алтайцами в домашнем общении, и нижеприведенные данные свидетельствуют о том, что в двух районах (Турочакском и Улаганском) эта тенденция только усиливается, поскольку в общении с детьми использует родной язык лишь 10 % представителей титульной национальности (табл. 94).

Исследование наиболее острых проблем для населения алтайской национальности, как кажется, с большой степенью точности описывает ситуацию с этнокультурной динамикой в регионе. Так, алтайское население Турочакского района в числе самых острых проблем для своей национальности назвали: утрату национальных традиций (62 %), утрату национального языка (55 %), алкоголизацию коренного населения (46 %). Схожая ранжировка проблем по степени остроты зафиксирована обследованием Чемальского района. Респонденты алтайской национальности в Улаганском районе самыми важными считают проблемы алкоголизма, пьянства (44 %), сокращения рождаемости и роста смертности (40 %), утраты национальных традиций и ухудшающейся экологической обстановки (по 19 %).

Респонденты русской национальности в качестве самых главных проблем своего народа называли алкоголизацию населения, высокую смертность и низкую рождаемость (табл. 95).

Таблица 94

Лингвистическая ситуация: использование языков в общении, %

	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
Общаешься с родителями								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Русский	100	75	100	13	95	51	90	11
Алтайский	0	25	0	80	3	47	10	88
Другое	0	0	0	7	2	2	0	1
Общаешься с детьми								
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Русский	100	89	100	11	94	53	100	89
Алтайский	0	11	0	86	4	47	0	9
Другое	0	0	0	3	2	0	0	2

Таблица 95

Ранжировка населением наиболее острых проблем (для национальности), %

Проблема	Турочакский р-он (Турочак 0)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Утрата национальных традиций	9	62	4	35	0	19
Утрата национального языка	2	55	1	35	0	10
Разрушение природной среды	26	31	6	9	0	19
Демография	36	20	7	9	75	40
Пьянство	50	46	13	13	50	44
Распространение межнациональных браков	0	0	0	0	0	2

Сопоставление приведенных выше данных с результатами исследования общего проблемного поля полигэтнических сообществ Горного Алтая, а не только проблем национальности, существенно дополняет и уточняет картину. Среди общего перечня проблем, стоящих перед населением, межнациональная напряженность ставилась на одно из самых последних мест, по мнению большинства респондентов, межнациональные отношения в основном стабильны, без напряженности (табл. 96).

Таблица 96

Оценка состояния межнациональных отношений, %

Мнение респондента	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
В основном стабильны	89	92	80	77	94	95	95	97
Имеется некоторая межнациональная напряженность	10	6	20	18	6	5	5	3
Значительная напряженность	1	2	0	5	0	0	0	0

В целом, в обследованных в 2000–2002 гг. районах межнациональная напряженность не выходит за пределы фоновых значений 6–10 %. Некоторое увеличение данного показателя в Кош-Агачском районе, зафиксированное в 2001 г., возможно, объясняется последствиями принятия 24 марта 2000 г. Постановления Правительства РФ «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», согласно которому представители упомянутых выше алтайских субэтносов получают право на небольшие субсидии от государства и некоторые другие льготы. Поскольку реальный уровень жизни представителей этих субэтносов фактически ничем не отличается от уровня жизни их соседей других национальностей, такая «несправедливость», естественно, вызвала определенное увеличение напряженности.

На низовом уровне поселений и локальных сельских сообществ политico-правовое реформирование, осуществляющееся в РА, проявляется в утверждении, в качестве «дополнительной» формы самоуправления, родовых организаций, являющихся традиционными потестарными структурами алтайцев. Их возрождение в виде института местного самоуправления стало одновременно и формой возрождения национального самосознания, и формой адаптации сельских локальных сообществ к современным социально-политическим процессам. Традиционные родовые структуры институционализируются на разных уровнях в форме курултая и зайсаната, что обеспечивает возможность непосредственного участия населения в осуществлении местной власти: с одной стороны, участие в решении экономических проблем местного значения, с другой — проблем этносоциального и этнокультурного развития. Основные принципы организации подобной формы местного самоуправления изложены в законе «О родовой общине алтайцев», принятом 28 июня 2000 г. Государственным Собранием Эл Курултай Республики Алтай.

На практике эта система, хоть и распространена повсеместно, пока является малоэффективной, поскольку в реальности не обеспечивает массового участия населения в осуществлении публичной власти. Как правило, около трети населения не подозревает, что в их поселке функционирует родовая организация, а из тех, кто знают о ее существовании, большинство не принимает ни активного, ни даже пассивного участия в ее деятельности. Число активистов в этой сфере колеблется от 3 до 7 человек на село, а роль родовых организаций, по оценкам населения, колеблется между средней и низкой.

Оценивая результаты исследования относительно значения и роли родовой общины алтайцев как формы самоуправления, в целом можно прийти к выводам, что данные властные структуры пользуются весьма ограниченной поддержкой населения, что объясняется ее низкой эффективностью (табл. 97).

Таблица 97

Отношение к деятельности родовых общин, данные массового опроса, %

Мнение респондента	Турочакский р-он (Турочак 0)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
Оценка роли родовых объединений						
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Нет ответа	36	15	39	28	0	12
Высокая	2	3	3	4	25	5
Средняя	3	10	14	18	0	20
Незначительная	14	16	3	17	0	28
Не играют роли	45	56	40	32	75	35
Отношение к деятельности родовых объединений						
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Нет ответа	37	7	47	35	0	1
В основном положительно	49	83	44	61	75	95
В основном отрицательно	14	10	8	4	25	4

Только 25 % алтайского населения может дать высокую или среднюю оценку значительности роли родовых объединений, в то время как около половины алтайского и русского населения полагают, что роль родовых общин алтайцев или незначительная, или же они совсем не играют никакой роли. Исключением является Улаганский район, где родовые объединения действуют более активно и население больше информировано о сущности и особенностях данного типа власти, причем значительная часть русского населения

относится к деятельности национальных потестарных структур отрицательно, в то время как среди алтайского населения этого же района наблюдается самый высокий уровень поддержки населением зайдсанатов.

Такая оценка коррелирует с восприятием родовых объединений как дополнительных адаптационных структур, способствующих сохранению коренного населения (табл. 98). В большинстве полигэтнических районов преобладает скептическое отношение к этой форме самоуправления; очень велика доля населения (особенно среди русских), затрудняющихся с какой-либо оценкой зайдсанатов. Только в Улаганском районе большинство алтайского населения воспринимает родовые объединения в качестве важных адаптационных структур (60 %).

Таблица 98

Оценка родовых общин в качестве адаптационных структур, %*

	Турочакский р-он (Турочак 0)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
ДА	40	37	38	36	25	60
НЕТ	53	59	52	44	25	35
Нет ответа	7	4	10	20	50	4

* Органы самоуправления могут сохранить коренное население?

Экспертная оценка значения родовых организаций несколько выше, но и эксперты склонны признавать их низкую эффективность (табл. 99). На основании большого числа затруднившихся с ответом очевидно также, что уровень информированности представителей управленческих и предпринимательских элит о сущности и значении родовых общин очень низок.

Таблица 99

Отношение к деятельности родовых общин, данные опроса экспертов, %

Оценка роли родовых объединений			
	Турочакский р-он (Турочак 0)	Чемальский р-он (Чемал 02)	Улаганский р-он (Улаган 02)
Высокая	1	12	5
Средняя	7	12	20
Незначительная	24	24	27
Не играют роли	34	22	37
Нет ответа	33	29	12

Эксперты признают, что работа родовых организаций носит в основном просветительский характер, когда специалисты по конкретным вопросам раскрывают перед односельчанами суть той или иной насущной проблемы и, по возможности, намечают способы ее решения. Отметим, что просветительская функция является крайне важной, поскольку уровень осознания происходящих процессов подталкивает население к всеобщему и публичному их обсуждению. По-видимому, осуществление просветительской функции сегодня возможно только в рамках деятельности родовых организаций.

Основным фактором эффективной деятельности родовых организаций является их финансовая независимость. В условиях отсутствия такой они оказываются просто на скучном финансировании местных администраций, а их роль оказывается если и не второстепенной, то вспомогательной. В этой связи напомним, что исторически этап образования родовых организаций приходится на вторую половину 1990-х гг., то есть как раз на время кризиса традиционной системы местного государственного управления (сельских администраций). И в этой ситуации возрождение института родовой общины рассматривалось как более эффективная форма управления. По прошествии нескольких лет новая система оказалась недостаточно эффективной, а сельские администрации вышли из кризиса и трансформировались из низовых управленческих структур в органы местного самоуправления. Таким образом, можно говорить о наличии двух форм местного самоуправления на территории Республики Алтай — государственной (сельские администрации) и негосударственной (родовые организации в виде института курултая и зайсанатов). Ведущим элементом системы местного самоуправления является именно сельская администрация, но на основании результатов социологических исследований можно говорить о том, что у алтайского населения сохраняется стремление к традиционным формам самоуправления. В сознании населения постепенно формируются система ожиданий, связанных с деятельностью этих органов власти (табл. 100).

О целостной и непротиворечивой системе подобных ожиданий говорить пока рано, скорее можно говорить о том, что в понимании вопросов компетенции родовых общин существует несколько тенденций. С одной стороны, родовые организации, по мнению населения, должны играть роль хозяина и брать на себя решение практически всех социальных и экономических проблем, возникающих на уровне конкретного поселения, то есть заменить собой сельскую администрацию. С другой стороны, существуют опасения, что институт родовых общин, не имеющий реальных властных полномочий, окажется недееспособным и ненужным.

Таблица 100

Представления о сфере деятельности родовых общин, %

Сфера деятельности	Турочакский р-он (Турочак 0)	Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)	Улаганский р-он (Улаган 02)
Экономические проблемы	31	25	54
Укрепление дисциплины и порядка	33	70	59
Укрепление межнациональных отношений	36	36	43
Помощь престарелым, инвалидам, одиноким	26	52	62
Организация досуга населения	21	25	34
Борьба с пьянством	32	59	43
Развитие культуры	23	34	27
Воспитание детей и подростков	34	57	61

Заканчивая анализ этнополитической политики-правовой модернизации на низовом уровне управления сельских территорий Республики Алтай и уровне отдельных сельских сообществ, следует признать незначительную эффективность родовых объединений алтайцев и отсутствие широкой социальной поддержки данной формы самоуправления, что препятствует превращению этих органов власти в эффективный ресурс адаптации населения. Перед национальными потестарными структурами стоит задача двоякого рода: эти органы самоуправления должны выполнять защитную функцию, то есть способствовать адаптации традиционных структур к современным социально-политическим реалиям; и, в то же время, они должны выполнять функцию регулирования, то есть должны учитывать традиции конкретных сельских локальных сообществ для сохранения существующих специфических форм межличностного взаимодействия.

В целом, как и для большинства населения России в переходный период, первостепенный характер для населения Горного Алтая имеют вопросы социально-экономической адаптации. Ситуация связана с повсеместной ликвидацией (реорганизацией) крупхозов в данном регионе, структурным характером безработицы, и с низким уровнем оплаты труда в сельском хозяйстве (феномен «работающих бедных» наиболее типичен для сельской России).

Как видно из данных табл. 101, на первом месте по значимости для населения находится безработица, являющаяся наиболее общей проблемой сельских локальных сообществ. На втором месте стоит проблема пьянства, которая, как уже говорилось выше, имеет комплексный социальный характер и отражает общую неблагоприятную направленность развития социальных процессов в поли-

этнических сообществах Горного Алтая наряду с такими проблемами, как распространение бедности, депопуляция (рост смертности и снижение рождаемости) и вопросами правопорядка (на остроту проблемы преступности в обследованных регионах указало большее число респондентов, чем в других регионах).

Таблица 101

Социальные проблемы, выделенные населением, %

Социальная проблема	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Бездействие	88	88	100	87	75	80	100	90
Бедность	34	36	0	29	23	14	25	8
Пьянство	74	65	100	57	51	43	100	52
Задержка зарплаты	45	39	50	31	15	10	0	11
Напряженность в межнациональных отношениях	4	1	50	3	1	1	0	0
Преступность	16	8	50	10	12	4	50	13
Демография	22	18	50	16	7	12	100	27
Экология	22	22	0	10	15	13	50	25

Рассмотрим подробней социально-ролевую структуру обследованных сообществ Горного Алтая (табл. 102).

Таблица 102

Укрупненная социальная структура обследованных районов Алтая, %

Занятость	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Работаете	45	25	40	35	49	49	75	33
Учитесь	1	1	0	2	0	2	0	0
Находитесь на пенсии	16	15	23	25	22	15	25	7
Безработные	38	59	27	38	29	34	0	60

Из приведенных в таблице данных очевидна объективная значимость и острота для алтайского населения проблемы безработицы — доля официально

занятого населения алтайской национальности оказалась в некоторых районах (Улаганский, Турочакский районы) приблизительно в два раза меньше, чем русского.

В Турочакском районе на момент обследования наблюдалась весьма критическая ситуация с занятостью населения, доля фактических безработных составляла 44 %, что является наивысшим значением, зафиксированным в ходе исследований второй половины 1990-х гг. (в Кош-Агачском районе в 1998 г. — 40 %). Фактически, основным источником денежных поступлений в хозяйства крестьян являются разнообразные социальные трансферты, прежде всего пенсии, а также субсидии представителям малых коренных народов — тубаларам, челканцам и кумандинцам.

Основную роль в социальной практике обследованных локальных сообществ, как и повсюду в Горном Алтае, играет личное крестьянское хозяйство, дополняемое промысловой деятельностью и случайными приработками во время тех или иных сезонных работ. Занятость же в формальных организациях играет второстепенную роль.

В Кош-Агачском районе исследованием 2001 г. был также зафиксирован высокий уровень безработицы. К сожалению, официальные данные учитывают лишь число зарегистрированных безработных. Так, на конец 2000 г. в районе не имело работы примерно 36 % всего трудоспособного населения, тогда как службой занятости населения было зарегистрировано всего 17 %. Похожие данные получаются и по результатам исследования 2001 г.: не имело работы более 38 % трудоспособных респондентов, из них лишь около 15 % получали в 2001 г. пособие по безработице.

В Чемальском районе зафиксирован достаточно высокий уровень безработицы. Ровно треть (33 %) опрошенных относилась к категории фактических безработных, то есть не работали, не учились и не находились на пенсии. По усредненным экспертным оценкам, уровень безработицы в районе составляет 56 %. Важно также отметить, что среди алтайского населения района уровень безработицы заметно выше (35 против 29 % у русских).

Исследование социальной ситуации в Улаганском районе Алтая в 2002 г. показало очень высокий уровень безработицы, охватывающей на момент обследования около 60 % трудоспособного населения. Резкое сокращение рабочих мест произошло в связи с процессом реорганизации колхозов и совхозов. В отличие от других районов Республики Алтай, в Улаганском районе, процесс реорганизации бывших коллективных хозяйств затянулся на 4-5 лет, так и не достигнув завершения. Это связано, прежде всего, с тем, что хозяйства района (который по природно-климатическим условиям приравнивается к условиям Крайнего Севера) занимались в основном отгонным животноводством. Наличие техники и сельскохозяйственных технологий, связанных с производ-

ством зерновых и овощных культур, не было необходимым, а поголовье резко сократилось в результате падежа и разворовывания.

Таким образом, проблема бедробытицы является одной из самых острых для всех сельских сообществ Горного Алтая. Но в современной сельской России официальная занятость отнюдь не всегда обеспечивает возможность достойной жизни. Как видно из табл. 103, доходы от официальной занятости выступают для алтайского населения всех обследованных районов неглавным источником формирования бюджета семьи.

Таблица 103

Значимость доходов от официальной занятости, %

Мнение респондента	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Зарплата — основной источник доходов	31	15	50	47	37	39	50	27

Доля домохозяйств, для которых зарплата является главным источником денежных доходов среди алтайского населения составляет от 15 % (Турочак 0), до 47 % (Кош-Агач 01), повсеместно уступая соответствующим показателям среди русского населения: где-то несущественно (Чемальский и Кош-Агачский районы, где разница всего в несколько процентов, то есть в пределах погрешности исследования), а где-то очень значительно (Улаганский район, где соотношение составляет 50 % у русского населения и 27 % у алтайского). Однако общая тенденция очевидна: для алтайского населения доходы от официальной занятости играют менее значимую роль, чем для русского, поскольку в структуре экономической активности алтайского населения более развита ориентация на альтернативные официальной занятости виды деятельности («многоканальная модель» адаптации). Для сельских локальных сообществ — это развитие личных хозяйств и неформально-экономические практики.

Данные относительно специализации (профиля) и размеров личных хозяйств населения подтверждают это предположение. Повсеместно хозяйства алтайского населения превосходят по масштабам личные хозяйства русского населения (табл. 104).

Размеры подсобных хозяйств алтайского населения с очевидностью подтверждают их товарную ориентацию. Так, данные относительно хозяйств алтайского населения Кош-Агачского района демонстрируют очень высокие показатели развития животноводства, в значительной степени развито животноводство и в хозяйствах алтайского населения Улаганского района, что говорит

о сохранении этнокультурных и хозяйственных традиций алтайского населения. Большая часть территории Горного Алтая издавна отличается сельскохозяйственной, животноводческой специализацией, и выращивание скота здесь — неотъемлемое, традиционное занятие местного населения. Традиции отгонного животноводства складывались веками и десятилетиями¹. Сохранение традиций природопользования свидетельствуют о сохранении критерии ценности имеющихся этнокультурных ресурсов, присущих региональной системе природопользования в целом, и отражающей практики длительной адаптации хозяйственной деятельности к сложным условиям природной среды. Такую приверженность к традициям в природопользовании можно назвать своеобразным страховочным механизмом деревенской жизни, мощным наследственным адаптационным ресурсом, опора на который «сочетается с отбраковкой индивидуальных начинаний и новшеств по той причине, что она не апробирована практикой»².

Таблица 104
Наличие и профиль личных хозяйств населения

	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Наличие хозяйства, %	89	89	100	92	88	96	100	97
КРС, кол-во голов, среднее значение	1,1	1,5	1	30	1,5	1,9	0,7	3,3
МРС, кол-во голов, среднее значение	0,17	0,31	8	35	0,1	1,7	1,2	10
Лошади, кол-во голов, среднее значение	0,18	0,57	0	3,4	0,3	0,7	2	2
Свиньи, кол-во голов, среднее значение	0,6	1	0	10	0,4	0,4	1,2	0,02
Птица, кол-во голов, среднее значение	5,1	4,2	0	13,4	4,6	4,1	0	0,8
Размер огорода, соток	12,7	12,7	0	1	18,5	21,8	3,3	8,8
Товарность ЛХ, %	18	28	0	39	12	31	25	47

¹ Дьяконова В.П. Роль традиционных народных знаний в животноводстве Тувы и Алтая // Культурные традиции народов Сибири / Отв. ред. Ч.М. Таксами. Л.: Наука, 1986. С. 215–236.

² Пуляркин В.А. Сельская местность и деревенский образ жизни: Устойчивость в изменчивости // Экономические, социально-политические и экологические аспекты исследования геосистем: Межвуз. сб. научных тр. Вып. 4. Саранск, 2000. С. 47.

Специфика природных условий Горного Алтая предопределила преуменьшительное развитие животноводства в качестве основного, но не единственного вида хозяйственной деятельности местного населения и источника денежных доходов для сельских локальных сообществ. Помимо животноводства, для Горного Алтая традиционной областью применения экономической активности населения является лесное хозяйство — промыслы (охота и сбор дикоросов, и позже, в годы советской власти и сегодня — лесозаготовки). Адаптация к новым экономическим условиям происходит в основном за счет возрождения этих традиционных социально-экономических практик. За годы реформ существенно выросла доля присваивающей деятельности в домашнем хозяйстве. Аналогичная ситуация прослеживается в других районах Сибири, где большую роль играют традиционные формы природопользования (Горная Шория).

По данным массовых опросов, промыслом занимаются около половины жителей Горного Алтая (кроме Чемальского района, где промысловая активность населения развита незначительно), и, по данным экспертных опросов, для трети населения промыслы являются одним из основных источников дохода, наряду с зарплатой, социальными трансфертами и доходами от реализации продукции личных хозяйств населения (табл. 105).

Таблица 105

Распространенность и товарность промысловой деятельности, %

Показатель	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Занятие промыслами	52	56	50	33	8	16	50	44
Товарность промыслов	12	33	0	5	2	6	25	21

Результаты исследований показали высокий уровень товарности промыслов в двух районах: Турочакском (здесь 33 % респондентов алтайской национальности подтвердили факт реализации части продуктов промысловой деятельности), и Улаганском (здесь с продукцией промыслов на рынок выходит 21 % алтайского населения).

Итоговым, интегральным показателем успешности реализации всей совокупности адаптационных стратегий этнолокальных сообществ Горного Алтая является уровень благосостояния населения, уровень среднедушевых доходов в отдельных полизэтнических общностях.

Из данных табл. 106 следует, что по уровню среднедушевых доходов, а значит, и по уровню благосостояния, алтайское и русское население демонстрирует схожие результаты.

Таблица 106

Уровень среднедушевых доходов, распределение по национальности

Доход	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
До 1/2 ПМ	59	60	100	86	41	40	15	20
До 1 ПМ	22	18	0	6	22	28	10	19
От 1 до 2 ПМ	6	3	0	5	26	22	22	29
Свыше 2 ПМ	0	0	0	2	11	10	53	32

В Турочакском районе, где на момент обследования наблюдалась весьма критическая ситуация с занятостью населения, а неформальная активность в промысловой деятельности и ЛПХ, пенсии и дотации коренным малочисленным народам не смогли исправить положение, практически все население можно отнести к бедным.

В Кош-Агачском районе заметны некоторые различия по уровню благосостояния алтайского и русского населения района — если у последних практически все обследованные домохозяйства могут быть отнесены к крайне бедным, то у алтайцев доля «просто бедных» составила 6 %, а доля лиц, имеющих доходы выше 1 ПМ — 7 %. Однако и у алтайского населения около 4/5 домохозяйств района попадает в категорию крайне бедных. Ситуация здесь даже несколько хуже, чем в других районах Республики Алтай — по официальным данным, в 2000 г. размер заработной платы по району был на 27 % ниже, чем в Улаганском районе, наиболее низкой являлась зарплата в сельском хозяйстве, в 2000 г. она составляла всего 164 руб., или 17 % от среднего уровня зарплаты по району. В этих условиях значительную роль в формировании денежных доходов населения играют пенсии и пособия. На конец 2000 г. этот источник обеспечивал 32 % всех денежных поступлений.

В отличие от других районов Республики, на территории Чемальского и Улаганского районов зарегистрирован достаточно высокий уровень денежных доходов населения. В Чемальском районе почти треть опрошенных (32 %) в ходе массового опроса, имели доходы выше прожиточного минимума, причем примерно каждая десятая семья (10 %) относилась к категории зажиточных (более двух ПМ на члена семьи в месяц).

В Улаганском районе исследование показало еще более благоприятную ситуацию с уровнем благосостояния населения, как алтайского, так и русского. Причем большая часть опрошенных алтайцев (61 %) имела доходы выше прожиточного минимума, а примерно каждая третья семья (32 %) относилась к категории зажиточных (более двух ПМ на члена семьи в месяц).

По приведенным параметрам эти два района находятся гораздо ближе к урбанизированным районам России, чем к другим сельским районам Республики Алтай, где уровень денежных доходов очень низок и основу жизнеобеспечения составляет натурализованное личное крестьянское хозяйство (напомним, что в ряде поселений этих двух районов была отмечена деловая активность в сфере альтернативной аграрному производству).

Материальное положение определяет социальные настроения и социально-политические взгляды населения. Уровень лояльности среди алтайского населения коррелирует со средним уровнем материального благополучием локальных сообществ того или иного района (табл. 107).

Таблица 107

Уровень политической лояльности населения*, %

Мнение респондента	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Развитие идет в совершенно правильном направлении	4	5	0	5	14	14	0	9
Скорее, в правильном направлении	45	34	0	56	51	62	100	68
Скорее, в неправильном направлении	35	39	50	26	31	20	0	20
В совершенно неправильном направлении	16	22	50	13	4	4	0	3
Итоговый индекс лояльности	-0,02	-0,22	-1	0,22	0,3	0,52	1	0,54

* В каком направлении происходит развитие ситуации в стране?

Так, например, исследованиями зафиксировано положительное значение индекса лояльности в полигэтнических сообществах, в социальной структуре которых представлена доля населения, имеющая доходы свыше 2 ПМ. И, наоборот, в полигэтнических сообществах, где указанная социальная категория отсутствует, наблюдается преобладание негативных оценок общего направления развития страны и отрицательное значение индекса политической лояльности.

ти. Например, среди алтайского и русского населения Улаганского района, где преобладает доля домохозяйств, по показателю среднедушевых доходов относящихся к зажиточным, отмечено наиболее высокое положительное значение индекса политической лояльности.

Подводя итоги исследования этнокультурных и социально-экономических аспектов адаптации полиэтнических сообществ Республики Алтай, следует прийти к выводу: национальный фактор (фактор «титульности») играет достаточно скромную роль в адаптационных возможностях титульного населения, и его нельзя напрямую отнести к числу значимых ресурсов адаптации, что подтверждается субъективной оценкой населения региона.

Таблица 108

Субъективная оценка ресурса этничности, %*

Мнение респондента	Турочакский р-он (Турочак 0)		Кош-Агачский р-он (Кош-Агач 01)		Чемальский р-он (Чемал 02)		Улаганский р-он (Улаган 02)	
Возможности	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы	Русские	Алтайцы
Выше	3	3	0	2	3	2	1	2
Ниже	14	15	50	42	6	15	11	3
Такие же	83	82	50	53	91	83	88	95

* Возможности для вашей национальности выше, чем у других, или ниже?

Как следует из данных табл. 108, большинство населения во всех районах Горного Алтая, обследованных в 2000–2002 гг. (более чем 80 % опрошенных) полагает, что их возможности в целом такие же, как и у лиц других национальностей. При этом доля респондентов различных национальностей, полагающих свои возможности ниже, чем у людей других национальностей, практически совпадает: такое мнение высказали 15 % алтайцев и 14 % русских в Турочакском районе, 42 % алтайцев и 50 % русских в Кош-Агачском районе, 15 % алтайцев и 6 % русских в Чемальском районе.

На основании анализа данных этнокультурной динамики алтайского этноса, выявлено, что в ряде районов Горного Алтая воздействие наиболее характерных этнодифференцирующих факторов на уровне сельских локальных сообществ лишь отчасти способствует сохранению национальной идентичности и традиций титульного этноса Республики. Если на уровне республиканского руководства акцентируется значение и опоры на традиции, подчеркивается значимость фактора этничности («титульности») в этнокультурной динамике алтайского населения, то исследования фиксируют постепенное вытеснение алтайского языка русским в сфере ежедневных бытовых коммуникаций, утрату традиций, процессы метисации и ассимиляции алтайского населения. При-

чем вопросы межнационального взаимодействия не относятся к числу особо актуальных для рядовых жителей, и большинство населения считает национальные проблемы как второстепенные.

При рассмотрении социально-экономических аспектов социокультурной динамики этнических общностей Горного Алтая следует отметить, что по уровню среднедушевых доходов алтайское и русское население Республики Алтай демонстрирует весьма схожие результаты, несмотря на существенное различие хозяйственных практик алтайского и прочих этносов. Учитывая, что в рыночном обществе одним из главных показателей успешности адаптации является повышение материального уровня субъекта адаптации, можно прийти к выводу: статус титульной нации в субъекте федерации не следует однозначно считать ресурсом социально-экономической адаптации всех представителей титульной национальности. Скорее, этот статус обеспечивает некоторые преимущества ограниченному кругу людей, составляющему национальные элиты, и вертикальную социальную мобильность в рамках субъекта; в сельской же местности этот фактор малозначим.

§ 4.3. Диаспоральные стратегии адаптации сельских локальных сообществ

Процессы образования «новых» этнических общностей — титульных наций и «новых» национальных меньшинств — оказались связанными с изменением политического и социального статуса многих этнических групп. Большинство населения, в результате изменения своего положения, испытало глубокую этнокультурную и этносоциальную дезадаптацию.

Актуальность обращения к проблемам этнокультурной специфики адаптации диаспоральных общностей обусловлена рядом причин. Одна из них — это изменение содержания данного феномена, вызванное процессами глобализации, общая сущность которого сводится к интеграции разнообразных культур в единое рыночное пространство с последующей нивелировкой этнических и культурных различий, а также в усилении самосознания отдельных наций, сопровождающемся акцентированием национальной самоидентификации, реинституализацией отдельных культурных традиций. В силу углубления взаимодействия и взаимозависимости государств и, как следствие, интенсификации миграционных процессов диаспоры становятся неотъемлемым фактором жизни современного социума.

Актуальность вопроса обусловлена также историческими событиями конца XX в., когда миллионы людей оказались в положении национального меньшинства вне своих государственных образований, в государствах, переживающих, в свою очередь, процессы национального и государственного строительства. Вследствие этого перед диаспоральными общностями встает пробле-

ма не только социально-экономической адаптации, но и этнокультурной адаптации к этнополитическим изменениям в принимающем обществе. Диаспоральные общности, в отличие от «коренных малочисленных народов», обладающих статусом, дающим ряд законодательно предусмотренных преимуществ, должны испытывать особенные сложности в построении адекватной модели взаимодействия с меняющейся социокультурной средой.

До сих пор в научных работах и в официальном словоупотреблении не сложилось единого мнения о том, с помощью какого термина можно определить нетитульные этносы бывших союзных республик. Для российских официальных, как и для части научных кругов, а также и для большинства зарубежных авторов, это явление обозначается термином «диаспора», под которым пытаются объединить все возможные процессы этнического размежевания. Оно касается как «старых» этнических образований (так называемых исторических, или классических диаспор), которые доминировали на протяжении веков и вполне естественно воспринимались как диаспоры, так и «новых» форм рассеяния, которые только стремятся к сохранению своей этнической обособленности и созданию собственных отличительных признаков. По мнению Ж.Т. Тощенко, диаспора — это «кустайчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной национальной общности»¹. Можно отметить, что это, в первую очередь, социологическое определение термина, подчеркивающее внутреннюю способность к самоорганизации, позволяющая диаспоре функционировать длительное время.

Другие исследователи определяют диаспору как этнокультурный феномен, возникающий на основе этнических групп, проживающих за пределами «исторической родины», в различных государствах, но самоидентифицирующихся себя с одним народом. Обязательными компонентами диаспоральности являются, в этом случае: представление о «государстве исхода» (либо его символе) и стремление сохранить с ним связь; создание институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры, в том числе, международного характера; наличие стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и титульного государства².

С точки зрения российского этнографа В.А. Тишкова, диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность, для характеристики которой принципиально важна коллективная

¹ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Сосис. 1996. № 12. С. 36.

² См.: Полоскова Т.В. Диаспоры и внешняя политика // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 71.

память (миф) о «первичной родине», ее идеализация и стремление вернуться на родину¹. Подчеркивание субъективной составляющей в данном подходе представляется чрезвычайно важным и правильным, вместе с тем, для современных диаспор не обязательна такая характеристика как «стремление вернуться на родину», так как в этом случае многие этнокультурные общности за рубежом не смогут именоваться диаспорами, поскольку современный мир ориентирован на интегрирование диаспоры в культуру страны проживания, члены которой могут и не ставить перед собой задачу возвращения на родину.

В ряде случаев понятие диаспоры объединяют с понятием «этническая группа» или «этническая общность», что является теоретически некорректным, поскольку «этническая группа» является более широким понятием, т. к. им можно обозначить значительное количество образований — от нации, народа до малой этнической группы. Неверно отождествлять диаспору и с понятием «малочисленные народы», перед которыми хотя и стоит ряд задач, аналогичных диаспорам, но которые имеют свой конкретный исторический ареал расселения и в обозримый исторический отрезок времени не покидали свою родину².

Представители национального меньшинства также не всегда являются представителями диаспоры. Диаспора — это не просто национальное меньшинство, живущее среди другого народа, а такая этническая общность, которая имеет основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа: язык, культуру, сознание; сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию. С такой точки зрения, нельзя называть диаспорой группу лиц, хотя и представляющих определенный народ, но вступивших на путь ассимиляции, на путь исчезновения их как ветви данного народа. Диаспора — это способ самоопределения, а, следовательно, фактор субъективной ориентации в ней превалирует над «объективно-природной» принадлежностью³.

При анализе стратегий адаптации диаспоральных общностей, наиболее перспективным является функциональный подход, ориентированный на pragматический аспект взаимоотношений диаспоры и принимающего общества. В рамках этого подхода диаспора может быть определена как этнополитическое, этнокультурное и/или этнорелигиозное образование, находящееся вне пределов титульного государства или традиционного места проживания⁴. Для диаспоры характерны следующие признаки: во-первых, ориентация на постоянную связь с «родиной», во-вторых, использование в качестве родного языка

¹ См.: Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003.

² См.: Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 34.

³ См.: Русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: Современная ситуация и перспективы // Южный фланг СНГ. Центральная Азия—Каспий—Кавказ: Возможности и вызовы для России / Под. ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. М., 2003.

⁴ См.: Русскоязычная диаспора в государствах Центральной Азии и Закавказья: Современная ситуация и перспективы. С. 112.

язык исторической родины или, по крайней мере, стремление сохранить этот язык, в-третьих, институционализация, призванная обеспечить существование и развитие диаспоры, в-четвертых, встроенность в социально-культурную и социально-политическую жизнь страны проживания, в-пятых, наличие стратегии взаимоотношений с политическими и культурными институтами страны проживания и «титульного» государства¹.

В этом контексте определяющими моментами в существовании диаспоры являются сознательная ориентированность на «родную» культуру и сопротивление ассимиляции. Характер связи диаспоры с родиной зависит от способа образования диаспоры и от конкретной политической и экономической ситуации как на родине, так и в стране проживания: диаспора может быть ориентирована как на постепенное возвращение, так и на интеграцию (но не ассимиляцию) в культуру страны пребывания.

Способностью создавать диаспору обладает не каждый этнос, а только устойчивый к ассимиляции. Если объективно устойчивость достигается благодаря фактору организации диаспоры (органы самоуправления, учебные, культурные, политические и др. организации), то субъективно — благодаря существованию некоего стержня, будь то национальная идея, историческая память, религиозные воззрения или нечто другое, что сплачивает, сохраняет этническую общность и не позволяет ей раствориться в иноэтнической среде.

Наиболее распространенной функцией диаспоры является функция сохранения и воспроизводства культуры своего народа, под которой понимаются компоненты материальной, духовной и соционормативной деятельности, отличающиеся в той или иной степени от иноэтнической и надэтнической культуры. Эта функция проявляется в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры, в культивировании национальных традиций и обычаяев, в поддержании связей со своей исторической родиной, и, конечно же, в сохранении родного языка. Формирующаяся диаспора обычно использует родной язык в бытовом общении; родной язык является ретранслятором национальной культуры, утраченного его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего, в духовной сфере (обычаи, традиции, самосознание).

Как правило, для функционирования диаспоры характерны организационные формы, поскольку потребность в самосохранении предполагает определенные организационные функции, наиболее распространенными из которых являются землячества, общественные, национально-культурные и политические движения и центры.

Следует отметить также такой отличительный признак диаспоры, как религиозный фактор. История диаспор показывает, что религия в ряде случаев

¹ См.: Полоскова Т.В. Круглый стол «Проблемы диаспоры в новом русском Зарубежье». Заседание второе. // Информационно-аналитический бюллетень Института стран СНГ. 2000. №3. С. 14.

стала цементирующим фактором в консолидации представителей единоверцев (часто совпадающих с определенной национальностью). Так, она играет огромную роль в сплочении украинцев в Канаде, Латинской Америке. Роль религии проявляется также и в жизни армянских общин. Естественно, что диаспоры мусульманских народов консолидирует религия, которая пронизывает всю их культуру и определяет их жизнедеятельность¹.

Все большее значение приобретает экономическая функция диаспор, что обычно связано с созданием определенных производств по выпуску национальных товаров и услуг, по развитию народных промыслов и ремесел. В последнее время значение национальных диаспор возросло еще и потому, что они стали более активно и целенаправленно создавать организации, осуществляющие социальные функции — функции социальной защиты, охраны прав, получение гарантий обеспеченности людей, согласно провозглашенной ООН Декларации прав человека².

Применяемые стратегии поведения различных диаспор имеют некоторые общие черты, но есть между ними и очень большие различия, делающие каждую диаспору по-своему уникальной. Сформировалось несколько характерных диаспоральных стратегий:

1. Интеграция в доминирующую в государстве группу путем этнокультурной адаптации, т. е. овладение языком и принятие соответствующих норм и ценностей.

2. Этнокультурная изоляция, сводящая к минимуму взаимодействие и конкуренцию с коренными этносами.

3. Стратегия интеграции в складывающееся общество и государство в условиях этносоциальной и этноэкономической дифференциации, когда отдельные этнические группы занимают определенные экономические ниши и связанное с ними социальное положение. В рамках этой стратегии делается попытка объединить национальные и корпоративные интересы.

4. Стратегия активных действий для изменения ситуации, зачастую приводящая к возникновению латентных или открытых межэтнических конфликтов.

5. Миграция на историческую родину, т. е. реэмиграция, которая оказалась самой распространенной стратегией для диаспор. Образование независимых государств повлекло усиление процесса концентрации всех этнических общин в рамках своих национальных образований, что проявилось, в первую очередь, в усилении миграционных тенденций.

Проблема взаимодействия диаспоральных общин с инонациональным окружением и социокультурные механизмы внутриэтнической самоорганизации диаспор рассматриваются на материалах исследований этнолокаль-

¹ См.: Тощенко Ж.Т., Чаплыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования. С. 34–37.

² См.: Там же. С. 38.

ных сообществ казахов, проживающих в Кош-Агачском районе Республики Алтай («Кош-Агач 98-01») и Карасукском районе Новосибирской области («Карасук 03»). Диаспоральные общности казахов в этих обследованных районах возникли, как в результате разграничения, осуществленного первоначально между Россией и Китаем (казахская диаспора на Алтае), а затем между Казахстаном и Россией, так и в итоге интенсивных миграций. И Кош-Агачский район РА, и Карасукский район НСО находятся в сельской местности, соответственно, поселения, в которых компактными группами проживает казахская диаспора, представляют собой сельские локальные сообщества, характерной чертой которых является этнический состав населения.

Кош-Агач считается самым отдаленным приграничным районом Республики Алтай, основное население которого составляют алтайцы и казахи. Алтайцы Кош-Агачского района являются носителями теленгитского диалекта, а казахи говорят на языке Кош-Агачского говора, который сформировался за полтора века обособленного проживания на данной территории. Этот говор входит в группу восточных диалектов казахского литературного языка, но является отдельным диалектом в силу специфики, приобретенной под влиянием алтайского и русского языков и культуры алтайского народа. Исторической Родиной кош-агачских казахов являются территории Восточно-Казахстанской области. Этническая группа казахов Алтая сформировалась в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в Центральной Азии и в восточной части России в XIX–начале XX вв., когда судьба казахского и других кочевых народов региона определялась геополитическими интересами двух супердержав — России и Китая. Немаловажную роль в судьбе казахов Южного Алтая сыграла демаркация границ Российской державы и Цинской империи. Договор о границах включал и вопрос о народонаселении некоторых спорных территорий. Один из разделов гласил: «где помянуты народы жили до сего дня, так по прежнему и должны оставаться» и «к какому государству отошли места кочевок этих народов, к тому государству вместе с землей отходят и самые люди, и тем государством управляются»¹.

В Карасукском районе Новосибирской области казахская община была сформирована в результате административного деления территории, являвшихся местом традиционного проживания казахов. Карасукский район граничит с Республикой Казахстан, что и обуславливает специфику адаптационных стратегий казахского этноса. В то же время, данный район неоднороден по этническому составу, помимо русских и казахов здесь проживает обширная немецкая диаспора. Доля казахов в районе незначительна, и проживают они изо-

¹ Самиев Г.П. Горный Алтай в XVII–в середине XIX // Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 171.

лированными компактными группами, не ассимилируясь с другими этносами. В этих условиях казахи, находясь в русскоязычной среде, сохраняют этнокультурные традиции, прежде всего, благодаря постоянным интенсивным контактам с Казахстаном.

В ходе исследования этнокультурных особенностей адаптации диаспоральных общностей к условиям принимающего общества наибольшую значимость имеет анализ данных, позволяющих дать характеристику этнокультурным процессам. Как известно, наиболее значимым среди структурных элементов этнического самосознания является этническая идентификация. По материалам социологических опросов можно установить, что для казахских диаспоральных общностей Кош-Агачского района РА и Карасукского района НСО характерна высокая степень идентификации со своей этнической группой (этническая самоидентификация полностью совпадает с официальной). Четкая этническая идентичность указывает на сохранение этничности на уровне массового сознания. Несмотря на длительное сосуществование, представители различных этнических групп сумели избежать естественной ассимиляции, о чем свидетельствует низкий уровень метисации и ограниченность межэтнических контактов на уровне брачных отношений. Хотя сегодняшнюю этнодемографическую ситуацию в двух обследованных районах проживания казахской диаспоры характеризует смешанный характер поселений, межэтнические браки среди казахов распространены незначительно.

Анализ этнической принадлежности родителей респондентов показывает гомогенный характер большинства семей (табл. 109).

Таблица 109

Национальность родителей: распределение по национальности, %

Кош-Агачский р-он РА (Кош-Агач, 2001)						
	Национальность матери			Национальность отца		
	Русские	Алтайцы	Казахи	Русские	Алтайцы	Казахи
Русские	79	0	2	82	1	2
Алтайцы	21	98	2	18	97	1
Казахи	0	2	96	0	2	97
Карабукский р-он НСО (Карабук, 2003)						
	Национальность матери			Национальность отца		
	Русские	Немцы	Казахи	Русские	Немцы	Казахи
Казахи	0	0	100	0	0	100
Русские	100	12	0	98	0	0
Немцы	0	88	0	2	100	0

Семейно-брачные отношения казахов играют этнодифференцирующую роль, давая им возможность обособить себя от других этносов в инонациональном окружении и подчеркнуть принадлежность к казахскому этносу. Как показывают данные табл. 109, в Кош-Агачском районе РА этническая принадлежность респондентов — казахов и их родителей, в большинстве случаев совпадают. У 96-97 % казахов отец и мать относятся к этой же национальности. Среди диаспоральных общностей казахов Карасукского района НСО по данному показателю браки носят еще более этнически однородный характер — все представители имеют родителей той же, казахской национальности.

Очень высокие показатели гомогенности, демонстрируемые материалами исследования, имеют скорее ретроспективный характер, так как отражают ситуацию межнационального взаимодействия предыдущего поколения. В настоящее время наблюдается развитие тенденции расширения контактов русских, казахов и представителей других национальностей (в обследованных районах это, в первую очередь, алтайцы и немцы) на уровне семейно-брачных отношений, хотя характер браков, с точки зрения национальности партнеров, до настоящего времени остается в значительной мере гомогенным. Большинство браков в Кош-Агачском районе РА совершаются между лицами одной национальности. В этнически однородном браке здесь состоят 89 % казахов, у 8 % супруг русской национальности (табл. 110). Аналогичная картина наблюдается в среде казахской диаспоры Карасукского р-на НСО. По результатам опроса, 82 % русских, 89 % казахов и 56 % немцев состоят в этнически однородном браке. Наиболее высокий уровень заключения межэтнических браков характерен для немцев, самый низкий уровень метисации — среди казахов.

Таблица 110

Этнические характеристики браков, %

Кош-Агачский р-он РА (Кош-Агач, 2001)			
	Русские	Алтайцы	Казахи
Русские	82	3	3
Алтайцы	16	94	8
Казахи	2	3	89
Карасукский р-он НСО (Карасук, 2003)			
	Русские	Немцы	Казахи
Русские	82	41	8
Немцы	16	56	3
Казахи	2	3	89

Вместе с тем, из данных, представленных в табл. 110, очевидно, что казахи, с одной стороны, а русские и немцы, с другой стороны, практически не заключают браков между собой. Это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании некоторой социальной дистанции между рассматриваемыми этническими группами.

Если гомогенный характер казахских семей Карасукского района НСО можно объяснить близостью исторической Родины и более тесными контактами с ней, то этническую однородность браков алтайской общины казахов объяснить можно за счет высокого уровня национальной идентичности и этносоциальной дистанцированности проживающих на территории Горного Алтая национальностей.

Немаловажной причиной отсутствия межэтнических браков является религиозный фактор. На неустойчивость межрелигиозных браков в Кош-Агачском районе РА указали 38 % представителей казахской диаспоры. Аналогичные ответы в Карасукском районе НСО дали 46 % казахов. Этнолокальные сообщества казахов Кош-Агачского района РА бережно сохраняют религиозные представления своих предков. Большинство казахского населения района (82 %) считает себя верующими, мусульманами. В современных условиях, когда алтайцы обрели статус «титульной» нации, а казахи оказались в роли этнического меньшинства, религиозный фактор, став формой самоопределения (этнодифференциации и интеграции), приобрел особую значимость. Активная исламизация района в последние годы, связанная с установлением диаспорой контактов с исламским миром (с мусульманами Казахстана, Монголии, Китая, Турции), актуализирует не только религиозное, но и этническое сознание и способствует консолидации представителей казахской национальности.

Стремление сохранения этнической идентичности, как правило, четко прослеживается в семейных отношениях представителей казахской диаспоры. Среди представителей казахских диаспоральных общностей в несколько измененном виде сохраняется традиционная модель семейных взаимоотношений, отличающаяся достаточно жесткой регламентацией поведения мужчины и женщины в браке. Мужчина был ответственен за материальное обеспечение и защиту семьи, в то время как женщина занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. При этом во взаимоотношениях мужа и жены главным авторитетом обладал мужчина. Наиболее жесткой регламентацией взаимоотношений полов, в прошлом, выделялось казахское население, исповедующее ислам. Нормы шариата узаконивали зависимое от мужчины положение женщины. В настоящее время содержание семейных ролей стало менее строгим, чем раньше — традиционные представления о поведении супругов трансформируются в сторону новых норм и ценностей. Например, в современной семье уже не наблюдается четкого разделения «мужской» и «женской» сфер дея-

тельности. Но все же в жизни семей казахской диаспоры до сих пор проявляются традиционные черты.

Данные социологических исследований свидетельствуют о сохранении среди казахской диаспоры Кош-Агачского района РА традиционных представлений о семейном главенстве мужчины. Так, по мнению 90 % казахов, главой в их семье является мужчина. Наименьшее число опрошенных, считающих главой семьи женщину, приходится на казахское население — 5 % (табл. 111).

Процент опрошенных, указавших на доминирование в семье женщины, значительно выше среди русского населения — 50 %. Среди алтайцев указывают на главенство женщины 24 % опрошенных. Несколько ниже доля казахского населения, придерживающегося традиционных представлений о взаимоотношениях в семье, среди казахской диаспоры Карасукского района НСО (84 % кол-во голов, среднее значение), хотя это также самый высокий показатель — по сравнению с представителями двух других наиболее крупных этнических групп.

Таблица 111

Представления о главенстве в семье: распределение по национальности, %

Кош-Агачский р-он РА (Кош-Агач, 2001)			
Глава семьи	Русские	Алтайцы	Казахи
Мужчина	50	76	91
Женщина	50	24	9
Карасукский р-он НСО (Карасук, 2003)			
Глава семьи	Русские	Немцы	Казахи
Мужчина	72	73	84
Женщина	28	27	16

Важным механизмом сохранения самобытности в сфере национально-культурных практик является знание своей родословной и жузовой принадлежности, а также использование национальной одежды и утвари и проведение национальных праздников. Осознание своей родоплеменной принадлежности, или принадлежности к семейно-родственным группам, знание своей исторической традиции можно выделить в качестве одного из основных показателей уровня этнического самосознания. Хотя динамичность современных условий жизни, высокая мобильность населения способствуют разрыву тесных родственных отношений, тем не менее, представители казахских общин демонстрируют хорошее знание родословной своей семьи. Так, например, 72 % казахов Кош-Агачского района РА отмечают свою информированность

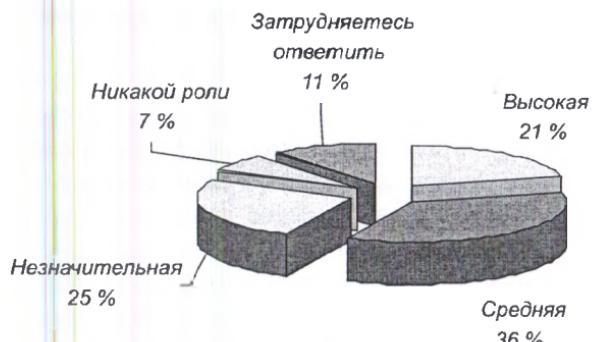

Рис. 18. Оценка роли родовых организаций

селения Алтая и Сибири до настоящего времени сохраняется разделение казахского этноса по жузам. В Кош-Агачском и Карасукском районах более половины казахского населения знают свою жузовую и родовую принадлежность.

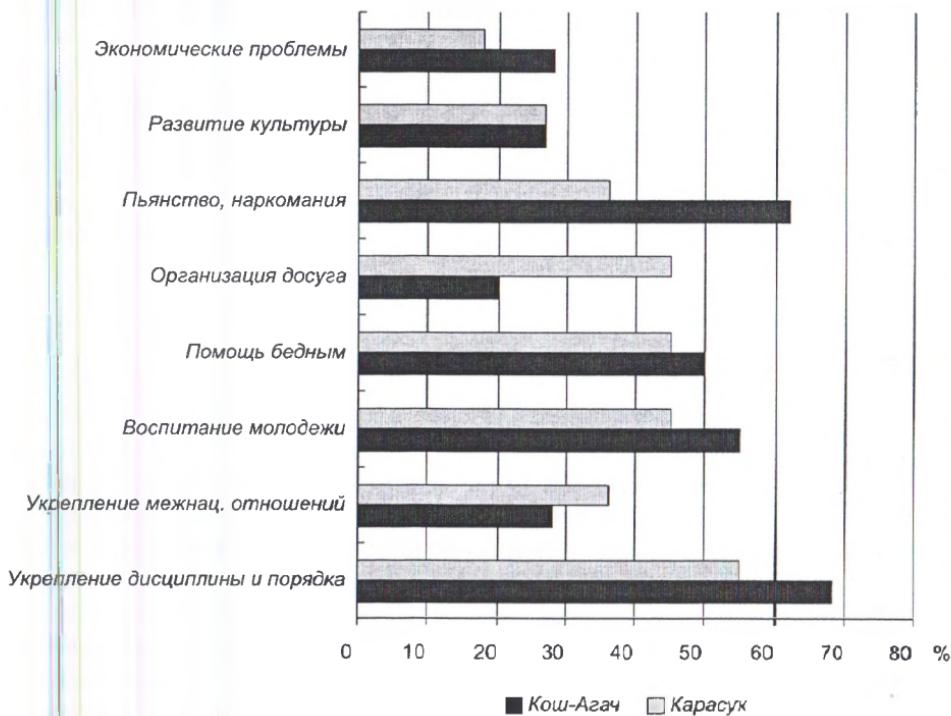

Рис. 19. Проблемы, которые могут решать родовые организации

по данному вопросу. Алтайское население района демонстрирует менее высокие показатели (знают своих предков 52 % опрошенных). Русское население района практически не знает своей генеалогии.

Алтайские казахи сохраняют память о местах исхода и поддерживают родственные связи с близкими к Алтаю казахскими районами. Среди казахского на-

Родовые организации сохраняют свою значимость в жизни казахской общинны (рис. 18).

Сохранившиеся традиционные институты казахов, такие как институт родов и община (мажалля) в современных условиях регламентируют основные социальные практики, организовывая и контролируя частную жизнь членов казахской диаспоры. С помощью родовых организаций решаются проблемы развития культуры и нравственности, воспитания молодежи, помощи социально незащищенным членам общины, борьбы с пьянством, укрепления дисциплины и порядка (рис. 19).

О степени интегрированности казахов в полигэтническое сообщество свидетельствует их включенность, прежде всего, в языковую культуру окружающих иноязычных этносов. В условиях инонационального окружения важным фактором сохранения самобытности выступает использование своего национального языка этнической группой. По материалам опроса, проведенного в обследованных районах, диаспоральные общности характеризуются отличным знанием родного языка: 95-96 % казахов отметили в качестве родного языка казахский (табл. 112). Часть казахов Карасукского района НСО, с детства говоривших и на казахском, и на русском языках, считает родным русский язык (12 %).

Таблица 112

Лингвистическая идентификация, %

Кош-Агачский р-он РА (Кош-Агач, 2001)			
Национальность	Русские	Алтайцы	Казахи
Русский	88	2	1
Алтайский	7	98	1
Казахский	5	0	98
Карасукский р-он НСО (Карасук, 2003)			
Национальность	Русские	Немцы	Казахи
Русский	0	0	97
Немецкий	100	75	12
Казахский	0	25	0

Данные опросов сельских жителей Республики Алтай свидетельствуют об устойчивом сохранении каждым этносом своего родного языка; степень языковой ассимиляции незначительна (табл. 113).

Таблица 113

Владение казахским языком, %

Степень владения	Кош-Агачский р-он (Кош-Агач, 2001)			Карасукский р-он (Карасук, 2003)		
	Русские	Алтайцы	Казахи	Русские	Немцы	Казахи
Свободно	8	48	98	0	23	97
С трудом	18	35	2	0	24	2
Нет	73	16	0	100	53	1

Свободное владение казахским языком среди самих казахов демонстрируют 98 % опрошенных. С трудом казахским языком владеют 2 % казахов. В то же время, в местах компактного проживания казахов распространено и владение казахским языком среди представителей других национальностей. Так о владении казахским языком заявили 83 % алтайцев. По мнению исследователей, часть народа, по разным историческим причинам отдалившаяся от основной массы населения и проживающая изолированно от своих соотечественников, за время обособленного проживания часто сохраняет культуру и язык лучше оставшихся на родине предков. Подобная тенденция прослеживается и у казахов, населяющих Кош-Агачский район.

Карасукский район НСО характеризуется малыми масштабами распространения двуязычия. Несмотря на совместное проживание различных этносов, русское население преимущественно владеет только родным языком. Казахи Карасукского района в одинаковой мере владеют и казахским, и русским языками в условиях сильного влияния русскоязычного информационного фона, причем 97 % казахов свободно владеют родным языком.

Основная масса представителей казахской диаспоры Кош-Агачского района РА предпочитает в семейном кругу и бытовой сфере общаться на родном, казахском языке, роль русского языка возрастает только при контактах с соседями и на работе (рис. 20). Особенno важен тот факт, что большинство представителей казахской диаспоральной общности используют при общении с детьми родной язык (94 % казахов общаются с детьми на языке своего этноса).

Полилингвизм, реально существующий в Кош-Агачском районе РА, обусловлен смешанным составом населения, административно-политическими факторами, потребностями повседневной жизни и способствует высокой степени использования родного языка и вне сферы семьи, хотя значение русского языка резко возрастает в производственной сфере (на работе) и в общении с соседями.

Результаты опроса представителей казахской диаспоры в Карасукском районе НСО показали, что языковая ситуация в районе характеризуется сильной позицией русского языка.

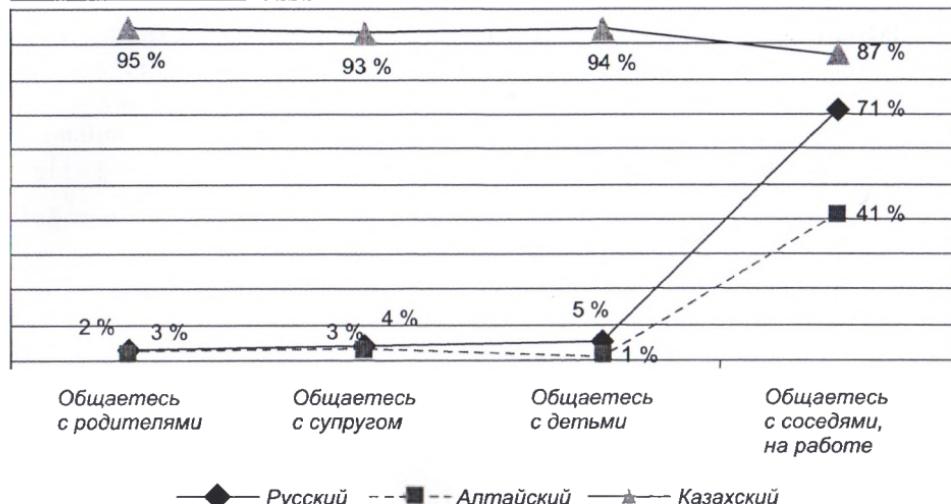

Рис. 20. Интенсивность употребления языков казахской диаспорой (Кош-Агачский район РА)

Как следует из рис. 21, для казахов характерно расширенное применение и казахского, и русского языков одновременно. При этом масштабы функциональной нагрузки казахского языка заметно выше, чем русского языка. Употребление родного языка максимально широко у казахов в общении с родителями (91 %), активно используется родной язык и в общении с супругами (83 %), и детьми (81 %). В то же время, около половины казахов говорят с родителями и родственниками также и на русском языке.

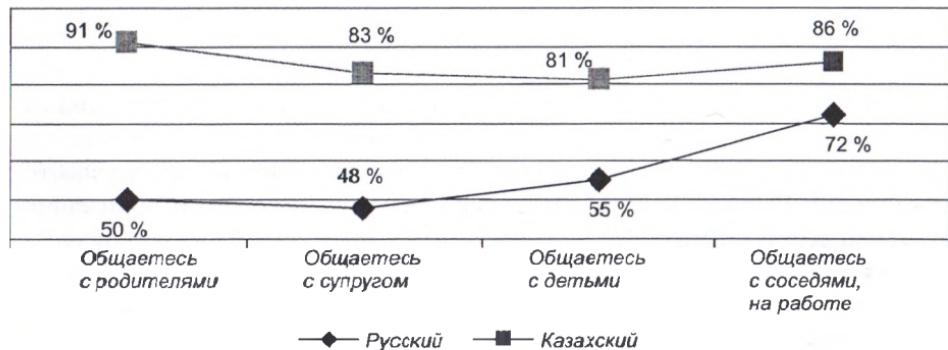

Рис. 21. Интенсивность употребления языков казахской диаспорой (Карабасукский район НСО)

Результаты социологических исследований убедительно показывают, что этнические интересы и межнациональные противоречия не относятся к числу особо актуальных для рядовых казахов. Большинство населения в местах компактного проживания казахской диаспоры ставит межнациональную напряженность на самое последнее место среди социальных проблем (табл. 114).

Таблица 114
Проблемы выделенные населением, %

Проблема	Кош-Агачский р-он РА (Кош-Агач 2001)			Карасукский р-он НСО (Карасук 2003)		
	Русские	Алтайцы	Казахи	Казахи	Русские	Немцы
Экология	0	10	13	10	10	7
Безработица	61	87	88	52	35	35
Задержка зарплаты	50	31	23	34	23	49
Недостатки в работе местных органов управления	0	16	14	21	15	14
Распространение бедности, нищеты	0	29	24	40	38	21
Напряженность в межнациональных отношениях	0	3	3	0	2	2
Пьянство	100	57	49	29	36	33
Преступность	22	10	6	3	3	0
Демография	15	16	9	14	9	9

Таким образом, большинство населения рассматривает национальные проблемы как второстепенные. Наиболее острый характер в обследованных районах проживания казахской диаспоры имеют проблемы социально-экономического сферы.

Анализ социально-экономического положения диаспоральных общностей казахов в Карасукском районе НСО и Республике Алтай показывает, что одной из главных проблем этих сообществ, как и подавляющей части сельского населения России, является адаптация к меняющейся социальной и экономической действительности.

Современный быт российских казахов имеет собственную этническую специфику, однако сохранение традиций на уровне бытовой, материальной культуры остается гораздо менее выраженным. В обустройстве жилища, изготовлении одежды, в кулинарии соседствующие этносы перенимают опыт друг у друга. Именно эти сферы оказываются наиболее восприимчивыми к практи-

ке многокультурности. В значительно меньшей степени взаимная инфильтрация традиций происходит в соционормативной сфере.

Отсутствие выраженных отличий между этносами на уровне бытовой культуры тесно связано с экономическими практиками, в которых участвуют соседствующие этносы, и которые на сегодняшний день фактически не имеют никакой национальной специфики. В то же время, в условиях отсутствия национальной специфики в сфере экономических практик, достижение экономической успешности позитивно влияет на самооценку представителей того или иного этноса.

В Кош-Агаче казахская диаспора демонстрирует, на фоне общей безработицы и низких доходов всего населения района, более эффективную экономическую адаптацию к рыночным условиям по сравнению с алтайским этносом. В условиях рыночной экономики государственные организации уже не являются определяющим фактором экономического развития района, и все большее значение приобретают частные предприятия. Прослеживается существенная зависимость сфер занятости от национальности работающих: доля занятых в частных организациях (бизнес) среди казахов превышает аналогичный показатель среди алтайцев почти в пять раз. В частных организациях занято более половины всех работающих респондентов казахской национальности (54 %), тогда как среди алтайцев аналогичный показатель составляет всего 11 %. Это весьма рельефно подчеркивают различия в формах адаптации в различных национальных общинах (рис. 22).

В то же время наблюдается заметное отличие в распределении респондентов по уровню доходов в зависимости от их национальной принадлежности (рис. 23).

Данные исследования зафиксировали несколько более благоприятную ситуацию с доходами алтайских казахов по сравнению с алтайцами и позитивную тенденцию повышения материального благосостояния данной национальной группы: было отмечено произошедшее с момента предыдущего обследования (1998 г.) перемещение примерно 10 % из группы крайне бедных в группу просто бедных среди жителей казахской националь-

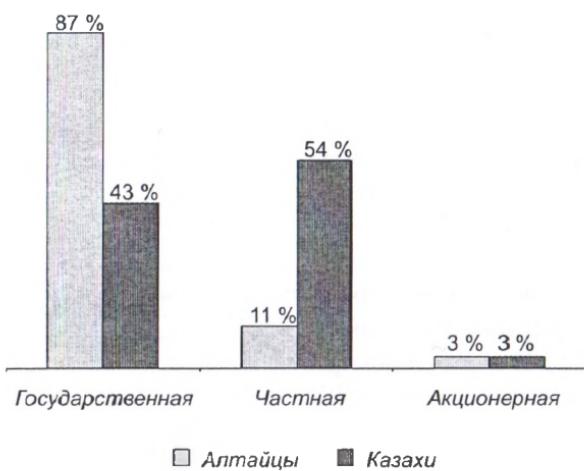

Рис. 22. Занятость населения Кош-Агачского района (по формам собственности)

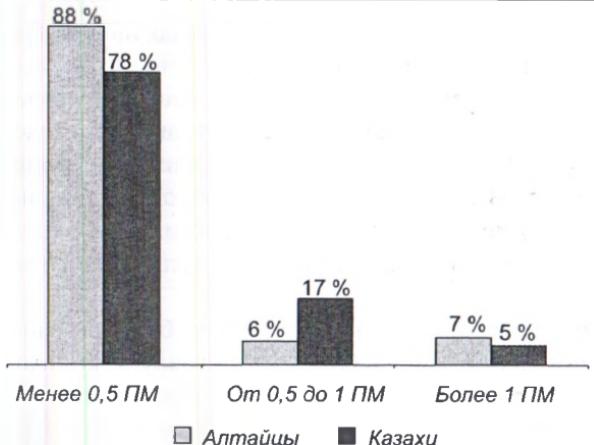

Рис. 23. Зависимость доходов от национальности опрошенных (по Кош-Агачскому району РА)

следования, проведенные в Кош-Агачском районе, показывают противоположные тенденции в оценке межэтнических отношений представителями основных этнических групп. Если в 1998 г. оценка межэтнических отношений алтайцами и казахами была фактически одинаковой, то уже в 2001 г. доля алтайцев, оценивающих межэтнические отношения в районе как напряженные, в два раза превышала соответствующий показатель у казахов (рис. 24). Такое расхождение в субъективных оценках межэтнических отношений среди этносов, проживающих в одном и том же районе и в одинаковых условиях объясняется, прежде всего, возросшей конкуренцией в экономической сфере.

Действительно, основными причинами, влияющими на межэтнические отношения в районе, по мнению представителей всех этнических групп, являются экономические причины, такие как общее ухудшение экономической ситуации и борьба за рабочие места, а также политические причины — распределение постов и предоставление льгот по национальному признаку, борьба за власть на разных уровнях.. Кроме того, для казахов фактором, обостряющим межэтнические отношения, оказывается вопрос о родовых угодьях (то есть вопрос о праве коренных и некоренных жителей Республики Алтай на землю) и неуважение обычая (рис. 25).

В целом надо признать, что в условиях этноориентированной политики, проводимой Республикой Алтай, при относительно равной представленности казахов и алтайцев в структуре населения района, основной причиной нестабильности межэтнических отношений оказывается возросшая конкуренция на политическом и экономическом уровне между титульным этносом (алтайцами) и национальным меньшинством (казахами).

ности по сравнению с алтайцами. В условиях крайне низкого уровня денежных доходов особое значение приобретает домашнее хозяйство, имеющее преимущественно натуральный характер.

Успешность экономических практик влияет на то, как представители различных национальностей оценивают свои возможности и, в конечном счете, на оценку межнациональных отношений в полигэтническом сообществе. Ис-

Другим примером межэтнического взаимодействия являются отношения, сложившиеся между этносами Карабускского района Новосибирской области, где все этнические группы оценивают межэтнические отношения как стабиль-

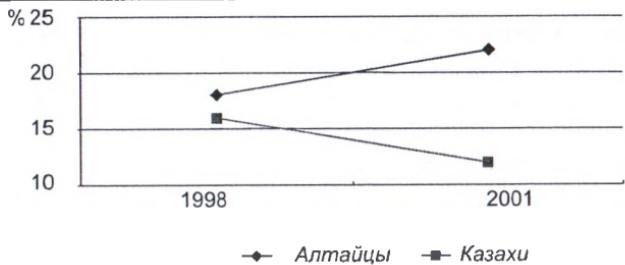

Рис. 24. Динамика напряженности межэтнических отношений в Кош-Агачском районе

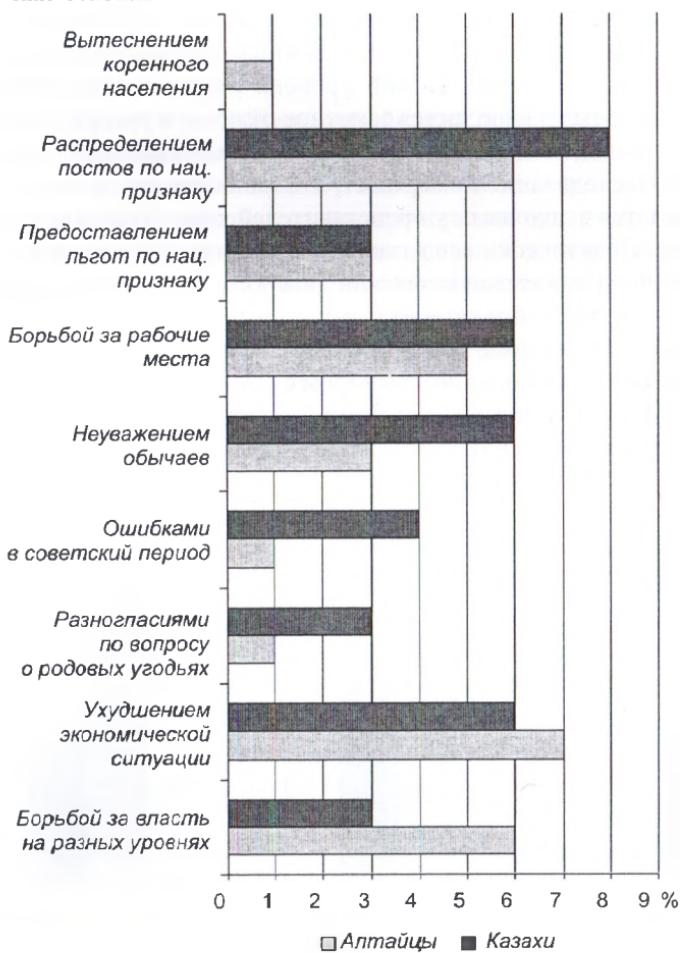

Рис. 25. Причины нестабильности в межнациональных отношениях (Кош-Агачский район РЛ, 2001 г.)

ные. Одним из факторов, определяющих эту стабильность, является диаспоральная стратегия карасукской казахской общины, реализуемая, прежде всего, не в экономической или политической, а в этнокультурной сфере. Возможность постоянных активных родственных и культурных контактов с представителями своего этноса, проживающими на исторической родине, оказывается фактором, определяющим характер проблем, с которыми она сталкивается в процессе формирования и развития. Так, почти половина представителей карасукской казахской общины, проживающей в приграничном с Казахстаном районе, не видит особых проблем для дальнейшего развития общины. Напротив, алтайские казахи гораздо более обеспокоены судьбой своей общины.

Результаты исследования в Карасукском районе НСО показывают, что, в отличие от большинства сельскохозяйственных районов области, в этом районе наблюдается достаточно низкий уровень реальной безработицы (около 17 %). В то же время наблюдается заметное отличие в распределении респондентов по уровню доходов в зависимости от их национальной принадлежности (рис. 26). Исследование показывает, что наиболее неблагоприятная ситуация складывается с доходами у представителей казахской диаспоры Карасукского района. Практически все казахское население находится за чертой бедности, среди представителей казахской диаспоры наибольшая доля населения (64 %) по сравнению с представителями других национальностей (у русских 35 %, немцев — 54 %), может быть отнесена к крайне бедным. Отчасти это объясняется сравнительно большим размером семьи казахов (4,8 человека против 3,5 у русских), что связано, прежде всего, с большим числом детей (3,2 против 2,1 у русских). Так как среднее число работающих в семьях русских и казахов

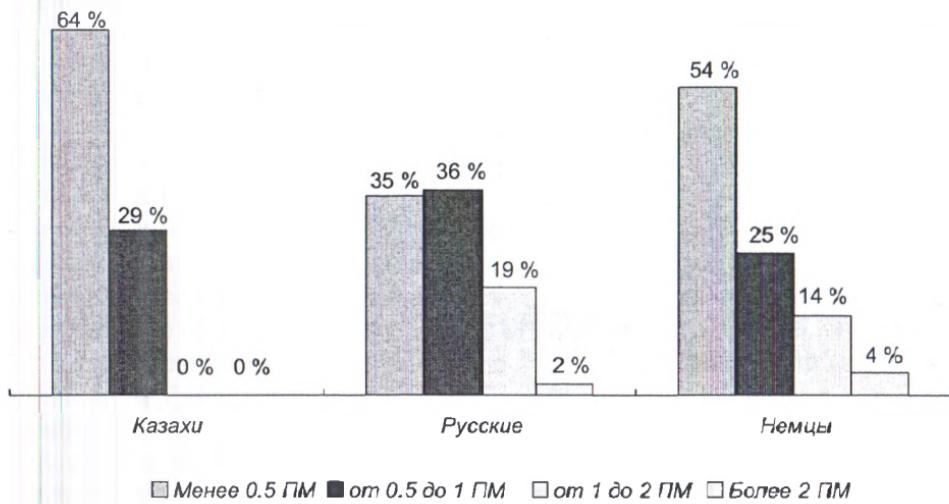

Рис. 26. Зависимость доходов от национальности, Карасукский р-он НСО (2003 г.)

одинаково (1,7 человека), большее число иждивенцев приводит к некоторому снижению уровня среднедушевых доходов у казахов.

Возможно, именно крайне неблагоприятное материальное положение большинства представителей казахской диаспоры Карасука и близость с Казахстаном обуславливает специфику миграционных процессов, происходящих в районе. У казахских респондентов уровень миграции составляет 10 %. Основная часть мигрантов направляется в Казахстан. Каждая третья казахская семья хотела бы переехать, причем Казахстан в качестве вероятного места переезда указала половина представителей казахской диаспоры, выразивших такое желание.

Таким образом, исследование диаспоральных стратегий различных этно-локальных сообществ позволяет выделить ключевые моменты, определяющие современное положение и перспективы их дальнейшего развития.

Основным фактором успешного сохранения этнической идентичности и ориентации на традиционные религиозные и культурные ценности являются постоянные двухсторонние контакты с исторической Родиной, чему в значительной степени способствует политика, проводимая правительством Республики Казахстан в отношении казахской диаспоры. Сохраняя тесные связи со своей исторической родиной — Казахстаном — и казахи Алтая, и казахи Карасука демонстрируют ориентацию на развитие собственных поселений. Если поведение кош-агачской общины вписывается в рамки диаспоральной стратегии, основанной на интеграции в принимающее общество в условиях этносоциальной и этноэкономической дифференциации, то поведение карасукской общины основывается на территориальной близости и более тесных культурных связях с исторической родиной.

Для любой диаспоральной общности характерно сохранение национального самосознания, одновременно высокая степень интегрированности в культуру местного полизначного сообщества и высокий уровень национальной самобытности и этнической идентификации. Степень включенности казахской диаспоры в полизначное сообщество и в языковую культуру окружающих этносов (при сохранении ориентации на традиционные ценности) оказывается одним из факторов успешной адаптации к социально-экономическим и политическим условиям. В Республике Алтай казахи интегрированы в русскую и алтайскую культуры, а в Новосибирской области казахи интегрированы в русскую культуру.

Для всех диаспоральных общностей характерна ориентация на традиционные религиозные и культурные ценности и сохранение традиционных институтов. В условиях оторванности от традиционной этнической среды диаспора демонстрирует свою этничность через этнознаковые элементы культуры и поддержание общинного образа жизни, что способствует актуализации особых моделей поведения, как на бытовом уровне, так и в области экономичес-

кой и политической деятельности в соответствии со сложившимися в общине этническими критериями и установками. При этом особое преимущество в процессе адаптации получают крупные, компактно проживающие этнические общности, численно сравнимые с другими национальными общинами. Статус этнического меньшинства и численность общины выступают дополнительными факторами консолидации диаспоры. Адаптационная функция диаспоральных общностей имеет две взаимосвязанных направленности: внутреннюю и внешнюю. То есть адаптация осуществляется в рамках диаспоры и в то же время велико значение диаспоры как опосредующего звена в контексте включения в «большое общество».

Фактором стабилизации этнического самосознания представителей диаспоры может выступать их экономическая и социальная успешность. Стабильность диаспоры как многоуровневой системы зависит от того, насколько сохраняется, эволюционизирует и модернизируется ее этничность как социально значимый фактор внутри- и межэтнического взаимодействия. Это означает, что самобытность диаспоры предопределена наличием крепких внутренних связей и стремлением к этнокультурной защите каждого из членов диаспоры. Этнические общности казахов в Карабуском районе НСО и Республике Алтай сохраняют свою идентичность, в основном, благодаря своей институциональной структуре. Вполне очевидно, что этническая идентичность сохраняется только при условии сохранения этнической общины, т. е. сознавая себя частью материнского народа, диаспора поддерживает этнокультурную дистанцию, подтверждая принадлежность к исторической родине, ее этнокультурному пространству. В районах с компактным проживанием и в условиях равной численной представленности национальных групп, казахи демонстрируют более высокую социальную и экономическую эффективность в сравнении с коренным населением, а также более высокую самооценку. В то же время, эти преимущества достигаются не за счет собственно специфики используемых национальных экономических практик, а за счет разницы в трудовой мотивации и социальном контроле.

В обследованных диаспоральных общностях казахов Карабуского района Новосибирской области и Республики Алтай экономические и хозяйствственные практики, в отличие от сферы культуры, не находятся в прямой зависимости от национальных особенностей, и в целом, типологически схожи с теми, которые распространены в иноэтническом окружении. Поэтому основой существования и эволюции диаспоральных общностей выступает коллективная этнокультурная идентичность, с одной стороны, и гармоничное включение в интернациональный культурный процесс, с другой стороны.

Заключение

Изучение развития социальной сферы сельских локальных сообществ является составной частью сельской социологии, обладающей собственным предметом и объектом исследования. Как специфический объект социологической науки понятие сельского локального сообщества возникает на пересечении методологии сельской социологии, локалистики (в отечественной традиции — исследований регионально-территориальной структуры сельского социального пространства) и социологии сообществ.

Теоретические основы исследования сельских сообществ были заложены классиками социологии, в работах Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, К. Циммермана, Ч. Гэлпина, У. Томаса и др. При всех существенных отличиях в методологии и терминологии в работах классиков социологии существуют сходные аспекты. Акцентируя внимание на различных сторонах жизни социума, они выявляют суть различий между традиционным обществом, в качестве которого зачастую рассматривалась сельская община (основанная на эмоционально окрашенных взаимосвязях, силе традиции и обычая), и урбанистическим (современным) обществом, основанном на рационализации, интенсивности безличных контактов, дифференциации. Таким образом, были сформулированы такие отличительные черты сельского сообщества, как интенсивность межличностных коммуникаций, органическая социальная солидарность, преобладание традиционных ценностей.

Концептуальные основы социологического изучения сельского сообщества позволили выделить такие важные характеристики сельского социального сообщества, как высокая роль семейной общины в личной жизни каждого члена сообщества, контроль его поступков и образа жизни, значительную роль неформальных практик. Исследование связей и социальных сетей, обнаруживающихся между домохозяйствами жителей села, социально-территориальными общностями, изучение экономики реципрокных обменов и исследование сетевых взаимодействий как ресурсного потенциала неформальной экономики, позволило прийти к выводу о решающей роли в жизнедеятельности сельского социума социального капитала и его многообразного функционирования в форме сетей поддержки. Внутренняя взаимосвязь различного рода социальных сетей, укорененных в сельском социуме, и неформальных экономи-

ческих практик наиболее рельефно прослеживается в ходе конструирования моделей выживания, приспособления к изменениям социальной среды, создание которых требуют мобилизации сельского локального сообщества, сохранившего в видоизмененной форме многовековые традиции коллективизма (общинности), моральные правила и нормы, согласно которым осуществляются семейные и межсемейные связи. Стратегии выживания сельского населения зачастую базируются на комбинации действий, направленных не только на воспроизведение конкретного домохозяйства (семьи), но и более широкомасштабных социальных организаций (соседских объединений, территориальных общностей); причем поведение социально-территориальных общностей следует понимать как производное от социальных сетей, элементами которых оно выступает.

Значительная часть современных исследователей сосредоточена на изучении сельских сообществ как социальных систем и анализирует способы, посредством которых сообщества приспособливаются к изменениям, вызванным внешними экономическими и социальными сдвигами вследствие глобализации и других широкомасштабных трансформаций. Повышенное внимание исследователей к подобной тематике вызвано тем, что сельские сообщества оказываются наиболее уязвимыми элементами в условиях воздействия глобализации на экономику, социальную политику, культуру. Анализ сложных взаимозависимых и взаимопротиворечивых процессов глобализации — локализации, показывает, что происходящая в современном мире глубинная трансформация как содержания, так и форм проявления локального в контексте глобализации ведет к формированию качественно нового явления — «новой локальности». Способом трансформации локальности является расширение горизонтов каждого локального образования, развитие межлокальных коммуникаций. Исследователи, работающие в рамках концепции глокализации, убедительно доказывают, что в процессе глобализации возможно не только сохранение, но и возрождение, развитие местных культурных традиций, локальных цивилизаций. Таким образом, с усилением глобальных процессов возрастает и их дифференциация — множество локальных культур и традиций словно обретают «второе дыхание». Глобализация, по современным представлениям, требует от местных культур не безоговорочного подчинения, а селективного, выборочного восприятия и освоения нового опыта. На уровне локальных социальных организмов и индивидуумов происходит смена стратегий социального действия, в процессе поиска нового статуса локального в современном поликультурном мировом сообществе возникают новые социокультурные проекты самореализации и адаптации к воздействию глобальной среды, а практика локализма начинает выступать в качестве фактора и инструмента региональной социально-культурной политики.

Анализ общеоретических аспектов методологии изучения сельских локальных сообществ позволяет сформулировать определение данного специфического объекта исследования, выступающего в качестве подсистемы общества, являющегося одним из объектных оснований общей социологической теории и составным элементом объекта социологии локальной сельской среды. В настоящей работе сельские локальные сообщества определяются как отдельные, исторически сложившиеся, относительно автономные по отношению к остальному миру социальные системы, базовые элементы территориальной организации общества, имеющие собственные социальные механизмы поддержания самоидентичности. Основными элементами такой общности являются территориальная группа населения, социальные связи и жизненная среда сельского сообщества. Последняя, в свою очередь, разделяется на естественную среду (природно-климатические условия, земля, вода и другие естественные ресурсы) и искусственную среду, созданную трудом человека (материально-вещественные условия жизни сообщества).

Данные сообщества являются элементами сельской среды и входят в совокупность поселений, имеющих сельский административный статус. Для сельских локальных сообществ свойственна тесная связь со средой обитания, ресурсы окружающей природной среды являются решающими факторами в организации жизнеобеспечения, определяют формы и характер социально-экономических отношений, особый тип социальной организации, что является причиной распространенности неформальных практик и взаимодействий. Внутренняя структура сельского локального сообщества включает в себя всю полноту социальных связей, и в этом отношении оно подобно обществу, что позволяет говорить о социальной полиструктурности сельских сообществ. Тем не менее, сельские сообщества традиционно отличаются значительной социальной и профессиональной однородностью, для них характерна дифференциация по уровню и качеству жизни, а также экономической специализации.

Сельское локальное сообщество, как и любая другая социальная система, представляет собой систему отношений индивидов и социальных действий. Для его анализа применим системный подход, рассматривающий четыре подсистемы (социetalное сообщество, систему поддержания институциональных образцов, политическую и экономическую системы), их функциональное назначение и взаимосвязи.

Исследование сельских локальных сообществ, помимо аналитического качественного описания специфических для данного социума характеристик, направлено на анализ общих тенденций развития общества, преломленных через «местную» специфику и опирается как на качественные, так и количественные методы социологии. Комплексное исследование социального развития локального сельского сообщества требует выделения, по крайней мере, трех блоков: социально-экономический блок, охватывающий проблемы, свя-

занные с уровнем доходов сельского населения, отношениями собственности, состоянием рынка труда и формами занятости населения, преобладающими видами экономической деятельности и т. д.; социально-демографический блок; социально-структурный блок, включающий в себя вопросы социальной организации и социальных взаимоотношений сельского сообщества. Эти показатели, фиксируемые в ходе исследования локальной специфики адаптации сельских сообществ, позволяют оценить сельские сообщества по следующим параметрам: степень вовлеченности в модернизационные процессы; уровень адаптированности к переменам; социальные ресурсы, доступные сообществу.

Стратегии адаптации сельских локальных сообществ зависят от ряда факторов экономического, социального, демографического, природно-климатического и географического характера. Изучение всего комплекса факторов, влияющих на выбор модели адаптации и динамику социально-экономического развития сельских локальных сообществ, позволяет рассмотреть механизм формирования и реализации адаптационных стратегий сельских сообществ и построить аналитические модели адаптации сельских сообществ, основанные на типологии сообществ (поселений) в зависимости от сочетания стратегии и факторов адаптации.

В современной России процесс социальной адаптации определяется проходящими в обществе преобразованиями, радикально меняющими характеристики социальной среды, в которой протекает жизнедеятельность социальных субъектов. Применительно к сельским локальным сообществам в условиях реформирования адаптация определяется как целостная система реакций сельских сообществ и их отдельных элементов, направленная на достижение оптимального динамического взаимодействия с меняющейся внешней средой. При определении уровня адаптированности используются объективные критерии, представляющие собой степень освоения новых поведенческих стандартов, реализации в деятельности норм и правил изменившейся социальной среды, такие как степень распространенности тех или иных стратегий, моделей адаптационного поведения, и субъективные критерии, главным образом социальное самочувствие, выступающее в качестве интегрального показателя степени адаптированности. Одним из главных показателей успешности адаптации в рыночном обществе является повышение материального уровня субъекта адаптации, поэтому изучение индикаторов, характеризующих уровень жизни сообществ, особенно важно.

Социальная адаптация в современном российском обществе объединяет сам процесс приспособления к возникающим социально значимым изменениям и соответствующую им последовательность незавершенных, налагающихся друг на друга адаптивных состояний, в результате этого процесса адаптации создаются условия не только для осуществления жизнедеятельности сельских сообществ, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды.

Акцентирование внимания на динамическом аспекте социальной адаптации предполагает изучение, в первую очередь, процесса и механизмов адаптации, напрямую зависящих от стратегии адаптации, представляющей собой выбор конкретных моделей социально-экономического поведения, эффективность которых определяется соответствием новым условиям социального взаимодействия.

Будучи одним из универсальных феноменов локальной жизнедеятельности, типологическая общность социально-экономической активности сельских сообществ как целого основывается на большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними, а также феномене дифференциации сельских поселений по уровню и качеству жизни и экономической специализации, то есть выделении какого-то одного вида занятости в качестве преобладающего, что обусловлено зависимостью типичных форм социально-экономического поведения от факторов внешней среды и внутренних ресурсов. Конкретный «ответ» локального сообщества на процессы трансформации складывается из трех основных компонентов:

Характера воздействия со стороны глобализованного общества.

Конкретного содержания традиционности, воспроизведенного данным локальным сообществом, то есть совокупности устойчивых практик жизнедеятельности, репродуцируемых обществом (институциализированный в данном сообществе «социальный порядок»). Например, этническая специфика определяет «исходный» тип традиционного природопользования, социокультурную и демографическую динамику локальных сообществ.

Внешних условий существования сообщества, определяющих его «границы возможного», лимитирующих доступные данному сообществу возможные реакции на изменения социальных условий. Так, географический фактор проявляется как в природных различиях, напрямую влияющих на располагаемые сообществом ресурсы, определяющих профилирующий вид экономической деятельности, так и в уровне урбанизации территории и удаленности населенного пункта от городских центров, выступающих источниками сбыта и приложения избыточных трудовых ресурсов.

Именно влияние второго и третьего условия обеспечивает наблюдаемую дисперсию приспособительных реакций, вырабатываемых различными сообществами.

Применение предлагаемой методологической схемы позволяет в качестве «вызова» интерпретировать политику, проводимую государством, то есть собственно модернизационные реформы, а в качестве «ответа» — модели социально-экономического поведения, вырабатываемые населением в процессе адаптации к реформам.

Социальное развитие сельских локальных сообществ в современной России обусловлено особенностями осуществляющейся с начала 1990-х гг. аграр-

ной реформы. Наиболее важными итогами преобразований в сельском социуме являются: становление новых форм хозяйствования и многоукладной экономики в сельском хозяйстве и соответствующей организационной структуры; распространение новых форм собственности и земельных отношений; усиление роли и значимости личных подсобных хозяйств в структуре сельскохозяйственного производства, формирование новой социальной и стратификационной структуры сельского населения, становление новой системы социальных взаимодействий.

Аграрные реформы привели к резкому сокращению государственного сектора, наиболее важную роль в экономике стали играть крупные сельхозпредприятия (реформированные в различные АО, ООО бывшие коллективные хозяйства) и хозяйства населения, которые, учитывая их значение в экономическом и социальном плане, уже давно не могут именоваться «подсобными». Крупные сельскохозяйственные организации (крупхозы), даже экономически нерентабельные, продолжают сохранять значение жизнеобеспечивающего центра сельского сообщества. Перераспределяя в тех или иных видах материальной поддержки трансферты, получаемые «извне», крупхозы выполняют редистрибутивную функцию, осуществляя вторичное распределение, обеспечивающее направление ресурсов на поддержание социально-экономической сферы сельских сообществ. Помимо этого, крупные сельскохозяйственные предприятия являются основной ресурсной базой личных подсобных хозяйств селян. Хозяйственная эффективность и рентабельность крупхозов, наличие у них доступа к трансфертам, направляемым на поддержание сельского хозяйства, являются определяющими факторами социально-экономического положения конкретных сельских сообществ. Заметным сектором аграрной экономики стали личные подсобные хозяйства сельских жителей, которые заняли вполне самостоятельную позицию среди других хозяйственных укладов, причем не как результат реформирования, а как следствие реализации адаптационного потенциала села. Именно в домохозяйствах населения на сегодняшний день производится основная часть продукции животноводства и овощеводства. Фермерские хозяйства, на которые была большая надежда, при отсутствииенной государственной поддержки внесли лишь незначительный вклад в производство сельхозпродукции и развитие социально-экономической сферы села.

Многолетний период трансформации всего хозяйственного механизма привел к сокращению физических объемов сельскохозяйственного производства, вследствие чего получили распространение такие негативные социальные явления как безработица, массовая бедность, недоступность населению села образовательных, культурных, бытовых услуг, медицинской помощи, что в целом породило социально-психологическую дезадаптацию, нравственную и культурную деградацию села.

Поскольку процесс адаптации сельского населения в современной России представляет собой приспособление не только к рынку, но и к социальным последствиям аграрной реформы (прежде всего, безработице и феномену экономической бедности), то вырабатываемые сельским населением адаптационные стратегии представляют собой локальный ответ на совокупное воздействие двух групп факторов: а) изменения в институционально-правовой сфере сельского социума, связанные со становлением многоукладной экономики; б) негативные явления в социальной сфере, вызванные аграрной реформой.

Исследования дисперсности преобладающих моделей социальной адаптации сельских локальных сообществ, выявленных в ходе социологических исследований, проведенных под руководством автора в 1997–2007 гг. на территории Новосибирской, Кемеровской областей и в Республике Алтай, позволили выявить новые аспекты типологии социальной адаптации сельских локальных сообществ.

При построении типологии адаптационных стратегий населения в первую очередь имеются в виду социально-экономические аспекты адаптации, т. е. проблемы приспособления человека к экономическим и организационным изменениям, рожденным рыночными преобразованиями в России. Таким образом, целесообразным представляется классификация адаптационных стратегий населения на основании характера взаимодействия локальных сообществ с внешней социальной средой, функционирующей по принципам рыночного общества. Сравнительный анализ ситуации в сельских локальных сообществах дает основание для выделения трех основных типов адаптационных стратегий сельских сообществ:

1. Натуральный тип, основанный на сочетании традиционных форм жизнеобеспечения с сильной зависимостью от государственных трансфертов. Переориентация социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, которое служит, прежде всего, целям простого выживания, является наиболее типичной адаптационной стратегией, развиваемой на фоне кризисных явлений в социально-экономической сфере. Наиболее значимой формой товарно-денежных отношений является реализация некоторой части продукта через частных скопщиков. Однако эта практика в качестве основного вида деятельности характерна лишь для 15–20 % сельских домохозяйств. Таким образом, очевидна архаизация экономических практик, отмечаемая многими исследователями как неотъемлемая черта преобразований, происходящих в аграрном секторе. Сложившаяся натуральная экономика не является самостоятельным экономическим феноменом, и в этом ее кардинальное отличие от традиционного натурального хозяйства. Для своего устойчивого существования она нуждается в дополнительных ресурсах, имеющихся в распоряжении крупных сельхозпредприятий. Именно в крупхозах подавляющее большинство сельских жителей получает доступ к редистрибутивному механизму.

2. Неформальный тип адаптации, основанный на широком распространении механизмов рыночной теневой экономики. Развитие неформально-экономических отношений и неформальных практик, дополняющих натурализованный уклад и стимулирующих повышение товарности домашних экономик, получает особенно широкое распространение в тех регионах, где имеются каналы сбыта сельскохозяйственной продукции. На рынок выносятся в основном излишки ресурсов, остающиеся в хозяйстве (в т. ч. избыток труда, например в регионах, где размер и, соответственно, эффективность личных хозяйств ниже, чем в других регионах). При этом развитость теневой экономики определяется не столько внутренними потребностями крестьянского хозяйства, сколько внешними ситуативными обстоятельствами: значительный рост неформально-рыночных отношений происходит только в тех сообществах, где имеются каналы сбыта продукции ЛПХ и промыслов.

3. Деструктивный тип адаптации, характеризующийся прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией и, в конечном счете, деструктуризацией, гибелью локального сообщества.

Изучение ситуации в различных регионах дает основания предполагать, что отмеченные типы адаптации не являются параллельными и независимыми. Они представляют собой различные стороны единого процесса адаптации, по-разному протекающего в разных обстоятельствах и в разных условиях.

Вариативность стратегий адаптации обусловлена географической, экономической и этнической спецификой конкретного региона, а также внутренними факторами, определяющими развитие конкретных поселений. На основании социологических исследований выполнен анализ специфики адаптационных стратегий сельских локальных сообществ в зависимости от внешних условий среды (факторов) и внутренних ресурсов адаптации. Для выработки конкретных моделей адаптации имеет значение совокупное воздействие следующих факторов: степень урбанизированности территории (в том числе техногенное воздействие промышленных предприятий); близость или удаленность городских центров; наличие природно-географических ресурсов; этническая специфика, а также внутренние факторы: размеры поселения, его административный статус, демографические ресурсы, экономическая специализация сельского сообщества и пр. В целях анализа эмпирических данных различные сельские сообщества сгруппированы следующим образом:

- 1) поселения моноотраслевой сельскохозяйственной специализации, тесно связанные с закономерностями организации и функционирования аграрного производства, на развитие которых оказывают первостепенное влияние внутренние факторы;
- 2) сельские поселения, находящиеся в зоне промышленного освоения и пригородах (то есть в условиях урбанизированной социальной среды);

3) поселения, специфика развития которых зависит от природно-географических факторов (эксплуатации природных ресурсов и условий).

Модель социально-экономического развития сельских сообществ в условиях преимущественно сельскохозяйственной специализации региона отражает типичные особенности адаптации сельского социума. На основе авторской типологии адаптационных стратегий сельских сообществ произведена группировка поселений сельскохозяйственной специализации по моделям социально-экономического поведения:

Группа «А» — сельские сообщества, основу экономики которых составляет натуральное хозяйство (причем, в соответствие с авторским подходом, подобная форма хозяйства не является самостоятельной, самодостаточной системой и существует в тесном взаимодействии с крупными сельхозпредприятиями).

Группа «Б» — сообщества, в которых для адаптации населения определяющую роль играют неформальные практики (высокий уровень «скрытой» от официальной статистики товарности личных хозяйств и промыслов, и прочих доходов в структуре доходов населения). Как правило, в этих поселениях отсутствует крупное хозяйство, зато наличествуют благоприятные природные, географические факторы, демографические ресурсы адаптации.

Группа «В» — сообщества с деструктивным типом адаптации, характеризующиеся негативными тенденциями в развитии социально-экономической и демографической сфер. В таких селах нет ресурсов и факторов, облегчающих социальную адаптацию жителей села к меняющимся условиям, а также отсутствует крупное хозяйство.

В поселениях группы «А» личное хозяйство имеет практически все население, различается, в зависимости от доступных сообществу ресурсов и трудовых, культурных традиций, профиль микроэкономик личных хозяйств. Важным показателем динамики социально-экономических процессов в сельских локальных сообществах является товарность личных хозяйств населения. В ряде поселений группы «А» ЛПХ имеет ярко выраженный товарный характер, причем прослеживается некоторый рост этого показателя (товарности) в диахроническом срезе. Так как в данную группу выделены поселения, в которых развитие ЛПХ совмещается с высоким уровнем формальной занятости и относительно успешно функционирующими крупхозами, эффект товарности личных хозяйств является кумулятивным результатом взаимодействия экономики личных хозяйств и крупных предприятий, облегчающих доступ жителей села к системам сбыта и редистрибуции, машинной технике. Анализ товарности личных хозяйств населения в группах поселений «Б» и «В» также демонстрирует высокий уровень их вовлеченности в рыночную экономику. Здесь действуют уже иные факторы. Жители сел, лишенные возможности формального трудаустойства, вынуждены активизировать производство сельхозпродукции в личных хозяйствах и занятия промыслами (или искать иные источники существования).

Успех подобной адаптационной стратегии возможен только лишь в случае удачного совпадения ряда факторов и наличия соответствующих ресурсов адаптации. В случае, если этого не происходит, имеются все основания определять тип адаптации сообщества как деструктивный.

Ситуация с доходами сельского населения во всех поселениях сельскохозяйственной специализации неблагоприятная. Подавляющая часть жителей сел группы «А» относится к бедным (в среднем около 80 %); широкое распространение имеет крайняя бедность (в среднем около 40 % населения, в сообществах других групп этот показатель колеблется в районе 60 % и доходит до 100 %). Около 10-15 % населения в сельскохозяйственных поселениях группы «А» могут быть квалифицированы как средние по своему достатку (среднедушевые доходы более прожиточного минимума). Ситуация с доходами населения в большинстве населенных пунктов группы «Б» отличается в худшую сторону, хотя в ряде сел населению удалось частично компенсировать ситуацию развитием практик неформальной занятости. Но еще более неблагоприятная картина складывается при анализе уровня среднедушевых доходов поселений группы «В». Несмотря на достаточно высокую товарность ЛПХ в ряде поселений этой группы, в среднем 2/3 населения в данных сообществах можно определить как крайне бедных, подавляющая часть населения находится за чертой бедности.

Проведенный анализ показывает, что наиболее важным фактором адаптации является наличие в поселении работающего крупхоза, вокруг которого выстраиваются социальные взаимодействия, обеспечивающие населению приемлемый уровень жизни. Наличие крупхоза обеспечивает стабильные, хотя и крайне низкие доходы в виде зарплаты, доступ к технике и бесплатным или льготным ресурсам для развития личного хозяйства, а также более выгодные условия при реализации продукции ЛПХ. Несмотря на зафиксированные в ходе исследований достаточно высокие показатели товарности хозяйств населения, нельзя говорить о завершении процессов адаптации к рынку этого сегмента экономики сельского социума, так как основная часть производимой продукции потребляется внутри семейного хозяйства. Таким образом, преобладающей адаптационной стратегией сельских локальных сообществ является переориентация всей социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства. В условиях, когда имеются, одновременно, каналы сбыта сельскохозяйственной продукции и возможность доступа к редистрибутивным структурам, наиболее широкое распространение получают неформальные экономические практики, дополняющие натурализованный уклад и стимулирующие повышение товарности домашних экономик. Можно сказать, что сегодня практически каждое сельское домохозяйство комбинирует в своей повседневной деятельности черты неформально-рыночного, товарного и натурально-потребительского производства. Превалирование того или иного источника жизнеобеспечения и их комбинация в конечном счете

и определяют стратегию социальной адаптации конкретной сельской семьи и сельских локальных сообществ в целом.

Адаптационные стратегии, вырабатываемы сельскими сообществами в условиях внешнего урбанистического воздействия, определяются наличием крупных рынков сбыта сельхозпродукции; возможностью альтернативной трудовой занятости, развития альтернативной аграрной специализации деловой активности; влиянием городской культуры. Кроме того, социальная адаптация сельских сообществ в условиях промышленного развития региона определяется фактором воздействия промышленной среды на экологию, на природу и земли сообществ, то есть на традиционные условия жизни жителей села. На первый план здесь выступает взаимодействие с указанными предприятиями, проблемы экологии и адаптации традиционных форм природопользования сообществ к воздействию, которое оказывает промышленное освоение на окружающую среду.

По характеру взаимодействия с внешней урбанистической средой сообщества, находящиеся в условиях внешнего урбанистического воздействия, разделены на три группы:

«Г» — сообщества в зоне промышленного освоения, в которых место типичных для сельских районов предприятий аграрного профиля заняли предприятия-недропользователи, обеспечивающие занятость населения. Для обследованных поселений группы «Г» характерна высокая доля заработной платы в общей структуре доходов населения, что объясняется высокой оплатой труда, характерной для угледобывающих предприятий.

«Д» — сообщества, находящиеся в зоне промышленного освоения, но исключенные из системы прямого взаимодействия с предприятиями-недропользователями. На сообщества этой группы близость к местам недроработки оказывает негативное воздействие, так как наносимый предприятиями-недропользователями ущерб природной среде провоцирует истощение возобновляемых природных ресурсов и форсирует процессы распада традиционных систем жизнеобеспечения. Неблагоприятные социально-экономические условия адаптации населения в сообществах группы «Д» проявляются, в первую очередь, в проблемах трудоустройства. Кризисная социально-экономическая ситуация сопровождается соответствующими демографическими показателями. Небольшое число постоянных жителей и достаточно неудобное географическое местоположение, на фоне общей картины бедности и безработицы ведут к постепенному вымиранию данных поселков.

«Е» — сообщества, находящиеся в условиях урбанизированной социальной среды, но не испытывающие техногенных факторов воздействия промышленного производства (пригородные). Важной особенностью социальной адаптации пригородных сельских районов является широкое включение экономики сельских сообществ в неформальные экономические взаимодействия,

а также распространение практик неформальной трудовой занятости. Проведенные исследования в пригородных сообществах показывают, что официальное место работы является лишь одной из возможных сфер приложения труда. Наряду с заработной платой и пенсиями, доходами от реализации продукции ЛПХ, в качестве дополнительного важного источника денежных средств выступают случайные приработка. Вышеперечисленные факторы обуславливают более успешную адаптацию сельских сообществ групп «Г» и «Е» по сравнению с поселениями, удаленными от города и не имеющими дополнительных ресурсов развития.

В большинстве сельских сообществ, подвергающихся воздействию урбанизированной среды, товарность ЛПХ носит вспомогательный характер. В сообществах группы «Г» достаточно высокая оплата труда, характерная для угледобывающих предприятий, позволяет вести ЛПХ в меньших размерах, продажа продуктов личного хозяйства населением этих сел зачастую вообще не практикуется. В «депрессивных» селах группы «Д» развитию ЛПХ и его товарности препятствует отсутствие крупхозов, удаленность от центров сбыта продукции и большой удельный вес в структуре населения пенсионеров.

Анализ ситуации с доходами населения в поселениях, непосредственно взаимодействующих с урбанистической средой, в целом показывает более позитивные результаты, чем в удаленных от городских центров сообществах монопрофильной сельскохозяйственной специализации.

Специфика социальной адаптации локальных сообществ, для которых основную роль при выработке адаптационных стратегий играют экономико-географические, ресурсно-природные факторы, характеризуется высокой значимостью для населения практик промысловой деятельности, неформального предпринимательства, в том числе связанного со сферой туризма. Модели социально-экономической адаптации таких сообществ находятся в большей зависимости от природно-географических факторов адаптации, чем от внутренних ресурсов. В зависимости от преобладающей адаптационной стратегии были выделены две категории сельских сообществ:

«З» — сельские локальные сообщества, в которых развитие неформальных практик в совокупности с удачным сочетанием ряда природно-географических факторов обеспечивают положительную динамику социального развития.

«Ж» — сельские локальные сообщества, в которых сочетание факторов адаптации обуславливает неблагоприятную динамику адаптационных процессов (в связи с удаленностью или труднодоступностью поселений и неблагоприятными тенденциями в социально-демографической сфере).

Характерной чертой большинства поселений групп «З» и «Ж» является четко выраженная ориентация населения на промысловую деятельность вследствие наличия своеобразного природно-ресурсного потенциала адаптации. В ряде случаев промысловая деятельность носит почти исключительно ком-

мерческий характер — осуществляется именно с целью дальнейшей продажи продуктов промыслов, и его охвачено большинство населения поселений.

В сообществах группы «З» с доходами от официальной занятости и пенсиями конкурируют доходы от продажи продуктов своего личного хозяйства и промыслов, случайные приработка, предпринимательская деятельность (преимущественно в сфере туризма). Личные хозяйства населения в поселениях этой группы отличаются высокой степенью товарности, однако в ряде поселений групп «З» и «Ж» основная функция личного подсобного хозяйства заключается, прежде всего, в самообеспечении продуктами питания, а по своим основным параметрам хозяйства схожи со структурой пригородных дачных участков. Наиболее низкие показатели товарности ЛПХ зафиксированы в тех селах, где развивается альтернативная аграрной специализации деловая активность (в сфере туризма и торговли).

Анализ и сопоставление данных исследований показал, что модели социально-экономической адаптации обследованных сельских сообществ, удаленных от крупных городов, находятся в большей степени зависимости от имеющихся природно-географических факторов и ресурсов адаптации, чем от внутренних ресурсов. В случае удачного сочетания факторов и ресурсов адаптации наблюдается положительная динамика процессов адаптации, что проявляется, в первую очередь, в показателях уровня благосостояния сообществ (доходов населения), существенно превышающих в группе сообществ «З» аналогичные показатели монопрофильных сельскохозяйственных поселений («А», «Б», «В»).

Анализ этнокультурных аспектов адаптационных процессов позволил выделить три группы факторов, влияющих на стратегии развития этнолокальных сообществ: культурно-этнические факторы (родственные связи, язык и культурная принадлежность этноса); экологические факторы (особенности природной среды, обеспеченность биоресурсами и др.); социально-экономические (взаимодействие этноса с доминирующим обществом).

Характерной чертой адаптации этнолокальных сообществ к современным трансформационным процессам является параллельность и взаимоусловленность процессов заимствования современных форм социальной и экономической организации и архаизации социальных отношений, когда возрождение традиционных социальных механизмов происходит на новых основаниях, в условиях утилизации традиционными обществами социальных практик, выработанных в рамках стадиально различных укладов (традиционный архаический, советский и современный).

Изучение трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов в условиях реформ позволило выявить три основные адаптационные стратегии автохтонных этносов и обосновать взаимосвязь и характер взаимо-

отношений традиционного хозяйства этнолокальных сообществ и предприятий-недропользователей, определяющих образ жизни коренного населения.

1. В условиях активного промышленного освоения вследствие интенсивного техногенного воздействия на окружающую среду происходят неблагоприятные изменения экологической обстановки и традиционной среды обитания автохтонных этносов, в том числе деградация эталонных природно-территориальных комплексов, что влечет за собой вытеснение традиционных форм природопользования и переориентацию населения на современные экономические практики и занятость на промышленных предприятиях.

2. В условиях сохранения традиционной среды обитания, при одновременном отсутствии рабочих мест, основной адаптационной стратегий этнолокальных сообществ является их ориентация на традиционное природопользование и, прежде всего, на промысловую деятельность. Ориентация на традиционное природопользование в данном случае имеет вынужденный характер, выступая единственным источником выживания автохтонного населения. Следствием четко выраженного стохастического характера системы жизнеобеспечения является непрерывный процесс адаптации хозяйственного комплекса автохтонного населения к требованиям регионального рынка и постоянная ориентация коренного населения на поиск источников дохода, зачастую лежащих за пределами формальной экономики.

3. В случае сохранения традиционной среды обитания при одновременном наличии рабочих мест, то есть возможности включения в современные экономические практики, система жизнеобеспечения этнолокального сообщества имеет комплексный характер, при котором традиционные формы занятости совмещаются с занятием промысловой деятельностью. Районы, где рынок труда достаточно развит, одновременно являются местами наиболее интенсивных контактов автохтонного и русского населения, вследствие чего здесь большую интенсивность приобретают процессы метисации коренного населения и связанные с ними процессы утраты традиционной культуры и языка. Наконец, разрушение традиционной среды обитания, сопровождаемое отсутствием рабочих мест, ведет к маргинализации коренного населения и, в конечном счете, исчезновению этнолокального сообщества.

Все перечисленные адаптационные стратегии соответствуют основным моделям взаимодействия традиционного этноса с доминирующим индустриальным обществом. Каждой модели взаимодействия присуща особая структура жизнеобеспечения, характеризуемая, прежде всего, ориентацией автохтонного населения на различные источники получения дохода. С практической точки зрения, каждая из моделей взаимодействия порождает свои специфические проблемы и диктует необходимость выработки управлеченческих решений, имеющих адресный характер.

Исследование динамики социокультурного развития полигэтнических сообществ в условиях регионального нациестроительства позволило дать оценку этничности (фактора «титульности» этноса в субъекте федерации) как ресурсу социокультурной адаптации (на примере алтайского населения Республики Алтай). Фактор «титульности» этноса можно определить как использование возможностей, связанных с принадлежностью к «государственнообразующей» национальности, с целью получения практических преимуществ (экономических, социокультурных и пр.). В рамках подобного подхода этничность «титульных» этносов является одним из эффективных средств коллективной идентификации и ресурсом, определяющим успешность адаптации, в том числе и алтайского населения Республики Алтай, где положение во внутриэтнической иерархии и отношение к традиции стало декларативной основой для социокультурного структурирования полигэтнических сообществ в ходе процессов возрождения этнического самосознания и регионального нациестроительства.

На основании анализа социокультурной динамики межэтнического взаимодействия в регионе выявлено, что в ряде районов Республики Алтай воздействие этнодифференцирующих факторов на уровне сельских локальных сообществ не способствует сохранению национальной идентичности и традиций этноса, что ведет к метисации и ассимиляции коренного алтайского населения. Исследования также фиксируют постепенное вытеснение алтайского языка в сфере ежедневных бытовых коммуникаций, нивелировку культурных различий.

При рассмотрении социально-экономических аспектов социокультурной динамики этнических общностей Горного Алтая следует отметить, что по уровню среднедушевых доходов алтайское и русское население Республики Алтай демонстрирует весьма схожие результаты при существенных различиях в хозяйственных практиках. Учитывая, что в рыночном обществе одним из главных показателей успешности адаптации является повышение материального уровня субъекта адаптации, можно прийти к выводу, что статус титульной нации не следует однозначно считать адаптационным ресурсом. Скорее, этот статус обеспечивает некоторые преимущества ограниченному кругу людей, составляющему национальные элиты, обеспечивая им вертикальную социальную мобильность. В сельской же местности этот фактор малозначим, особенно когда речь идет о социально-экономических аспектах адаптации.

Анализ особенностей адаптации диаспоральных сообществ, структурообразующими стержнями которых являются этническая ограниченность рамками собственной этнической культуры и межэтническая включенность в рамки окружающего поликультурного ландшафта, позволил прийти к выводу, что стабильность таких этнолокальных сообществ как системы зависит от того, насколько сохраняется и эволюционизирует их этнич-

ность как социально значимый ресурс адаптации. В разнообразии практических форм взаимодействия диаспоральных сообществ с внешней средой выделены следующие основные стратегии: интеграция в доминирующее общество путем этнокультурной адаптации, то есть овладение языком и принятие соответствующих норм и ценностей; стратегия активных действий для изменения ситуации, зачастую приводящая к возникновению латентных или открытых межэтнических конфликтов; стратегия интеграции в условиях этносоциальной и этноэкономической дифференциации, когда отдельные этнические группы занимают определенные экономические ниши и связанное с ними социальное положение; этнокультурная изоляция, сводящая к минимуму внешнее взаимодействие.

В обследованных диаспоральных сообществах казахов Карасукского района Новосибирской области и Кош-Агачского района Республики Алтай экономические и хозяйствственные практики, в отличие от сферы культуры, не находятся в прямой зависимости от национальных особенностей и типологически схожи с теми, которые распространены в иноэтническом окружении. Поэтому основой существования и эволюции диаспоральных сообществ выступает коллективная этнокультурная идентичность, с одной стороны, и гармоничное включение в интернациональный культурный процесс, с другой стороны. Функция сохранения материальной и духовной культуры, имеющая особо важное значение для диаспоральных общностей, обладает самопроизводным характером. Диаспоральные сообщества сохраняют свою идентичность благодаря трансляции культурных традиций и осознанию этнической общности с исторической родиной.

Таким образом, результаты исследования позволили выявить зависимость моделей адаптации, вырабатываемых сельскими локальными сообществами от социально-экономических параметров развития сельского социума в целом, и локальных факторов, обуславливающих выбор конкретной адаптационной стратегии. Ресурсная ограниченность сельских локальных сообществ, проявляющаяся в традиционном социально-экономическом и культурном отставании села от города, стала причиной того, что большинство инноваций в социальной жизни села осуществлялось в ответ на условия продолжительного кризиса социальной сферы, поставившего под угрозу физическое выживание сельских сообществ, и носило стихийный характер.

Основными социальными инновациями, вырабатываемыми сельскими локальными сообществами в ответ на происходящие изменения социальной среды, выступают: процессы ренатурализации, использование различных форм государственной редистрибуции, неформальные практики как основа товарного уклада на селе. Причем эти инновации не являются параллельными и независимыми адаптационными моделями, а, напротив, представляют собой различные стороны единого по сути процесса адаптации. Вариативность стра-

тегий адаптации обусловлена географической, экономической и этнической спецификой конкретного региона, а также внутренними факторами, определяющими развитие конкретных поселений.

Анализ локальной вариативности формирования адаптационных стратегий сельского населения показывает, что направление развития всех обследованных сельских локальных сообществ укладываются в разработанную автором общую типологию адаптации сельских локальных сообществ в условиях реформирования общества. Негативные тенденции в социально-экономической сфере предопределяют выбор в качестве основы стратегий выживания развитие личных подсобных хозяйств, имеющих преимущественно натуральный характер и зависимых от редистрибуции, либо выдвижение на первое место неформальных адаптационных практик. Важнейшие параметры социального развития обследованных сообществ зависят от локального сочетания факторов и ресурсов адаптации.

Очевидно, что наиболее приоритетным в настоящий момент направлением государственной политики в отношении села должно стать совершенствование стихийно сложившейся редистрибутивной системы, играющей жизненно важную роль в социально-экономическом существовании сельских локальных сообществ. В этих условиях решающим для дальнейшего развития села, преодоления разрушительных процессов и деградации сельских территорий оказывается фактор государства, а основным направлением деятельности государства в отношении села — переход к продуманной и дифференцированной социальной политике, учитывающей специфику сложившегося сельского образа жизни.

Можно предположить, что целенаправленная поддержка личных подсобных хозяйств и официальное предоставление им особого статуса в налоговых, кредитных, и иных отношениях, специальные меры, направленные на стимулирование товарности этих хозяйств (частично реализуемые в рамках приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса»), позволили бы значительно улучшить социальную ситуацию на селе. Также необходимо учитывать, что повышение уровня жизни сельского населения невозможно без инвестиций государственных средств в развитие сельхозпредприятий, обеспечивающих не только решение части проблем занятости сельского населения, но и общего оздоровления социальной ситуации в сельском социуме (укрепление инфраструктуры сельской экономики, увеличение интенсивности социальных взаимодействий). Вследствие того, что в ближайшей перспективе в социальной сфере села будут сохранять свое значение крупные сельхозпредприятия (акционерные, кооперативные, государственные и др.), их развитие должно составить главный предмет изучения и государственного регулирования.

Приложение

Эмпирическая база исследования

Данная работа является итогом 10-летних мониторинговых исследований процессов социальной адаптации сельских локальных сообществ в условиях реформирования, осуществленных в сельских регионах Сибири.

Для сбора эмпирических материалов применялась единая методика социологических исследований, инструментарий которой включал в себя качественные и количественные методы: массовый опрос населения обследованных сел и поселков; стандартизованный экспертный опрос представителей сельской интеллигенции и местной элиты; выборочное неформализованное интервьюирование экспертов и представителей сельской интеллигенции; паспортизация обследованных сел; сбор официальных документов (статсправки, планы, программы развития и т. д.). В период подготовки и проведения социологического исследования изучались материалы публикаций местных периодических изданий, отражающие основные проблемы социально-экономического развития населения обследованных поселений.

В основе предлагаемых теоретических обобщений и интерпретаций лежит десятилетний опыт (1997–2007 гг.) проведенных автором комплексных социологических исследований сельских локальных сообществ Западной Сибири и Алтая. Кроме общих задач, решались особые, актуализирующиеся на том или ином этапе, задачи, значимые для оценки социальных перемен, происходящих в российском селе. Эмпирическая база исследования включает в себя:

1) Результаты социологического исследования 1997 г. (Усть-Коксинский и Улаганский районы Республики Алтай, 32 населенных пункта, № 1360; далее — «Улаган 97»); данные 2002 г., (Улаганский район Республики Алтай, 6 населенных пунктов, № 348; «Улаган 0»). Анализ сельских сообществ с моно- и полизначным составом, в которых практикуется присваивающий тип хозяйствования, основанный на традиционных способах природопользования.

2) Результаты социологического исследования 1998 г. (Кош-Агачский и Усть-Канский районы Республики Алтай (25 населенных пунктов, № 458; «Кош-Агач 0»); данные 2001 г. (Кош-Агачский район Республики Алтай, 6 населенных пунктов, № 240; «Кош-Агач 01»). Анализ региональной специфики реализации социально-экономических реформ в их взаимодействии с кон-

крайней этнокультурной и этносоциальной действительностью в этнолокальных сообществах.

3) Результаты социологического исследования 1999 г. (Майминский район Республики Алтай, 16 населенных пунктов, № 340; «Майма 0»). Анализ адаптации сельского населения в условиях реструктурирования экономики.

4) Результаты социологического исследования 2000 г. (Чойский, Турочакский районы Республики Алтай, 23 населенных пункта, № 750; «Турочак 0»). Анализ зависимости социально-экономических практик населения от природно-географических факторов.

5) Результаты социологического исследования 2001 г. (Масляниковский и Новосибирский сельский районы Новосибирской области, 23 населенных пункта, № 748; «НСО 01»). Анализ специфики адаптации в условиях урбанизированной социальной среды.

6) Результаты социологического исследования 2002 г. (Чемальский район Республики Алтай, 8 населенных пунктов, № 248; «Чемал 02»). Анализ широкого спектра неформальных практик в зоне активно развивающегося туристского бизнеса.

7) Результаты социологического исследования 2003 г. (Карасукский район Новосибирской области, 10 населенных пунктов, № 300; «Карасук 03»). Анализ стратегий социальной адаптации сельских сообществ в условиях сельскохозяйственной специализации.

8) Результаты социологического исследования 2004 г. (Чувашенская с/а Мысковского МО Кемеровской области, 4 населенных пункта, № 150; «Чувашка 04»). Анализ взаимодействия угледобывающего комплекса и традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов (шорцев). Данные 2006 г. (Таштагольский район Кемеровской области, 10 населенных пунктов, № 145; «Таштагол 06»). Анализ трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов (шорцев) в условиях социально-экономических реформ.

9) Результаты социологического исследования 2005 г. (Тяжинский район Кемеровской области, 10 населенных пунктов, № 309; «Тяжин 05»). Анализ натурализованной домашней экономики крестьянских хозяйств как основы адаптационных возможностей сельских локальных сообществ.

10) Результаты социологического исследования 2005 г. (Кочковский район Новосибирской области, 7 населенных пунктов, № 215; «Кочки 05»). Анализ механизма редистрибутивной поддержки экономики современного села.

11) Результаты социологического исследования 2006 г. (Бековская с/а Беловского района Кемеровской области, 4 населенных пункта, № 198; «Беково 06»). Анализ локальной специфики адаптации сельских сообществ в условиях урбанизированной социальной среды.

12) Результаты социологического исследования 2007 г. (Ордынский, Чулымский, Коченевский районы Новосибирской области, 13 населенных пунктов, № 350; «НСО 07»). Анализ дифференциации стратегий адаптации сельского населения в зависимости от природно-географических факторов.

Таким образом, эмпирическая база исследования в достаточной степени отражает динамику социальных процессов, происходящих в современном сельском социуме, и дает возможность их общетеоретического анализа на основе сравнительной интерпретации выявленных адаптационных стратегий.

Исследовательская программа прошла экспертизу и осуществлялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ):

— «Адаптация локальных сообществ Республики Алтай к процессам социальной модернизации» (№ 98-03-04402а (1998–2000 гг.); «Мониторинг этносоциальных характеристик локальных сообществ Республики Алтай» (№ 98-03-18020 (1998 г.); (99-03-18006е (1999 г.)); «Мониторинг процессов социальной модернизации в сельских локальных сообществах Республики Алтай» № 00-03-18008е (2000 г.); «Сельские локальные сообщества изменяющейся России: север и юг Сибири» № 01-03-00388а (2001–2003 гг.); «Российское село в процессе трансформаций: типология адаптационных реакций и социальная политика» № 04-03-00548а (2004–2006 гг.); «Геополитический аспект этносоциальных процессов в Сибири» № 04-03-00544а (2004–2006 гг.); «Социальные последствия модернизационных реформ» № 05-06-18007е (2005 г.); «Социальная адаптация народов Сибири в условиях промышленного освоения территорий их традиционного природопользования» № 06-03-18004е (2006 г.); «Интеграция малого этноса в индустриальное общество: модели и стратегии» № 08-03-00474а (2008–2010 гг.); «Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме: модели и стратегии развития» № 10-03-00500а (2010–2011 гг.),

— Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ): «Популяционная оценка национальных меньшинств Алтая. Туратинские казахи — исчезающий этнос» № 98-06-80152-а (1998–2000 гг.); «Адаптация сельских локальных сообществ к процессам социальной модернизации» № 01-06-80469-а (2001–2003 гг.); «Организация и проведение экспедиции в Кош-Агачском районе Республики Алтай в рамках проекта “Адаптация сельских локальных сообществ к процессам социальной модернизации”» № 01-06-88037-к (2001 г.); «Организация и проведение экспедиции в Улаганском районе Республики Алтай» № 02-06-88048-к (2002 г.); «Организация и проведение экспедиции в Карасукском районе Новосибирской области» № 03-06-88027-к (2003 г.); «Постсоветские общества в процессе реформирования: социальный контекст» № 05-06-80164-а (2005–2007 гг.); «Математико-информационное моделирование процессов социальной адаптации сельских локальных сообществ» № 07-06-00390-а (2007–2009 гг.);

— поддержана в рамках программы фундаментальных исследований СО РАН: международные комплексные интеграционные проекты СО РАН № 80 (2003–2005 гг.) и № 7.7 (2006–2008 гг.).

Авторская методология и методика легли в основу комплексного социологического исследования сельских районов Казахстана в 2001 г., осуществленного под эгидой ПРООН на территории пяти областей Республики Казахстан. Задача исследования заключалась в выявлении основных социальных инноваций, вырабатываемых сельскими локальными сообществами в ответ на происходящие изменения социальной среды (адаптационный подход), а также этнологических экспертиз, имеющих практическое применение при планировании и оценке программных мероприятий для реализации региональной национальной политики («Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАл», ОАО «ММК» и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашской сельской администрации МО г. Мыски Кемеровской области» (2004 г.); «Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области» (2005 г.), «Этнологическая экспертиза. Программа проекта ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона»: Таштагольский район Кемеровской области» (2006–2008 гг.).

Научное издание

Нечипоренко Ольга Владимировна

**СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА
ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ:
ИННОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ**

Монография

Редактор *Л.Я. Климина*

Дизайн и верстка *Н.В. Черепановой*

Подписано к печати 02.12.2010. Формат бумаги 60×90¼.

Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman CYR.

Усл. печ. л. 18,88. Уч.-изд. л. 19,0. Тираж 200 экз. Заказ № 1016.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель».

630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98.